

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Павловск»
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Институт культурных программ
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачева
Французский институт в Санкт-Петербурге

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е.В. Анисимов*, научный руководитель Института Петра Великого, профессор Высшей школы экономики (СПб филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- В.Е. Багно*, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г.В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д.А. Гранин*, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева
- Д.Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е.Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А.В. Кобак*, руководитель Института Петра Великого, директор Фонда имени Д.С. Лихачева
- А.Н. Колякин*, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
- Н.Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О.Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева
- В.П. Леонов*, директор Библиотеки Российской Академии наук
- М.Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- И.Ф. Свищерская*, руководитель программ Института Петра Великого
- Ю.К. Чистов*, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

Материалы
VII Международного петровского конгресса

*Санкт-Петербург
5–7 июня 2015 года*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2016

Конгресс петровских городов поддержали:

Французский институт в Санкт-Петербурге
Международный благотворительный фонд
«Константиновский»
Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»

Составители:

А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина

Редакторы:

Е.Н. Кальщиков, Г.Б. Богуславская

Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2016 — 696 с., илл.

На обложке: Капелла мира в городе Сремски Карловцы (Сербия), построенная в 1814–1817 гг. на месте здания, где в январе 1699 года был подписан Карловицкий мир. Фото Ирины Гузевич, 2011.

ISBN 978-5-8015-0371-4

© Институт культурных программ, 2016
© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2016
© Издательство «Европейский Дом», 2016

Содержание

Предисловие	9
ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ	
<i>А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова</i> (Санкт-Петербург). Петровские памятники России: типология и география	13
<i>Д.И. Раскин</i> (Санкт-Петербург). «Петровские» памятники и памятные места в системе Государственного законодательства Российской империи	25
<i>М.Н. Микишатов</i> (Санкт-Петербург). Застройка Петербурга петровского времени: проблемы выявления и охраны	34
<i>Н.А. Александрова</i> (Санкт-Петербург). Прошлое и настоящее домика Петра I: к проблеме сохранения памятника	47
<i>П.Е. Сорокин, В.Н. Матвеев</i> (Санкт-Петербург). Археологическое изучение домика Петра I в Санкт-Петербурге	58
<i>Б. Фермет</i> (Нидерланды). Расписная дверь в домике Петра I в Санкт-Петербурге	73
<i>В.В. Мещеряков</i> (Санкт-Петербург). Исследование и реставрация дворца Меншикова в Санкт-Петербурге	84
<i>М.В. Николаева</i> (Москва). Архитектурно-градостроительная идея Петра — «Васильевский Остров»: замысел, воплощение, исчезающая реальность	99
<i>Н.Л. Корсакова</i> (Санкт-Петербург). «Петровский миф» в памятниках	115
<i>Ю.Г. Клименко</i> (Москва). Петровское здание главной аптеки на Красной площади в Москве: о научной реконструкции памятника по архитектурным документам эпохи классицизма	128
<i>С.В. Кайдашев</i> (Москва). Сухарева башня в Москве и легенды о Якове Брюсе и Петре Великом	150
<i>А.М. Пашков</i> (Петрозаводск). На фоне эпохи: памятники и памятные места Петра I в Петрозаводске	160
<i>А.Ю. Клоков</i> (Липецк). Петровские памятники в градостроительной структуре Липецка	172

<i>А.Н. Акинъшин</i> (Воронеж). Пётр Великий и Воронежский край: легенды и реалии	181
<i>Н.А. Комолов</i> (Воронеж). Петровские памятники района бывшей военной верфи города Воронежа конца XVII — начала XXI века и развитие культурного туризма	192
<i>В.В. Аристов</i> (Кингисепп). Кингисеппский район Ленинградской области как территория памятников и памятных мест петровского времени	205
<i>Е.С. Кравцова</i> (Курск). Курские палаты гетмана Мазепы — памятник гражданского зодчества петровской эпохи	216
<i>О.П. Попова</i> (Калининград). Пётр I в Кёнигсберге	221
<i>М.С. Гаджиев</i> (Махачкала). Пётр Великий и Дербент	232
<i>У.К. Брумфилд</i> (США). Тобольск: окно в Сибирь (становление «Сибирского барокко»)	245

ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ЕВРОПЕ

<i>Д. Гузевич, И. Гузевич</i> (Франция). Петровские памятники и памятные места в Европе	263
<i>С.А. Мезин</i> (Саратов). От Дюнкерка до Шарлевиля: памятные места Петра I в провинциальной Франции	287
<i>С.Б. Горбатенко</i> (Санкт-Петербург). Два Марли	306
<i>Э. Вагеманс</i> (Бельгия). Петровские памятники и памятные места в Бельгии	320
<i>Э. Кросс</i> (Великобритания). Поездка Петра I в Портсмут и мемориальные доски в ознаменование этого события	326
<i>И. Шварц</i> (Австрия). Петровские памятники в Вене как объекты культурного туризма	332
<i>М.Г. Талалай</i> (Италия). Венецианская Черногория и петровская эпоха: памятные места	344
<i>М. Сморгжевских-Смирнова, З. Янес</i> (Эстония). История и этапы музеефикации Дома-музея Петра I в Таллине	357

ПРОМЫШЛЕННЫЕ, ИНЖЕНЕРНЫЕ, ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

<i>С.В. Клименко</i> (Москва). Промышленные памятники Москвы петровского времени: градостроительный контекст и архитектура	373
<i>В.Л. Степанов</i> (Москва). Хамовный двор в Преображенском — памятник промышленной архитектуры петровской эпохи	385

<i>И.М. Гостев</i> (Архангельск). Архангельская Новодвинская крепость: проблемы изучения, сохранения и музеефикации	391
<i>П.А. Аваков</i> (Ростов-на-Дону). Памятники фортификации петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся)	406
<i>И.Н. Юркин</i> (Москва). 200-километровый памятник Петру (Ивановский канал): проблемы изучения и сохранения его сооружений	424
<i>М.Ю. Валькова</i> (Шлиссельбург). История и современность Староладожского канала	434

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

<i>Пётр Еремеев</i> , игумен (Москва). Роль Высоко-Петровского монастыря в развитии храмового зодчества в России петровского период	449
<i>М.В. Шкаровский</i> (Санкт-Петербург). Благовещенская церковь Алекса́ндро-Невской Лавры — памятник петровской эпохи	455
<i>О.В. Федотова</i> (Казань). Петропавловский собор — главный памятник петровской эпохи в Казани: прошлое, настоящее, будущее	463
<i>Т.В. Сазонова</i> (Санкт-Петербург). Кирилло-Новоезерский монастырь и Пётр I	464
<i>Александр Берташ</i> , прот. (Санкт-Петербург — Германия). Петровская архитектура и барочные реминисценции в православном храмо́строительстве Нового времени	481

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

<i>Г.Л. Тульчинский</i> (Санкт-Петербург). Медный всадник: политическая герменевтика монумента	511
<i>М.О. Логунова</i> (Санкт-Петербург). Формирование мемориала на могиле Петра I в Петропавловском соборе	523
<i>Г.А. Айдашева</i> (Москва). Из истории памятников Петру I в Москве	534
<i>Н.Ю. Болотина</i> (Москва). Памятники-пирамиды в честь Полтавской баталии и Петра I (первая половина XVIII века)	547
<i>С.А. Иванюк</i> (Волгоград). Монумент Славы — главный памятник в честь Полтавской победы 27 июня 1709 года	558
<i>А.А. Андреев</i> (Санкт-Петербург). «Красноводский отряд сподвижникам Петра I». История и современное состояние монумента и братской могилы	570
<i>Н.Б. Ямщикова</i> (Переславль-Залесский). К истории сооружения obeliska Петру Великому в Музее-усадьбе «Ботик Петра I»	582

<i>А.А. Цымбал</i> (Таганрог). Памятник Петру I в Таганроге — символ истории города	590
<i>А.В. Лукошков</i> (Санкт-Петербург). Воссоздание мемориала флота Петра Великого	600

ПАМЯТНИКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

<i>Д.Я. Северюхин</i> (Санкт-Петербург). Первые собрания европейского искусства в России как памятники петровской эпохи	609
<i>М. Шаму</i> (США). Античная Венера Петра Великого: проблемы исследования и интерпретации	624
<i>Е.М. Болтунова</i> (Москва). Петровская топонимика, политическая практика и региональная статусность второй половины XVIII века	635
<i>Н.С. Чернышёва</i> (Санкт-Петербург). Из истории топонимики петровских городов	642
<i>А.Д. Ерофеев</i> (Санкт-Петербург). Имя Петрово в граде Петровом, или «Великий Пётр был первый большевик»	649
<i>Н.В. Кольшиницына</i> (Санкт-Петербург). Документы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга об увековечивании памяти императора Петра I	656
<i>Т.А. Лаптева</i> (Москва). Памятники петровской эпохи в книге Александра Гордона «История Петра Великого»	665
<i>С. Аршембо</i> (Франция). «Русская грамматика и методика» Жана Сойе (Париж, 1724) как интеллектуальный памятник Петру I	671
<i>Е.В. Анисимов</i> . (Санкт-Петербург). Слово на закрытии Конгресса	680
Список сокращений	684

Предисловие

5–7 июня 2015 года в Санкт-Петербурге состоялся VII Международный петровский конгресс «Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм». Ежегодные Петровские конгрессы проходят с 2009 года и приурочены ко дню рождения Петра Великого, который отмечается 9 июня.

Организаторами седьмого конгресса выступили Министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный музей-заповедник «Павловск», Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд имени Д.С. Лихачева.

Содействие в подготовке конгресса оказали Французский институт в Санкт-Петербурге и Фонд «Константиновский».

В торжественной церемонии открытия конгресса принимали участие заместитель Министра культуры РФ А.Ю. Манилова, вице-губернатор Санкт-Петербурга В.В. Кириллов, писатель Д.А. Гранин, российские и европейские ученые, руководители учреждений культуры и гуманитарной науки.

На конгрессе прозвучало 92 доклада участников из многих городов России: Москвы, Петербурга, Аксая, Архангельска, Астрахани, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Истры, Казани, Калининграда, Кингисеппа, Курска, Липецка, Махачкалы, Переславля-Залесского, Петрозаводска, Рязани, Саратова, Саратова, Таганрога, Шлиссельбурга, Ярославля.

Зарубежные страны были представлены участниками из Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Италии, Нидерландов, США, Франции, Эстонии.

Пётр Великий высоко ценил историю и осознавал её значение в деле преобразования России. Он обладал чувством историка, для которого ценен подлинный факт, важно понимание взаимосвязи событий. Пётр издал ряд специальных указов о сборе сведений о со-

временных ему событиях, розыске и сохранении древних рукописей, сам создавал исторические труды.

Пётр понимал ценность материальных, осязаемых результатов человеческой деятельности. Он создал Кунсткамеру — первый в России музей, где, наряду с естественнонаучными коллекциями, хранились исторические раритеты и древности. Пётр позаботился и о том, чтобы оставить потомкам не только письменные свидетельства. Ему мы обязаны сохранением старинного ботика — «дедушки русского флота», бота «Фортуна» потешной переславской флотилии, трофеев Полтавы. Так были заложены основы «урочища памяти» Петра Великого.

Под петровскими памятниками и памятными местами понимаются объекты культурного наследия последней четверти XVII — первой четверти XVIII века, связанные с именем и деятельностью Петра I и его сподвижников.

Это дворцово-парковые ансамбли, памятники гражданской, церковной, промышленной архитектуры, инженерного искусства и фортификации, скульптуры, памятные знаки, мемориальные доски, исторические захоронения, памятники археологии, достопримечательные места, топонимические памятники.

Также к числу петровских относятся памятники, созданные в XVIII — XXI веках в память о людях и событиях петровской эпохи.

Память о Петре не угасла и сегодня. Время показало, что он — не просто яркая фигура давно ушедшей эпохи, не только создатель Петербурга. Пётр принадлежит всей России — от Соловков до Дербента, от Новгорода и Смоленска до Владивостока, от Калининграда до Бийска.

Память о Петре живет и за пределами России. Сотни петровских памятников, а также памятных мест — посещавшихся Петром монарших резиденций, научных учреждений и верфей, полей сражений Северной войны — выявлены на территории европейских государств. Сохранение в Европе петровских памятников — феномен, свидетельствующий о международном значении личности Петра Великого.

Важной темой Конгресса стал круг вопросов, связанных с современной жизнью петровских памятников — их реставрацией, музеефикацией, включением в маршруты культурного туризма.

ПЕТРОВСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
РОССИИ

Кобак Александр Валерьевич
(Санкт-Петербург)
*Директор Фонда имени Д.С. Лихачева,
руководитель Института Петра Великого*

Корсакова Наталья Леонидовна
(Санкт-Петербург)
*Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН,
руководитель проекта «Свод
петровских памятников России»*

Петровские памятники России: типология и география

Насыщенная событиями петровская эпоха оставила множество материальных следов — жилые и административные здания, церкви и соборы, монастыри, архитектурные ансамбли, крепости, каналы, плотины, парки, некрополи, достопримечательные места и даже целые города¹. Большинство из них признаны объектами культурного наследия, т.е. памятниками: градостроительства и архитектуры (гражданской, промышленной, церковной), садово-паркового искусства, фортификации, археологии, инженерного искусства. В память о событиях петровской эпохи, в честь Петра Великого и его сподвижников по всей России установлены монументы, памятные знаки, мемориальные доски.

Все эти материальные объекты, связанные с именем Петра, мы называем петровскими памятниками. Многие из них широко известны

¹ Петровским памятникам России посвящена основная часть исследований, вошедших в настоящий сборник.

и хорошо изучены, некоторые выявлены недавно и пока ждут своих исследователей. Большинство из них охраняются государством как памятники федерального, регионального и местного значения; есть такие, чей статус до сих пор не определён; ряд объектов (из них самую большую группу составляют произведения монументального искусства, в частности установленные недавно) не имеют статуса памятника.

Большинство петровских памятников непосредственно связаны с именем Петра Великого или людей из его ближайшего окружения (родственников, сподвижников, сотрудников). Они созданы по воле монарха, при его личном участии, «видели» Петра, были «свидетелями» событий петровской истории. Но есть и такие, которые с именем Петра соединяет трёхвековое, хотя и не находящее документального подтверждения, предание².

Петровские памятники выявлены на территории 50 субъектов Российской Федерации. Их основной массив сконцентрирован в двух столицах и столичных пригородах. Крупными «петровскими» регионами являются: Свердловская область с Екатеринбургом, где по указам Петра усилиями его сподвижников сооружались металлургические заводы; Карелия с Петрозаводском — городом, само название которого является «говорящим» и отсылает нас к петровской эпохе³; много раз бывал и трудился Пётр на территории современной Ярославской области с её Переславлем-Залесским, где на Плещеевом озере создавалась «потешная флотилия»; Воронежская земля стала родиной Азовского флота⁴; заметный след петровская эпоха оставила в Липецке⁵; нынешняя Ростовская область с отвоёванным у турок Азовом и построенным по указу Петра Таганрогом хранит множество петровских памятников; тесно связаны с событиями петровской истории современная Архангельская область и её административный центр; по территории бывшей Восточной Пруссии (Калининградская обл.) пролегали маршруты Великого посольства⁶.

Петровские памятники можно найти и в самых неожиданных местах — там, где Пётр никогда не бывал, да и не мог бывать, но где

² Об этой категории памятников более подробно рассказывает статья Н.Л. Корсаковой (с. 115 сборника).

³ Тема наследия петровской эпохи на территории Карелии раскрывается в статье А.М. Пашкова (с.160).

⁴ Петровским памятникам Воронежской земли посвящены статьи А.Н. Акиньшина (с. 181) и Н.А. Комолова (с. 192).

⁵ См. исследование А.Ю. Клокова (с. 172).

⁶ Подробнее об этом см. статью О.П. Поповой (с. 221).

есть море, сыгравшее особую роль в судьбе монарха, — например, во Владивостоке, в Сочи, в Махачкале.

Многообразие петровских памятников, по справедливому замечанию писателя Даниила Гранина, является свидетельством народной памяти о Петре.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о памятниках, — это монументы, статуи, обелиски, стелы, воздвигнутые в честь Петра Великого и его сподвижников. К этой категории относятся также памятники-бюсты, памятные знаки, мемориальные доски. Такого рода петровских памятников — великое множество⁷. И что удивительно — их число растёт с каждым годом. Самый знаменитый из них — «Медный всадник» — первый из памятников Петру, ставший одним из символов Санкт-Петербурга. Широко известна и другая петербургская конная статуя, установленная возле Инженерного замка.

Кроме Санкт-Петербурга и Москвы, а также окрестностей обеих столиц, памятники Петру I украшают множество российских городов. Их география поражает: от Калининграда на западе России до Владивостока, от Архангельска на севере до Сочи на юге. Памятники Петру I установлены в Астрахани, Волгограде, станице Алексеевской, в Екатеринбурге, Липецке, Воронеже и Павловске, Великом Новгороде, в Туле, Таганроге и других населённых пунктах. В 2010 году конный памятник Петру появился в Бийске (Алтайский край), где царь никогда не был, но зато сам город основан по его указу. Этот монумент называют «сибирским Медным всадником». В 2012 году памятник Петру поставлен в городе Гагарине (бывшем Гжатске, Смоленская обл.). Импульс к росту этого населённого пункта дал петровский указ «Об открытии Гжатской пристани и переводе на оную торжков из Можайского уезда» (11 ноября 1719). В 2014 году состоялось торжественное открытие памятника в Нижнем Новгороде, который Пётр посещал дважды — в ходе первого Азовского (1695) и Персидского (1722) походов. В Дербенте (Дагестан) в память о пребывании там Петра сооружён архитектурно-скульптурный комплекс⁸.

Памятников удостоилось немалое число петровских сподвижников: светлейший князь А.Д. Меншиков (в Санкт-Петербурге, в г. Кол-

⁷ Мемориальным памятникам петровской эпохи посвящён целый раздел нашего сборника.

⁸ Об этом мемориале рассказывает статья М.С. Гаджиева, руководителя Дербентской археологической экспедиции (с. 232), производившей раскопки на предполагаемом месте «землянки» Петра.

пино, расположенном на территории, которой некогда владел «герцог ижорский», в далёком Берёзове, где сосланный бывший фаворит Петра закончил свой жизненный путь); граф Б.П. Шереметев (в Борисовке под Белгородом, которой с 1705 владел генерал-фельдмаршал), граф Ф.М. Апраксин (в Выборге — бывшей шведской крепости, взятой генерал-адмиралом в 1710), В.Н. Татищев и Г.В. де Геннин (в Екатеринбурге, городе, основанном сподвижниками Петра и названном в честь императрицы Екатерины Алексеевны). Конный памятник В.Н. Татищеву возвышается на высоком берегу в городе Тольятти, бывшем Ставрополе-на-Волге, им основанном, а также в Перми, обязанной ему своим рождением. Два памятника Никите Демидову (разных авторов, но оба — вместе с Петром I), основателю промышленной династии, находятся на территории Невьянского завода, основанного по указу Петра I, и ещё один — в Туле, рядом с усыпальницей Демидовых, а его сыну и продолжателю дела Акинфию Демидову — на Урале, в Харёнках.

В Санкт-Петербурге у алтарной апсиды Андреевского собора, некогда имевшего статус орденового, установлен бюст генерал-адмирала графа Ф.А. Головина — первого кавалера ордена Андрея Первозванного, учреждённого Петром I. В Шлиссельбурге недавно открыт памятник графу С.Л. Рагузинскому-Владиславичу, видному дипломату петровской эпохи. Памятники воеводе боярину А.С. Шенину есть в Азове и Тобольске, гидротехнику-самоучке и судостроителю М.И. Сердюкову — в Вышнем Волочке, адмиралу И.И. Неплюеву, устройтелю Южного Урала — в Оренбурге и Троицке.

Петровские сподвижники иностранного происхождения — швейцарец, генерал русской армии Франц Лефорт и голландский врач Николай Бидлоо, лейб-медик Петра — удостоились памятников в Москве. В Екатеринбурге имеется небольшой памятник-бюст Патрика Гордона — шотландца, дослужившего в русской армии до звания генерала и контр-адмирала.

В последние годы стали появляться памятники церковным иерархам петровской эпохи: епископу Митрофану Воронежскому (в Воронеже), митрополиту Димитрию Ростовскому (в Ростове-на-Дону), митрополитам Филофею Лещинскому (в Тюмени и Ханты-Мансийске) и Иоанну Максимовичу (в Ханты-Мансийске). Все эти церковные деятели впоследствии были канонизированы Русской Православной Церковью в лике святителей.

Это далеко не полный перечень памятников, «в лицах» увековечивающих петровскую эпоху. О многочисленных памятных знаках и мемориальных досках не позволяет рассказать объём статьи.

ПАМЯТНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Памятников гражданской архитектуры, связанных с именем Петра I, немало в обеих столицах. В Москве, где Пётр родился и рос, это допетровские постройки на территории Московского Кремля, царские загородные резиденции, многочисленные городские и загородные (ныне вошедшие в городскую черту) усадьбы петровских сподвижников.

В Санкт-Петербурге, куда Пётр перенёс столицу, по воле царя сооружены новые для того времени административные здания. Одним из самых известных построек этого типа является здание Двенадцати коллегий, возведённое для размещения центральных государственных учреждений, заменивших собой старые приказы. Крупнейшим в Европе музейным зданием того времени была основанная Петром I Кунсткамера. В новой столице и пригородах возводились царские резиденции — Летний дворец с прекрасным Летним садом, дворцово-парковые ансамбли Петергофа, Царского Села, Стрельны, не уступали им в величии дворцы А.Д. Меншикова — городской (на Васильевском острове) и загородный (в Ораниенбауме). Сподвижники Петра обзавелись нарядными палатами, из которых до наших дней сохранились палаты А.В. Кикина и князя А.И. Троекурова.

Особую группу памятников гражданской архитектуры представляют многочисленные «дома» и «домики» Петра⁹. В одних царь действительно жил, другие с именем Петра связывает только предание. Деревянный домик, ставший первой царской резиденцией в строящемся Санкт-Петербурге, бережно сохраняется под каменным футляром. В доме голландского купца Иоанна Гутмана Пётр останавливался во время одного из своих визитов в Вологду, которую он посетил пять раз. К 200-летию юбилею первого русского императора дом был приобретён в собственность города, там открыли мемориальный «Музей Петра I», существующий и поныне. Деревянный домик Петра, срубленный на территории Новодвинской крепости, совершил путешествие сначала в Архангельск, а затем и в Москву, где он сохраняется на территории Коломенского, бывшей царской резиденции.

Более чем трёхвековое предание связывает с именем царя два здания в Нижнем Новгороде — палаты бургомистра Якова Пушни-

⁹ Временным царским резиденциям в различных городах России и Европы посвящено недавно вышедшее исследование: Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2015.

кова и купца Ефима Чатыгина). Считается, что в этих нарядных зданиях Пётр останавливался во время своих приездов в город. На территории Успенского Свенского монастыря (пос. Супонево, Брянская обл.) и Тихвинского монастыря (Борисовка, Белгородская обл.), сохраняются домики, где по легенде некоторое время жил Пётр. Считается, что после Полтавской победы Пётр проезжал через Рыльск (Курская обл.) и останавливался в доме, принадлежавшем местному воеводе. Об этом рассказывает текст мемориальной доски, укреплённой на фасаде здания. Однако путь Петра после Полтавы не лежал через Рыльск. В селе Великом (Ярославская обл.), согласно тексту мемориальной доски на фасаде старинного дома, Пётр I останавливался «в 1702–1705 г.». Это большое село после Полтавской победы царь подарил своему сподвижнику князю А.И. Репнину, участнику сражения. Однако царские визиты туда относятся к области предания.

Образ «петровского домика» до сих пор вдохновляет строителей и домовладельцев. Так, одна из современных дач под Санкт-Петербургом стилизована под домик петровской эпохи. Его владельцем является известный и уважаемый человек — истинный почитатель гения Петра.

ПАМЯТНИКИ ФОРТИФИКАЦИИ

Петровское царствование протекало на фоне почти непрерывающихся войн, из которых Северная война (1700–1721) стала самой длительной в истории России. Долгое время военные действия велись на российской территории, что вызвало необходимость строительства новых и реконструкции старых укреплений. В их сооружении принимали участие как отечественные, так и европейские инженеры, привлечённые в Россию Петром¹⁰. Крепости строились с использованием передовой для своего времени фортификационной науки — по системам француза Себастьяна де Вобана и голландца Менно ван Кугорна.

Взяв в ходе Азовского похода в 1696 году турецкую крепость Азак (Азов), Пётр намеревался создать там военно-морскую базу для обороны южных границ государства и плацдарм для борьбы с Турцией за выход России к Чёрному морю, для чего азовские укрепления начали модернизировать. Реконструкция была прервана неудачным для России исходом войны с Турцией. По условиям Прутского мирного дого-

¹⁰ Исследования, посвящённые фортификационным, инженерным и промышленным сооружениям, объединены в настоящем сборнике в отдельный раздел.

вора (12 июля 1711) пришлось вернуть крепость и всё Северо-Восточное Приазовье Турции. Чудом сохранились до наших дней валы земляного Павловского шанца на окраине хутора Гаевка, расположенного на левом берегу р. Миус при впадении её в Азовское море.

В ходе Северной войны древние русские крепости усиливались деревоземляными укреплениями — порождением эпохи артиллерии. Ядра осадной артиллерии вязли в земле, а не разбивали каменные стены. Так укреплялись Московский Кремль, крепости Пскова, Псково-Печерского монастыря, Великого Новгорода, Себежа, Великих Лук. В 1701 году в Архангельске в ожидании нападения шведов по указу Петра была заложена Новодвинская крепость для защиты фарватера Северной Двины. С 1706 в Почепе (Брянская обл.) по указу Петра приступили к сооружению земляной бастионной крепости. Войска Карла XII, приблизившиеся к Почепу осенью 1708 года, не стали её штурмовать.

Крупнейшее достижение петровской фортификации — создание системы фортов, позволившей строить города без окружающих их стен и оборонять их фортами — малыми укреплениями, которые в состоянии поддерживать друг друга артиллерийским огнём. Петропавловская крепость, с которой берёт начало Санкт-Петербург — именно такой форт, хотя и большой. Наискосок от Петропавловской крепости, на противоположном берегу Невы, расположено Адмиралтейство, являвшееся по существу вторым фортом. Такое расположение укреплений позволяло перекрывать артиллерийским огнём фарватер Невы. Система Кронштадтских фортов, строительство которых начал Пётр, развивалась до середины XIX века.

При Петре начали создавать Царицынскую сторожевую линию — гигантский комплекс оборонительных сооружений длиной 55 км, перекрывавший перешеек между реками Дон и Волга, и защищавший от набегов кочевников. Укрепление состояло из рва шириной 8 м и вала высотой 4 м, непреодолимых для всадников.

При участии С.У. Ремезова (ок. 1642 — после 1720), универсального учёного петровской эпохи, создавался великолепный Тобольский кремль — последний (по времени строительства) каменный кремль в России.

ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Воодушевлённый первыми победами над турками под Азовом, Пётр приказал соорудить в районе современного г. Дмитриевска (Волгоградская обл.) канал, который призван был соединить реки Иловлю, впадающую в Дон, и Камышинку, впадающую в Волгу.

Строительство началось в 1697 году. От Иловли к Камышинке было прорыто два канала, идущих почти параллельно. В XVIII—XIX веках ров протяжённостью семь вёрст был достаточно глубоким. На дне его были видны вбитые брёвна для строительства шлюзов. Оплывшие валы и рвы и сегодня хорошо видны в окрестностях железнодорожной станции «Петров Вал».

Прорыв России к Балтийскому морю в начале XVIII века, потребности основанного и развивающегося Санкт-Петербурга вызвали необходимость создания новых внутренних коммуникаций. Петру I принадлежала идея создания системы каналов и шлюзов, призванных соединить Волгу с Балтийским морем. Воплощению задуманного помешала Северная война. Кое-что в этом направлении всё же было сделано, в частности, положено начало Вышневолоцкой водной системе.

Грандиозный петровский замысел о соединении Балтийского моря с Волгой, далеко опережавший своё время, в полной мере был реализован только в XX веке.

При Петре началось сооружение грандиозного канала в обход бурного Ладожского озера, впоследствии получившего название Староладожского.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Потребности армии, созданного Петром российского флота, трудности с доставкой экспортной продукции вызвали острую необходимость в отечественном металле. По воле Петра были основаны новые государственные и частные металлургические заводы, модернизированы старые, созданы крупные промышленные центры.

Крупнейший промышленный центр сложился на Урале (знаменитая Невьянская наклонная башня стала символом могущества промышленной династии Демидовых), были построены железоделательные и пушечно-литейные заводы в Карелии (Петрозаводск, Кончезерский и Повенецкий заводы), в Туле, Липецке, Сестрорецке.

При Петре Россия стала одним из крупнейших производителей и экспортеров чугуна и удерживала эту позицию до конца XVIII века. Были открыты горнозаводские школы, сооружены вододействующие заводские плотины. Сохранились плотины уральских заводов — Екатеринбургского, Невьянского, Уктусского, Нижнетагильского; Верхне-Липского железоделательного завода в Липецке, Сестрорецкого оружейного завода.

Корабли для создававшегося Петром военно-морского флота — Черноморского и Балтийского — строились на многочисленных во-

ронежских верфях. Фундаменты строений Павловской верфи обнаружены в 2005 году археологами Воронежского государственного университета, сохранился один из доков Тавровской военной верфи, памятным знаком отмечено место Икорецкой верфи. В Вавчуге (Архангельская обл.) сохранились фрагменты плотины и листовенных свай верфи купцов Бажениных, в 1700 получивших жалованную грамоту на её строительство, подписанную рукой Петра I.

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

Три десятилетия петровского царствования были интересным и сложным периодом в истории русского храмостроительства. Немалое число церквей было построено в усадьбах, розданных Петром своим сподвижникам. Освоение новых, присоединённых к России территорий сопровождалось интенсивным церковным строительством.

В петровскую эпоху церкви строились в самых разнообразных формах. Наряду с традиционным для XVII века «русским узорочьем», возникли и получили развитие новые архитектурные формы. Прежде всего, речь идёт о так называемом петровском барокко. В этом стиле построены церкви в Санкт-Петербурге (Пантелеимоновская у Фонтанки, Благовещенская в Лавре).

Несколько образцов «петровского барокко» можно найти и в Москве: церковь Архангела Гавриила на Чистых Прудах (так называемая «Меншикова башня»), церковь апп. Петра и Павла в Басманной слободе.

Одно из стилевых направлений в русской архитектуре конца XVII – начала XVIII века принято называть «нарышкинским барокко». Своим названием течение обязано боярскому роду Нарышкиных, родственников Петра I по материнской линии. Хрестоматийным примером является церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Филях, некогда являвшихся загородной усадьбой Нарышкиных (сейчас на территории Москвы).

Другое новое стилистическое направление в архитектуре петровского времени получило название «строгановского барокко». Оно характерно для построек, возведённых по заказу сподвижника Петра I промышленника Г.Д. Строганова. Для него характерно традиционное для русских храмов пятиглавие, соединённое с пышным и дробным декором. «Строгановские» церкви сохранились в Нижнем Новгороде (две), в Устюжне, Сольвычегодске и Троице-Сергиевой Лавре.

Интересная разновидность «русского барокко» получила условное название «голицынского» — по фамилии князя Б.А. Голицына,

воспитателя и единомышленника Петра. Среди немногочисленных «голицынских» построек выделяется церковь Иконы Божией Матери «Знамение» в подмосковной усадьбе Дубровицы.

Необычной даже для петровской эпохи является Рождественская церковь в Подмоклово, построенная по заказу Г.Ф. Долгорукова, талантливого дипломата петровской эпохи.

Как особое стилевое направление иногда выделяют «сибирское барокко»¹¹, ярким примером которого является собор в Верхотурье.

Напомним, что и знаменитые деревянные храмы Русского Севера — Преображенская церковь в Кижих и Успенская в Кеми — также построены при Петре. Иногда их создание связывают с победами над шведами в ходе Северной войны¹².

МОНАСТЫРИ

Монастырские комплексы являются архитектурными ансамблями, в которые входят памятники церковной (храмы) и гражданской (кельи, духовные школы) архитектуры. Многие монастыри в петровскую эпоху были неприступными крепостями (Псково-Печерский, Соловецкий).

Петровская эпоха стала непростым временем для монастырей: было упразднено патриаршество и восстановлен Монастырский приказ. С учреждением в 1721 году Синода монастыри были переданы в ведение светских властей.

С именем Петра связан целый ряд московских и подмосковных монастырей, которые будущий царь посещал в детстве и юношестве. Во многих обителях Пётр останавливался во время многочисленных поездок в разные уголки России.

При Петре (как, впрочем, и при других правителях) монастыри являлись местом изоляции оппонентов верховной власти и местом упокоения государственных, военных и церковных деятелей.

Два крупнейших монастыря — Троице-Сергиев под Москвой, тесно связанный с начальной историей петровского царствования, и

¹¹ Становлению этого стилевого направления посвящена статья американского исследователя У.К. Брумфилда (с. 245 настоящего сборника).

¹² Церковная архитектура петровского времени рассматривается в пяти статьях настоящего сборника (см. соответствующий раздел сборника). Более подробно общая тема храмового строительства в петровскую эпоху рассмотрена в другой нашей статье (см.: *Кобак А.В., Корсакова Н.Л.* Храмы петровской эпохи в истории русской архитектуры (1680–1720-е годы) // Храмы Петровской эпохи: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 7–8 июня 2012 г.) СПб., 2012. С. 3–19.

основанный Петром Александро-Невский в Санкт-Петербурге — находились под особым покровительством царя (впоследствии оба монастыря получили статус лавры).

НЕКРОПОЛЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

По числу сохранившихся исторических захоронений петровской эпохи лидируют столицы. В Архангельском соборе Московского кремля покоятся многие Романовы — предки Петра. В Петропавловском соборе Санкт-Петербурга похоронен сам Пётр, его потомки и последующие правители России.

Есть основание считать, что в Александро-Невском монастыре Пётр предполагал создать усыпальницу великих соотечественников — своеобразный русский Пантеон или Вестминстер. В Лазаревской усыпальнице монастыря в 1719 году в присутствии царя был похоронен Б.П. Шереметев. В том же году в Благовещенской церкви обители похоронен умерший в младенчестве царевич Пётр Петрович. В 1723 там же похоронена царевна Наталья Алексеевна, сестра Петра. Знаковым для новой столицы событием стало перенесение 30 августа 1724 года в Благовещенскую церковь мощей канонизированного Православной Церковью князя Александра Невского, которому и посвящён монастырь.

До наших дней в разных частях России сохраняются захоронения, правда, немногочисленные, деятелей петровской эпохи. Так, в Подмосковье, неподалёку от г. Солнечногорска, рядом с Болдино — бывшей усадьбой В.Н. Татищева — находится его могила. Во Флорищевой пустыни (Нижегородская обл.) похоронен Б.А. Голицын, принявший постриг с именем Боголеп в этом монастыре. Памятная плита установлена на месте упокоения князя В.В. Голицына на территории бывшего Богородицкого Красногорского монастыря (Архангельская обл.).

В Успенском соборе Александровского Успенского монастыря (Владимирская обл.) похоронены сподвижник Петра I И.И. Бутурлин и княжна Е.А. Львова, казначея царевны Марии Алексеевны, единокровной сестры Петра I (могилы сохранились). В усыпальнице, именуемой Царевниной, в Сретенской церкви того же монастыря находилась усыпальница единокровных сестер Петра Марфы и Феодосии (сохраняются пустые гробницы, захоронения утрачены в советское время).

В пос. Мстёра Владимирской области, в соборной церкви Богоявленского монастыря покоились пятнадцать представителей княжеского рода Ромодановских, над могилами которых были установлены каменные памятники (сохранились фрагментарно).

Могила митрополита Дмитрия Ростовского находится в Зачатьевском соборе Спасо-Иаковлевского Димитровского монастыря (Ростов). Этот список может быть продолжен.

ПЕТРОВСКИЕ ГОРОДА

Представляя (в самых общих чертах) разнообразие и географию петровских памятников России, невозможно не сказать о «петровских городах», как с лёгкой руки Даниила Гранина теперь называют населённые пункты, связанные с именем Петра I и его сподвижников.

Главным детищем Петра бесспорно является Санкт-Петербург — созданный не только по воле, в согласии со вкусами и архитектурными пристрастиями, но и при непосредственном участии царя-реформатора¹³.

Своим рождением обязаны Петру и его сподвижникам Петрозаводск, Екатеринбург, Бийск, Таганрог, Кронштадт, Омск и другие города. Ряд древних городов в петровскую эпоху получили новый импульс к своему развитию. Петровские города — это памятники Петру в самом высоком, поистине в пушкинском смысле слова, это те места, где «не зарастает народная тропа».

Уместно будет упомянуть, что имя Петра не забыто и во многих городах за пределами России, где также установлены памятники первому русскому императору, сохраняются его резиденции, отмечены мемориальными досками и знаками достопримечательные места¹⁴.

Свидетельством сохранения имени Петра в народной памяти являются и петровские конгрессы, ежегодно, в день рождения Петра Великого собирающие представителей множества петровских городов России и Европы.

¹³ Петровскому Санкт-Петербургу посвящены статьи настоящего сборника, авторами которых являются М.Н. Микишатъев (с. 34), М.В. Николаева (с. 99).

¹⁴ См. раздел сборника «Петровские памятники и памятные места Европы». Институтом Петра Великого инициирован проект «Петровские памятники и памятные места Европы», который координирует историк петровской эпохи Дмитрий Гузевич — неизменный участник петровских конгрессов.

Раскин Давид Иосифович
(Санкт-Петербург)
*Профессор Санкт-Петербургского
государственного университета*

«Петровские» памятники и памятные места в системе Государственного законодательства Российской империи

Становление и развитие памятников и памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью Петра I и его сподвижников, было частью и русской культуры нового времени, и новой российской государственности. Правовая система Российской империи отразила этот процесс и может считаться источником изучения как истории оформления общенациональной памяти о Петре Великом (и роли этой памяти в государственной идеологии), так и истории воздействия этого процесса на состав и содержание системы российского имперского законодательства.

В правовых реалиях Российской империи провести чёткое различие между законом и административным распоряжением почти невозможно. Это различие практически не существовало до издания Свода законов, но и в дальнейшем лучшие русские правоведы не смогли прийти к более точному определению, чем обозначение в качестве закона так или иначе выраженной воли монарха. И только Основные законы в редакции 1906 года более или менее провели грань между законом, административным распоряжением и распоряжением в порядке верховного управления.

В результате сходные и по значению, и по способу оформления нормативно-правовые акты (или распоряжения) в одних случаях

попадали в Полное собрание законов Российской империи, а в других нет.

Как и многое другое, внедрение в русскую культуру (и, соответственно, в законодательство) практики светской мемориализации места события, а также материальных объектов было сделано при жизни самого Петра. Его указ от июля 1809 года «О построении близ города Полтавы в память о одержанной там над шведами победе мужеского Петропавловского монастыря и о сооружении пред церковью памятника»¹ включал в себя как относительно традиционное для русской культуры создание монастыря «в память», так и сооружение монумента, что было актом внедрения в традиционную культуру европейской новации. Развитием этой тенденции стал указ от 29 апреля 1723 года «О сделании каменной пирамиды на Полтавском поле в память победы, одержанной над шведами»².

Мемориализацией материального объекта (артефакта), что также было новым для российской практики, стал ежегодный спуск на воду 30 августа знаменитого ботика и содержание его в Александро-Невском монастыре (по именному указу, объявленному из Адмиралтейств-коллегии, от 2 сентября 1824 года³), а затем хранение в Петропавловской крепости (в данном случае распоряжение не было оформлено в виде законодательного акта).

Окончательно традиция светских монументов укрепилась созданием одного из символов Санкт-Петербурга — Медного всадника, законодательно оформленным именованным указом Сенату, объявленным И.И. Бецким 5 мая 1768 года «О постройке монумента в славу блаженные памяти государя императора Петра Великого на площади между Невы реки, Адмиралтейства и Сената»⁴. Основной формой законодательства о памятниках и памятных местах в XVIII веке (в соответствии с установившейся системой законодательства и управления) были именные указы, которые тогда могли объявляться также учреждениями или должностными лицами. Но характерно, что установка памятника Петру у Инженерного замка не была оформлена законодательным актом, а стала результатом частного распоряжения Павла I. Думается, что здесь дело не только в непоследовательности тогдашней практики нормативно-правовых актов и административных распоряжений. И надписью на памятнике, и местом

¹ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 1—45. СПб., 1830. Т. 4 (1700—1712). № 2236.

² Там же. Т. 7 (1723—1727). № 4202.

³ Там же. № 4562.

⁴ Там же. Т. 18 (1767—1769). № 13115.

его установки Павел I подчеркивал личный характер этого акта. Памятник устанавливался не в публичном пространстве (Сенатская площадь), а в резиденции монарха, который незадолго до этого Учреждением об императорской фамилии отделил династические дела от государственных.

XIX век внёс новшества в административно-законодательную процедуру установки памятников и создания публичных памятных мест.

Во-первых, после министерской реформы появилось ведомство, отвечающее за установку и сохранение памятников — Министерство внутренних дел.

Во-вторых, появился высший административный орган, высочайше утвержденные положения которого, в зависимости от характера вопроса, приобретали силу закона или подзаконного акта или административного распоряжения — Комитет министров.

В-третьих, в создании памятников Петру I стала всё больше и больше проявляться инициатива частных лиц, органов сословного (а затем и местного) самоуправления и местной администрации. Разумеется, такие инициативы нуждались в санкции на высшем уровне.

Открытие первого провинциального музея — усадьбы «Ботик» в с. Велькове (на месте верфи для «потешной флотилии») предшествовал рескрипт Александра I владимирскому губернатору (кн. И.М. Долгорукову), который на его основании побудил местное дворянство сделать «складку» на сооружение каменного здания для хранения ботика Петра I, причём, по словам кн. И.М. Долгорукова, отсутствовали даже «отдалённейшие признаки принуждения, а наипаче избегая, дабы складка сия не обратилась в какой-либо налог на крестьян»⁵. Но приобретение владимирским дворянством с. Велькова было полностью его собственной инициативой, причём правила управления этим общественным дворянским имением были утверждены министром внутренних дел⁶.

Если говорить о частных лицах, проявивших «усердие» по сооружению памятников Петру I, то здесь в дореформенное время преобладало купечество.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 164. Л. 1 об.

⁶ Любопытно, что крестьяне с. Велькова обратились в связи этим с прошением о разрешении в знак благодарности «соорудить» в местной церкви образ св. Сергия. А само это прошение («сочинённое» земским Никитой Филатовым и переписанное коллежским регистратором П.И. Одоранским) стало своеобразной фиксацией местного предания, связанного с Петром I: во время осмотра им места для пристани крестьянка Устинья Аронова, якобы, сказала: «Зачем хлебушко мнете, разве мало дорог», на что ей ответили: «Не брюзжи, старушка, вам хорошо будет». РГИА. Ф. 1284. Оп. 33. Д. 194. Л. 6 об.—7.

Характерна история с обелиском в честь Петра в Липецке (1839). Инициатива липецкого откупщика (петербургского купца 1-й гильдии Павла Небученова) вызвала оживлённую переписку между тамбовским губернатором, министром внутренних дел и Комитетом министров. Последний затребовал сведения, «были ли примеры подобного дозволения частным лицам сооружать памятники государям в публичных местах и при том с такою надписью, в которой объяснено, чьим усердием памятники те воздвигнуты»⁷. По полученным сведениям, министр внутренних дел в 1830 году ходатайствовал о разрешении сыну петербургского купца Михаилу Софронову соорудить памятник в Лодейном Поле, где была построенная Петром I церковь с надписями: «Здесь был царем Петром построен храм. / Но здесь усердие сооружает / сей памятник — пускай потомок уважает / Великого по славе и делам» и «Здесь некогда Петром построен Божий храм. / Пусть этот памятник о том напоминает. / Сей край следы царя с любовью сохраняет. / Он жизнь и вид сим диким дал странам», причём Комитет министров дал разрешение, утверждённое императором (с резолюцией: «Орел сделать по рисунку. Существующему на рублях Петра Великого»⁸). В 1833 году Комитетом же министров было дано разрешение гр. С.П. Румянцеву поставить памятник Екатерине II в его подмосковном имении, а екатеринославскому дворянству в этом было отказано. При этом министр внутренних дел (Д.Н. Блудов) высказал общий взгляд на правовую основу практики установки памятников (он заслуживает того, чтобы быть полностью процитированным): «Что они [памятники] могут быть трёх родов: или, так сказать, местными воспоминаниями более или менее славными или же по чему-либо иному драгоценными, или изъявлением уважения и благодарности частного человека или общества, или, наконец, когда они воздвигаются в честь государственных людей и особливо монархов ознаменованием общего мнения потомства, что сооружение памятников двух первых родов может быть и всегда было допускаемо без затруднений. Правительство лишь слегка обращает внимание на наружную благовидность таких памятников и соблюдение необходимых при сём приличий. Но что касается до монументов третьего, высшего разряда, то и самые о том предположения едва ли не должны принадлежать верховному правительству, которое одно имеет право и средства судить о пользе и приличии сих памятников в общих государственных видах, а равно и о форме, размере и месте, кои могут

⁷ Там же. Оп. 21. 2 отд., 2 ст. Д. 11. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Л. 7–7 об.

наиболее соответствовать их назначению»⁹. В итоге Комитет министров, ссылаясь на прецедент в Лодейном Поле, постановил разрешить сооружение памятника, а Николай I это постановление утвердил с резолюцией: «Согласен, но с одной надписью имени Петра I»¹⁰.

В одних случаях постановления Комитета министров оформлялись в виде законодательного акта (т.е. попадали в Полное собрание законов), в других оставались административным распоряжением.

Высочайше утверждённое положение Комитета министров от 15 мая 1834 года (принятое по представлению воронежского губернатора и опубликованное в ПСЗ¹¹) предусматривало создание в здании бывшего цейхауза храма св. Митрофана (воронежского епископа, сподвижника Петра), мемориального кабинета Петра («рабочей палаты») и установку памятника Петру I на горе. Но когда средств на памятник не хватало, решение о прекращении работ по сооружению памятника «впредь до имеющей открыться к тому возможности» в 1843 году было принято постановлением Комитета министров, однако, уже без опубликования в Полном собрании законов, а в дальнейшем сооружение памятника Петру I в Воронеже было разрешено резолюцией императора на докладе губернатора, без издания по этому поводу специального законодательного акта¹².

Точно так же резолюциями императора была разрешена установка памятников Петру I и в ряде других городов.

Но вообще царствование Николая I было особенно богато и на законодательные акты, и на административные распоряжения, касающиеся увековечения памяти Петра I.

Дальнейшее развитие получило законодательное оформление церемониалов, связанных с памятниками и памятными местами Петра I: высочайше утверждённый церемониал при вскрытии Невы

⁹ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 914. Л. 284–289. В 1845 году такое разрешение екатеринославскому дворянству было дано, т.к. на сей раз речь шла не об открытии подписки (с непредсказуемым результатом), а о приобретении дворянским обществом «собственным иждивением» на заводе Берда находившейся там уже готовой статуи, отлитой в Берлине «известнейшими художниками». Надпись «Императрице Екатерине II от благодарного дворянства Екатеринославской губернии» была также согласована. В результате памятник был открыт 26 сентября 1846 года. РГИА. Ф. 1284. Оп. 30. Д. 193. Л. 1–13.

¹⁰ В итоге утверждённый текст гласил: «Незабвенному, везде и всегда великому отцу Отечества императору Петру Первому, основателю нашего города, указавшему в нём новые целебные источники и новые средства богатства народного». РГИА. Ф. 1284. Оп. 21. 2 отд., 2 ст. Д. 11. Л. 12, 18.

¹¹ ПСЗ. Собрание 2-е (далее: 2ПСЗ). Т. 1–55. СПб., 1830–1884. Т. 9 (1834), ч. 1. № 7081.

ото льда и начале судоходства, предусматривавший выезд на катере начальника городской верфи (затем — управляющего петербургской речной полицией) от домика императора Петра Великого к Петропавловской крепости (от 18 марта 1831 года, изменения от 10 марта 1866 и от 27 февраля 1877 года¹³), именной указ, объявленный в приказе военного министра «О порядке отдания войсками чести мунументам...», в том числе Петру I (от 26 декабря 1838 года¹⁴).

Одновременно ряд узаконений был направлен на сохранение материальных памятников петровского времени: именной указ, объявленный в приказе директора Артиллерийского департамента «О неразломке зданий, построенных во времена Петра Великого» (от 10 июля 1837 года¹⁵), высочайше утверждённая докладная записка исполняющего должность директора Артиллерийского департамента «О принятии мер к сохранению произрастающих в Сестрорецком оружейном заводе дубов, насаждённых императором Петром Великим» (от 11 сентября 1846 года)¹⁶.

Новой практикой в это время стало присвоение имени Петра I объектам и учреждениям, получавшее законодательное оформление.

Это именной указ, объявленный в приказе военного министра «О именовании Кронштадтской цитадели Форт Пётр 1-й» (от 12 сентября 1834 года¹⁷), именной, данный военному министру указ «О именовании Полтавского кадетского корпуса Петровским-Полтавским» (от 5 января 1836 года¹⁸), именной указ, объявленный в приказе военного министра «О именовании укрепления, сооружаемого у Тарковского рейда, Петровским» (в память бывшего на этом месте лагеря Петра I (от 12 июня 1844 года¹⁹), именной указ, объявленный в приказе управляющим Морским министерством «О наименовании в Кронштадте двух доков» (Новый док Петра I и Старый док Петра I, от 31 августа 1846 года²⁰), а также принятые уже в царствование Александра II именные указы, объявленные Сенату министром путей сообщения «О именовании ладожских каналов: ново-

¹² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1543. Л. 144–147 об.

¹³ 2ПСЗ. Т. 6 (1831), ч. 1. № 4433. 18.03.1831; Т. 44 (1869), ч. 1. № 46836; Т. 52 (1877), ч. 1. № 57005. 27.02.1877.

¹⁴ Там же. Т. 13 (1838), ч. 2. № 11885. 26.12.1838.

¹⁵ Там же. Т. 12 (1837), ч. 1. № 10436.

¹⁶ Там же. Т. 21 (1846), ч. 2. № 20421.

¹⁷ Там же. Т. 9 (1834), ч. 2. № 7392.

¹⁸ Там же. Т. 11 (1836), ч. 1. № 8751.

¹⁹ Там же. Т. 19 (1844), ч. 1. № 17978.

²⁰ Там же. Т. 21 (1846), ч. 2. № 20369.

го Каналом императора Александра II, а старого — каналом императора Петра Великого» (от 1 сентября 1866 года²¹) и о наименовании старых устьев Ладожского канала «Петровскими», а новых — «Екатерининскими» (от 3 ноября 1875 года²²) и именной указ, объявленный Сенату министром внутренних дел «О наименовании в городе Замостье Брукованной улицы улицею императора Петра I» (в связи с нахождением там дома, в котором останавливался Пётр I, от 19 апреля 1874 года²³).

В ряде случаев памятники могли сооружаться в результате административного распоряжения монарха или узаконения или распоряжения по военному и военно-морскому ведомству, т.е. без опубликования в качестве общегражданского узаконения. Так, например, было с памятником Петру I, установленном в 1841 году в Кронштадте²⁴.

А в пореформенное время большинство вопросов, связанных с увековечением памяти Петра I, решалось или высочайше утверждённым постановлением Комитета министров, или (чаще) высочайшими резолюциями на всеподданнейших докладах министра внутренних дел, т.е. подзаконными актами и административными распоряжениями верховной власти. Это относится, например, к памятникам Петру I в Петрозаводске²⁵, Таганроге²⁶, Архангельске²⁷, некоторым памятникам в Петербурге и др.

Узаконение требовалось при объявлении подписки для сбора средств на памятник, а также в тех случаях, когда для этого требовалось отчуждение казённой земли.

²¹ Там же. Т. 41 (1866), ч. 1. № 43064.

²² Там же. Т. 50 (1875), ч. 2. № 55222.

²³ Там же. Т. 49 (1874), ч. 1. № 53387.

²⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2368. Л. 159.

²⁵ Здесь инициатива олонецкого губернатора получила поддержку губернского и уездных земств, но средства на изготовление памятника запрашивались у Министерства финансов как ведающего созданной Петром горной промышленностью. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1904. Л. 1–20.

²⁶ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 637. Л. 1–3. Известна большая роль, которую сыграл в сборе средств и переговорах со скульптором (М.М. Антакольским) А.П. Чехов.

²⁷ Перед открытием 27 июня 1914 года памятника Петру I в Архангельске местный губернатор счёл необходимым уведомить об этом Министерство императорского двора. Характерно, что на запрос МИДа в МВД последовал ответ, что ни в Департаменте общих дел, ни в Техническо-строительном комитете МВД, ни в канцелярии министра сведений об этом не имеется. В канцелярии МИДа заключили: «Казалось бы, что это телеграфное известие возможно только принять к сведению. Следует ожидать, что 27 июня будут присланы верноподданные поздравительные телеграммы». РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1408. Л. 1–2.

В частности, сооружению памятников Петру I в Ревеле (Таллине) и Риге предшествовали высочайшие повеления, объявленные министром внутренних дел «О высочайшем соизволении на открытие сбора пожертвований на постройку в городе Ревеле памятника императору Петру I и на принятие государем императором образованного для этой цели особого комитета под высочайшее его императорского величества покровительство» (от 14 августа 1908 года²⁸) и «О высочайшем соизволении на сооружение в городе Риге памятника императору Петру I, на открытие для сего сбора добровольных пожертвований в пределах Лифляндской губернии и на принятие государем императором образованного для этой цели особого комитета под высочайшее его императорского величества покровительство» (от 31 ноября 1908 года²⁹). А когда для достройки собора и установки памятника Петру I в Выборге (в ознаменование 200-летия взятия города русскими войсками) потребовалось отчуждение небольшого участка земли, принадлежавшего военному ведомству, последовало высочайшее повеление, объявленное военным министром (от 7 апреля 1910 года³⁰).

После принятия Основных законов в редакции 1906 года, установивших обязательное законодательное оформление бюджетных (в том числе не предусмотренных Государственной росписью) расходов, процесс принятия решения о выделении средств на сооружение памятника, устройство музея и т.п. предусматривал внесение соответствующего законопроекта министерством (чаще всего, МВД) в Государственную думу, рассмотрение его в Бюджетной комиссии Думы, утверждение Думой, затем рассмотрение в Финансовой комиссии Государственного совета, утверждение Общим собранием Государственного совета и, наконец, утверждение императором. Примером такой процедуры является рассмотрение в 1911 году законопроекта об отпуске средств из Государственного казначейства на сооружение каменного футляра над домиком Петра Великого в г. Архангельске, устройство там Петровского музея и часовни. Этот расход (12 тыс. руб.) предполагался за счёт ожидаемых сбережений от назначенных в Государственной росписи на 1911 год расходов³¹.

²⁸ ПСЗ. Собрание 3-е (далее: ЗПСЗ). Т. 1–33. СПб., 1885–1917. Т. 28 (1908), ч. 1. № 30889.

²⁹ Там же. № 31252.

³⁰ Там же. Т. 30 (1910), ч. 1. № 33293. 07.04.1910.

³¹ РГИА. Ф. 1157. Оп. 1. 1911 г. Д. 238. Л. 1–2; ЗПСЗ. Т. 31 (1911), ч. 1. № 35339.

В заключение отметим, что общие принципы сооружения и сохранения памятников (а затем и памятных мест и предметов) нашли отражение в Своде законов Российской империи (т. 1, 2 и 12). В частности, сооружение монументов и публичных памятников регулировалось Строительным уставом, а забота об их сохранении возлагалась на местные административно-полицейские власти, а затем и на органы городского самоуправления (по Городовому положению).

Большинство же законодательных актов, касающихся создания и сохранения петровских памятников и памятных мест принималось *ad hoc*, причём формы этих актов эволюционировали в соответствии с развитием системы государственного управления и законодательства в Российской империи.

Одновременно постепенно сужалась сфера законодательного оформления создания памятников и памятных мест, связанных с Петром I и деятельностью его сподвижников, а административные распоряжения, а также постановления органов местного и сословного самоуправления занимали в этой деятельности всё большее место.

Микишатъев Михаил Николаевич
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры
и градостроительства РААСН

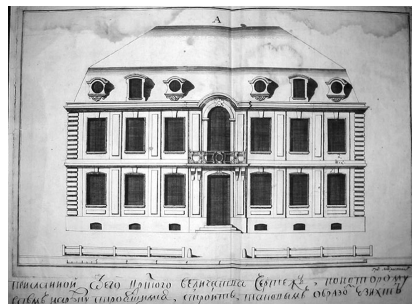
Застройка Петербурга петровского времени: проблемы выявления и охраны

В Петербурге ценят и хранят память о его основателе. Горожане гордятся архитектурными памятниками петровской эпохи — Петропавловским собором, зданиями Двенадцати коллегий, резиденциями Петра Великого. Но в городе — иногда вполне очевидно, а иногда и неявно — сохранилось значительное число домов петровского времени, органично включённых в застройку улиц и набережных.

Наверное, больше всего таких построек сохранилось на нынешней набережной Лейтенанта Шмидта. Пётр хотел сделать Васильевский остров центральной частью столицы. Поэтому важно было оформить василеостровскую набережную. Петровские дома, даже переодетые по моде ампира и эклектики, легко узнаваемы. Разный облик не отменяет родственных связей. А вначале дома были близнецами. Ведь все они были построены по «образцовому» проекту, название которого знаменательно: «Присланный от Царского Величества чертёж, по которому *всем на реку строящимся*, строить, таковым *образом езихт*» (езихт от немецкого *Gesicht* — лицо, внешний облик, здесь — *фасад*)¹. Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

¹ Данилевский В.В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. М.; Л., 1954. С. 198, 201; Алексеева М.А. Гравюры — проекты жилых домов в петровском Петербурге: Миф и реальность // Старые годы. № 2. СПб., 1994, февраль. С. 6—8.

«Образцовый» проект для
строительства домов
на Василеостровской набережной.
Гравюра А. Ростовцева. 1717.

Не только в интернете, но и в некоторых серьёзных книгах можно прочитать, что это был проект «дома для именитых».

Дело в том, что в историко-архитектурные исследования и особенно в популярную литературу о строительстве петровского Петербурга в самом начале XX века был запущен «вредоносный вирус». Виноват в этом Иван Божерянов, автор популярных книг о культуре петровского времени, выпущенных к 200-летию Петербурга. Он опубликовал гравюры с образцовых проектов Трезини, разместив под проектом самого скромного дома подпись — *для подлых*, — а под проектом дома для набережной — *для людей с достатком*². Игорь Грабарь был неутомимым исследователем, но, к сожалению обладал неуёмной фантазией. В своей «Истории русского искусства», развивая выдумку Божерянова, он назвал трезиниевские проекты домами *для подлых* и *для зажиточных* (в зависимости от размеров дома), а проект интересующего нас дома на набережной — домом *для зело именитых*³. «Инкубационный период» болезни продлился до середины прошлого века (никто не повторял эти благоглупости, тем более, что о Петре вспоминать после революции не рекомендовалось), а потом, к новому юбилею тогдашнего Ленинграда, разразилась эпидемия, — уж больно хорошо эти градации вписывались в классовый подход, насаждавшийся сталинской наукой. На самом же деле, никакому «подлому сословию» не по карману были проекты даже одноэтажных домиков, рассчитанные на помещиков средней руки и на состоятельных купцов. А «именитым человеком» в петровское время именовали только одного — богатейшего солепромышленника Г.Д. Строганова. Ни в петровских указах о применении этих образцовых проектов, ни в подписях к гравированным чертежам ни о каких сослов-

² Божерянов И.Н., Эрстов Г.П. С.-Петербург в Петрово время. СПб., 1901–1903. С. 116–119.

³ Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. III. История архитектуры: Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., [1912]. С. 26, 29, 31.

Дома Ростово-Ярославской епархии
(наб. Лейтенанта Шмидта, 39). Современное состояние
и изображение на чертеже из Тесин-Хорлеманской
коллекции Национального музея в Стокгольме.

ных градациях речи нет. Все проекты привязаны исключительно к размерам участка, какой житель будущего города «похошет» или «пожелает» взять под застройку⁴. Поэтому давайте, друзья, бороться с «исторической заразой» и не употреблять эти неправильные названия образцовых проектов петровского времени!

Однако вернёмся к василеостровской набережной Большой Невы. Необычен весь фронт её застройки. Она ступенчатая, — такие в Петербурге, пожалуй, больше нигде не встречаются. Все участки были нарезаны параллельно и перпендикулярно проспектам и линиям Васильевского острова. А то, что Нева здесь плавно изгибается, попросту не принимали в расчёт.

Многие дома на набережной изменили свою внешность в угоду стилям, сменявшим друг друга на протяжении веков. Появились на них и венецианские тройные окна, и аттики, и мезонины, и балконы, и эркеры. Тем не менее, общие габариты, раскладка проёмов

⁴ *Алексеев М.А.* Гравюры — проекты жилых домов в петровском Петербурге: Миф и реальность; *Данилевский В.В.* Указ. соч. С. 199–200.

(число осей) большей частью сохранились, и можно быть уверенными, что под штукатуркой последующих столетий мы найдём характерную петровскую кирпичную кладку из плоского, плинфообразного кирпича с толстыми швами известковой штукатурки. Некоторые группы домов были объединены. Они вошли в массивы таких крупных сооружений, как здания Морского корпуса и Горного института. В последнем случае частично сохранилась ступенчатая структура объёмов, образовавших комплекс образовательного «кампуса».

К счастью, на набережной осталось несколько домов, которые не только по габаритам, но и по стилистике фасадов могут быть легко опознаны как памятники петровского времени. Отчасти это — дом № 25. В отделке фасада видны черты петровского барокко — рустованные угловые лопатки, филёнки под окнами, включённые в рисунок наличников. Ещё сохраннее петровский облик двух домов, которые числятся под общим № 39. Первоначально правый из них строился для Ростово-Ярославской епархии. В начале XIX века к нему был присоединён соседний⁵. Судя по рисунку из коллекции Берхгольца, фасады их были одинаковы. Правый сохранился лучше, если не считать добавлений — арочного проёма в первом этаже, ампирного аттика и металлического навеса над входом. На фасаде левого центральное окно перетёсано на два, а внизу пристроен пышный портал⁶.

В 1980-х годах научными сотрудниками Государственной инспекции охраны памятников Ленинграда было осуществлено комплексное исследование петровской застройки василеостровской набережной Большой Невы. Однако, несмотря на огромную проделанную работу, только некоторые из этих уникальных домов, сохранившихся с петровских времён, были, лишь после распада Советского Союза, включены в списки объектов культурного наследия, и то, большей частью со статусом муниципального значения⁷. Дома Ростовской епархии имеют статус «вновь выявленных объектов»!

⁵ *Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д.* Василеостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 134; *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I: История дворовладений: Застройка и застройщики. М., 2013. С. 185, 189–190.

⁶ Возможно, что на рисунке из коллекции Берхгольца фасады этих домов были изображены одинаковыми по ошибке. На фрагменте «перспективного» (аксонометрического) плана С.-Петербурга 1765–1773 годов рисунок фасадов этих домов в общих чертах соответствует существующему в наши дни. См.: *Николаева М.В.* Указ. соч. С. 185.

⁷ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2000. С. 70–72.

Дом А.И. Троекурова (6-я линия В.О., 13)
и дом Александро-Невского подворья (7-я линия В.О., 12)
после реставрации фасадов. Фото конца 1960-х годов.

Поскольку Васильевский остров, как и другие части правобережья, долгое время отставал от центра в градостроительном развитии, в интенсивности застройки XIX века, — там не только на берегу, но и на ряде улиц сохранилось значительное число домов петровского времени. Над многими из них теперь нависла угроза разрушения, что мы реально наблюдали в последние десятилетия прошлого века и в начале нынешнего. Однако ещё раньше некоторые василеостровские дома первой четверти XVIII века были всё-таки взяты под охрану и даже частично реставрированы. В 1964 году при ремонте здания подворья Александро-Невской лавры (7-я линия, 12) В.А. Бутми удалось частично восстановить его первоначальный фасад. Здание было построено архитекторами Д. Трезини и Т. Швертфегером по образцовому проекту дома для набережной, с некоторой переработкой фасада. В 1968–1969 годах группа специалистов, руководимая И.А. Бартеневым, в которую входил и автор этого сообщения, осуществила воссоздание уличного фасада дома Троекурова (6-я линия, 13), построенного на исходе первой трети XVIII столетия. На этот раз за образец для постройки был принят проект одноэтажного дома на девять осей с мезонином⁸. Соседний дом, № 15, тоже является современником дома Троекурова. Он не подвергался археологическому исследованию, поскольку сохраняет в хорошем состоянии позднюю ампирную отделку.

⁸ *Иогансен М.В.* Об одной из форм внеаудиторной работы со студентами (Реставрация дома Троекурова в Ленинграде // ИЖСА им. И.Е. Репина. Вопросы художественного образования. Выпуск XVIII. Л., 1977. С. 18–27; *Микушатов М.Н.* Уголок XVIII века на Васильевском // Ленинградская панорама. № 10. 1988. С. 31–32.

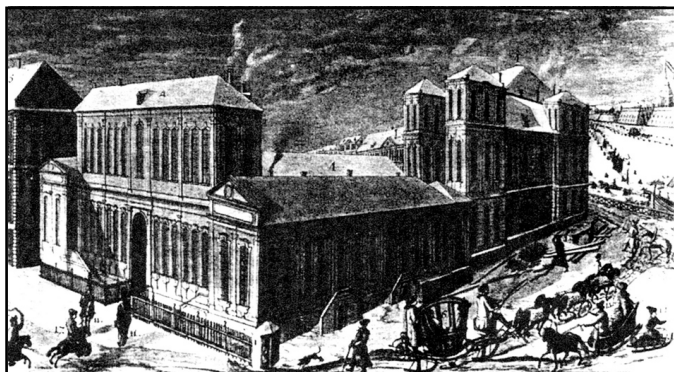
Дом Троекурова и соседний с ним (6-я линия В.О., 15). Современное состояние.

В 1979 году общество «Знание» опубликовало брошюру С.С. Борисова, в которой автор сделал обзор ряда известных и многих предполагаемых памятников архитектуры петровского времени, в числе элементов рядовой застройки⁹. Автор рассказал в ней о застройке василеостровской набережной — от Стрелки до Горного института, а также о многих домах Васильевского острова — на 1-й линии, на 6-й и 7-й линиях. На 1-й линии, по его словам, насчитывается более десятка в той или иной степени сохранившихся домов петровского времени. В некоторых случаях С.С. Борисов отметил сохранившиеся своды и проёмы первых этажей и даже оформление стен, особенно со стороны двора. К сожалению, корпуса участков по 7-й линии, выходящие на улицу Репина, были изуродованы при варварской реконструкции всех фасадов этой улицы в 1960-х годах, хотя древность их очевидна. Несомненно, на Васильевском острове, в юго-западной его части, можно найти ещё немало подобных артефактов.

На Адмиралтейском острове, который в значительно большей степени был охвачен архитектурно-градостроительными преобразованиями XVIII—XIX веков, многие известные дома, принадлежавшие Апраксину, Крюйсу, Ягужинскому, Рагузинскому, Олсуфьеву и другим сподвижникам Петра, исчезли или были поглощены стенами таких крупных сооружений, как Зимний дворец и здания Эрмитажа. Та же участь постигла и Зимний дворец самого императора, хотя, как показали исследования последних десятилетий, даже значительные

⁹ Борисов С.С. Архитектурные сооружения петровской эпохи в Ленинграде. Л., 1979.

Дом Д.К. Кантемира. Архитектор Ф.Б. Растрелли. 1721–1727.
(Дворцовая наб., 8, Миллионная ул., 7, Мраморный пер., 1).
Вид со стороны Миллионной улицы. Старинная гравюра.

фрагменты петровского Зимнего дворца удалось раскрыть и музеефицировать и в интерьерах, и на фасаде Эрмитажного театра. Одним из крупнейших особняков петровского времени, в значительной степени сохранившим свои основные габариты и, несомненно, изначальные капитальные стены, является особняк господаря валахского Д.К. Кантемира, построенный Ф. Растрелли на Дворцовой набережной, 8¹⁰. Первоначальные объёмы хорошо прочитываются и на бывших домах адмирала З.Д. Мишукова и гоф-интенданта П.И. Мошкова на углах Мошкова переулка со стороны набережной и Миллионной улицы¹¹.

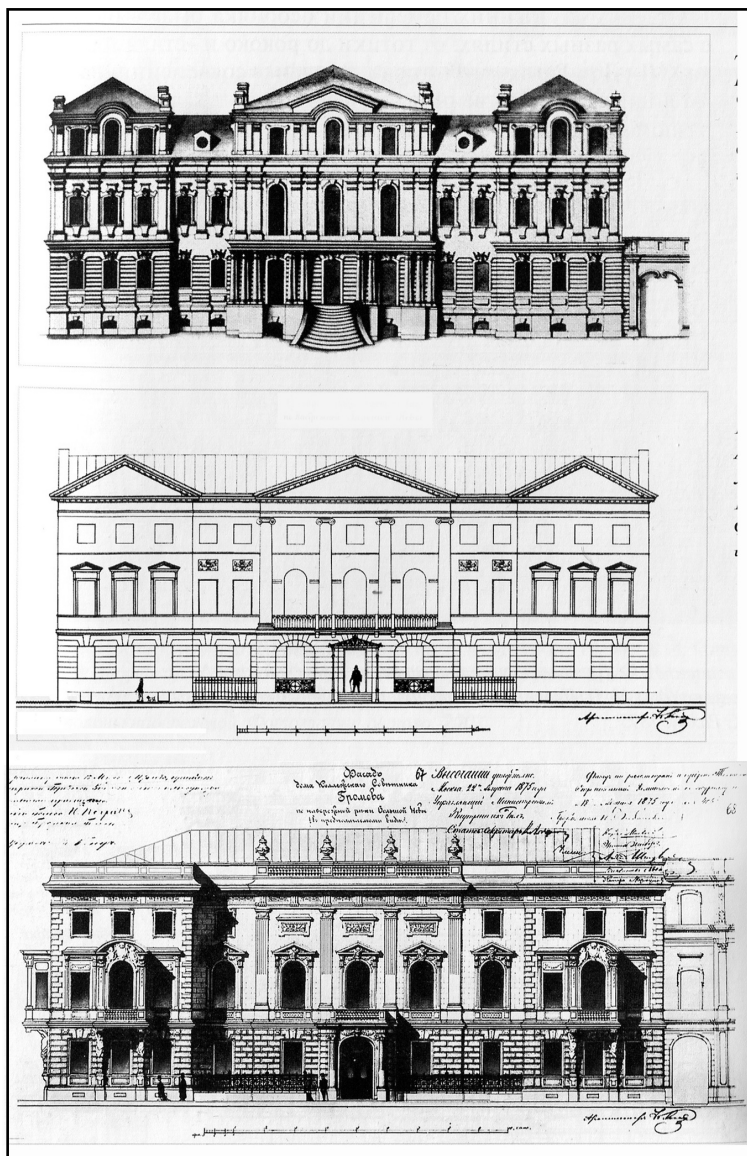
А недавно группа эрмитажных археологов исследовала Запасной дом Зимнего дворца (Дворцовая набережная, 30). Это громадное здание стоит на участке корабельного мастера Федосея Склеява, царского соседа. Многочисленные перестройки не позволяли предполагать, что всё это сооружение по существу является памятником петровской эпохи. Тем не менее оказалось, что весь его объём — первоначальный. Кладка капитальных стен здания относится к петровскому времени. Более того, — сохранились даже надворные постройки на участке «генерального конструктора» петровского флота!

В своём обзоре С.С. Борисов затрагивает и дома времён Анны Ивановны¹². Тут возникает проблема, требующая специального об-

¹⁰ Козьян Г.К. Франческо Бартоломео Растрелли // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 220–222; Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. Т. 2. Петербург 1860–1890-х годов <...>. СПб., 2014. С. 255–257.

¹¹ Борисов С.С. Указ. соч. С. 13.

¹² Там же. С. 14–15.

Эволюция фасада дома Д.К. Кантемира. Наверху – фиксационный чертёж постройки Ф.Б. Растрелли из Тесин-Хорлеманской коллекции Национального музея в Стокгольме. Посредине – фасад дома после перестройки Л. Руска в 1800-х гг. Фиксационный чертёж К. Рахау. Внизу – проект перестройки 1875 года. Архитектор К. Рахау.

Дом Ф.А. Апраксина (Миллионная ул., 22). 1730-е годы.
Фасад частично преобразован в 1770-х годах. Современное состояние.

суждения. С одной стороны, если принять как временные рамки первую треть XVIII века (строго говоря, даже первые четыре его десятилетия), круг изучаемых объектов значительно вырастет, а «петровская мемориальность» несколько потускнеет. Но, с другой стороны, нельзя не принимать в расчёт то обстоятельство, что большинство крупнейших сооружений, начатых Петром, завершены были его племянницей. Время Анны Ивановны, по меткому выражению Е.В. Анисимова, возродившей северный Ахетатон¹³, составляет с петровским временем единый историко-культурный блок, определяющий первый этап формирования столицы на берегах Невы. Исходя из этой позиции, С.С. Борисов насчитывает на Миллионной улице не менее дюжины домов, в той или иной степени сохранившихся с 1730-х годов.

Так же обстоит дело и на Английской набережной, некоторые дома на которой были построены уже в петровское время, но в 1730-е годы сплошная застройка была окончательно завершена¹⁴. Здесь более двадцати домов в той или иной степени сохранили свои габариты, а некоторые, как дом № 74, размеры, положения и форму оконных проёмов, не говоря уж о капитальных стенах первой трети XVIII столетия.

¹³ Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 358–390.

¹⁴ Борисов С.С. Указ. соч. С. 15.

Дом корабельного мастера Федосея Скляева (Дворцовая наб., 30). 1720-е годы. Современное состояние. Кирпичная кладка петровского времени сохранилась на всю высоту двух нижних этажей (верхние надстроены в XIX веке).

Практически неизученной остаётся Петроградская сторона, хотя, кроме Санкт-Петербургской крепости и домика Петра Великого, там можно было бы предвидеть важные археологические находки, что подтвердили исследования улицы Куйбышева (Большой Дворянской), проводившиеся под руководством П.Е. Сорокина в сентябре 2001 года. Ещё раньше его археологическая группа вскрыла фундаменты и остатки стен Троицкой церкви. К сожалению, при крупных строительных работах на месте плотной застройки петровского времени глубокие котлованы отрывались без всякого археологического контроля. Это в особенности относится к Мичуринской улице, по сторонам которой на старой береговой черте располагались дома петровских сподвижников.

Широкий размах освоения Невской дельты, предпринятый Петром Великим, привёл к тому, что памятники петровского времени. рассредоточены по территории Петербурга. Как известно, палаты Кикина на Шпалерной находятся на подступах к Смольному. И, между прочим, последние годы, благодаря контактам наших учёных с шведскими коллегами принесли новые документальные материалы об этом памятнике¹⁵. Будь эти материалы в распоряжении И.Н. Бе-

¹⁵ От шведского города к Российской столице: О чём рассказывают карты и планы XVII–XVIII веков. Каталог выставки / Сост. С. Семенцов и др. СПб., 2003. № 42. С. 38.

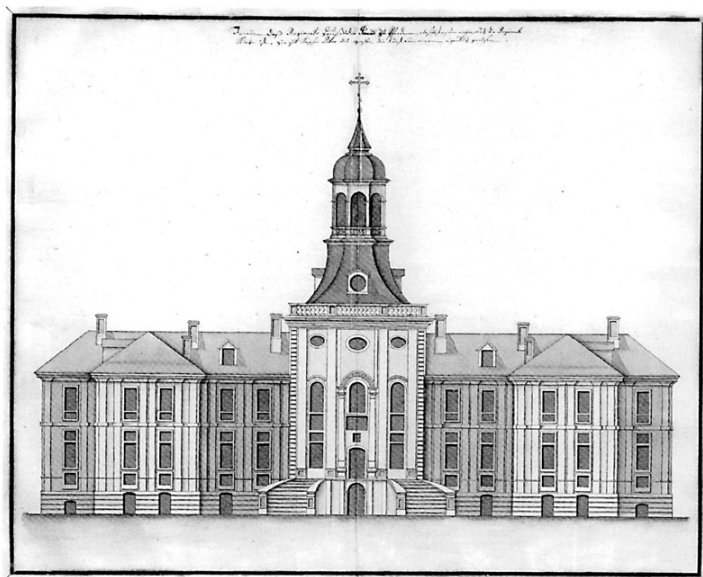
Жилые дома на Английской наб., № 52, 62 и 64.
Современные фотографии.

нуа, она, вне всякого сомнения, смогла бы гораздо ближе подойти к воссозданию первоначального облика Кикиных палат¹⁶. Автору этого сообщения удалось обнаружить на той же Шпалерной улице ещё один сохранившийся памятник самых первых лет капитального строительства в городе — дом князей Голицыных на углу Воскресенского проспекта (ныне — Чернышевского) и более того, спасти его от грозившего ему разрушения¹⁷. Группа эрмитажных археологов под руководством О.М. Иоаннисяна подтвердила древность стен дома. Впоследствии выяснилось, что петровская кладка сохранилась на всю высоту стен двухэтажной постройки¹⁸! И всё равно этот памятник не был подвергнут комплексному археологическому исследованию и научной реставрации — согласно тем законам и установлениям, которые соблюдались даже в советские годы. Он, как и дом Троекурова на Васильевском, был *«реконструирован»* при полном попустительстве и безразличии КГИОП. Более того, в «Списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, ху-

¹⁶ Кедринский А.А., Колотов М.Г., Медерский Л.А., Раскин А.Г. Летопись возрождения: Восстановление памятников архитектуры Ленинграда и пригородов, разрушенных в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками / Под ред. И.А. Бартенева. Л., 1971. С. 22–24; Микишатов М.Н. Кикины палаты // Адреса Петербурга. № 38 (52). СПб., 2010. С. 26–28.

¹⁷ Микишатов М.Н. Вокруг Литейного: Прогулки по Литейной части. СПб., 2008. С. 60–62.

¹⁸ Он же. Неисследованный памятник петровского времени (дом князей Голицыных на Шпалерной улице) // Петровское время в лицах—2008: Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 177–186.

Палаты А.В. Кикина. 1714—1720-е годы. Воссозданы архитектором И.Н. Бенуа в 1953—1956. Наверху — современное фото. Внизу — чертёж фасада после перестройки здания в 1733 году под полковой двор Конного полка по проекту архитектора Ф.Б. Растрелли (из Военного архива в Стокгольме).

дожественную или иную культурную ценность (с изменениями на 14 июня 2006 года)» здание на Шпалерной, 37 до сих пор значится как дом постройки конца XVIII века, несмотря на неоднократные обращения в КГИОП, не говоря уж о многочисленных публикациях об этом памятнике. «Исторические справки» об этих двух домах, составлявшиеся уважаемыми специалистами, представляют собой типичную халтуру, не имеющую никакого отношения ни к науке, ни к охране памятников.

Можно предполагать, что на Шпалерной сохранился не только дом князей Голицыных. Каменные корпуса на участке царевны Натальи Алексеевны могли войти в состав конструкций Конторского дома, построенного по проекту Л. Руска. Стены Кавалергардских казарм, возведённых тем же архитектором, могут включать фрагменты строений, находившихся восточнее дома Голицыных.

Подводя итоги этого сообщения, следует вернуться к вопросу о необходимости создания возможно полного каталога петровских архитектурно-строительных артефактов на территории Петербурга. Недавнее появление уникального исследования М.В. Николаевой, представляющего обширный свод историко-архивных материалов по частной застройке петровского времени¹⁹, не только облегчает эту работу, но и служит новым побудительным мотивом для того, чтобы приняться за неё. Наличие в нашем городе Института Петра Велико-го предполагает базу для её осуществления. С другой стороны, создание такого каталога или реестра лишней раз показало бы актуальность и важность деятельности Института. Несмотря на большое желание организовать эту работу, я, к величайшему сожалению, по состоянию здоровья уже не могу взять на себя обязанности ответственного исполнителя, но не отказываюсь от участия в ней в качестве научного консультанта. Главным результатом исследования должен стать не роскошный фолиант, а указатели, таблицы и планы, которые позволили бы представить заинтересованным организациям (прежде всего — КГИОП), а также исследователям и строителям, максимум информации о сохранившихся памятниках древнейшего периода истории Санкт-Петербурга, которые, несомненно, требуют заботливого и бережного к себе отношения.

¹⁹ Николаева М.В. Указ. соч.

Александрова Надежда Алексеевна
(Санкт-Петербург)
*Старший научный сотрудник,
хранитель сектора «Летний дворец и Домик Петра I»
отдела живописи XVIII – первой половины XIX века
Государственного Русского музея*

Прошлое и настоящее домика Петра I: к проблеме сохранения памятника

Домик Петра I, построенный в мае 1703 года, всегда занимал исключительное положение среди памятников петровского Петербурга. Несмотря на скромность размеров, Домик являлся царской резиденцией и назывался «Красными хоромами» или «Первоначальным дворцом на Санктпетербургском острове на берегу Невы». Пётр сам позаботился о сохранении своего деревянного дворца: в 1723 году, по указанию царя первый архитектор города Доменико Трезини возвёл над «Красными хоромами» защитную галерею. В условиях сурового климата и частых наводнений сохранность деревянного первого здания Петербурга было невозможно обеспечить без защитного сооружения. Кроме того, создание по указанию Петра I каменной галереи над Домиком в 1723 году по проекту архитектора Д. Трезини обусловило восприятие его как музейного раритета. Таким образом, в случае с Домиком мы имеем дело с уникальным фактом, когда история сохранения памятника почти совпадает со временем его постройки. Отметим, что подобные защитные сооружения впоследствии, в XIX веке, стали оберегать от воздействий окружающей среды Домики Петра в Заандаме, Архангельске, Дербенте.

Пётр I сам выбрал место для строительства своей резиденции – у берега реки Невы. К небогатому иконографическому материалу первого века существования памятника относится гравюра П. Пикарта

«Вид Петербурга. 1704 год». На гравюре видим стоящий у берега Домик — это самое раннее изображение памятника — также хорошо видно, что береговая кромка укреплена рядами свай и устроена небольшая пристань. Не случайно, вскоре после смерти Петра, рядом с его Первоначальным дворцом, в галерее, поместили мемориальную лодку-верейку, где она хранится и поныне.

Близость строптивной реки всегда сказывалась на судьбе Домика, он пережил сотни наводнений различной силы. Хроника катастрофических петербургских наводнений практически совпадает с хроникой ремонтов «Первоначального дворца». Архивные документы — материалы Канцелярии от строений, Гоф-интендатской конторы — воссоздают картину многочисленных, как тогда называли, «исправлений», отразившихся на облике Домика.

Протоколы Канцелярии от строений свидетельствуют, что при постройке первой галереи по проекту архитектора Д. Трезини, в 1723—1724 годах, был произведён большой ремонт «Красных хором», что доказывает обширная смета. Вероятно, именно тогда в Домике появились окна «лунного стекла», которого, как говорят документы, по смете было затребовано четыре ящика. Упоминается и красная охра минерального происхождения для окраски фасадов. В это же время крышу покрыли гонтом (кровельным материалом, представляющим колотые сосновые дощечки клиновидной формы) и окрасили масляной краской в серо-зелёный цвет¹.

Разрушительное для Петербурга наводнение 10 сентября 1777 года нанесло большой ущерб, в том числе, Домику. Из рапорта от 18 июля 1778 года узнаём, что 14 плотников целую неделю исправляли приключившиеся во время великой бури и наводнения повреждения «при Первоначальном дворце». Также известно, что тогда же частично заменили покрытие пола и покрасили «с лицевой стороны на вид кирпича»².

В XIX веке история ремонтов и перестроек по-прежнему связана с историей наводнений. В 1821 году «прибыло воды в Неве так, что Первоначальный дворец затопило на один аршин (0,7112 метра), отчего и подняло половые доски со своих мест»³. Впоследствии, в 1822 году, был произведён ремонт, во время которого заменили половые балки, выправили стены. Для этого стены стянули досками по вертикали, с внутренней и наружной сторон здания, которые соединили между собой болтами, пропущенными сквозь толщу брёвен.

¹ Зязева Л.К. Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983.

² РГИА. Ф. 470. Оп. 5 (76/188). Д. 811. Л. 134.

³ Зязева Л.К. Указ. соч. С. 38.

Внутри эти накладки скрыли обивкой из ткани, а снаружи их закрыли дощатыми коробами, имитировавшими форму пилястр. Такими же коробами закрыли и выступающие торцы брёвен. Так на фасадах появились 22 «пилястры». На верхнем венце, под свесом кровли, появился ранее не существовавший карниз сложного профиля.

Известно, что в 1833–1834 годах «поправляли ландшафты на дворях разными колерами на маковом масле» и по завершении произвели «обитие вновь в трёх комнатах стен и потолков фландрским плотном вместо ветхого»⁴.

В январе 1843 года советник Гоф-интендантской конторы Кириллов, отвечавший за техническое состояние первого здания города, донёс рапортом о начавшейся осадке его стены. Архитектору Р.И. Кузьмину было предписано осмотреть повреждения и принять «решительные меры» для их устранения. Неравномерность осадки дворца и фундамента окружавшей его галереи привела к тому, что стропильная конструкция галереи стала давить на стены сруба, что и привело к искривлению их. После детального обследования Кузьмин доложил, что в целях сохранности здания необходимо не только подвести под него новый фундамент, но и построить заново галерею. В октябре того же года архитектор представил проект и смету на строительство нового защитного здания⁵.

В 1844 году над Первоначальным дворцом был возведён «каменный чехол» из красного кирпича. Р.И. Кузьмин сохранил границы и облик прежней галереи в целом, но изменил детали и использовал ряд строительных приёмов, которые сделали футляр сооружением, интерпретирующим стиль петровского барокко.

В самом Домике решено было снять и заменить чистый и чёрный пол (со смазкой чёрных полов глиной, выстилкой ломаным кирпичом и заливкой цементом), ниже уложить плашмя в 3 слоя кирпич-железняк и залить цементом. Под дворцом после выемки земли для отвода воды были устроены на лежнях кирпичные трубы толщиной в полтора кирпича (они представляют собой сводчатые туннели – основание бутовая плита, свод кирпичный – высотой 0,5 м). Одновременно заменили 2 нижних венца, отремонтировали окна, ставни, двери. Ставни окрасили масляной краской «под дуб», а двери «под орех». В интерьерах дворца произвели обивку стен и потолков холстом с окраской белой клеевой краской. Снаружи фасады окрасили

⁴ Там же. С. 39.

⁵ См.: Яковлев Н.Я. К истории строительства каменного футляра над Домиком Петра I в XIX веке (работы архитекторов придворного ведомства Р.И. Кузьмина и Н.М. Салько) // Страницы истории отечественного искусства XVII–XX века. ГРМ. Выпуск XIII. СПб., 2007. С. 282.

«под кирпич». В помещении столовой в юго-восточном углу прорубили круглое вентиляционное отверстие и сделали вытяжную трубу, которая заканчивалась на чердаке, а потолочные балки обшили войлоком и обили железом для предупреждения опасности пожара, происходящего от горящих свечей. Это объяснялось тем, что в царствование дочери Петра I – Елизаветы Петровны – в Домике была устроена часовня, в которой хранилась любимая икона Петра I – образ Спаса Нерукотворного (В настоящее время икона находится в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга. – *Н.А.*). В итоге, по окончании всех работ отремонтированный «Первоначальный дворец» был заключён в новый, оснащённый современными инженерными достижениями футляр, который и в настоящее время выполняет свои функции.

В начале 1869 года для большей сохранности драгоценных украшений на окладе образа Спасителя и других дорогих вещей в часовне архитектор Придворной канторы Г.Т. Гросс предложил установить в окнах Домика металлические решётки в виде переплёта, но без стекол. Эти решётки сохранились до настоящего времени. С той же целью заменили и входную деревянную дверь в Домик на металлическую.

Через маленькие помещения Первоначального дворца проходили тысячи людей. Сосновые полы в помещении часовни заменили каменными. Вход в часовню был из сеней, знаменитая икона находилась в помещении нынешней Столовой, а выход следовал через нынешнюю Спальню, где окно переделали в дверь. В рапорте от 26 марта 1910 года инспектор по строительной части архитектор А.И. фон Гоген сообщал, что множество проходящих целый день людей, горящих свеч дают массу паров, которые конденсируются на холодных стенах и потолке Столовой (футляр Домика не отапливался). В итоге инспектор делает вывод, что «первый дворец Петра находится в положении неминуемого разрушения как от наводнений, так и постоянного притока сырости от посетителей в холодное время, и под страхом ежечасной опасности от пожара»⁶. В связи с этим архитектор предложил вынести часовню из Домика Петра I, что не было принято духовенством. После Октябрьской революции 1917 года Домик был передан в ведение Комитета имущества Республики с правом совершать богослужение, что продолжалось до конца 1929 года. Часовню упразднили, и в марте 1930 года в Домике открылся музей. Начался новый этап в жизни памятника. Для сохранения его регулярно проводились ремонты, необходимые для эксплуатации:

⁶ Цит. по: *Зязева Л.К.* Указ. соч. С. 40.

1. Фасад Домика Петра I. Фото середины 1960-х годов.

декорировка внутренних помещений холстом, окраска гонтовой кровли, перестилка полов.

К середине XX века в связи с многочисленными ремонтами элементы первоначальной архитектуры и отделки Домика Петра I частично были утрачены или искажены. Стены сруба многократно перекрашивались при каждом ремонте, в результате они покрылись грубой красно-бурой растрескавшейся корой (илл. 1). В конце 1960-х годов решено было провести Генеральную реставрацию. Научным руководителем и автором проекта реставрации стал известный архитектор, крупнейший знаток архитектуры Петровской эпохи А.Э. Гессен. Проекту реставрации предшествовал длительный период тщательного комплексного научного исследования памятника: исследование грунта, обследование состояния древесины, фитопатологическое лабораторное исследование древесины всех конструкций, были сделаны расчистки от красочных наслоений фасадов Домика с целью исследования состояния первоначального красочного слоя. Главная задача реставрации состояла не только в устранении повреждений, причинённых зданию временем, но и в удалении всех наслоений и искажений, образовавшихся на протяжении более чем 270-летнего существования первого жилого строения Петербурга, с целью раскрытия его первоначального облика⁷. Важ-

⁷ Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометова Б.Н., Раскин А.Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1983. С. 35.

ную роль в последней реставрации сыграла Л.К. Зязева, хранившая Домик в 1970-е годы, благодаря её усилиям был обнаружен целый пласт документов начала XVIII века, связанных с историей «Первоначального дворца».

Отметим, что процесс выявления архивных документов и новых сведений о памятнике продолжается, чему во многом способствует возможность взаимопользования с коллегами, учёными, исследующими историю культуры петровского времени. Так, в 2011 году на III Международном Конгрессе петровских городов директор архива в городе Угличе Т.А. Третьякова сообщила, что в архиве, работой которого она руководит, хранится документ – «Историческое описание дворца Императора Петра Великого, что на Петербургской стороне и достопамятностей в нём находящихся...»⁸. Нам представилась возможность ознакомиться с этим документом и выяснить, что указанное «Описание...» составлено в 1845 году архитектором Р.И. Кузьминым и старшим смотрителем Первоначального дворца Одинцовым после завершения строительства нового футляра над Домиком. В архив города Углича рукопись попала из национализированной усадьбы Шишкино Мышкинского уезда Ярославской губернии – родового имения Опочининых, куда, в свою очередь, перевезена наследниками Президента Гофтинтендантской конторы Ф.П. Опочинина из Петербурга. В 1840-е годы Опочинин лично курировал работы по сохранению, восстановлению и защите от подтоплений Первоначального дворца на Петербургской стороне. Так был выявлен ценный источник по истории сохранения и бытования Домика, дающий комплексное представление о памятнике⁹.

В пояснительной методической записке, составленной архитектором А.Э. Гессеном, говорится: «Произведённое в начале 1972 года удаление позднейшей отделки фасадов (пилястры из досок и карниза) показало, что под ними находятся первоначальные формы сруба – шестигранные торцы венцов и роспись под кирпичную кладку, значительно отличающаяся от позднейшей (более крупного масштаба и не масляной, а водяной краской). Удаление настила полов и холста, драпирующего стены помещений, показало, что нижний венец сруба находится ниже уровня пола здания – футляра. Эти раскрития позволяют судить также о весьма существенных нарушениях

⁸ УгФ ГАЯО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 94.

⁹ *Александрова Н.А.* Новые материалы по истории Домика Петра I: «Историческое описание дворца Императора Петра Великого, что на Петербургской стороне и достопамятностей, в нём находящихся» // Страницы истории отечественного искусства. ГРМ. Выпуск XXIV. СПб., 2014. С. 228–237.

древесины и искажениях первоначальных форм при ремонтах, которыми подвергалось здание»¹⁰.

Тщательно подготовленная реставрация началась с монтажа конструкций усиления сруба (вместо вертикальных досок-сжимов). Был сконструирован металлический каркас, который установили внутри Домика и закрыли обшивкой стен. Брёвна сруба подтянуты шурупами к стойкам этого каркаса. Каркас устроен так, что выход из строя отдельных брёвен не влечёт за собой разрушения всего Домика. Созданный жёсткий каркас принял на себя нагрузку от брёвен сруба и конструкций покрытия (крыши). Проект реставрации предусматривал и полную разборку гонтового покрытия до обрешётки стропильной системы. Во время разборки гонт чистили, каждую дощечку маркировали. Натурные обследования показали, что за период своего существования Домик утратил изначальные пропорции. Пол в здании футляра оказался на один венец выше сруба. Реставраторами XX столетия было решено в границах 1-го футляра (архитектора Д. Трезини) снять поздний мраморный пол в шахматную клетку, а вместо него выложить кирпичом, уложенным на ребро.

Самый сложный и длительный процесс представляла живописная реставрация окраски фасадов. Аналогов такой реставрации не существовало, Домик реставрировали как живописное полотно. Художник-реставратор Н.Н. Благовещенский, возглавлявший коллектив реставраторов живописи отмечал, что методика технологического процесса определялась только экспериментально-практическим образом¹¹. Реставраторы заложили 50 пробных расчисток и выяснили, что количество оригинальных брёвен составило 43 % от всей площади сруба. На оригинальной части, в свою очередь, много живописных утрат в виде осыпей живописного слоя, таким образом, площадь оригинальной живописи составляет около 30% от её поверхности. Было определено, что красочное покрытие неоригинальных брёвен состоит из пяти масляных слоёв, а оригинальных из одиннадцати. Два нижних слоя идентичны по химическому составу: это охра красная с вкраплениями мела на олифе со свинцовым суриком¹². Известно, что Пётр хотел видеть новую столицу выстроенной в камне и похожей на города Голландии, но сначала город строился из дерева, предписывалось деревянные строения возводить из бруса, красить черлёнью и расписывать «в кирпич».

¹⁰ КГИОП.91 / Пр.-6. Методическая записка к проекту реставрации. 1972.

¹¹ *Благовещенский Н.Н.* Первоначальная окраска Домика Петра I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 235–237.

¹² Там же.

2. Фрагмент росписи «под кирпич». Современное фото.

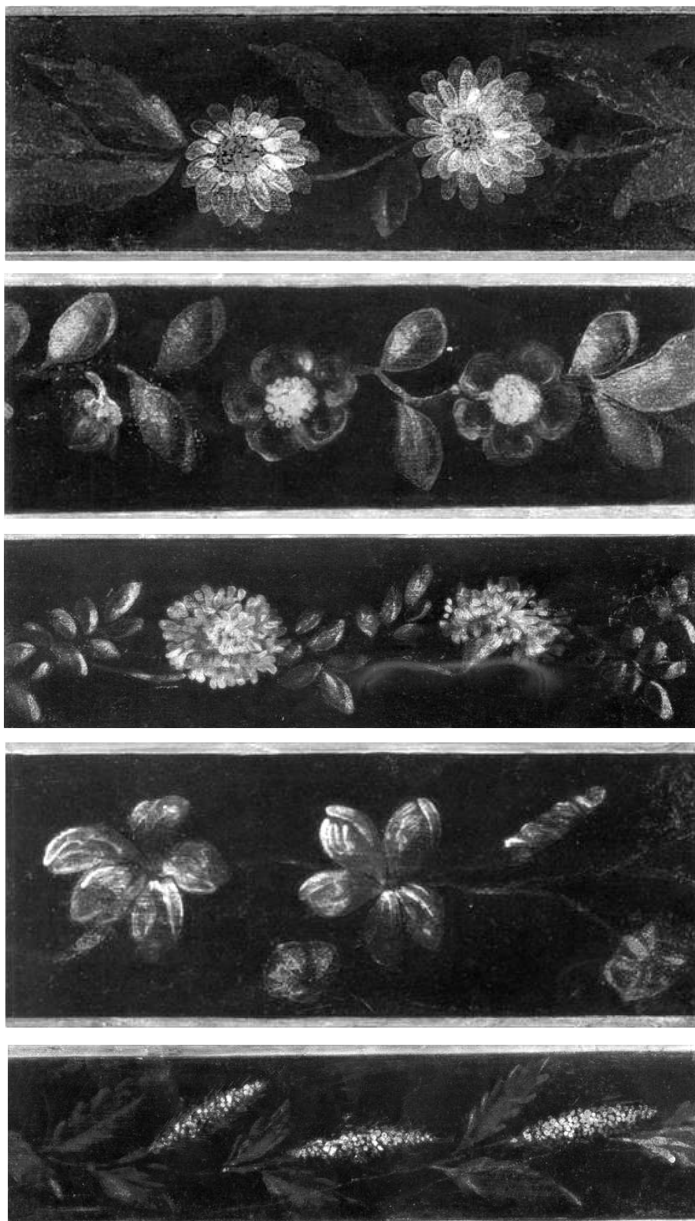
Сохранившаяся роспись сруба Домика является единственной такого рода, она была выполнена от руки, поэтому «кирпичи»

отличаются один от другого размерами, а толщина «шва» имитирующего известковый раствор не строго одинакова (илл. 2).

Тщательной расчистке подверглись не только стены, но и внутренние наличники окон и дверей и полотна трёх межкомнатных дверей. Под десятью слоями однотонных масляных окрасок реставраторы обнаружили полихромную роспись в виде цветочных гирлянд, а на дверях Кабинета и Столовой — пейзажи. В 1820-е годы П.П. Свинын, описывая Первоначальный дворец, сообщал: «...косяки у окон расписаны различными узорами, коих досель видны остатки, на дверях же представлен род перспективы...»¹³. С помощью рентгенограмм реставраторы точно определили очертания живописи, лежащей под слоем сплошной закраски, и полностью расчистили её. Наиболее интересной находкой реставраторов является расчищенный «травный» орнамент внутри здания и наличниках окон и дверей, исполненный масляными красками (илл. 3). На чёрном фоне переплетаются цветы и травы. В Домике Петра расписаны также межкомнатные двери. Лучшее других сохранилась живопись на дверном полотне из Столовой в Спальню, на которой изображён интерьер западно-европейского собора (илл. 4).

Известно, что и оконные рамы Домика, и стёкла неоднократно заменялись. Решено было заменить заполнение окон таким стеклом, каким оно могло быть первоначально или близким по характеру, по виду и качеству, подобно сохранившемуся стеклу в рамках шкафов Зелёного кабинета Летнего дворца Петра I в Летнем саду. Семь широких окон Домика застеклили так называемым «лунным стеклом», забранным в свинцовые переплёты.

¹³ Свинын П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1997. С. 19.

3. Фрагменты росписи наличников. Современное фото.

4. Роспись двери в Столовую. Современное фото.

В сенях за потолочной балкой во время реставрации обнаружили остатки нескольких слоев холста, подтверждающих ранние описания «Первоначального дворца». Стены внутренних помещений Домика Петра I обтянули парусным полотном. Морскую парусину специально для этого выткали на текстильной фабрике в городе Вязники Владимирской области, где уже в начале XVIII столетия работали мануфактуры, выпускавшие холст для флота. Для Домика Петра I изготовили полотно по старой технологии из натурального длинноволокнистого льна, соответствующего по цвету и фактуре парусине петровского времени.

В результате последней реставрации облик Домика Петра I преобразился. По мнению руководителя работ архитектора А.Э. Гессена, «Теперь уже Домик Петра, помимо только историко-мемориального значения, приобретает совершенно новое качество. Он становится одним из уникальных памятников оригинальной и своеобразной архитектуры важнейшего переломного периода русской истории»¹⁴.

В наше время Санкт-Петербург надёжно защищён от наводнений дамбой, и Домику Петра I подъёмы воды в Неве не страшны. Но памятник становится старше, конструкции ослабевают. Многолетние наблюдения за температурно-влажностным режимом свидетельствуют, что условия хранения Домика нельзя назвать оптимальными. На сегодняшний день перед нами стоит главная задача — создание надёжных условий для хранения уникального памятника, обеспечение комфортных условий для многочисленных посетителей и следование воле Петра Первого сохранить его «Первоначальный дворец» на «предбудущие времена». В 2004 году Домик Петра I вошёл в состав Государственного Русского музея. Начался первый этап подготовки к будущей реставрации. Проведён ряд исследований, необходимых для выработки проекта. Представляется, что реставраторы XXI века сосредоточатся не только на срубе, но продуманно подойдут ко всему тонко организованному комплексу — деревянный Домик Петра I, защитный футляр, окружающий сад.

¹⁴ Гессен А.Э. Жизнь архитектуры (Вопросы научной реставрации) // Восстановление памятников культуры. М., 1981. С. 82.

Сорокин Пётр Егорович
(Санкт-Петербург)
*Заместитель директора
Научно-исследовательского института
культурного и природного наследия*

Матвеев Василий Николаевич
(Санкт-Петербург)
*Научный сотрудник
отдела архитектурной археологии
Государственного Эрмитажа*

Археологическое изучение домика Петра I в Санкт-Петербурге

Домик Петра I — уникальный памятник начала XVIII века, расположенный на Петроградском острове, на берегу Невы — первый из домов Санкт-Петербурга, который сохранился до наших дней почти в своём первоначальном виде (*илл. 1, 3.1*). Такая сохранность деревянного здания обусловлена тем, что ещё при жизни его владельца — Петра Великого — и по его прямому указанию в 1723–1724 годах была сооружена защитная галерея. И в дальнейшем Домик, называвшийся также «Первоначальным дворцом», был предметом постоянного внимания со стороны высших лиц государства, которые регулярно выделяли деньги на ремонт защитных галерей и благоустройство окружающей территории. В Описании А.И. Богданова 1751 года «Сей дворец Его Величества состоит в небольших хоромцах брусчатых, по сторонам по одной светелке, а посередке сенцы, в длину не более 10 сажен, а в ширину три сажени, наверху кровли поставлена мартира, а по концам кровли лежат по одной бомбе с горящим пламенем, разписаны по кирпичному маниру, и внутри

1. Домик Петра I. Современное фото.

обиты холстом. Огорожен сей императорский дом (для охранения в предбудущия роды) каменным шатром, то есть огорожен каменными столбами с перемычками и сверху покрыт черепицею, и сия вещь великой куриозности предбудущим родам достойна ... достоин еси чести и славы на нестареемыя лета»¹. История Домика — наглядный пример трехвековой борьбы с природными стихиями, которые презрел Пётр Великий, выбирая место для нового города.

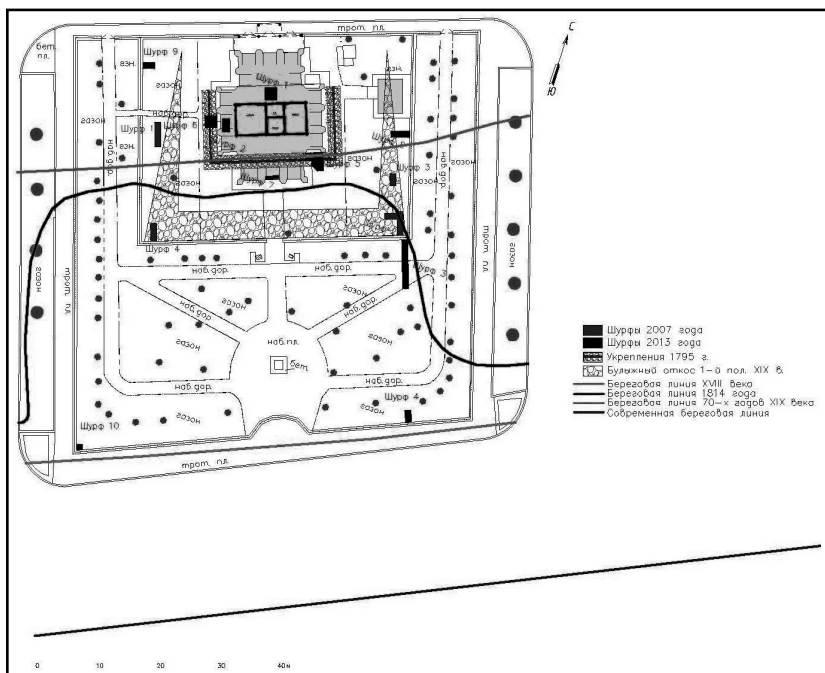
Существует несколько версий происхождения домика Петра I. Согласно традиционной точке зрения, он был построен русскими солдатами за три дня. Его срубили на месте, при этом в качестве аналога этой постройке назывались традиционные костромские дома². По мнению Н.В. Четвериковой, обратившей внимание на необычные для русского домостроения конструкции и оформление домика, он был выстроен пленными шведскими солдатами на берегу Невы в традициях шведской народной архитектуры³. Учитывая явные североευропейские черты в его устройстве, позднее высказывались различные предположения о шведском происхождении мемориального домика. По одной версии, это мог быть один из сохранившихся домов шведского города Ниена, перевезённый сюда по Неве в первые дни строительства Петербурга⁴. По другой, он мог принадле-

¹ Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 137–139.

² Зязева Л.К. Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983. С. 34.

³ Четверикова Н.В. Домик Петра I в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. 1995. М., 1996. С. 461.

⁴ Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 96.

2. Сводный план заложенных шурфов, береговых линий и берегоукреплений.

жать ранее шведскому шкиперу Лейя, жившему поблизости в этой части Березового (Петроградского) острова, а после начала строительства Петербургской крепости перенесён на новое место⁵. С.Б. Горбатенко было высказано предположение о том, что шведский шкипер Лейя жил именно здесь, и домик остался на своём прежнем месте⁶, хотя по шведской карте XVII века его усадьба находилось на удалении около 50–70 м от современного места расположения Домика Петра I.

Археологические исследования домика Петра I проводились в 2007 и 2013 годах в рамках проекта его реставрации. Они носили разведочный характер и ограничивались 13 шурфами, заложенными на различных участках территории, примыкающей к памятнику (илл. 2). При строительстве защитных галерей и берегоукрепительных соору-

⁵ Сорокин П.Е. Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 1. СПб., 2003. С. 28.

⁶ Горбатенко С.Б. Шведский домик Петра I // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 102–106.

жений, а также их многочисленных ремонтах и перестройках культурный слой, относящийся к началу XVIII века, вокруг домика в значительной степени оказался переотложен. Тем не менее, удалось получить определённую информацию об историческом ландшафте территории, на которой он расположен. Как показали исследования, поверхность почвы, на которой возводился домик, находилась на отметках около 1,29 в Балтийской системе высот, то есть на высоте чуть больше 1 м от уровня Невы (0,20 БС). В настоящее время основание сруба располагается на отметках около 2,20, то есть почти на 1 м выше первоначального уровня земной поверхности. Древний почвенный слой, изученный у северной стены домика, представляет собой гумус чёрного цвета, который имеет мощность до 20 см. Это показывает, что, несмотря на близость этой территории к воде, процесс почвообразования происходил здесь на протяжении длительного времени.

Отсутствие в слое погребённой почвы каких-либо находок, так же, как и отсутствие в материалах раскопок вещей, которые могут надёжно относиться к допетровскому времени, свидетельствует о том, что это место не было хорошо обжито к моменту строительства домика, а поселения, существовавшие в окрестностях, не оставили здесь своих следов. Прибрежная территория, на которой возводился домик — одна из шведских усадебных построек, перенесённая и собранная на этом месте, не была освоена ранее. Это подтверждается и анализом предшествующих археологических данных и шведских картографических материалов, показывающих, что в условиях постоянных наводнений в Невской дельте поселения располагались на некотором удалении от береговой линии.

Ко времени строительства Домика может быть отнесён перекрывающий почву слой насыпного светло-серого песка мощностью до 0,35 м, образовавшийся в первые 20 лет его существования. После постройки в 1724 году первой защитной галереи, полы в ней были вымощены кирпичом, и процесс формирования культурного слоя был временно остановлен. В пользу этой версии свидетельствует также полное отсутствие в песчаном слое каких-либо находок. Вероятно, на поверхности этого насыпанного перед строительством слоя и возводился домик. Существование каменных фундаментов у деревянного строения петровского времени маловероятно, но возможно имелись каменные — в виде валунов или деревянные подкладки под нижние венцы сруба, которые могли быть разобраны при более поздних ремонтах. Отсутствие на поверхности песчаной подсыпки остатков щепы и видимых следов органики свидетельствует о том, что домик, вероятно, рубился не на месте его установки. Об этом же свидетельствуют зарубки на его брёвнах.

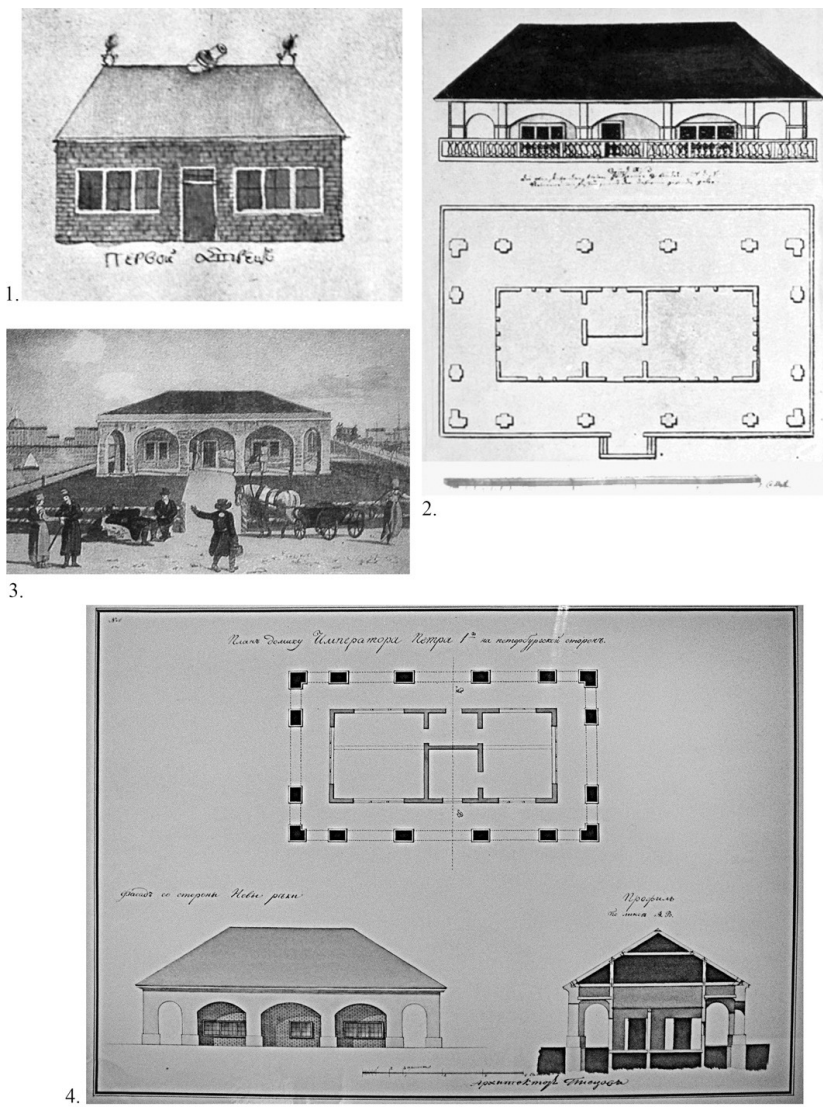
Сообщение Петра I в письмах Меншикову и Головкину 11 сентября 1706 года о том, что во время наводнения за два дня до этого вода «у меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм (52,5 см)» привлеклось специалистами два столетия спустя для оценки подъёма воды во время этого наводнения, так как ординара в это время ещё не было. Его высота была определена как 251 см или 262 см в БС высот⁷. Однако, если высотное положение домика ко времени этих определений изменилось за счёт подъёма в процессе перестроек, то расчёт гидрографов был неверным и уровень подъёма воды был существенно меньшим — около 2 м выше ординара.

Работы по сохранению домика начались ещё при жизни Петра I. В 1723–1724 годах по проекту Доменико Трезини была построена его первая защитная галерея. Изображение домика с этой галереей имеется на рисунке из коллекции Б.Ф. Берхгольца. «В Петербурге Первый Дом Его Императорского Величества, где покойный царь жил при основании г. Петербурга». Первая галерея представляла собой кирпичную аркаду, устроенную на столбах, с пилястрами и высокой четырёхскатной крышей (илл. 3.2). Она была окружена балюстрадой из баясин. Размеры домика на чертеже Б.Ф. Берхгольца — 4,1 x 1,5 саж. совершенно не соответствуют размерам и пропорциям сохранившейся постройки. Согласно описанию А.И. Богданова, в середине XVIII века домик достигал в длину не более 10 сажень, а в ширину 3 сажени⁸, что также далеко от реальных параметров строения. Современные размеры домика составляют 12,1 x 5,6 м с выступающими лапами сруба, без них — 11,9 x 5,3. Если наложить чертёж Б.Ф. Берхгольца на современный план, то размер одной сажени на его чертеже — 2,83 см, а это — параметры городской сажени. Но различия имеются и в пропорциях. Отношением длины к ширине на этом чертеже равно примерно 1/3, а современного близко к 1/2. Сведения о значительной перестройке домика, при которой его размеры могли существенно измениться, так же, как и её следы, отсутствуют, хотя ранее высказывалось предположение о том, что это могло произойти после наводнения 1777 года. Так что, вероятно, чертёж выполнен ошибочно, также как и данные зафиксированные А.И. Богдановым. В то же время, размеры и параметры Домика на чертежах XVIII–XIX веков (чертёж Писцова 1822 и Р.И. Кузьмина 1844) полностью соответствуют его современным параметрам.

Начатые уже в 1703 году работы по укреплению берега в районе Домика Петра I продолжались и в последующее время. Обычно они

⁷ Померанец К.С. Три века петербургских наводнений. СПб., 2005. С. 15.

⁸ Богданов А.И. Указ. соч. С. 137–139.

3. Исторические планы Домика и окружающих его галерей.

1 – Домик Петра I, вид до строительства галерей (акварельный рисунок из рукописи А. Богданова «Кратчайшее описание Санкт-Петербурга», 1751); 2 – чертёж галереи 1723/24 годов (из коллекции Берхгольца, начало XVIII века); 3 – вид второй галереи в начале XIX века (цветная литография Медландта по рисунку Кэра, 1805); 4 – чертёж галереи 1784 года (чертёж архитектора Писцова, 1822).

4. Остатки столба
галереи 1723/24 годов.

совпадали с перестройками его защитных сооружений. Остатки берегоукреплений различных периодов были выявлены в процессе раско-

пок. В период строительства галереи над домиком в 1723–1724 годах участок набережной против него был отремонтирован, береговая кромка укреплена с помощью забитых в землю 2000 кольев и уложенных поверх них 1000 связок прутьев. После очередного ремонта галереи в 1754 году забили сваи вдоль берега на расстоянии 3,5 метра от её стен, береговой откос был укреплен камнем и дёрном. Возможно, камни нижнего яруса выкладки в шурфе 5 (угол южного тамбура и чехла 1844 года с восточной стороны) относятся как раз к этому времени. Размер булыжников около 0,3 x 0,3 м, верхние отметки 0,80–0,70. Под ними, в слое серого песка с фрагментами кирпича, зафиксированы 4 сваи диаметром 0,11–0,19 м, отметки верха 0,40–

1

2

5. Берегоукрепления 1754 и 1795 годов.
1 – к западу от Домика; 2 – к югу от Домика.

0,50. Верхушки всех свай сгнили, первоначальная их высота неизвестна, но похоже, что на вершине восточной сваи сохранились остатки шипа.

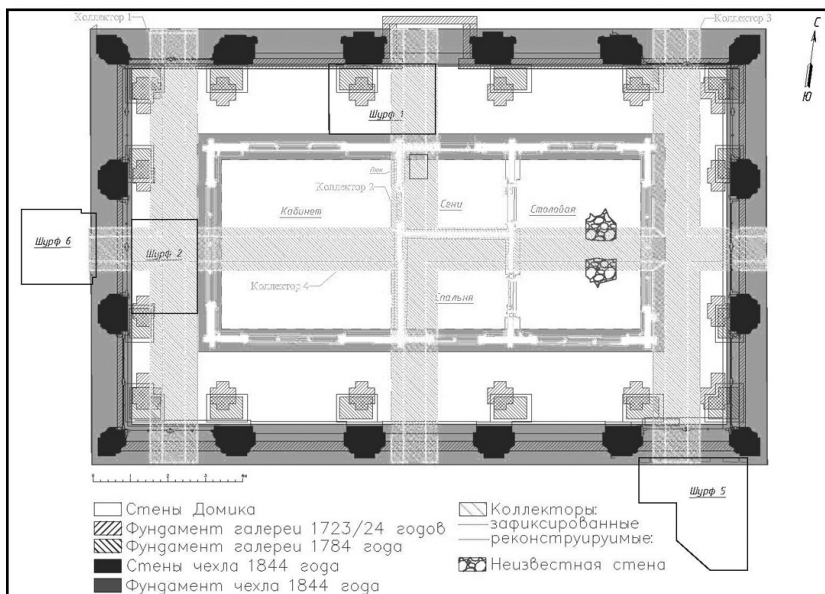
Основание одного из столбов относившегося, вероятно, к первой галерее было обнаружено в процессе раскопок на отметке 0,82 (илл. 4). Сохранились две известняковые плиты размерами: 0,18 x 0,28 м и 0,43 x 0,44 м, толщиной 0,12–0,17 м. Также была зафиксирована впускная яма, которая, очевидно, была круглая в плане. В шурфе зафиксирована лишь её четвёртая часть, а северная половина уничтожена мощным фундаментом павильона 1844 года. Несмотря на неточность чертежа Бергхольца, остатки столба совершенно чётко совпадают с тем местом, где он обозначен на плане.

Первоначальная галерея ремонтировалась несколько раз, но окончательно пришла в негодность после катастрофического наводнения 1777 года. Ремонтные работы были проведены лишь в 1784 году, когда были разобраны до основания пришедшие в ветхость «пятнадцать столбов с арками», возведены новые пролёты арок, укрепленные железными связями. Внутри галереи «высланный на ребрик» пол заменили новым^{9,10}. Совмещение планов галерей показывает, что постройка 1784 года (илл. 3.3, 3.4) почти полностью совпала по размерам с постройкой 1723/24 (илл. б). Вторая галерея в свою очередь была разобрана при строительстве нового чехла в 1844 году и археологически пока никак не зафиксирована. По письменным источникам известно, что столбы второй галереи были поставлены на старые фундаменты — т.е. найденные при раскопках известняковые плиты однозначно относятся к галерее 1723/24 годов. Это подтверждает и тот факт, что обнаруженная в шурфе плита лежит в материке очень плотно, незаметны следы её перемещения и под ней также не зафиксировано никаких других остатков нижележащего фундамента. Это входит в противоречие с сообщением о том, что «под старый фундамент были забиты новые сваи». Возможно, сваи были запланированы проектом, но не осуществлены в действительности. Однозначно ответить на этот вопрос можно будет, лишь вскрыв ещё несколько оснований столбов.

В 1795 году у фундамента галереи укрепили откос из булыжного камня. Для защиты от судов, стоявших у причала, которые в случае

⁹ В ходе реставрационных работ в 1971–1974, проводившихся под руководством архитектора А.Э. Гессена, пол вокруг Домика был понижен на 35 см, что соответствовало, по мнению реставраторов, его первоначальной отметке, и сделана отмостка из кирпича, уложенного на ребро в «ёлочку», согласно документам петровского времени.

¹⁰ Зязева Л.К. Указ. соч. С. 25, 20.

6. Сводный план всех защитных конструкций Домика.

наводнения могли повредить Домик, были сооружены быки и с трёх сторон памятника установлены надолбы с продольными брусьями. Эта конструкция была обнаружена в шурфах, заложенных у первой ограды домика с западной стороны и у юго-восточного его угла (илл. 2, 5). В основе её были подквадратные в сечении сосновые брусья, положенные на сваи. С южной стороны, т.е. непосредственно со стороны берега, использовался мощный брус с сечением 0,3 x 0,27 м, подпёртый выкладкой из гранитных валунов размером 0,4 x 0,4 м с внешней стороны и приваленный булыжниками меньшего размера (0,3 x 0,3 м) со стороны домика. С запада был уложен меньший брус с сечением 0,21 x 0,23 м, он укреплён камнями только с внешней стороны, размер самого крупного 0,7 x 0,38 м, остальных примерно 0,4 x 0,4 м.

По мере изменения береговой линии в конце XVIII — начале XIX века Домик оказался на берегу небольшой заводи (обозначена на чертеже Г.П. Пильникова 1814 года). Участок остатков её берегоукрепления этого периода, сохранившихся с отметок 0,85–0,87, был изучен в процессе раскопок. Он представлял собой подпорную конструкцию из трёх свай, диаметром 0,26–0,32 м, вбитых в метре друг от друга вдоль берега Невы. Между ними были прослежены два ряда

поставленных на ребро и заведённых в пазы досок шириной около 0,2 м, толщиной 0,04–0,06 м. Спустя некоторое время принимаются более радикальные меры для укрепления берега на этом участке. По проекту Г.П. Пильникова в 1814 году береговую линию смещают дальше от Домика и откос из булыжного камня переносят на 4 сажени (8,5 м). Этот откос был также изучен во время раскопок в двух шурфах. Он состоит из хаотично набросанных крупных (до 0,4 м) валунов, булыжника и редких фрагментов разноформатного кирпича (*илл. 2*). Камень уложен неплотно, с пустотами. Ширина вала составляет около 0,8 м, фиксируемая высота не превышает 70 см. Верхний ряд камней был уложен на грунт со строительным мусором, ещё три ряда камней уступами спускались в сторону Невы по береговому склону.

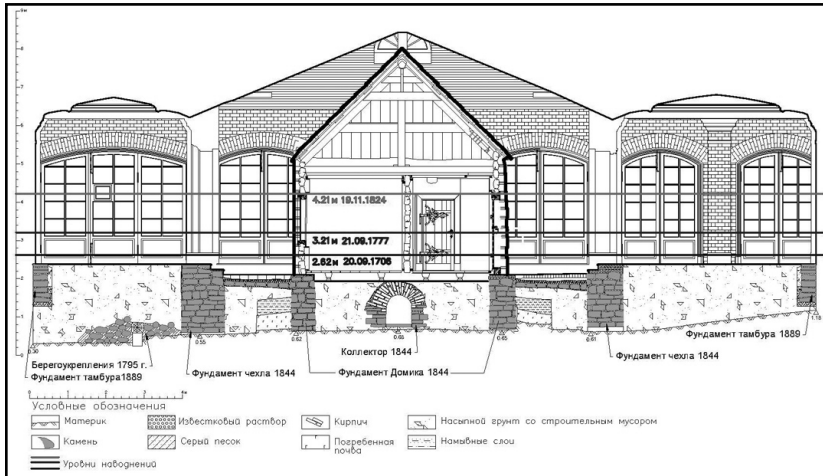
В 1833 году под наблюдением архитектора П.Л. Виллерса в очередной раз были забиты сваи около берега, устроен палисад, сделаны перила. В 1841 году были проведены новые работы по укреплению берега для предотвращения затопления домика. По плану архитектора К.И. Реймерса вокруг галереи и вновь распланированного сада предполагалось сделать высокий вал из булыжника, переложенного мхом и землёй. Вероятно, с работами 1833 года связана конструкция, обнаруженная шурфе 2 (2007) и в шурфе 3 (2013) у современной внутренней ограды домика, в составе которой были сваи с прикреплёнными к ним брусом и бревном.

В 1844 году по причине плохого состояния павильона была сделана его полная перестройка по проекту архитектора Р.И. Кузьмина. Кирпичные стены прежней галереи были разобраны и построены заново. Новый павильон был возведён почти в границах старой галереи, но он был несколько шире (*илл. 6*), незначительно изменились и пролёты арок на продольных фасадах, что было вызвано необходимостью увеличить дверные проёмы. Внутреннее пространство вокруг домика было выстлано кирпичом плашмя с заливкой цементом. В новом защитном павильоне также были сделаны двери и окна¹¹.

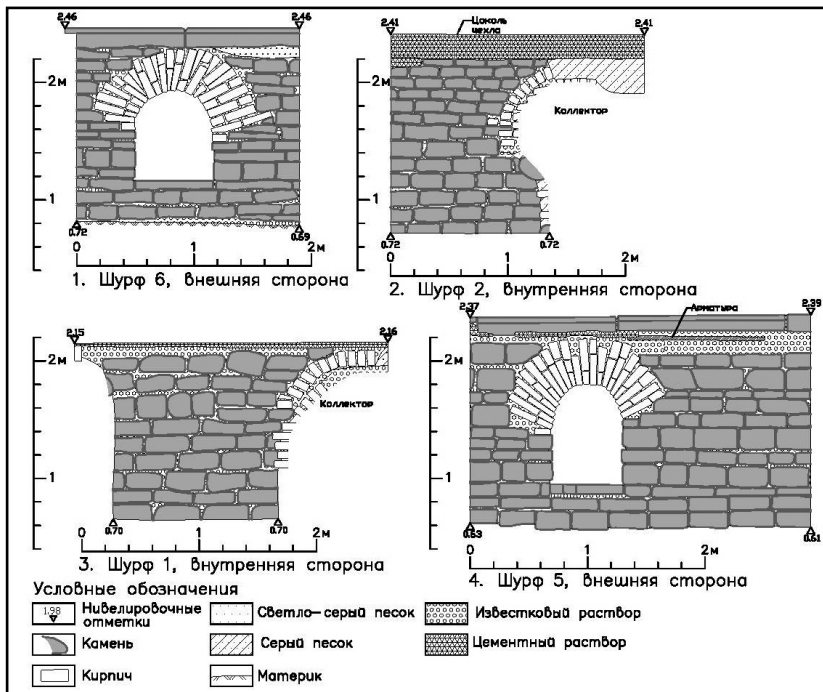
В процессе ремонтных работ Домик был поднят и поставлен на отдельный фундамент, а под ним были проложены сводчатые дренажные коллекторы (*илл. 7, 8*). Фундамент Домика был зафиксирован в двух шурфах, заложенных с его северной и западной сторон. Размеры его составляют 12,18 x 5,8 м и несколько выходят за пределы сруба (11,9 x 5,3 м, не учитывая выступающие лапы сруба).

Он был сложен из грубо обработанных известняковых плит разного размера (от 0,18 x 0,05 м до 0,63 x 0,19 м) на известковом

¹¹ Зязева Л.К. Указ. соч. С. 27, 21.

7. Разрез защитных конструкций Домика.

8. Фасы стенок чехла 1844 года.

растворе (илл. 8). Общая высота кладки достигает около полутора метров (отметки 0,70–2,19). До этого сруб, вероятно, не имел фундамента, а опирался на каменные или деревянные подкладки, которые при перестройке не сохранились. Фундамент нового чехла, в отличие от предыдущих галерей 1723/24 и 1784 годов, был ленточный размером 17,8 x 11,3 м. Кладка шириной 1,05 м высотой около 1,5 м, залегающая на отметках 0,60–2,10 м, состоит из грубо обработанных известняковых плит и блоков, размерами: 0,35 x 0,1 м — 0,6 x 0,8 м.

Сделанные под домиком кирпичные сводчатые коллекторы, связаны между собой и образуют систему из 4-х ходов (илл. 6). Один из них располагается по продольной оси домика, три проходят перпендикулярно ему — центральный по поперечной оси, а два крайних по линиям его внешних стен — западной и восточной. Выходы коллекторов оформлены в фундаментных кладках внешних стен павильона окантовкой из поставленного на ребро кирпича, выступающего на один ряд из их плоскости (илл. 9). Длина продольного — 18,1 м, поперечных — 11,5, ширина — около 1,15. Высота внутренних каналов составляет около 0,8 м, ширина — 0,6 м. Верхняя отметка сводов располагается на уровне 2,00, низ — 1,20. В местах, где коллекторы проходят фундамент павильона или домика, стенками их являются каменные плиты фундаментов, в пространстве между ними стенки выложены из кирпича. Причём, если внутри домика они выложены из кирпичей, повёрнутых ложками, то снаружи — повёрнутых торцом. Высота стенок около 0,4 м, они сложены из 4–5 рядов кирпича или известковых плит, внутри рядов прослеживается 6. Пол выложен известняковыми плитами шириной равной проходу, т.е. 60 см. Промежутки заполнены светло-серой глиной, выполнявшей функцию гидроизоляции. Заканчиваются коллекторы по-разному: кладками или завалами. Северный торец восточного поперечного коллектора (№ 1) заложен, в южном — завал из грунта и камня, северный торец центрального поперечного коллектора (№ 2) завален кирпичом и заплывшим грунтом, южный заложен колотой известняковой плитой на известковом растворе. В 3,3 м к югу от северного торца коллектора (№ 2) находится входной люк, выводящий в сени домика. Оба торца западного поперечного коллектора (№ 3) завалены грунтом, западный торец продольного коллектора (№ 4) заложен кирпичом, восточный — стенкой из известняка. В его восточной части в 4,04 м от восточного торца обнаружена кладка из известняковых плит шириной 0,8 м, которую коллектор перерезает. Назначение её пока не установлено, но для основания печи она слишком узкая.

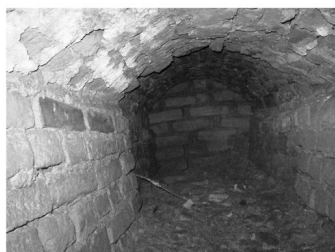
В 1889 году павильон над домиком был расширен пристройкой двух тамбуров, с северной и южной сторон. В результате этой пере-

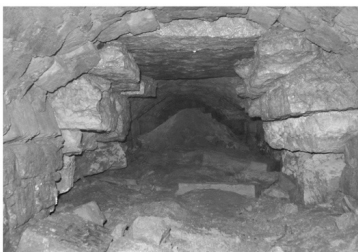
1

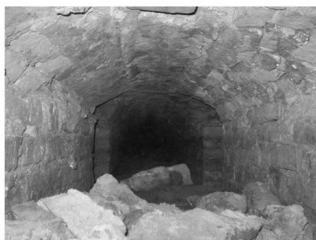
2

3

4

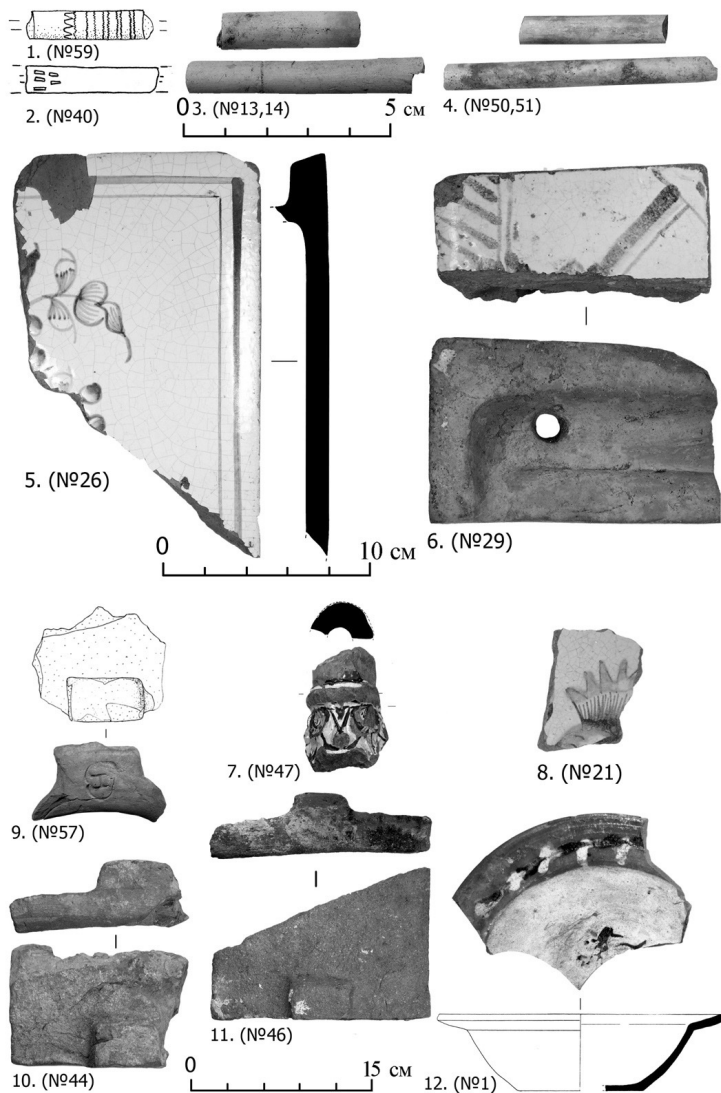

5

9. Коллекторы под Домиком.

1 – западный торец коллектора 4; 2 – пересечение коллекторов 1 и 4; 3 – коллектор 1, северный торец; 4 – пересечение коллектора 4 и известняковой стены; 5 – пересечение коллектора 4 и коллектора 2.

стройки он приобрёл в плане форму креста и в таком виде сохранился до наших дней. После передачи домика в 1874 году из ведения Городской управы к Придворному ведомству вокруг него была сооружена ограда с чугунной решёткой. Раскопки показали, что она имеет мощный каменный фундамент, опущенный на глубину до 2 м от уровня современной дневной поверхности. Наземная часть основания ограды сложена из хорошо обработанных известняковых блоков размером 0,41 x 0,16 м с ровно затёсаным фасадом. Фундамент

10. Находки из шурфов.

1—4 — фрагменты белоглиняных курительных трубок; 5,6 — фрагменты гладких печных изразцов с кобальтовой росписью; 7 — фрагмент изразца-колонки; 8 — фрагмент гладкого печного изразца с полихромной росписью; 9—11 — фрагменты черепиц с шипом; 12 — красноглиняная поливная расписная тарелка.

ограды сложен из грубо обработанных известняковых плит размером 0,5 x 0,1 м.

Береговая линия 1874 года, о месте которой напоминает вторая, ближняя к Неве решётка сада, просуществовала до конца XIX столетия. Современный облик Петровская набережная приобрела в 1901–1903 годах в результате новой реконструкции. За всё время существования Домика береговая линия Невы в этом месте сместилась к югу на расстояние около 75 м.

Находки первой половины XVIII века были обнаружены только в слоях подсыпок. Среди них найдено некоторое количество вещей, которые могут быть связаны с петровским временем: фрагменты голландских белоглиняных курительных трубок, часть поливной тарелки, расписанной растительным орнаментом (*илл. 10*). Эта тарелка использовалась в качестве украшения, так как имеет отверстие для подвешивания. Печные изразцы с синей кобальтовой росписью по белому полю могли быть привезены сюда вместе со строительным мусором, использовавшимся при многочисленных подсыпках территории вокруг домика. Фрагменты кровельных черепиц могут быть связаны с первой защитной галереей. Они имеют клейма, свидетельствующие об их немецком происхождении. В результате археологических исследований были выявлены конструкции различных этапов строительной истории домика Петра I, созданных в разное время вокруг него защитных сооружений, а также изменения ландшафта на этой территории.

Фермет Бернард М.
(Нидерланды)
Ведущий специалист
Фонда инвентаризации культуры в Амстердаме

Расписная дверь в домике Петра I в Санкт-Петербурге¹

Домик Петра Великого — самое старое историческое здание в Петербурге. Он был построен в 1703 году для того, чтобы Петру было удобнее следить за строительством своей новой имперской столицы. В 1711 году домик был перевезён на новое место, где находится и поныне. Уже в 1723 году он был закрыт каменным «футляром», который должен был сохранить это мемориальное здание на века. В 1740-х годах, когда Елизавета превратила его в часовню, он стал чем-то вроде места религиозного поклонения. Сегодня он снова выглядит более или менее так, как это было во времена Петра I.

Внутри домика есть расписная дверь (*илл. 1*). Несмотря на то, что она не слишком хорошо сохранилась, в ней можно безошибочно узнать копию голландской интерьерной церковной живописи XVII века. На ней различима типично голландская архитектура, а композиция напоминает многие картины художников, относящихся к так называемой Делфтской школе, объектом изображения которых были церковные интерьеры. Это были крупноформатные изображения внутренней части готических церквей в угловой перспективе². Характерным примером такого типа живописи является работа Хендрика ван Влита *Хор Новой церкви в Делфте с гробницей Вильгельма Молчаливого*, хранящаяся ныне в художественной галерее Уокера в Ливерпуле (*илл. 2*).

¹ Пер. с англ. М.В. Бадхен.

² По поводу угловой перспективы см. сноску 3.

1. Роспись двери в Домике Петра I.

Наша задача состоит в том, чтобы определить церковь, изображённую на двери, что, скорее всего, поможет найти картину, с которой была сделана эта копия. Я не знаю, каким годом датируется картина на двери, но, если она была создана во времена Петра I, а ещё вероятнее, Елизаветы, то это одна из первых копий голландской живописи в России.

Пионерами делфтской живописи, изображавшей церковные интерьеры, были Герард Хоукгест (р. 1600, Гаага, ск. 1661, Берген-оп-Зом), Эмануэль де Вит (р. 1617, Алкмар, ск. 1692, Амстердам) и Хендрик ван Флит (Делфт, 1611–1675). Все они начали писать реалистические интерьеры Новой церкви (Нъив-Керк) в Делфте около 1650 года, используя так называемую угловую перспективу.

До них только Питер Санредам (р. 1597, Ассендельфт; ск. 1665, Харлем) полностью посвящал своё творчество реалистическому изображению церковных интерьеров, однако он всегда использовал так называемую фронтальную (линейную) перспективу. В композициях с фронтальной перспективой две параллельные стены квадратной комнаты сходятся в единой центральной точке, а две другие идут горизонтально, параллельно плоскости изображения. В композициях с угловой перспективой каждая пара параллельных стен направлены в одну из двух так называемых дистанционных точек схода, расположенных на равном расстоянии справа и слева от центральной точки схода³.

³ Если представить себе картину как стеклянное окно, на котором художник нарисовал то, что он видит через это окно, расстояние между дистанционными

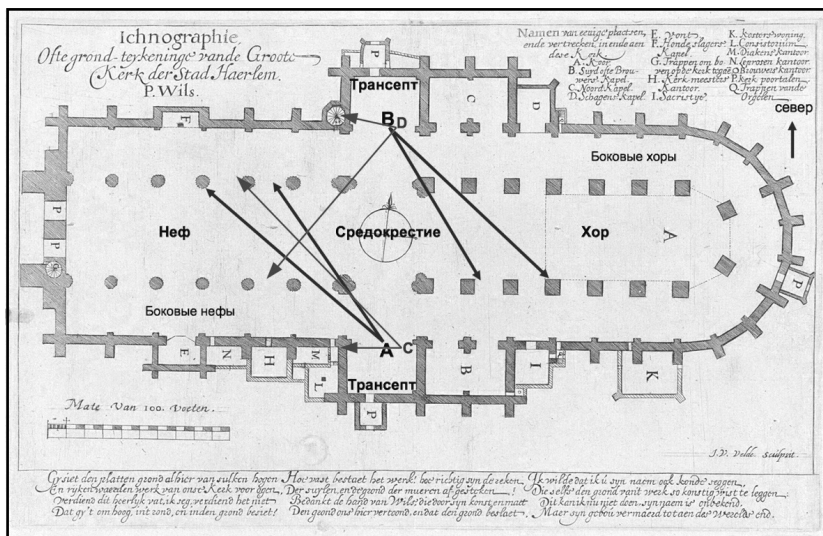
2. Хендрик Корнелис ван Влит. Хоры Новой церкви в Делфте с гробницей Вильгельма Молчаливого. Галерея Уокера в Ливерпуле.

Как Ауде-Керк (Старая церковь), так и Ньив-Керк (Новая церковь) в Амстердаме были построены в так называемом позднеготическом брабантском стиле XV века. Этот стиль появился в Бельгии (в Брабанте) и вместе с бельгийским песчаником, используемом в строительстве этих зданий, и каменщиками и архитекторами, работавшими с ним, распространился по всей западной части Нидерландов (Голландии и Зеландии). Большинство голландских церквей, построенных в брабантском стиле, имеют круглые колонны с восьмигранной базой и круглыми капителями с украшениями, которые иногда называют капустными листьями, с открытым трифорием или псевдотрифорием с низкой балюстрадой или без неё, как на картине Ван Флита и на двери петровского домика. Модернистский стиль первой половины XX века требовал от архитектуры большей «честности», поэтому в церквях, реставрация которых приходится на этот период, побелка была очищена и теперь виден кирпич кладки (илл. 4).

Несмотря на то, что на большинстве картин Делфтской школы изображалась одна из двух церквей Делфта, бывало, что художники этой школы обращались и к другим церквям. Не у всех есть трифо-

точками схода (ДТС) и центральной точкой схода равняется расстоянию между глазом художника и окном. Отсюда и название — ДТС. Чтобы понять, какой метод использовался для написания картины, чаще всего достаточно обратить внимание на линии плит пола. На картинах с линейной (фронтальной) перспективой, как на рисунках 6, 8 и 9, линии контура плит, либо сходятся в центральной точке, либо идут горизонтально. Воображаемые диагонали квадратов плит будут направлены на дистанционные точки схода. Если же в картине использована угловая (диагональная) перспектива, как на рис. 2 и 5, всё наоборот: видимые линии плит направлены на дистанционные точки схода, а воображаемые диагонали сходятся в центральной точке или идут горизонтально.

3. План Гроуте-Керк или Церкви Святого Бовона в Харлеме.
Печать Яна ван де Велде по изображению Питера Вилса.

рий с балюстрадой, но даже те, у которых он был, имеют определённые внешние отличия. Когда смотришь на изображение трифория с балюстрадой на двери петровского домика, то вначале создаётся впечатление ряда готических арок, потому что именно это ожидает увидеть человек, знакомый с голландской готической архитектурой. Но, присмотревшись, можно заметить, что он состоит из ряда балюстрад, скорее в стиле эпохи Возрождения. Однако такого анахронистического трифория нигде не существует и никогда не существовало. Это означает, человек, копировавший картину, придерживался оригинала не слишком точно, что затрудняет идентификацию церкви, с которой писалась картина.

Вторая деталь, которая может помочь определить церковь с картины на двери, — это правая колонна. Это не обычная круглая колонна, а одна из более сложных и тяжёлых колонн средокрестия. Это значит, что точка, с которой изображена церковь на оригинальной картине, была не посреди центрального нефа, как на картине Хендрика ван Флита, а в южном трансепте, и взгляд художника был направлен на северо-западную часть противоположного нефа (А), или же из точки в северном трансепте на хор в юго-восточной части церкви (В) (илл. 3). Оба ракурса обозначены буквами А и В на старом плане церкви в Харлеме, но они будут такими же в любой другой

4. Вид из южного трансепта на неф Новой церкви в Делфте. Современное фото.

католической церкви, имеющей форму креста⁴.

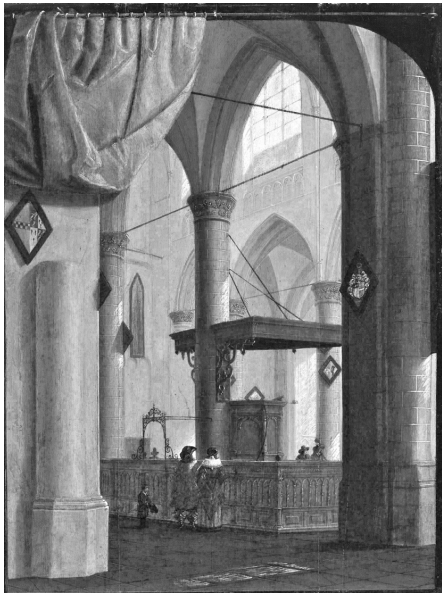
В большинстве церквей арка между трансептом и центральным нефом и трансептом опирается на полуколонну, которая отходит от пилястра средокрестия. Однако здесь, на двери домика, она представляет собой плоский пилястр, что значительно сокращает количество возможных вариантов.

— Если смотреть на неф из южного трансепта Старой Церкви (ракурс А), то попадающий в поле зрения пилястр не имеет основания, а у нефа нет трифория.

— Если смотреть из северного трансепта Новой Церкви в Делфте на хор (ракурс В), то попадающий в поле зрения пилястр гораздо выше и проще, а декор балюстрады совсем иной, чем на картине в домике Петра (*илл. 4*). Кроме того, сама арка Новой Церкви очень узкая, а колонны хора расположены гораздо ближе друг к другу, поэтому маловероятно, что наша картина скопирована с оригинала, написанного из этих точек.

— В Гроуте-Керк в Дордрехте оба трансепта, как южный, так и северный, с точки зрения архитектуры подходят для того, чтобы их рассматривать как возможную точку обзора. Но, поскольку вид на хор из северного трансепта (ракурс В) перекрывался, да и сейчас перекрывается, спинками монументальных ренессансных скамей хора, возможной точкой обзора для живописи на двери можно считать лишь южный трансепт, откуда открывается вид на северную

⁴ В некоторых церквях, как, например, в Хугланд-Керк в Лейдене, в трансепте тоже есть галереи, что увеличивает количество возможных точек обзора. Мы в нашем исследовании эти варианты учитывали. Однако, поскольку они никак не помогли в поисках источника изображения в домике Петра, описание этих вариантов в статье опускается.

5. Неизвестный художник. Вид из северного трансепта на неф Гроуте-Керк в Дордрехте. Сотбис (Нью-Йорк) 26 января 2011, № 8. Изображение перевернуто для имитации вида на неф из южного трансепта.

галерею нефа (ракурс А). В настоящее время этот вид перекрыт скамьями, появившимися здесь в XIX веке. Однако существует картина, на которой взгляд художника направлен на неф из северного трансепта (ракурс D) (илл. 3) и, если её перевернуть, то она будет совпадать с ситуацией, изображённой на двери домика⁵ (илл. 5). Поэтому в самом начале я считал, что на двери домика Петра изображена именно Гроуте-Керк в Дордрехте⁶. Однако мне пришлось изменить своё мнение, когда я увидел фотографии лучшего качества.

На тех photographиях, которые я сделал сам с достаточно большого расстояния, мне не удалось заметить консоль в верхней части пилястра (илл. 1). Ни в одном из рас-

смотренных выше случаев такой консоли нет. Единственная церковь, где её можно обнаружить, — это Гроуте-Керк, или Церковь Святого Бавона в Харлеме, и только на арках между нефом и трансептом, как это видно на картине Питера Саенредама (илл. 6).

⁵ В аукционном каталоге Сотбис, Нью-Йорк, 26 янв. 2011, № 8 картина подписана и датирована Д.Д. Блик / 1654 (D.D. Vliesck / A No 1654). Однако такая атрибуция маловероятна, поскольку на капителях отсутствует очень характерная для работ Даниеля Блика интерпретация капустных листьев. Ещё один интерьер той же церкви, в котором безошибочно узнаётся этот же художник, находится в Музее Изобразительного Искусства в Филадельфии (номер по каталогу 1181) и приписывается Альберту Кёйпу. Картина выполнена в манере Кёйпа, но предмет изображения не типичен для этого автора, поэтому авторство картины остаётся под вопросом.

⁶ Фермет *Бернард М.* Голландская архитектурная живопись в российских коллекциях // II Международный научно-практический семинар «СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОЛЛАНДСКОЙ И ФЛАМАНДСКОЙ ЖИВОПИСИ XVII–XIX вв.». 2–6 июня 2014. Омск, 2015. С. 113–120.

6. Питер Саенредам. Вид из южного трансепта на северный трансепт и хор Grote-Керк или церкви Святого Бавона в Хаарлеме. Музей Поля Гетти в Малибу.

На этой картине изображён вид из северного трансепта на южный трансепт и хор, то есть, как на ракурсе В (*илл. 3*), однако наш взгляд здесь направлен не на юго-восток, а строго на юг, то есть, использована линейная, а не угловая перспектива. На этом точном изображении видно, что левая арка между трансептом и галереей хора не имеет ни базы, ни консоли, и что колонны хора не имеют капителей. Однако справа в глубине арка, ведущая в боковой неф, имеет и базу, и консоль, а у колонн нефа есть капители в виде капустных листьев. Более того, эта арка достаточно широка, а расстояние до первой колонны нефа достаточно велико, чтобы позволить нам увидеть то же самое, что изображено на двери петровского домика (*илл. 7*). Более того, похоже, что на изображении на двери не видно верхнего ряда окон над трифорием, поскольку они расположены гораздо выше, что, собственно, соответствует ситуации в церкви Харлема, но не в Дордрехте.

Причина, по которой я с самого начала не стал рассматривать в качестве возможного варианта церковь Святого Бавона, заключается в том, что она, как правило, не была объектом изображения Делфтской школы интерьерной церковной живописи. Хотя это не совсем так. Существует картина Хендрика ван Флита, датированная 1666 годом, с изображением её интерьера. Это вид на юго-восточную часть церкви из северного бокового нефа⁷. Существование этой кар-

⁷ Панель, 61 x 55 см. Подписано и датировано: Х. ван Флит / А. 1666. Музей Бойманса-ван Бёнингена. Роттердам. Инв. № 1925.

7. Вид из южного трансепта на неф в Гроуте-Керк, или церкви Святого Бавона в Хаарлеме. Современное фото.

тины означает, что у Ван Флита, вероятно, были и другие картины и эскизы с изображением этой церкви⁸. Кроме того, изображение на двери вовсе не обязательно является угловым видом, использующим диагональную перспективу. Если выбрать левую или правую часть композиции, сделанной с применением линейной перспективы, можно создать впечатление, что смотришь под углом.

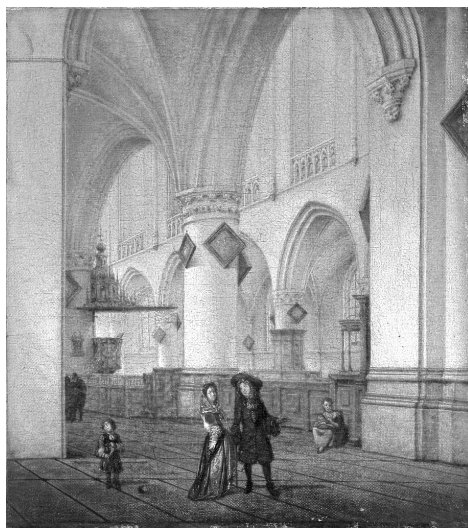
Саенредам делал это неоднократно, как, например, в картине *Вид на капеллу северного нефа Гроуте-Керк в Алкмаре*⁹. Но, отрезав две трети от большой картины Саенредама с правой стороны (илл. б), можно получить тот же результат. На самом деле, короткие горизонтальные линии баз пилястр (вместо диагональных, уходящих под наклоном вверх), которые мы видим в самом правом углу картины, могут служить доказательством того, что оригиналом для этой копии послужила работа с линейной, а не угловой перспективой, если, конечно, это не простая небрежность копировщика, стремящегося к простоте.

У Питера Саенредама было несколько последователей, также обращавшихся к изображению Гроуте-Керк, или церкви Святого Бавона: Йов Беркхейде (1630 Харлем 1693), Геррит Беркхейде (1638 Харлем 1698) и Исаак ван Никелен (1632/33 Харлем 1703). Братьям Бер-

⁸ Картина Ван Флита, которая на аукционе Кристис в Нью-Йорке в январе 2012 г. (№ 222) была продана как *Интерьер церкви святого Бавона в Харлеме, вид с юго-востока на северо-восток*, определённо не является изображением церкви в Харлеме.

⁹ Музей монастыря Святой Екаторине в Утрехте. Инв. № VMH s00124.

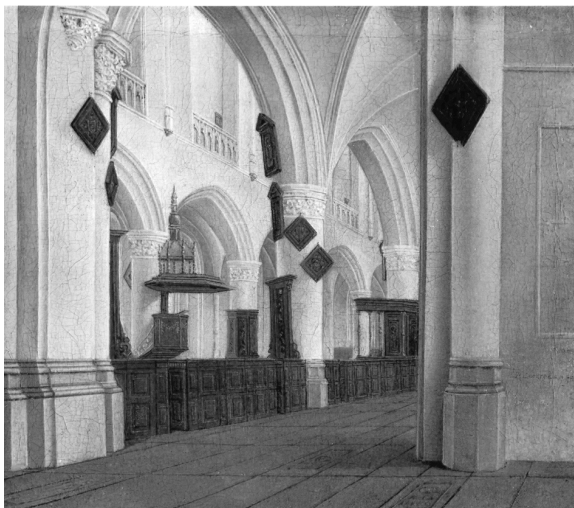
кхейде принадлежит относительно небольшое количество работ с интерьерами церкви Святого Бавона, но Ван Никелен посвятил изображению этой церкви в Харлеме всю свою жизнь. На одной из его картин выбран практически тот же ракурс, что и на картине в Домике Петра (илл. 8). Единственным отличием является то, что вид на полуколонну, расположенную по другую сторону колонны, заслоняет плоский пилястр. Это означает, что, делая эскиз к своей картине, Ван Никелен стоял на два-три шага дальше (точка С) (илл. 3). На другой картине Ван Никелена,

8. Исаак ван Никелен. Вид южного трансепта на неф Гроде-Керк, или церкви Святого Бавона в Харлеме. Аукционный дом Лемпертц (Кёльн), 20 марта 2010, № 24.

находившейся до 1914 года в собственности Павла Делароффа в Петербурге, полуколонна видна, хотя и не та, что находится в южной части нефа, но идентичная ей, стоящая между северной частью трансепта и нефом (точка D) (илл. 3, 9). Однако, если мы перевернём картину, так чтобы изображённая на ней ситуация соответствовала ракурсу на двери домика, и наложим эти изображения одно на другое, сходство будет настолько разительным, что полностью развеет все сомнения относительно идентификации картины (илл. 10).

Остаётся лишь один вопрос. Он состоит в том, можем ли мы найти картину, аналогичную перевернутому изображению упомянутой картины, принадлежавшей Делароффу. Если такая картина существует или существовала, скорее всего, она тоже принадлежит кисти Ван Никелена. Можно было бы подумать о пандане (одной из двух парных картин), но панданы, хотя и используют уравновешивающую композицию, никогда не являются зеркальной копией друг друга. Конечно, возможен вариант и самостоятельной картины, но я больше склоняюсь к тому, что изображение на двери является копией самой картины. Это могло бы означать, что художник-копиист специально перевернул изображение, и для этого у него была уважительная причина.

9. Исаак ван Никелен. Вид из северного трансепта на неф Гроуте-Керк, или церкви Святого Бавона в Хаарлеме. Коллекция графа Павла Делароффа, Санкт-Петербург. Фото около 1940, после удаления стаффажа. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Ручка на двери в домике Петра находится слева. Благодаря перевёрнутому изображению и сама дверь, и пространство на картине «открываются» в левую сторону. Если бы изображение не было перевёрнуто, то массивная колонна оказалась бы в левой части картины и разрушала бы зрительную иллюзию, так как её пришлось бы «толкать», открывая дверь. В самой левой части картины даже не хватает первой отдельно стоящей колонны нефа. Вначале я подумал, что в этом виновато плохое состояние изображения, но теперь я склонен считать, что это было сделано умышленно. Это тоже создаёт впечатление, что копиист был художником, хорошо понимавшим, что делает, а не просто ремесленником, выполнявшим простую декоративную задачу.

Ещё одна важная причина, позволяющая нам рассматривать картину Делароффа как оригинал для росписи двери, состоит в том, что она до 1914 года находилась в Петербурге. Мы можем проследить большую часть истории картины по крайней мере до 2003 года¹⁰. Однако её история до 1914 года остаётся загадкой, по

¹⁰ Auction Collection Paul Delaroff, Paris (Hôtel Drouot), 28 April 1914, no 212: Isaak van Nickelen, Intérieur d'une cathédrale. C'est une nef latérale qui reçoit un vif rayon de lumière et où des personnages se saluent. Toile H 35 L 30 (высота и ширина картины перепутаны).

10. Сравнение картины на двери (справа) и перевёрнутого изображения картины Ван Никелена из коллекции Делароффа (слева).

крайней мере, для меня. Приобрёл ли её Деларофф в России и у кого? Могла ли она быть частью императорской коллекции? На этом моё исследование должно закончиться. Возможно, кому-то в России удастся обнаружить последнее недостающее звено.

Лондон (Форстер), 26 октября 1938, № 199 как И. Ван Никелен, из коллекции Демидовфа (sic!) (с оригинальным стаффажем и фальшивой подписью П. Саенредама в правом нижнем углу).

Лондон (Робинсон и Фостер) 11 апреля 1940, № 71 атрибутирована П. Саенредаму, из коллекции князя Пола Демидовфа, 1914 (без стаффажа и с новой подписью Саенредама, на месте старой. Состояние картины соответствует изображению на рис. 9).

Сотбис (Лондон), 6 июня 1988, № 135, как принадлежащая художнику из круга Хендрика ван Флита, из коллекции Пола Делароффа 1914 по этикетке на обратной стороне (подпись Саенредама удалена, а швабра, прислонённая к базе полуколонны, примерно такая же, как та, которая была на картине в 1938 году).

Сотбис (Амстердам), 6 ноября 2011, № 74, как Исаак Никелен (с изменённой шваброй; не продана).

Кристис (Саут-Кенсингтон), 10 апреля 2003, № 105, как Исаак ван Никелен. Провенанс: Пол Деларофф (по штампу на обороте).

Вторая версия или копия, со слегка большим стаффажем, была продана на Друо (Париж), 18 декабря 1995, № 32 как Исаак Никелен.

Копия без стаффажа была продана на Брандте (Амстердам), № 87 как Исаак ван Никелен из коллекции доктора Х.А. Ветслера, Амстердам.

Мещеряков Владимир Владимирович
(Санкт-Петербург)
*Заведующий отделом «Дворец Меншикова»
Государственного Эрмитажа*

Исследование и реставрация дворца Меншикова в Санкт-Петербурге

Архитектурный ансамбль дворца, сложившийся в ходе длительного поэтапного строительства, является результатом поисков и трансформации различных решений. Здесь «была впервые заложена архитектурная традиция, ставшая впоследствии петербургской»¹. В результате музеефикации дворца Меншикова накоплен бесценный опыт, использованный Эрмитажем при создании экспозиции в сохранившейся части Зимнего дворца Петра I.

Спецификой дворца Меншикова было то, что здесь органично слились древнерусские строительные традиции с новыми западноевропейскими архитектурными мотивами. Строительство дворца Меншикова началось в августе 1710 года, и 1 октября 1711 в нём было отпраздновано новоселье². Сооружение корпусов, пристроек и работы по декоративной отделке фасадов и интерьеров³ продолжались

¹ *Пиотровский М.Б.* Памяти Александра Даниловича // Александр Данилович Меншиков. Первый Губернатор и строитель С.-Петербурга. Каталог выставки СПб., 2003. С. 5.

² ПЖПВ. 1711 г. СПб., 1854. С. 117; Реестр построек в Санкт-Петербурге и окрестностях с указанием даты начала их строительства, составленный Д. Трезини. 1 февраля 1724 г. // *Малиновский К.В.* Доминико Трезини. СПб., 2007. Приложение: Жизнь и деятельность Доминико Трезини в документах. № 95. С. 177.

³ Плитки для убранства парадных покоев были привезены из Голландии: через посредника по торговле в Амстердаме Х. Брандта Меншиков заказал пятьдесят тысяч хороших бело-синих плиток на «убирание палат» (*Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 5–11, 114).

вплоть до ссылки Меншикова в 1727 году: с 1710 по 1713 год дворец строил итальянский архитектор Ф. Фонтана, с 1713 по 1727 — немецкий архитектор И.Г. Шедель⁴.

После передачи в 1732 году здания дворца Кадетскому корпусу его назначение изменилось: стала неуместной нарядная декоративная отделка фасада и интерьеров, что привело и к изменению внешнего облика, и к перепланировке помещений. В 1739 году высокая с переломом кровля здания была переделана на обычную двухскатную, что, по мнению И.Э. Грабаря, «лишило здание, быть может, наиболее острой его «петровщины»⁵. В 1741 архитектором Д. Трезини был подготовлен проект реконструкции деревянного балкона центральной части южного фасада дворца. В 1744 году, как следует из рапорта иеромонаха Гавриила Краснопольского, в «большем зале малеванные и живописные фигуры починить...», «княжеские короны и ордены которые весьма пообломаны... починить или...что иное... ввести...», «где намалеваны баталии... сделать образа»⁶, началось приспособление Ассамблейного зала под православную церковь. В 1745 году была отремонтирована деревянная галерея, а в 1748 произведён ремонт полов в «плитковых» комнатах. К 1760–1770 годам вокруг старого меншиковского дворца сложился комплекс построек Кадетского корпуса⁷.

Началом музеефикации дворца Меншикова стал располагавшийся с 1780-х годов в Елизаветинском зале Музей Кадетского корпуса. В 1888–1897 годах «по высочайшему повелению» императора Александра III были проведены восстановительные работы и музеефицированы сохранявшиеся кадетами бывшие покои А.Д. Меншикова («плитковые» комнаты и Ореховая) — это можно назвать первой научной реставрацией дворца.

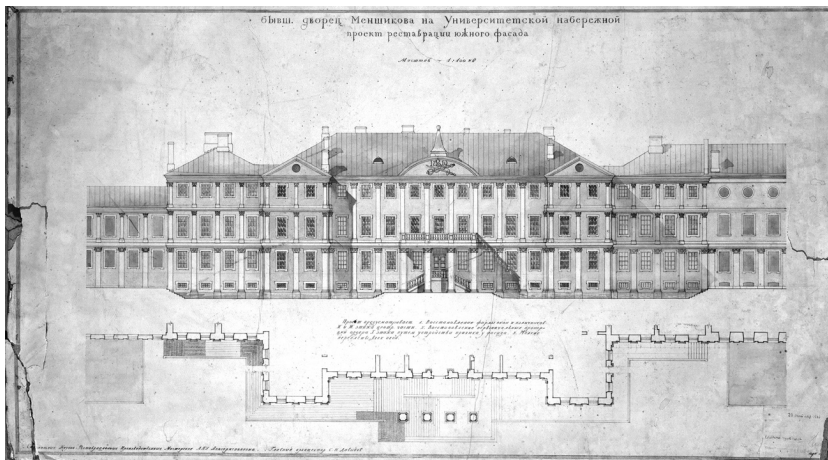
С марта 1918 года, после расформирования Кадетского корпуса, его Музей не прекращал своего существования до

⁴ Малиновский К.В. Архитектор А.Д. Меншикова Франческо Фонтана // Петровское время в лицах—2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвящённой 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 75–80; Грабарь И.Э. История русского искусства. Архитектура. Т. III., М., издание И. Кнебель., б/г [1912]. С. 97–101; Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб., 2007. С. 81–82.

⁵ Грабарь И.Э. История русского искусства. С. 100; Трубинов Ю.В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 115.

⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1: № 1867. Л. 11; № 1924. Л. 100 об. Л. 40.

⁷ Петров А.Н. Меншиковский дворец: Историческая справка. Л., 1956. Ч. II: Архивные материалы. (Рукопись). С. 20; Кулишева Н.С. История реставрационных работ в здании дворца А.Д. Меншикова // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. С. 30.

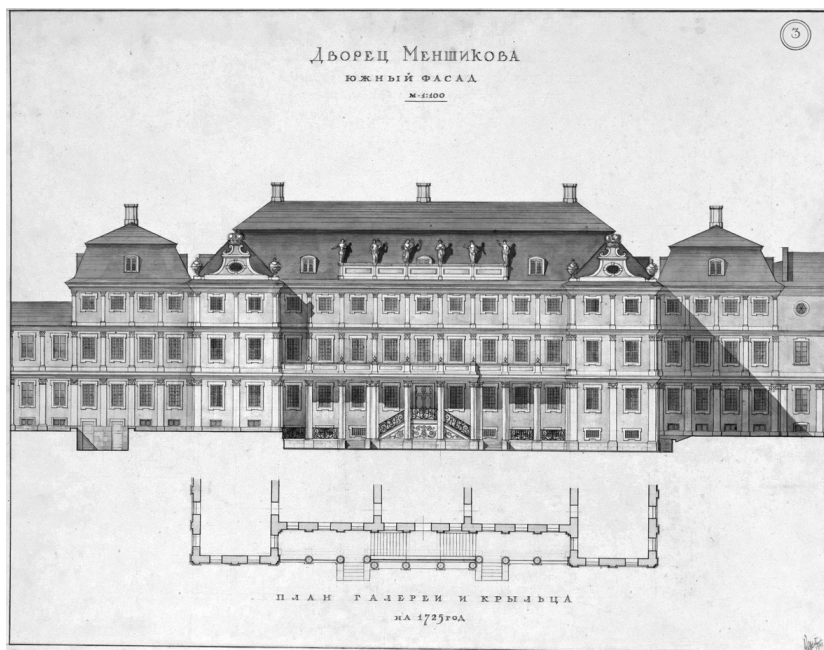
1. А.Э. Гессен. Проект реставрации южного фасада дворца Меншикова на 1768 год.

1928 года⁸. Это следует из годового отчёта за 1923–1924 годы заведующего музеем А. Крутецкого⁹.

В 1930-х годах дворец Меншикова был включён в число охраняемых памятников архитектуры. В середине 1950-х годов по инициативе ГИОП исследователем А.Н. Петровым было подготовлено научное обоснование реставрации здания. С 1956 по 1974 год под руководством архитектора-реставратора А.Э. Гессена был выполнен комплекс предпроектных проработок (реставрация фасадов на 1768) (илл. 1), произведено натурное изучение здания: сделано археологическое раскрытие дверных и оконных проёмов, установлен анфиладный периметральный принцип, положенный в основу первоначальной планировки, выяснен первоначальный уровень цокольного этажа. В этот же период, балки первоначальных перекрытий между вторым и третьим этажами, в том числе и усилительные балки, выполненные в середине XIX века над Ореховой и плитковыми комнатами, были «подвешены» на современных стальных конструкциях, выполненных по проекту инженера-конструктора М.И. Юношева. В результате образовался перепад высот, на 57 см уменьшилась высота помещений третьего этажа, но были сохранены исторические перекрытия над плафонами в интерьерах парадных покоев.

⁸ Саверкина И.В. К истории ансамбля дворца Меншикова — Первого кадетского корпуса (1917–1921) // Петровское время в лицах—2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 194–200.

⁹ Архив дворца Меншикова. Годовые отчёты Зав. Музеем А. Крутецкого за 1923–1924, 1924–1925.

2. А.А. Кедринский. Проект реставрации южного фасада дворца Меншикова на 1725 год.

Инициатором создания во дворце Меншикова музея стал директор Государственного Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, поскольку именно Эрмитаж обладал уникальным комплексом экспонатов Петровской эпохи.

С 1975 года авторским коллективом в составе Г.В. Михайлова, В.К. Галочкина, К.А. Кочергина было продолжено исследование памятника, выявлены дополнительные научные данные, сделаны дополнительные натурные раскрытия, проведено полное техническое обследование здания и его конструкций, разработана технологическая схема музея. Приспособление здания для нужд музея производилось с учётом сохранения и реставрации помещений, имеющих декоративную отделку. Археологические изыскания и подтверждающие их архивные находки Ю.В. Трубинова позволили установить, что планировочная структура здания и архитектурные элементы (первоначальные оконные и дверные проёмы и их заполнения) находятся в пропорциональной взаимосвязи с горизонтальными и вертикальными членениями фасада. Чёткие закономерности, прослеживаемые во всех частях здания, позволили считать методику размер-

3. Фрагмент первоначального балочного перекрытия в северо-восточном углу Большой палаты. Фото 1970-х годов.

но-пространственной структуры (РПС), введённую И.Ш. Шевелёвым (г. Кострома), убедительным обоснованием реставрации памятника на первую четверть XVIII века с достоверным воссозданием архитектуры южного фасада¹⁰.

После согласования в 1976 году комиссией Министерства культуры РСФСР результатов исследования и принятия концепции восстановления здания дворца Меншикова на первую четверть XVIII века (главный архитектор проекта воссоздания кровли А.А. Кедринский), к 1977 году был разработан комплексный проект реставрации памятника, реализованный к концу 1980 года (*илл. 2*).

Дворец Меншикова был принят в эксплуатацию и передан Государственному Эрмитажу для создания интерьерной экспозиции «Культура России первой трети XVIII века». Работу возглавили заведующая ГЭ ОИРК Г.Н. Комелова и её заместитель Н.В. Калязина, специалист по архитектуре и интерьеру петровского времени, занимавшаяся с 1971 по 1980 год разработкой предложений по музейному использованию памятника. Основу открывшегося 18 февраля 1981 года музея составляли сохранившие декоративное убранство, отреставрированные помещения восточной части. Многочисленные раскрытия, демонстрирующие варианты декоративно-художественной отделки и строительные приёмы создателей дворца, музеефицированные в интерьерах, стали частью экспозиции (*илл. 3, 4*). Подбор вещей в уникальные интерьеры дворца определялся назначением комнат, согласно «Поденной записке» 1716–1727 годов¹¹. Документальную основу при подборе предметов составили описи домов и

¹⁰ Денисов Ю.М., Трубинов Ю.В., Михайлов Г.В., Галочкин В.К. Ключ к воссозданию памятника // Строительство и архитектура Ленинграда. 1978. № 5. С. 33–37.

¹¹ Калязина Н.В. Музей в Ленинграде — дворец Меншикова. С. 5, 9, 11 / Рукопись 1984. Отдел «Дворец Меншикова» ГЭ.

4. Фрагменты фрески 1711–1712 и 1715 годов отделки плафона Предспальни, предшествующей плитковому убранству; дверные полотна с трёхслойной живописью и маркетри 1711–1721. Фото 2009. Архив автора.

конфискованного имущества А.Д. Меншикова, счета на покупки, аналогии с другими интерьерами.

В 1986 году были открыты интерьеры: «Токарня», «Матрозная», «Шпалерная», «Большой зал», «Кордегардия»¹².

Снятый в 1966 году с потолка Ореховой пятичастный живописный плафон работы Ф. Пильмана¹³ был отреставрирован и до 1988 года находился в экспозиции ГЭ ОИРК. Решение о возвращении в Ореховую было достаточно сложным: с одной стороны, следовало сохранить и по возможности показать обнаруженные под ним уникальные первоначальные (1711 и 1715) росписи на штукатурке; с другой стороны, архитектурный ансамбль интерьера Ореховой с деревянными наборными ореховыми панелями и плафоном Пильмана (1717) сохранился до наших дней и не должен был быть разрушен отсутствием плафона. Предложение архитектора А.Э. Гессена об ус-

¹² Мещеряков В.В. Итоги реставрации дворца Меншикова на Васильевском острове // Петровское время в лицах—1998. СПб., 1998. С. 30–31.

¹³ Колотов М.Г., Трубинов Ю.В. Плафоны Меншиковского дворца в Ленинграде // Искусство, 1977. № 1. С. 65–66.

5. Сохранившаяся печь в Домике Петра I в Каприорге.

Фрагмент первоначального муравленого изразца, вмонтированный в воссозданный изразец нижнего ряда печи. Фото 2008.

Воссозданная на прежнем месте в Кордегардии муравленая печь. Фото 2008.

тановке вертикальных стальных штанг для спуска-подъёма подрамников с живописью¹⁴ практически невозможно было реализовать, не подвергая риску повредить как сам плафон на холсте, так и фреску на штукатурке. В 1989 году было найдено решение и разработан новый проект¹⁵, в результате чего живописный плафон Пильмана был установлен поверх сохранившейся фрески Ореховой без повреждения её живописного слоя. Таким образом, было завершено восстановление интерьера Ореховой на 1717 год¹⁶.

В «Кордегардии» на своём первоначальном месте, указанном на «Плане кадетскому каменному дому»¹⁷ середины XVIII века, в цент-

¹⁴ Гессен А.Э. Жизнь архитектуры (вопросы научной реставрации): Меншиковский дворец // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 88–89.

¹⁵ Бурковская И.В. Проект крепления плафона Ф. Пильмана к потолку с живописью в Ореховой. 1989. А-01 // Отдел «Дворец Меншикова» ГЭ. Конструкцию крепления разработал и выполнил в 1989 году В.В. Мещеряков; существующее мнение о том, что нами при разработке и реализации проекта было использовано предложение А.Э. Гессена (Андреева Е.А. Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада // Исследование и документы. СПб., 2013. С. 9, 13) не соответствует действительности.

¹⁶ Мещеряков В.В. К истории живописных плафонов Дворца Меншикова // Петровское время в лицах—1999. СПб., 1999. С. 41–44.

¹⁷ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 766. Л. 1.

ре северной стены, была восстановлена печь, облицованная зелёными муравлеными изразцами, по аналогии с сохранившимися печами того времени¹⁸. Фрагмент подлинного муравленого изразца, найденного при реставрационно-строительных работах в культурном слое здания, был вмонтирован в воссозданный изразец печи (илл. 5).

В Поварне под сохранившимся вытяжным колпаком был восстановлен по аналогам очаг с использованием подлинных кирпичей XVIII века, привезённых с места разборки жилого дома на улице Белинского.

С 1987 по 1991 год продолжался комплекс работ по научно-исторической реконструкции, в характерном для I четверти XVIII века английском стиле по методике и технологии «Генеральным регулярным кораблям всех рангов», масштабной (1:48) модели 28-пушечного парусного фрегата «Штандарт», построенного на Олонецкой верфи в 1703 году под руководством А.Д. Меншикова, для экспозиции музея. В 1988 году инженером-кораблестроителем В.Г. Крайнюковым было проведено исследование, сделавшее возможным разработку рабочих чертежей и изготовление мастером-моделистом инженером Г.А. Атавиным модели¹⁹. Новый экспонат музея явился не только технической копией исторического прототипа, но и произведением декоративно-прикладного искусства. При его изготовлении были использованы 12 пород дерева, декор убранства выполнен по эскизу инженера А.Н. Бахметьева в соответствии с историческими мотивами и аллегориями конца XVII – начала XVIII века. С 1992 по 1999 год в Санкт-Петербурге по чертежам, разработанным для создания музейной модели, был воссоздан реальный исторический парусник «Штандарт» длиной 30 метров и водоизмещением 200 тонн (капитан В.В. Мартусь), являющийся действующим плавающим экспонатом — продолжением музейной экспозиции.

Самым значительным и пышным по оформлению в период первой четверти XVIII века был центральный корпус, южный фасад

¹⁸ Эскиз воссоздания В.В. Мещерякова; рабочий чертёж И.В. Бурковской / Рукопись 1986. Отдел «Дворец Меншикова» ГЭ.

¹⁹ Договор о творческом содружестве от 01.03.1987 между директором Государственного Эрмитажа Пиотровским Б.Б. и директором ленинградского кораблестроительного института Ростовцевым Д.М. (научные консультанты от Эрмитажа: Н.В. Калязина, Г.В. Вилинбахов, В.Г. Данченко, О.И. Давидан, от Кораблестроительного института: А.Н. Холодилин, Б.Н. Ушаков, Г.Е. Александровский); *Калязина Н.В.* Гарантийное письмо В.Г. Крайнюкову и А.М. Шосселю № 2387 от 05.10.1985 со ссылкой на источник в РГАДА. Каб. Петра I. Ф. 9. Оп. 2; *Крайнюков В.Г.* Пояснительная записка (к вопросу реконструкции чертежей 28-пушечного фрегата «Штандарт», первая четв. XVIII в.). С. 1–59 // Архив Дворца Меншикова.

6. Герб А.Д. Меншикова, изготовленный в 2007 году художником-керамистом В.К. Лавровым. Керамика, майолика. Фото 2008. Архив автора.

которого был декорирован гербом над парадным входом, поэтажными пилястрами разных ордоров и увенчан по центру аттиком со статуями, а боковые ризалиты были украшены фронтонами барочной формы с вазами и золочёными княжескими коронами. В 2002 году к

300-летию Санкт-Петербурга на фасаде здания дворца Меншикова были установлены выполненные в технике гальванопластики и выколотки четыре медные вазы и две княжеские короны²⁰. Исходными документальными источниками при воссоздании княжеских корон явились гравюра А.Ф. Зубова, рисунок Х. Марселиуса, существующая в настоящее время корона, венчающая кровлю Большого дворца Меншикова в Ораниенбауме²¹, и заключение Г.В. Вилинбахова²².

Достоверность гравюры А. Зубова 1714 года была подтверждена в результате археологических изысканий, проведённых архитектором в 1970-х годах в процессе реставрации.

Как следует из документа 1737 года, «на... кровле... деревянных статуй... шесть, освидетельствовать резными мастерами»²³, а в одном из документов, относящихся к 1742 году, говорится о гербе Менши-

²⁰ Акт государственной Комиссии от 29.12.1980. № 1629-р; решение Учёного Совета ГИОП совместно с Эрмитажем от 25.12.1982 и 15.06.1989.

²¹ *Грабарь И.Э.* История русского искусства. С. 100–101; *Павлова М.А.* Историческая справка к эскизному проекту реставрации террас и северного фасада Большого дворца в Ораниенбауме. Корона // Архив Дворца Меншикова; *Кулишева Н.С., Мещеряков В.В.* Из истории воссоздания архитектурно-декоративного убранства Южного фасада дворца Меншикова: Княжеские короны и вазы // Петровское время в лицах—2002: Краткое содержание докладов научной конференции, посвящённой 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 100–105.

²² *Вилинбахов Г.В.* Заключение об изображении короны на гравюре А.Ф. Зубова // Архив дворца Меншикова.

²³ Ведомость о строении и починках в Кадетском доме 1737 года // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1771. Л. 2.

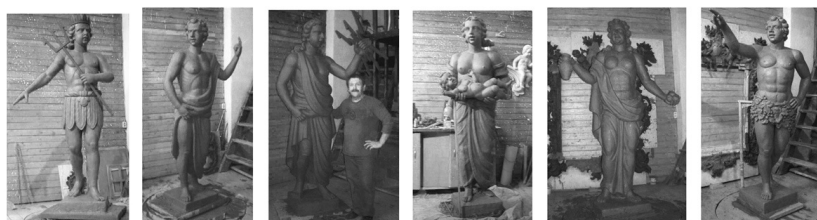
кова на главном фасаде и о надписи «Под оным в длину золотыми словами... по-латински...»²⁴. Следы крепежа на сохранившемся замковом камне над главным входом во дворец подтверждают местонахождение герба. В майоликовом исполнении герб был изготовлен в натуральную величину в 2007 году художником-керамистом В.К. Лавровым (илл. 6).

Для окончательного завершения композиции Южного фасада в 2005 году был разработан проект, предусматривающий восстановление скульптурного ряда из 6 фигур на аттике. Учитывая, что Пётр I рассматривал дворец Меншикова как собственную резиденцию, отвечающую духу времени, упомянутую скульптурную композицию, возможно, следует рассматривать как олицетворение таких черт власти монарха, как Доблесть, Право и Сила (в левой части) и добродетелей: Милосердие, Умеренность и Жизнелюбие (в правой части), характерных для символики петровской эпохи.

Согласно решению Учёного совета Государственного Эрмитажа от 28.11.2002, были проведены, при участии архитектора А.А. Кедринского, предварительные этапы работ. Эскизные модели были изготовлены скульптором К.Н. Бобковым. Позднее был привлечён работавший совместно с архитектором А.А. Кедринским скульптор-реставратор В.В. Ларионов, имеющий большой опыт в воссоздании барочной скульптуры (илл. 7).

Рабочей комиссией с участием специалистов КГИОП модели В.В. Ларионова после детальной проработки были приняты и рекомендованы к увеличению до натуральной величины для последующей отливки в бронзе либо воспроизведения в другом материале (выколотка, дерево, искусственный камень). При этом были учтены рекомендации специалистов Академии Художеств. Скульптором В.В. Ларионовым была выполнена работа по увеличению фигур в глине и изготовлены гипсовые модели в натуральную величину для перевода в окончательный материал (дерево, бронзу, выколотку), 22 июля 2011 года тонированные «под бронзу» модели были представлены на аттике здания. В совокупности с воссозданными княжескими коронами и вазами, герб над главным входом и скульптурный ряд фигур подчеркнули зрительную и стилевую целостность памятника, позволив завершить воссоздание образа уникального архитектурного ансамбля, оп-

²⁴ О строениях и починках Кадетского корпуса. 1740 г. // Там же. Д. 1867. Л. 11; см. об этом: *Мещеряков В.В., Саверкина И.В.* К воссозданию архитектурного декора дворца Меншикова. Герб над главным входом // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXII. Петровское время в лицах—2006: Материалы научной конференции, посвящённой 25-летию открытия экспозиции Эрмитажа «Дворец Меншикова. Культура России первой трети XVIII века. СПб., 2006. С. 181–185.

7. Скульптурное убранство аттика (фрагмент гравюры А.Ф. Зубова «Васильевский остров», 1714). Модели шести скульптур аттика дворца Меншикова, выполненные скульптором В.В. Ларионовым.
Фото 2011. Архив автора.

ределяющего парадный фасад Санкт-Петербурга со стороны Невы (илл. 8). После завершения натурного макетирования было проведено 3D сканирование моделей шести скульптур.

В значительной части западной половины дворца не сохранилось первоначальной отделки, основным источником необходимых сведений являлось само здание. Натурные исследования подтвердили принцип симметрии, заложенный в планировку европейских зданий дворцового типа эпохи барокко. Верхние сени разделяют парадные помещения на восточную и западную половины, находящиеся в равновесии друг с другом. Подлинными оставались выявленные на основании данных натурных исследований архитектурные объёмы с восстановленными первоначальными размерами помещений, расположением оконных и дверных проёмов.

Создатели интерьерной экспозиции в западной половине исходили из того, что изменение сохранившейся подлинной архитектурной отделки считается недопустимым, а в декоративном убранстве интерьера возможны элементы реконструкции²⁵.

²⁵ Жаркова Н.Ю. Некоторые принципы организации и декора дворцовых интерьеров в Петербурге первой трети XVIII века // Русская культура первой четверти XVIII века. СПб., 1992. С. 27–38; Мещеряков В.В. К созданию экспозиции

8. Южный фасад дворца Меншикова.
Натурное макетирование скульптурного
убранства аттика 22 июля 2011 года. Фото Е.Ф. Синявер.

Основные положения по архитектурно-декоративному решению экспозиции западной половины были разработаны Н.В. Калязиной с учётом аналогий из симметричной восточной части здания и документов сохранившихся описей интерьеров начала XVIII века. Варианты научных графических реконструкций интерьеров были выполнены в 1987 году архитектором-реставратором Эрмитажа И.В. Бурковской по описям: Ораниенбаумского дворца А.Д. Меншикова (1728), дома Меншикова «у Боровицкого мосту», Лефортовского дворца при Меншикове, Яузского дворца (1699)²⁶ (илл. 9).

В парадной отделке дворцов петровского времени преобладало использование декоративных тканей и шёлка восточной работы. Шёлковые китайские обои, заключённые в деревянные рамы в виде ширм, покрывающих стены всего помещения, что позволяет достигнуть того художественного эффекта, на который рассчитывали создатели обоев. При воссоздании портьер, занавесей и драпировок были использованы альбомы с гравюрами Даниэля Маро. Детали интерьера, составляющие архитектурно-декоративный фон экспозиции, такие как панели, тяги и профили, аналогичны сохранившимся в симметричных помещениях восточной половины здания. Они являются «съёмными» и не нарушают подлинных архитектур-

интерьерного типа во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2001. С. 64–65.

²⁶ Павлова М.А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века // Ораниенбаумские чтения. СПб., 2006. Вып. 6.

<p>1. Вилла Врангелъ-Бурковской в Юзском дворце, 1878 г. ... архитектор И.В. Бурковский.</p>											
<p>2. Вилла Врангелъ-Бурковской в Юзском дворце, 1878 г. ... архитектор И.В. Бурковский.</p>											
<p>3. Вилла Врангелъ-Бурковской в Юзском дворце, 1878 г. ... архитектор И.В. Бурковский.</p>											

9. И.В. Бурковская. Варианты научных реконструкций интерьеров, выполненные по описям Ораниенбаумского дворца А.Д. Меншикова, Юзского и Лефортовского дворцов. 1987.

ных объёмов, выявленных и восстановленных в процессе раскрытий в период до 1980 года. В Западной Европе было модным иметь «порцелиновые» (фарфоровые) кабинеты. Описи имущества Меншикова свидетельствуют о наличии у него большого количества восточных тканей и предметов прикладного искусства. По документам домашней канцелярии Меншикова существует множество упоминаний о покупках для княгини лаковых восточных кабинетцев, угловых столов, часов, китайских шёлковых тканей²⁷.

При определении назначения помещений западной половины было принято во внимание описание, сделанное Мартыном Шваншицем в 1732 году²⁸. Первая комната от сеней — Передняя. Комната имеет точно такие же размеры, как и передняя князя в восточной половине, разделённая перегородкой на конторку и секретарскую. Сохранились два окна на север и одно — на парадную лестницу, дверной проём с востока на запад — в западную приёмную и на винтовую лестницу в поварню у северо-восточного угла.

В Западной приёмной, получившей название по аналогии с симметричной по расположению в восточной части дворца деловой приёмной князя — Предспальной, верхняя часть стен декорирована подлинными китайскими расписными шёлковыми обоями начала XVIII века в дубовых профилированных рамах. Низ стен выполнен дубовыми панелями с профилями и тягами, аналогичными сохранившимся первоначальным профилям в симметричном помещении на восточной половине здания. Фрагменты голландских плиток, в большом количестве обнаруженные при реставрационных работах в перекрытии под полом, наряду с архивными данными о замене расколотых плиток дощатыми панелями, дали основание нижнюю часть стен оформить дубовыми панелями с плитковым заполнением. Для заполнения были изготовлены марганцевые плитки с одинаковым рисунком «Розы на стеблях», по аналогии с первоначальными панелями с плитками в спальне А.Д. Меншикова. Гладкий потолок, выполненный с учётом возможности размещения на нём впоследствии живописного плафона, оформлен рамой, а стены антаблементом, фризом и карнизом с профилями, аналогичными профилям плиткового плафона в симметричном помещении Предспальной. Камин в юго-восточном углу воссоздан на прежнем месте из кирпича и оштукатурен по аналогии с каминами в Марли.

²⁷ *Калязина Н.В.* Материалы к проекту архитектурно-декоративной экспозиции 4-х комнат западной половины 2-го этажа Дворца Меншикова на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. 1998.

²⁸ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова, в С.-Петербурге, 1732 года // Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 137–141.

При создании экспозиции Кабинета с живописью (реконструкция первоначального варианта отделки симметричного помещения Ореховой с обивкой стен синим сукном и фреской на потолке) были приняты во внимание графические изображения интерьеров конца XVII века, которые видели Пётр I и Меншиков в 1697–1698 годах, например: рисунок Д. Маро к проекту кабинета с живописью для дома Оранских в Хет Ло. Сюжеты картин подобраны в соответствии с сохранившимися описями живописного собрания А.Д. Меншикова, насчитывавшего более 140 картин, и дают представление о тематике и качестве работ²⁹. В качестве плафонов в этом и смежном помещении Спальни княгини в 1999 году установлены современные живописные копии (с элементами реконструкции) первого и второго слоёв фресок Ореховой, находящихся под живописным плафоном Ф. Пильмана и недоступных посетителям.

В результате, комплексное решение интерьерной экспозиции в помещениях, утративших художественную отделку, позволило показать подлинные предметы петровского времени на вновь созданном, научно-обоснованном архитектурно-декоративном фоне³⁰. Данный метод сложен в реализации, но является наиболее убедительным для восприятия представленных экспонатов и повествования об эпохе, поскольку позволяет наглядно показать интерьеры петровского времени, сохранившиеся лишь в описаниях, недоступных широкому кругу посетителей музея.

²⁹ Подробнее о картинной галерее А.Д. Меншикова см.: *Калязина Н.В., Саверкина И.В.* Живописное собрание А.Д. Меншикова // *Русская культура пер. четв. XVIII в. Дворец Меншикова*. Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 54–61.

³⁰ *Калязина Н.В.* Интерьер пер. четв. XVIII в. Новое в планировочном и архитектурно-декоративном решении: диссертация ... канд. Искусствоведения / Рукопись. Отдел «Дворец Меншикова» ГЭ.

Николаева Мария Валентиновна
(Москва)
*Ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры
и градостроительства РААСН*

Архитектурно-градостроительная идея Петра —
«Васильевский Остров»:
замысел, воплощение,
исчезающая реальность

ЗАМЫСЕЛ

Васильевский остров Санкт-Петербурга — уникальный памятник масштабному архитектурно-градостроительному замыслу Петра I, который занимает особое место в ряду проектов создания «идеального» столичного города.

История формирования градостроительной программы освоения Васильевского острова, идея которой зародилась осенью 1715 года и развивалась в последующие годы, способы её реализации, успехи и неудачи изучены весьма подробно. Исследование же в этом контексте феномена регулярной гражданской застройки как важнейшей части единого замысла до сего времени нельзя считать, по меньшей мере, исчерпывающим.

Начало планомерного заселения острова приходится на середину 1710-х годов, когда именно здесь сконцентрировались интересы Петра I в отношении формирования облика нового города.

Свидетельством процесса освоения острова служит ведомость, составленная архитектором Доменико Трезини в 1721 году: в 1716—

1721 под застройку был взят 151 участок, в том числе 79 — под каменные дома и 72 — под деревянные¹.

Чтобы понять значение этих цифр, т.е. оценить масштабы происходившего строительного процесса, обратимся к другому документу — ведомости, составленной в 1732 году в Полицмейстерской канцелярии в связи с именными указами, предписывавшими на отведённых в Санкт-Петербурге на Васильевском острове и «протчих островах» — «разных чинов людям» каменное и деревянное строение «исправлять без всякого продолжения»². Эта ведомость даёт наиболее подробную картину дворовладений острова.

Документ содержит сведения о 476 дворовых участках (и их владельцах), т.е. охватывает в три раза больше владений, чем в 1721 году, хотя эта цифра нуждается в определённой поправке, поскольку не вполне соответствует реальному положению дел на 1732 год. Как следует из заголовка, опись охватывает только те владения, на которых дома или не построены, или не отделаны «набело». Таким образом, из перечня выпали «законопослушные» собственники, своевременно застроившие в соответствии с указами свои дворовые участки, хотя таких было не так уж много.

Как известно, Пётр I создавал на Васильевском острове новый «регулярный город», и некоторые ключевые особенности его представлений о регулярности, которые нашли своё отражение в жилой застройке, будут представлены в статье на материалах, посвящённых конкретным памятникам.

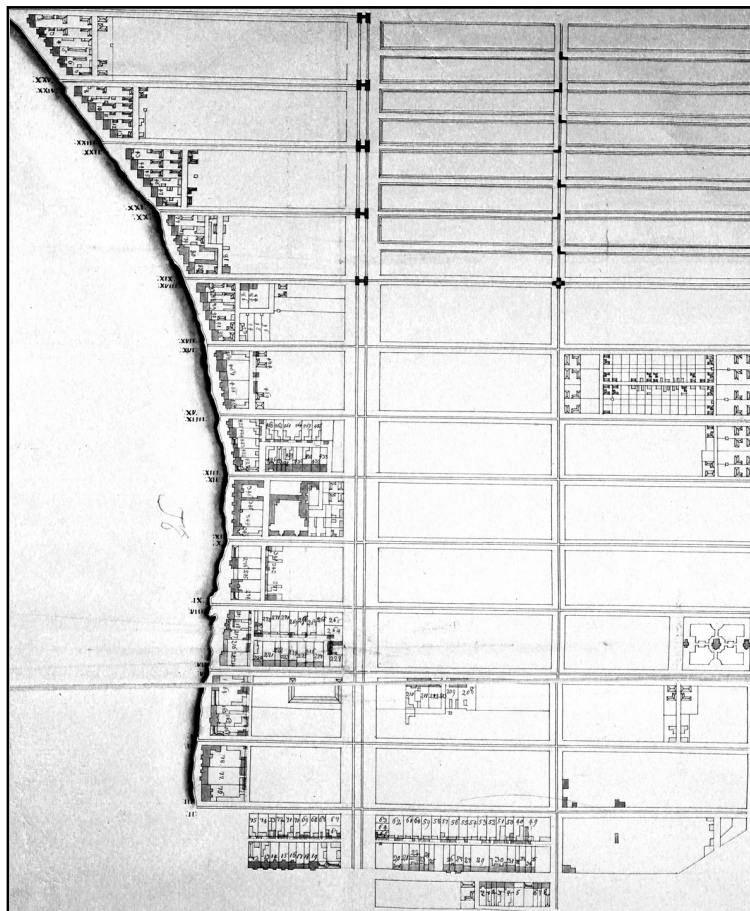
ВОПЛОЩЕНИЕ

Если попытаться обрисовать основные особенности процесса реализации замысла Петра в топографических, законодательных, архитектурно-градостроительных реалиях того времени на основании письменных и графических документов XVIII века, посвящённых формированию Кадетской и Первой линии Васильевского острова, или иными словами «по первому каналу» (в топографической лексике того времени), то надо в первую очередь сказать, что застройку здесь изначально планировали каменную, как и по другим каналам: в Шестой — Седьмой, Двенадцатой — Тринадцатой, Восемнадцатой и Девятнадцатой линиях.

Весьма существенными для истории создания планировочной структуры острова являются данные о землеотводе, который осуще-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 197. Л. 77–89 об.

² Там же. Д. 200. Л. 166–218 об.

1. План Васильевского острова. 1741.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 1852.

ставляли в соответствии с генеральным планом, включающим проспекты и линии прописанных указами направлений, ширины и т.д.

Адресное выделение городской земли будущим застройщикам началось с 1716 года. Именно тогда происходила разбивка территории острова на кварталы, а внутри — на прямоугольные участки, предназначенные под раздачу в качестве дворовых владений частным лицам³ (илл. 1).

³ См.: *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях.

На плане 1738 года (так называемом «плане Зихейма» или Зигхейма) и плане 1741 года, который был составлен в связи с проектом Комиссии о Петербургском строении по расширению переулков на Васильевском острове, по Кадетской линии в границах — Большая перспектива от нынешнего Кубанского (бывшего Биржевого, затем Загибенского) переулка — Малая перспектива — показано 11 участков (илл. 2, 3), из них 8 — проаннотированы в экспликации.

На обоих планах видно, что землеотвод не охватывал ещё в эти годы всю линию, как не распространялся и на весь Васильевский остров. Нельзя не оговорить здесь известные обстоятельства, что в соответствии с указами 1719 и последующих лет участки по берегам каналов отводили размерами в 5, 6, 8 и 10 сажений, строить разрешалось исключительно каменные дома в два жилья. Своего рода исключения составляли разрешённые на сооружение дома в складчину несколькими застройщиками в одно жильё⁴.

Итак, на углу нынешнего Кубанского (или Загибенского) переулка от Большой Невы и Кадетской линии показан участок с намеченным каменным строением по линии и деревянным в глубине двора, о котором известно, что он так и не был застроен в петровское время, а каменный дом появился здесь в 1841—1842 годах.

Если продвигаться по Кадетской к Большой перспективе, то угловой напротив предыдущего участок — на плане 1738 года под литерой «U», а на плане 1741 под литерой «Z» — показан сквозным (как и все последующие) на нынешний Тучков переулок; он был отведён **вдове князя Фёдора Ивановича Троекурова княгине Ирине** в 1726 году⁵.

В начале 1727 года княгиня Троекурова подрядила крестьян Ярославского уезда Фёдора Дмитриева сына Тараборина и Василия Семенова сына Капустина построить на своём дворе за два года каменные палаты на фундаменте в два жилья на четырёх погребках⁶.

Представляет интерес описание дома в подрядной, детали которого характерны для строительной практики, имевшей место на Васи-

1703—1782. СПб., 1885. С. 142; *Петров А.Н.* Петербургский жилой дом 30—40-х годов XVIII столетия // Ежегодник Института истории искусств. 1969. Архитектура и живопись. М., 1961. С. 136.

⁴ ПСЗ. Т. 1—45. СПб., 1830. Т. 5 (1713—1719). № 3305, 3332, 3335, 3348; Т. 6 (1720—1722). № 3538, 3673; Т. 7 (1723—1727). № 4405 и др.; *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град Святого Петра. СПб., 1999. С. 122—123, 128.

⁵ Известен столбик и спальник Петра по имени Фёдор Иванович, пользовавшийся особым расположением царя, скончавшийся в 1695 г. под Азовом, но в браке он был с Дарьёю Родионовной Стрешневой.

⁶ Подробнее см.: *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I: История шляхетских дворовладений — застройка и застройщики». М., 2013. С. 244—246.

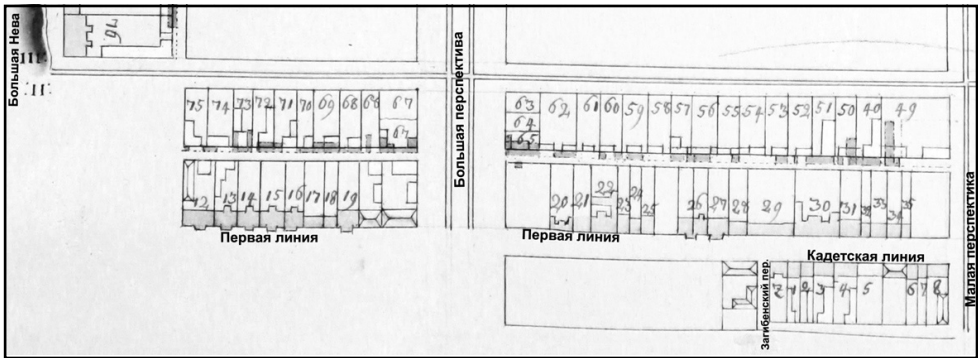

2. Кадетская и Первая линии Васильевского острова от Большой Невы до Малой перспективы. «План Зигхейма». 1738.
Литография из публикации П.Н. Петрова. Фрагмент.

Экспликация к илл. 2.

Дворы по Кадетской линии: U – княгини Троекуровой; V – бригадира Кудрявцева; W – княгини Мещерской; X – полковника Титова; Y – князя Долгорукова; Z – фундамент [дома Долгорукова]; 1 – компанейщика Брагина [Прозоровского]; 2 – генерала Бутурлина; 3 – фундамент.

Дворы по Первой линии: 29 – Макарова; 28 – адмирала Синявина; 27 – Лихарева; 26 – аптекаря Иогана Григори; 25 – княгини Ромодановской; 24 – генерала Леонтьева; 23 – Сверчкова; 22 – Косагова [Колычова]; 21 – князя Михаила Долгорукова, фундамент; 20 – генерала Измайлова; 19 – купца Стрешнева; 18 – Корыхалова; 17 – Юшкова; 16 – двух Долгоруковых; 15 – адъютанта Салтыкова; 14 – пустой двор; 13 – подворье Новгородского архиерея; 12 – купца Медовщикова; 11 – вдовы Салтыковой; 10 – советника Карбанова; 9 – подворье Устюжского архиерея; 8 – Лопухина.

3. Кадетская и Первая линии Васильевского острова от Большой Невы до Малой перспективы. План 1741. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 1852. Фрагмент.

Экспликация:

Дворы по Кадетской линии: Z – князя Троекурова; 1 – бригадира Кудрявцова; 2 – княгини Мещерской; 3 – полковника Титова («за оными Кадетский сад»); 4 – князя Долгорукова («за оными Кадетский сад»); 5 – фундамент [дома Долгорукова]; 6 – компанейщика Брагина; 7 – генерала Бутурлина; 8 – фундамент.

Дворы по Первой линии: 12 – Макарова; 13 – адмирала Синявина; 14 – Лихарева; 15 – аптекаря Ягана Григорья; 16 – графини Головкиной; 17 – генерала Леонтьева; 18 – Сверчкова; 19 – Колычева; 20 – князя Михаила Долгорукова; 21 – генерал-лейтенанта Измайлова и капитана Лодыженского; 22 – купца Стрешнева; 23 – майора Юшкова; 24 – Корыхалова; 25 – пустой двор; 26 – двух Долгоруких; 27 – адъютанта Салтыкова; 28 – пустой двор; 29 – подворье Новгородского архиерея; 30 – купца Медовщикова; 31 – вдовы Колтовской; 32 – советника Курбатова; 33 – подворье Устюжского архиерея; 34 – Лопухина; 35 – капитана Безобразова, пустой двор.

льевском острове этого времени. Фундамент размерами 8 на 6 сажень делали обычным способом — в рвы шириной и глубиной в два аршина (142 см), набивали трёхаршинные сваи на расстоянии полметра друг от друга, затем насыпали дикий камень, сверху настилали плитником до уровня земли.

Наружные стены в погребках выводили в 4 кирпича, простенки — в 3,5, в жильях на погребках соответственно в 3,5 и в 3, в верхних жильях — также тоньше на полкирпича — в 3 и в 2,5.

Общепринятые требования строить «по архитектуре», т.е. по «образцовым» проектам, по чертежам и по «повелению» или «указыванию» архитектора, непременно и неоднократно оговаривали в каждом строительном подрядном договоре.

Внешняя отделка включала украшение фасадов крыльцами (на плане не показаны): по линии — каменное, со двора — деревянное брусчатое на два схода. Стены покрывали белой известью, кровельным покрытием служил гонт (разрешённой указами альтернативой могла быть черепица, в противопожарных целях дрань и тес как кровельный материал не использовали)⁷, который предполагали выкрасить красной краской, «припустя» с маслом. На крыше мастера должны были сделать три слуховых окна (на плане видно два).

Элементы деревянного декора включали столярный карниз под кровлей, так называемые «схваты» с точёными балясами на крыльцах, сосновые столярные рамы.

Межэтажные перекрытия в погребках делали сводчатыми, в верхних и средних жильях (в палатах и в сенях) по новой моде — брусом.

В договоре описаны некоторые элементы внутренней отделки. Полы в погребках требовалось выстлать диким камнем, в верхних и средних жильях — сделать досчатые топорной работы, т.е. черновые, потолки в верхних и средних жильях «подобрать», замазать глиной, изнутри подбить пильным тёсом. Известен состав помещений верхних этажей — пять палат и сени.

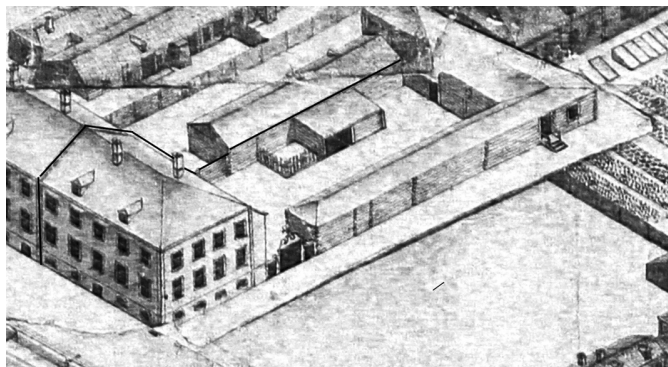
В ведомости 1732 года для каждого участка кратко описано физическое состояние главного дома, а нередко и служебных построек.

На участке, числившемся за вдовой княгиней И. Троекуровой, в 1732 году палаты «построены и покрыты», но отделаны вчерне — «не выбелены, потолки не подмазаны, печей и окончин нет»⁸, что собственно соответствовало условиям строительного контракта.

Забегая вперёд скажем, что, судя по описи, в таком состоянии или даже более далеком от завершения были большинство дворовладений Васильевского острова.

⁷ ПСЗ. Т. 5 (1713—1719). № 2850, 2792 и др.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172.

4. Двор Троекуровых в Кадетской линии Васильевского острова.
АксонOMETрический план Санкт-Петербурга.
1765–1773 гг. Л. 24 (125). Фрагмент.

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга 1765–1773 годов, зафиксировавшем город в том виде, в котором он сложился к середине 1760-х годов, общая схема планировки двора Троекуровых соответствует плану 1738 года, а общие параметры дома соответствуют подрядной, т.е. постройка в два жилья на погребах в пять осей (илл. 4).

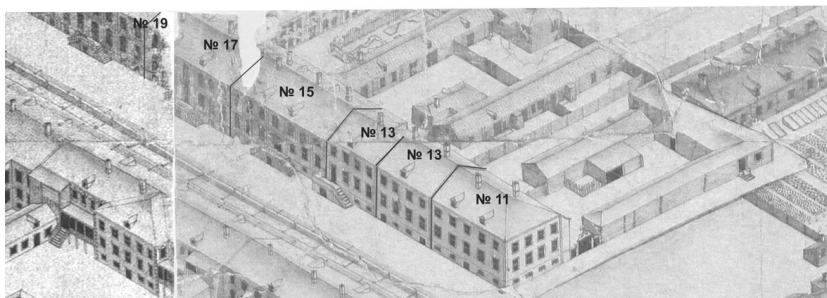
Сегодня в бывшем доме Троекуровых по Кадетской линии № 11 просматривается петровская архитектура, хотя известно, что в XIX веке здание неоднократно переделывали (надстроена правая часть и т.д.)⁹.

О следующих двух участках (узких пятисаженных), которые на плане 1738 года значатся под литерами «V» и «W», а на плане 1741 года под № 1 и № 2, мало что известно. В 1730–1740-е годы один из них числился за **подполковником и бригадиром Нефёдом Никитичем Кудрявцевым**, второй — за **княгиней Мещерской**. На планах показаны каменные дома по линии и деревянные строения по периметру двора. Строительство деревянных служб законодательно было разрешено лишь по межевым границам соседних участков.

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга 1765–1773 годов дома на дворах Кудрявцева и Мещерской показаны в четыре оси каждый и в два жилья на погребах. У дома на бывшем участке Мещерской видно каменное крыльцо на один сход (илл. 5).

Наружные крыльца, писал в 1961 Анатолий Николаевич Петров в статье, посвящённой Петербургским жилым домам 1730–1740-х годов, непредусмотренные образцовым чертежом, служили для подъё-

⁹ *Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д.* Василеостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 132.

5. Дворы в Кадетской линии Васильевского острова.
 Аксонометрический план Санкт-Петербурга. 1765–1773 гг.
 Л. 24 (125), 23 (124). Фрагмент. Дома № 11–19. Современные фото.

ма в сени первого этажа, под крыльцом находился вход в помещение цокольного этажа. Полы первого яруса дома делали в соответствии с указами выше уровня подъёма воды при наводнениях¹⁰.

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга 1765–1773 годов показано, что для домов в Кадетской линии было выдержано требование «строить в один горизонт», т.е. одинаковой этажности, под один карниз. Здесь также видно, что соседние дома стоят вплотную друг к другу, их смыкали, экономя кирпич, общей стеной.

В современном доме № 13, бывших владениях Кудрявцева и Мещерской, сохранена этажность и количество осей.

Следующий участок **полковника Василия Григорьевича Титова**, на котором ныне стоит дом № 15 по Кадетской линии был отведён ему в 1725 году. В 1732 палаты были «построены вчерне, полов, потолков, печей, окончин и городьбы нет».

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга его дом показан в 7 осей, в два жилья на погребях, каменное крыльцо на два схода. Этажность и количество осей сохранились в современном доме № 15.

Любопытна история освоения соседних с Титовым участков — **князей Юрия Юрьевича и Ивана Юрьевича Долгоруковых** и рядом — их дяди **Михаила Владимировича Долгорукова**. Дворы, как и их соседям

¹⁰ См.: *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 139.

по линии, отвели Долгоруковым в 1725 году. Понятно, что жилая застройка Кадетской линии формировалась в общем русле архитектурно-градостроительного замысла Петра, но уже после его смерти.

На плане 1738 года эти дворы показаны под литерами «У» и «Z», а на плане 1741 — под № 4 и 5. Участок братьев Долгоруковых показан с каменным домом по линии и деревянным строением по периметру двора и к нынешнему Тучкову переулку. Двор их дяди без построек в экспликации значится как «фундамент».

Совместный контракт на строительство двух домов на фундаменте с отделкой «вчерне под кровлю» Юрий Юрьевич и Михаил Владимирович — сибирский губернатор на тот момент — заключили с крестьянами из Костромского и Ярославского уездов в 1725 году¹¹. Один из подрядчиков — крестьянин князя А.А. Шаховского Матвей Васильев сын Говоров впоследствии прославился на строительстве колокольни Донского монастыря по проекту Доменико Трезини и под руководством архитектора Ивана Шеделя.

О подрядной постройке общими размерами в 21 на 6 саженей в два жилья известно, что её предполагали покрыть, как и у Троекуровой, гонтом.

На 1732 год известно, что на дворе братьев Долгоруковых палаты «построены, а не покрыты, полов, потолков, печей и окончин и городьбы нет»¹². Это неудивительно, ведь подрядчик М.В. Говоров жаловался, что получил от заказчиков к 1732 году лишь чуть больше половины причитавшихся ему денег, хотя подрядная 1725 года должна была быть выполнена за 8 месяцев, т.е. в том же 1725 году. Второй подрядчик скончался, так и не начав строить¹³.

Палаты на дворе Михаила Долгорукова к 1732 году были в ещё более прискорбном состоянии — «построены в одно жилье, не покрыты, полов, потолков, печей, окончин и городьбы нет»¹⁴.

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга видны два дома на двух участках Долгоруковых, каждый в 7 осей, т.е. две постройки по 10 саженей, в два жилья на погребах с типовыми каменными крыльцами на два схода.

Современный дом № 17 надстроен и переделан до неузнаваемости, а № 19 — также надстроен, но сохранил количество осей.

¹¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 917. С. 14–17.

¹² Там же. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172.

¹³ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1740. Л. 102–107 об.; *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства. М., 2008. С. 172.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172.

¹⁵ *Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д.* Указ. соч. С. 134–135.

На следующем участке **Семёна Лукича Челищева** с намеченным (судя по плану 1741 года) к строительству каменным зданием без номера, между владением под № 5 и № 6, к 1732 году имелся лишь фундамент.

Возведённый на этом месте в 1784 году для купца В. Грехова трёхэтажный каменный дом стал очень известным. Его перестраивал в 1845 году архитектор Александр Павлович Брюллов¹⁵.

Соседний узкий участок **капитана морского флота князя Александра Никитича Прозоровского** владелец начал осваивать в 1725 году, когда подрядил ярославских крестьян Тихона Осинина и Григория Созонова на строительство дома размерами 5 на 6 саженей¹⁶. К 1741 году этим участком с каменным домом владел уже не Прозоровский, а «компанейщик» Брагин. К 1732 году палаты были «построены и покрыты, печей и окончин нет, кровля и подмаска в некоторых местах обветшала и городьбы нет»¹⁷.

Сейчас на этом участке № 23 — перестроенное в 1905 году в стиле модерн здание.

Угловой к Среднему проспекту дом № 25 строился в конце XVIII века, но, возможно, он генетически связан с сооружениями петровского времени и именно поэтому представляет в рамках статьи определённый интерес.

Угловой участок у Большой перспективы на плане 1741 года значится под № 7. Он был отведён тайному советнику генерал-майору и лейб-гвардии подполковнику сподвижнику Петра дипломату **князю Борису Ивановичу Куракину** в 1724 году. По описи 1732 года, на дворе, перешедшем к этому времени его вдове княгине Марии Фёдоровне (урожд. Урусовой), «погребка построены и развалились». После Марии Фёдоровны владение попало к супругу дочери Екатерины — графу Александру Борисовичу Бутурлину.

Второй угловой участок № 8 у Большой перспективы принадлежал с 1724 года **столянику Алексею Алексеевичу Милославскому**. Освоение этого владения примечательно тем, что представлено сразу двумя подрядными. В июне 1724 года Милославский нанял крестьян из Ярославского уезда строить каменный на фундаменте типовой дом размерами 10,5 на 6 саженей в два жилья на погребках с кирпичными сводами. Но мастера по каким-то причинам выполнили подряд лишь частично — сделали фундамент и погребной ярус. Затем 20 октября 1726 года Милославский подрядил новых мастеров — ярославских крестьян Осинина и Созонова¹⁸, которые работали у соседа

¹⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1039. С. 56–57.

¹⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172.об.

¹⁸ Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 944. С. 182–184; Ф. 285. Оп. 1. Д. 918. С. 160–164.

через двор. К моменту заключения новой сделки строители как раз должны были завершить возведение дома Прозоровского вчерне и, судя по результату на 1732 год, успешно справились с этой работой. Но с палатами Милославского дела обстояли не так оптимистично — в 1732 году дом как не был окончен: «построен вчерне, токмо до второго жилья»¹⁹.

Можно сказать, что Кадетская линия в границах от Кубанского (Загибенского) переулка до Малой перспективы может быть рассмотрена как скрытый под позднейшими наслоениями, претерпевший архитектурно-строительные изменения интереснейший фрагмент города, задуманного Петром I.

«По первому каналу», т.е. по Первой линии в графических материалах 1730–1740-х годов просматривается 10 участков от Большой Невы до Большой перспективы и 20 — от Большой перспективы до Малой.

Объём статьи не позволяет подробно рассмотреть застройку Первой линии, поэтому лишь «ненадолго приостановимся» у некоторых современных домов, которые сохранили следы работы мастеров петровской эпохи.

Ближайшим к Большой Неве (за нынешним Румянцевским садом) на плане 1738 года под № 29, а на плане 1741 — под № 12 показан сквозной (как и последующие) двор **Макарова** с каменным домом по линии и деревянным строением по периметру участка (к реке и к проезду). Проезд этот шириной порядка трёх саженей был проложен в первой трети XVIII века, именовался во второй половине XVIII века Песочным переулком, затем Соловьёвским, ныне это улица Репина²⁰.

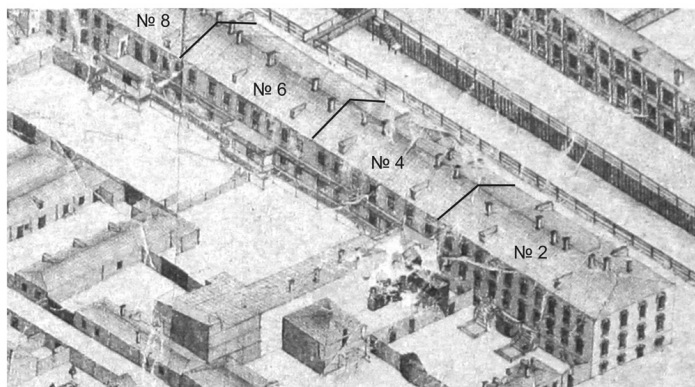
Участок под каменное строение взяли в 1721 году вкладчину 8 человек, но к 1732 году он числился за тайным советником Алексеем Васильевичем Макаровым. На дворе стоял отстроенный в два апартамента на погребках дом, в котором не хватало только печей и окончин в верхнем апартаменте, имела дворовая деревянная застройка²¹.

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга владение Макарова (современный дом № 2) показано, как и вся линия, со стороны двора (*илл. б*). На внутреннем фасаде просматривается 10 осей, хотя план повреждён и, если бы фасад был симметричен относительно входа, то имел бы 9 осей.

¹⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172 об.

²⁰ *Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д.* Указ. соч. С. 364–365, 436.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 200. Л. 172 об.

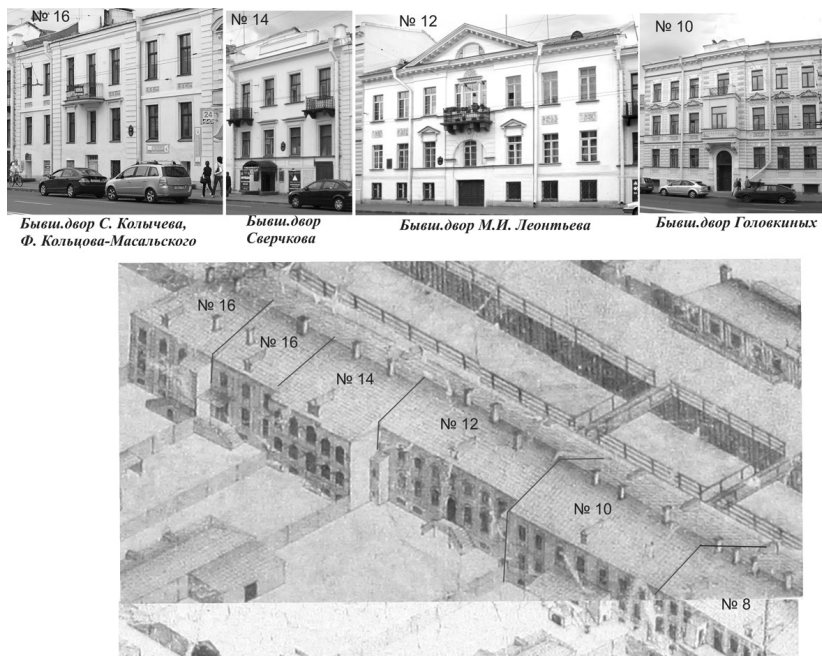
6. Дворы в Первой линии Васильевского острова. Аксонометрический план Санкт-Петербурга. 1765–1773 гг. Л. 36 (137). Фрагмент. Дома № 6–8. Современные фото.

Следующий двор главы Канцелярии от строений **генерал-майора Ульяна Акимовича**, затем его брата **вице-адмирала Наума Акимовича Сиявиных** к 1732 году был «совсем постройкою исправен». История этого владения подробно рассмотрена в публикации Ольги Гениевны Агеевой в связи с переходом владения в ведомство Коллегии иностранных дел в 1741 году, а в 1757 — в ведение Кадетского корпуса²².

На Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга дом Сиявиных показан в 7 осей, которые видны и на современном надстроенном третьем этаже доме № 4. Заметим, что на Аксонометрическом плане хорошо просматриваются ворота с улицы Репина. По заведённой практике въезд на двор должен был располагаться на вспомогательных улицах-проездах.

За владением Сиявиных на Аксонометрическом плане видны участки с типовыми домами петровского времени в два яруса на погребках **Алексея Кириллова сына Лихарева** и князя **Андрея Иванова**

²² См.: Агеева О.Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове (До их передачи Сухопутному шляхетскому корпусу) // Труды Государственного Эрмитажа. [Т] Петровское время в лицах—2009: К 300-летию Полтавской победы (Материалы научной конференции). СПб., 2009. С. 5–11.

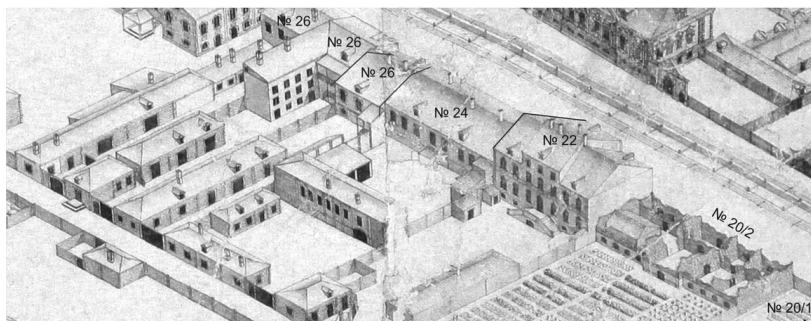

7. Дворы в Первой линии Васильевского острова.
 Аксонометрический план Санкт-Петербурга. 1765–1773 гг.
 Л. 36 (137), 25 (126). Фрагмент. Дома № 10–16. Современные фото.

сына Волконского в совместном владении (современный дом № 6, надстроен третьим этажом). **Аптекаря Ягана (Иоганна) Григория и купца Осипа Вилимова сына Вилкинса** (Аксонометрический план в этом месте повреждён, вероятно, дом был построен в 7 осей, не вполне понятна конструкция входа, напоминающая рундучное крыльцо, который видно и у входа в дом Лихарева-Волконского, современный дом № 8).

Далее шли дворы: **Головкиных** (ныне дом № 10), **генерал-майора Михаила Ивановича Леонтьева** (ныне дом № 12) — на Аксонометрическом плане видно характерное крыльцо на два схода. Далее узкий двор **обер-секретаря Аврама Сверчкова** (ныне дом № 14) и два дома — **Фёдора Михайловича Кольцова-Масальского** и **стольника Степана Андреевича Кольчова**. На Аксонометрическом плане они разделены оградой, каждый из домов, возведённых по подрядной в 1723 году, имеет три оси, крыльцо на один спуск (современный дом № 16) (илл. 7).

Угловой к Большой перспективе дом № 18 возведён в XIX веке на участках, которые в графике XVIII века показаны незастроенными.

8. Дворы в Первой линии Васильевского острова.

АксонOMETрический план Санкт-Петербурга. 1765–1773 г. Л. 24 (125).

Фрагмент. Дома № 20/1–26. Современные фото.

Первую линию за Большой перспективой открывает деревянная лютеранская **церковь Святой Екатерины**. Далее на плане 1738 года под № 21, на плане 1741 под № 20 показан двор **князя Михаила Долгорукова**, бывшее владение солдата лейб-гвардии Преображенского полка **князя Сергея Владимировича Долгорукова**, с каменным домом по линии.

Подрядную на строительство каменных палат из 300 тысяч штук кирпичей Сергей Долгоруков заключил с крестьянами Ярославского уезда в 1724 году в Москве²³. По описи 1732 года на дворе «сверх погребов первого апартаментов мало — не достроено». В экспликации к плану 1738 года сооружение значится как «фундамент», что видно и на Аксонометрическом плане Санкт-Петербурга 1765–1773 годов. Палаты на дворе показаны недостроенными — выведены лишь чуть выше погребного этажа, вероятно, в 11 осей, что просматривается и в современном доме № 20/2, который стоит на этом месте (илл. 8).

Перед заинтересованным зрителем возникает виртуальный город XVIII века, который при желании можно попытаться наложить на современную застройку Васильевского острова.

²³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 944. Л. 164–165.

ИСЧЕЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Император Пётр I не смог увидеть при жизни свой «идеальный» город. Полностью отстроенных и отделанных набело домов на Васильевском острове было мало (единицы или десятки), а в 1737–1761 годах, как писал Сергей Владимирович Семенцов, остров стал превращаться в периферию новой столицы. Доминирующую роль всё больше приобретала Адмиралтейская сторона²⁴.

Сегодня дома первой трети XVIII века ещё просматриваются в современной застройке острова, хотя пережили пожары или реконструкцию. Это фрагменты петровской архитектуры, которую важно не потерять безвозвратно.

²⁴ См.: *Семенцов С. В.* и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 39.

Корсакова Наталья Леонидовна
(Санкт-Петербург)
*Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
руководитель проекта «Свод петровских памятников России»*

«Петровский миф» в памятниках

Под «петровским мифом» обычно понимают ставший неотъемлемой частью русской культуры результат процесса мифологизации личности Петра I. Зародившийся при жизни первого русского императора, этот миф насаждался «сверху» — как официальная идеологическая установка и укоренялся в народе — как реакция на петровские деяния. Значительный вклад в создании этого мифа внёс и сам Пётр, что в своё время отметил Д.С. Лихачев¹.

«Петровский миф» нашёл широкое отражение в литературе, музыке², изобразительном искусстве, причём, не только отечественном, но и в зарубежном³. Изучению этого явления посвящены мно-

¹ *Лихачев Д. С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 350.

² В этом контексте уместно упомянуть, что в 2016 году Мариинский театр возобновляет балет «Медный всадник» (музыка Р.М. Глиэра, либретто П.Ф. Аболимова по одноимённой поэме А.С. Пушкина), впервые поставленный в театре в 1949 году. Один из музыкальных номеров балета — «Гимн Великому городу» — стал тогда «визитной карточкой» Ленинграда, а в 2003 году утверждён в качестве официального гимна Санкт-Петербурга.

³ Объём статьи, в основе которой лежит текст доклада, не позволяет подкрепить высказывание библиографическим списком, насчитывающим сотни наименований. Упомяну лишь некоторые недавние исследования на эту тему, в силу их жанра содержащие подробную библиографию вопроса: *Стенник Ю.В.* Пётр I в русской литературе XVIII в. // Пётр I в русской литературе XVIII в.:

гие исследования историков и социологов⁴. Этот миф отличается необыкновенной широтой оценочной амплитуды. Так, Пётр уподобляется Богу у М.В. Ломоносова («Он бог, он бог твой был, Россия.»⁵) или Г.Р. Державина («Великий Пётр, как некий бог, / Блистал величеством в работе.»⁶). Своеобразным каноном стал образ Петра, созданный А.С. Пушкиным: в нём сочетается государственное величие и бытовая простота; пушкинский Пётр является также носителем прогрессивного начала в истории («Арап Петра Великого», «Полтава», «Медный всадник»). Отрицательный образ царя-оборотня находим у Д.С. Мережковского («Антихрист: Пётр и Алексей»). Ничтожной личностью — страдающим припадками алкоголиком — представлен Пётр у беллетриста А.И. Красницкого («Пётр и Анна», «По стопам Петра Великого», «Петра творенье: Очерк из эпохи основания Санкт-Петербурга»).

Изобразительное искусство (за редким исключением), в особенности скульптура (в силу того, что она зачастую является средством идеологической дидактики), чаще даёт примеры положительной оценки личности и деятельности Петра I, представляя его как воплощённое Величие, как идеального монарха, непобедимого воина, великого труженика, неутомимого путешественника.

«Петровский миф», нашедший отражение в многочисленных материальных памятниках, наглядно прослеживается на материалах

Тексты и комментарии / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб., 2010; *Абрамзон Т.Е.* Миф о Петре I: Историческое и мифологическое в образе царя // Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007; *Лобин А.М.* Концепция личности Петра I в русской литературе XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006; Хуан Мин Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII — начале XX века. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010.

⁴ См., напр.: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1997; *Чёрная Л.А.* Пётр I как образец «политичного кавалера» / Пётр I и его время: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 142–145; *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. 2 Vols. Vol. I: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NY, 1995; рус. пер.: *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования / авторизованный перевод С.В. Житомирской. М., 2002. С. 68–121; *Погосян Е.* Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд., доп. Саратов, 2003.

⁵ «Ода на День тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича» (1743).

⁶ «Вельможа» (1794).

свода «Петровские памятники России» — проекта, инициированного Фондом имени Д.С. Лихачева и продолженного сотрудниками Института Петра Великого. Перед участниками проекта ставилась задача выявить на территории Российской Федерации, изучить и описать объекты культурного наследия (монументального, садово-паркового, инженерного искусства, археологии, гражданской и церковной архитектуры и т.д.) любой степени сохранности, непосредственно связанные с именем Петра I⁷. Характер и «градус» этой связи мог быть разным. В свод вошли как объекты, созданные по воле и при непосредственном участии Петра, так и памятники, которые с именем монарха связывает лишь легенда. Именно об этой категории памятников пойдёт речь.

Ряд объектов, связанных с именем Петра I только легендой, сохраняется в Вытегре (Вологодская обл., статус города Вытегра получила в 1773 году, до этого населённый пункт при впадении р. Вянгы в р. Вытегру назывался Вянгинская пристань). Согласно преданию, в 1711 году Пётр I лично исследовал водораздел между реками Ковжей и Вытегрой, в тех местах встречался и беседовал с местными крестьянами.

Действительно, прорыв России к Балтийскому морю в начале XVIII века, потребности строящегося Санкт-Петербурга вызвали необходимость создания новых внутренних коммуникаций. Была сооружена Вышневолоцкая и задумана Тихвинская водные системы. Петру I принадлежала мысль о создании системы водных коммуникаций для соединения Волги с Балтийским морем. С 1710 году английский инженер на русской службе Джон Перри вёл обследования водных путей, в т.ч. в районе Вытегры, для будущего строительства системы каналов. Как известно, петровская идея начала осуществляться только при Павле I, когда приступили к сооружению водной системы, призванной обеспечить судоходство между Невой и Волгой. Коммуникация получила название Мариинской — в честь императрицы Марии Фёдоровны. Сквозное движение по Мариинской системе открылось в 1810 году.

В память о Петре I в районе канала, соединявшего Вытегру и Ковжу, примерно в 1 км от шлюза Святого Петра, в 1808 году был установлен памятник — сложенный из гранитных плит стройный конический четырёхгранный обелиск, поставленный на основании

⁷ Автор настоящей статьи уже не раз представляла этот проект, в т.ч. на петровских конгрессах в Петербурге. См., напр.: *Корсакова Н.Л.* Свод «Петровские памятники России» (опыт составления) // Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9-11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 49–57.

кубической формы и увенчанный бронзовым шаром с двуглавым орлом (утрачен). Автором монумента был инженер-генерал Франц Павлович де Волан (де Волант, Деволан; 1752–1818), в то время служивший в Департаменте водяных коммуникаций, по проекту которого строился Мариинский канал. Памятник хорошо сохранился, в 1965 году он отреставрирован.

Считалось, что памятник стоит на том месте (его «опознал» и указал стопятнадцатилетний местный старец Пахом), где Пётр I отдыхал во время приезда в Вытегру. Об этом рассказывает текст, выполненный накладными буквами и размещённый на одной из четырёх чугунных досок, которые закреплены на гранях основания памятника: «Зиждитель пользы и / славы народа своего / Великий Петръ здесь, / помышляя о судоходствѣ, / отдыхаль на семь / самомъ местѣ въ 1711 году / благоговѣйте сыны Россіи».

До начала XX века неподалёку от обелиска сохранялась деревянная «Петровская часовня» (1809). Считалось, что она сооружена на том месте, где Пётр I жил «в землянке» во время изыскательских работ. Остатки старого шлюза на канале, обелиск и часовню запечатлел в 1909 году С.М. Прокудин-Горский, химик и изобретатель, пионер цветной фотографии в России⁸.

Ещё один памятник появился в Вытегре в память о пребывании в городе Петра I: небольшая деревянная часовня в «русском» стиле с элементами «модерна» представляет собой в плане равносторонний четырёхконечный крест, геометрический орнамент пропильной резьбы является главным мотивом её декора. Часовня освящена 30 мая 1881 года, в день 200-летия Петра I и день памяти прп. Исаакия Далматского, которому и посвящена. Изначально стоявшая на окраине, часовня в 1961 году перенесена в центр города.

Предание о пребывании царя на берегах Вытегры в 1711 году не находит документального подтверждения. Новый 1711 год царь праздновал в Санкт-Петербурге, в доме А.Д. Меншикова на Васильевском острове. Во время Русско-турецкой войны 1710–1713 годов, готовясь к военному походу в Молдавское княжество, 17 января «для лутчаго исправления дел воинских» государь выехал в Москву, куда прибыл 21 января. Его путь из Петербурга в Москву лежал через Новгород и Тверь (Вытегра оставалась далеко в стороне). Отправляясь в поход, Пётр отбыл из Москвы 7 марта, двигался через Вязьму, Смоленск, Слуцк, Луцк, Яворов, Ярослав, Бреславль (совр. Вроцлав) к началу июня подошёл к реке Прут. После разгрома русской армии 9 июля и

⁸ См. № 160–183 на сайте Библиотеки Конгресса США, где хранится коллекция негативов С.М. Прокудина-Горского. Электронный ресурс: URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/>.

заклучения 12 июля мира с турками царь двигался через Кишинёв, Каменец-Подольский и Жолкву, 24 августа прибыл в Варшаву, откуда через Дрезден, Карлсбад (Карловы Вары), где с 13 августа до 3 октября лечился водами, далее через Дрезден, Торгау, Эльбинг (Эльблонг), Кёнигсберг (Калининград), Митаву (Елгава), Ригу и Ревель (Таллин) вернулся в Санкт-Петербург лишь 29 декабря 1711 года.

Таким образом, в 1711 году Пётр I не мог побывать в Вытегре и принять там участие в изыскательских работах. Однако местность бесспорно находилась в поле зрения монарха: по царскому указу от 5 июня 1715 года подпоручик Александр Иванович Румянцев был направлен в Вытегру для оказания содействия «шлюзным мастерам» Джону Перри и Шицу в их исследовании территории водораздела Онежского и Белого озёр и осмотра места строительства канала «от Онежского озера до Волги». Тогда же в трёх верстах выше Вянгинской пристани на р. Вытегре основали государственную верфь, до 1847 года строившую суда для навигации по Онежскому и Ладожскому озёрам.

С темой строительства Петром I искусственных водных коммуникаций связан ещё один памятник, сооружённый в 1862 году по проекту военного инженера, генерал-майора русской армии Виктора Даниловича Кренке (1816–1893) на южном берегу Тихвинского канала, неподалёку от пос. Ефимовского (Ленинградская обл., Тихвинский р-н). Сложенный из массивных камней (по преданию, взятых из фундамента разобранного дворца Петра, стоявшего неподалёку) монумент увенчан крестом. На медной доске, укрепленной в основании, надпись: «В память посещения Императора Петра Великого между 1712 и 1716 годами». Однако посещение царём этих мест в указанный период также не зафиксировано документами.

Заметной группой вошедших в Свод объектов являются «дома» и «домики» Петра I. От приведения перечня этого рода памятников, довольно многочисленных, избавляет появление книги, прекрасно изданной и иллюстрированной⁹, которая явилась результатом многолетнего изучения малых царских резиденций (сохранившихся и утраченных), которые сооружались в различных населённых пунктах — как на территории России, так и за её пределами. В книге нашла отражение и тема мифологизации образа Петра I в Европе. Материалы свода «Петровские памятники России» позволяют немного дополнить это исследование.

Так, книга не содержит сведений о «петровском домике» на территории бывшего женского монастыря Тихвинской иконы Божией

⁹ Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2015.

Матери в Борисовке (Белгородская обл.). Слобода Борисовка, расположенная на левом берегу реки Ворсклы, известна с 1695 года. В 1705 Борисовка с окрестными землями стала собственностью генерал-фельдмаршала графа Б.П. Шереметева, который с 1686 года руководил войсками Белгородской укрепленной линии. В 1,5 км от слободы по обету, данному накануне Полтавского сражения, Б.П. Шереметев основал женский Тихвинский монастырь, строительство которого начали в 1710 году. Граф побывал в Борисовке лишь один раз — в ноябре 1714 года, когда его корпус стал на зимние квартиры. Он прожил там до 23 декабря, ожидая разрешения прибыть в Санкт-Петербург, чтобы оправдаться от возведенных на него обвинений в злоупотреблениях, совершённых в период его пребывания на Украине. Существует легенда, что перед (или сразу после) Полтавской битвы Пётр I гостил у Б.П. Шереметева в Борисовке и, узнав о его обете, сам выбрал место для будущей обители. Обозрев окрестности, царь якобы обратил внимание на возвышенность на берегу Ворсклы, приказал изготовить большой деревянный крест и собственноручно установил его на вершине холма. Эта легенда не находит документального подтверждения. Установлено, что 9 февраля 1709 года царь прибыл в Белгород из Ахтырки. Это был единственный день, когда он мог проехать через Борисовку. Однако ещё в 1640 году, когда была начата постройка Хотмыжска, дорогу на Белгород проложили по правому берегу Ворсклы, а значит, она не пролегла через Борисовку. В день выезда Петра из Ахтырки Б.П. Шереметев выступил в поход к Ромнам и быть с царём в Борисовке не мог¹⁰.

На территории монастыря долгое время сохранялся домик, где, по преданию, жил Пётр I, — небольшая двухэтажная бревенчатая изба на подклети, позднее защищённая сверху деревянным навесом «для сбережения» (сохранились изображения домика). В верхнем этаже было две комнаты, в нижнем имелась одна комната с галереей вокруг неё. Над входными дверями размещалась надпись, выполненная латинскими литерами: «Heneralnaia eta kwartera» (эта генеральная квартира). По свидетельству графа С.Д. Шереметева (1844—1918), побывавшего в Борисовке в 1873 году, рядом с домиком стояли пушки, сам домик «до самого потолка» был завален бумагами Борисовского архива. Сохранившиеся письма Шереметева борисовскому приказчику С.Ф. Перяшникову показывают, что «домик Петра» был сооружён только в 1714 году к приезду владельца Борисовки. Домик сгорел в 1907 году, ныне на его месте разбит парк. Борисовка

¹⁰ Описание памятника в Своде выполнено Н.Л. Корсаковой совместно с А.И. Раздорским.

принадлежала графам Шереметевым до 1917 года. В 1923 году монастырь упразднили, в его постройках разместился детский дом. 11 декабря 1999 года на территории монастыря установлен памятный знак в честь 290-летия обители и поклонный крест в память о его основателях и насельниках, в 2014 году началось возрождения монастыря.

Не упоминается в указанном издании и другой «домик Петра I» — на территории Успенского Свенского мужского монастыря (Брянская обл.), основанного в конце XIII века. Согласно бытовавшей в монастыре легенде, записанной в XIX веке, в каменном одноэтажном домике, построенном в обители в 1708 году, Пётр I останавливался во время своего визита в Брянск. Царь находился в Брянске 22–24 октября 1708 года и покинул город, направляясь в главную армию на север Украины, куда прибыл к концу октября. Приезд царя в Брянск был вызван необходимостью проверки городских укреплений и наблюдением за передвижением шведской армии к Стародубу и далее на Украину. Остановка в обители представляется возможной, т.к. в конце XVII века Свенский монастырь входил в штат русских крепостей, и в нём было единственное тогда каменное жилое помещение.

Домик находился в центральной части монастырской территории, у южного входа в Успенский собор. Здание служило резиденцией архимандрита. Согласно описи 1681 года, «архимандричьи покои» представляли собой «келью с двумя комнатками, перед нею сенцы о двух жильях, в сенях чулан забран досками, покрыты тесом, а в кельях две печи обращатые зеленые, да пять окончин стекольчатых в олове». В XIX веке «Домик Петра» использовался под настоятельские кельи, для чего над ним был надстроен деревянный этаж (разобран в 1887 году при музеефикации домика).

О наружном облике и интерьерах здания дают представление фотографии, хранящиеся в Государственном музее архитектуры им. А.В. Щусева. Северный фасад имел одно окно, второе было заложено. На боковом фасаде сохранялись нерастёсанные окна. Вход располагался с южной стороны. По фасаду шёл крупный валик, под которым размещалась надпись, выполненная крупными литерами: «В сем домике неоднократно пребывал преобразователь России». Входная дверь вела в сени, связывающие с «небольшой, невысокой, продолговатой палатой», перекрытой сомкнутым сводом с распалубкой над дверными и оконными проёмами. На парусах сводов находились изображения двуглавых орлов с монограммой Петра I. Правый угол палаты занимала печь с полихромными изразцами. В помещении стояли два одинаковых кресла токарной работы с витыми

ножками и один стул. По преданию, стул выточил сам Пётр. Во время пребывания в обители царь якобы любил отдыхать в тени исполинского дуба, растущего рядом с монастырской стеной. «Дуб Петра Великого» стоит и сейчас. Согласно ещё одной легенде, под «Домиком Петра» существовал подземный ход, связывавший обитель с Брянском. В 1926 году монастырь упразднили, «Домик Петра» разобрали на кирпич, мебель передали в областной краеведческий музей (в значительной степени утрачена во время Великой Отечественной войны), 1930 году снесли часть монастырских построек.

В возобновлённом в 1992 году монастыре в 2009 на прежнем месте соорудили «Домик Петра I», правда, без учёта размеров и планировки старого здания. Интерьер украшают гравюры и карты петровского времени. Со временем предполагается приблизить интерьеры к оригинальным¹¹.

«Дом, где останавливался Пётр I», есть и в Рыльске (Курская обл.). На фасаде самого старого из сохранившихся городских домов (ул. Розы Люксембург, 12), некогда принадлежавшего рыльскому воеводе, установлена мемориальная доска с текстом: «В этом здании в 1709 году останавливался Пётр I, когда возвращался с Полтавской битвы в Петербург». Однако, согласно известным на сегодняшний день документам, путь Петра I после Полтавы лежал через Киев в Варшаву, оттуда — через Восточную Пруссию, Ригу, Дерпт и Нарву — в Санкт-Петербург, куда царь прибыл 23 ноября. Рыльск в Походном журнале 1709 года не упоминается.

Достоинство представлены авторами книги Никитский монастырь в Переславле-Залесском, дома купца Иванова и Ивана Тамеса, которые могли служить Петру I временными резиденциями во время его пребывания на Ярославской земле¹². Однако не упоминается дом в Великом, которое находится в 40 км от Ярославля. На фасаде одного из старинных домов села (Ярославская ул., 19) укреплен небольшая мемориальная доска с текстом: «В этом доме, по преданию, в 1702–1705 годах останавливался император Пётр I Самодержец всея Великия, Малыя и Белья Руси». В указанный период царь побывал в Ярославле лишь раз — 23 апреля 1702 года — проездом из Ростова в Вологду. Он двигался водным путём, и побывать в Великом, не мог. После Полтавской битвы государь пожаловал село своему сподвижнику фельдмаршалу князю Аниките (Никите) Ивановичу Репнину.

¹¹ Авторы описания — брянские историки и краеведы В.П. Алексеев, С.А. Никулина.

¹² Дома и домики Петра I. С. 441–445.

Памятников, установленных на местах, которые якобы посетил Пётр I, где царь что-нибудь построил или совершил, немало. К числу таковых относится, например, памятная стела¹³, установленная у южного входа на территорию Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, где перечислены представители правившей династии, посещавшие островную обитель. Относительно визита на Валаам Петра I сообщается: «Благочестивейший Государь император Петр I Великий. Время посещения им Валаама неизвестно, сохранилось только предание о его посещении. По воле этого Государя возобновлен Валаамский Монастырь 1715 г., после столетнего запустения вследствие нашествия Шведов». Факт посещения Петром I монастыря документально не подтверждается, однако в ответ на челобитную, поданную в 1715 году настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря архимандритом Иринархом на имя А.Д. Меншикова с просьбой о передаче Валаама в ведение этого монастыря, в том же году последовал указ Петра I (его текст не сохранился) о восстановлении Валаамского монастыря. В 1719 году в монастыре была построена и освящена деревянная Спасо-Преображенская церковь.

Скульптурный памятник Петру I установлен в станице Алексеевской (Волгоградская обл.)¹⁴. Он представляет собой бронзовую в полный рост фигуру царя, облачённого в мундир, с лентой и звездой ордена св. Андрея Первозванного, держащего в руках казацкую саблю. Авторы монумента — волгоградские скульпторы А.К. Ерёмченко, В.А. Жуков и П.Г. Солодков. На картуше, размещённом на лицевой стороне постамента, начертаны слова, якобы произнесённые Петром: «...»Быть посему. Назвать сей град Алексеевым». Легенда о Петре». Скульптура запечатлела момент, когда царь, приняв от жителей станицы саблю, посвящается в казаки. Согласно преданию, по пути в Воронеж царь со свитой остановился отдохнуть на месте современной станицы (по другой версии, он побывал в этих местах в поисках корабельного леса). Здесь Петра нагнал гонец, сообщивший о рождении у него сына, названного Алексеем.

Топонимическая легенда не имеет реальных оснований. 18 февраля 1690 года, в день, когда родился царевич Алексей, Пётр находился в Москве. Более того, весь год царь не покидал столицы, выезжая лишь в подмосковные резиденции Преображенское и Семёновское, где происходили «марсовы потехи». На Дону Пётр I бывал в 1695, 1696, 1709, 1722 годах, однако пребывание его в Прихопёрье и на р. Бузулук, где находится станица Алексеевская, докумен-

¹³ Автором описания памятника в Своде является А.М. Пашков.

¹⁴ Описание памятника в Своде выполнено С.А. Мезиним.

тально не засвидетельствовано. Как известно, отношения между Петром и казачеством не были идиллическими. Петровская эпоха являлась переломной для «вольных» казачьих сообществ. Ограничение свобод и прав казаков, вызвали сильные волнения на Дону, вылившиеся в восстание под предводительством Кондратия Булавина (1707–1708), подавление которого сопровождалось уничтожением казацких городков и возвращением беглых крестьян их владельцам. Атаманы и старшины стали назначаться правительством, казачество в значительной степени утратило свою независимость. Любопытно, что торжественное открытие памятника в станице Алексеевской состоялось 10 октября 2007 года, т.е. ровно через триста лет после начала Булавинского восстания!

Все представленные объекты («дома» и «домики» Петра, скульптурный памятник, памятная стела, памятник-часовня) включены в Свод, несмотря на то, что их связь с именем Петра I не доказана или даже не может быть доказана. Своеобразным памятником здесь служит сама легенда, которая бытует более трёх веков. Однако можно указать на случай, когда считавшийся «легендарным» факт нашёл подтверждение в исторических документах. Речь идёт о комплексе памятников, связанных с историей о спасении Петром I тонувших в Финском заливе моряков в районе Лахты под Санкт-Петербургом (ныне в черте города).

В связи со строительством Сестрорецкого оружейного завода Пётр I часто проезжал через Лахту — и сухим путём, и морем. На побережье между Лахтой и Лисьим Носом находились петровские усадьбы — Ближние и Средние Дубки. Согласно Походному журналу, утром 1 ноября 1724 года возвращавшийся на яхте из Дубков в Санкт-Петербург император у Лахты был застигнут сильной бурей. Более суток продолжалась борьба со стихией. Камер-юнкер герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха Ф.В. Берхгольц, долгое время живший в России, оставил запись в своём дневнике: «2-го после обеда император благополучно возвратился в Санкт-Петербург, но накануне, на обратном пути из Дубков, он подвергнулся на воде большой опасности во время свирепствовавшей сильной бури, и одно из его судов погибло, так что с него только два человека успели спастись вплавь. Его величество принужден был держаться с своей яхтой на двух якорях, и всем находившимся в ней приходилось жутко»¹⁵.

¹⁵ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого, с 1721–1725 год / Пер. И.Ф. Аммон: [в 4 ч.]. Ч. 4. М., 1860. С. 100–110.

Впоследствии происшествие возле Лахты обросло вымышленными деталями. Одну из версий, изложенную придворным лекарем императора Христофором Паульсеном, спустя полвека после события записал Якоб Штелин¹⁶. Событие отнесено Штелиным к 5 ноября 1724 года. Согласно его версии, всё случилось на пути из Санкт-Петербурга в Сестрорецк. Пётр спас следовавший из Кронштадта бот с солдатами и матросами, севший на мель против Лахты. Согласно легенде, император сильно простудился, что ускорило его кончину.

В конце XIX века Лахта стала популярным дачным местом. Местные дачники пожелали увековечить подвиг императора строительством православной церкви и часовни. Их инициатива получила поддержку многих влиятельных петербуржцев. Землю под постройку выделил владелец лахтинского имения граф В.А. Стенбок-Фермор. Строительство осуществлялось по проекту и под руководством лахтинских дачников академика архитектуры В.А. Шауба, его сына, также академика архитектуры В.В. Шауба, и академика живописи А.И. Шарлеманя. Освящение часовни, заложенной в 1892, состоялось 29 июня 1893 года, в Петров день, в присутствии основателя и первого руководителя Императорского русского общества спасания на водах генерал-адъютанта К.Н. Посыета. В тот же день состоялась закладка церкви ап. Петра. 31 июля 1894 года чин освящения храма совершил митрополит Палладий с отцом Иоанном Кронштадтским. На богослужении присутствовали петербургский губернатор граф С.А. Толь, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и другие высокопоставленные гости, придавшие торжеству значение общероссийского события.

Лахтинский мемориал представлял собой два отстоящих друг от друга архитектурных объекта: выполненные в русском стиле с шатровыми завершениями деревянную церковь ап. Петра (сохранилась с утратами) и мемориальную чугунную часовню на берегу Финского залива (утрачена). В Петров день, ставший храмовым праздником, жители Лахты крестным ходом шли от церкви к часовне, чтобы почтить память Петра. В 1896 году на взморье при въезде в Лахту со стороны Санкт-Петербурга построили Спасательную станцию (не сохранилась), в том же году на станции освятили деревянную часовню иконы «Божией Матери Утешительницы всех страждущих и горем опечаленных», которая давала последний приют утонувшим, тела которых прибывало к лахтинскому берегу.

¹⁶ «Анекдоты о Петре Великом» впервые изданы в 1785 году в Лейпциге на немецком языке.

Петровский мемориал в советское время был предан забвению. Чугунную часовню разобрали не позднее 1932 года, в 1937 закрыли Петровскую церковь, в 1939 году её приспособили под кинотеатр, при этом разобрали главку над главным шатром и колокольную.

Возрождение мемориала началось в 1990-е годы: церковь вернули Петербургской епархии в 1991, в 1994 состоялось её полное освящение. Воссоздана главка с крестом над главным шатром, открыты и отреставрированы орнаментальные росписи, сохранившиеся в подкупольном пространстве. В 1999 году Петербургской археологической экспедицией, производившей обследование берегового комплекса мемориала, установлено место, где стояла Петровская часовня. 15 июля 2000 года во время празднования 500-летия Лахты на месте часовни установлен временный памятный знак, созданный местными жителями по проекту архитектора З.А. Рафаеляна.

Лахтинский мемориал включался в Свод как памятник, связанный с именем императора легендой. Когда описание комплекса памятников было уже выполнено¹⁷, в известном издании материалов по истории русского флота Е.В. Анисимов, научный руководитель проекта «Петровские памятники России», обнаружил подзабытый историками и утраченный ныне текст указа о создании береговой спасательной службы. 8 ноября 1724 года, «в бытность свою в церкви Живоначальной Троицы», император «указал»: «1. в Березовые острова, на Гогланд, Сескарь и Сомерс ко обывателям послать указы велеть тем обывателям смотреть, ежели идущим судам, как российским, так и иностранным, случится какое несчастье или от шторма разобьет, и в том возможно учинить будет помощь, то чинить как возможно со всяким радением; а буде тем судам никакой помощи учинить не можно, то о них немедленно присылать ведомости в адмиралтейскую коллегию или в Кронштадт к командующему флагману, кому куда способнее будет. А ныне в тех же местах обывателям осмотреть не имеется ль каких разбитых судов и по осмотру ежели явятся прислать известие. 2. А ныне от коллегии послать от флота морских офицеров нарочных от С. Петербурга, а именно по выборгской стороне даже до шведской границы, а по копорской даже до самого Ревеля, которым велеть против оногж в тех местах по морю осмотреть не имеется ль каких судов разбитых, а буде имеются то описав привезть в коллегию известие. 3. А в Копорьи и Ямбург, ко управителям, в Нарву к подполковнику Баскакову. В Ревель к вице-

¹⁷ Автор описания — Н.В. Михайлов, автор книги «Лахта: Пять веков истории. 1500–2000: Исторический очерк, документы, воспоминания, каталог открыток» (изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2013), где история мемориала рассказана более подробно.

губернатору фон Левену, в Пернов к полковнику Аничкову и в рижскую губернию послать указы, велеть ведение тех городов на о-вах и в ближним к морским берегам жителям в кирках объявить с приложением рук, дабы чинили о морских судах по вышеписанному Е.И.В. указу неотложно»¹⁸.

Появление указа через несколько дней после бури, застигнувшей императорское судно у берегов Лахты, представляется неслучайным. Издание указов часто являлось реакцией Петра на события, свидетелем или участником которых он был. Хотя факт спасения императором терпевших крушение людей (моряков?), который вдохновил многих художников и скульпторов на создание своих произведений, остаётся недоказанным, трудно представить, что Пётр безучастно наблюдал кораблекрушение, не пытаясь «учинить помощь» тонущим людям.

Только за последние пять лет в честь Петра I открыты монументы: в 2010 году в г. Бийске (Алтайский край); в 2012 — в г. Гагарине (бывш. Гжатск, Смоленская обл.); в 2012 — в деревне Сомино (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.), в 2014 — в Нижнем Новгороде; в том же году воссоздан памятник (1847) в г. Кировске (Ленинградская обл.); в 2015 году — мемориал в г. Дербенте (Дагестан). Памятники Петру имеются даже в городах, где царь никогда не был (и не мог быть), например, во Владивостоке и Сочи.

Существование огромного количества петровских памятников (в Своде их насчитывается около 750), в том числе созданных в последние годы, говорит о неугасающем интересе к личности первого русского императора. А наличие среди них немало числа памятников «легендарных», которыми отмечены события, никогда реально не происходившие, но сохранённые многовековыми преданиями, и тех, которые установлены в местах, где не ступала нога Петра I, но где до сих пор живёт память о нём, с особой наглядностью свидетельствует о потребности людей связать историю своей «малой Родины» с общероссийской петровской историей. Работа над сводом «Петровские памятники России» и являющимся его продолжением сводом «Петровские памятники и памятные места Европы»¹⁹ не оставляет сомнений в существовании и жизнеспособности «петровского мифа».

¹⁸ Материалы для истории русского флота / Подготовлен С.И. Елагиным. СПб., 1867. Т. 4. С. 687.

¹⁹ Руководителем этого проекта является живущий во Франции известный историк Дмитрий Гузевич.

Клименко Юлия Гавриловна
(Москва)
*Доцент кафедры
истории архитектуры и градостроительства
Московского архитектурного института*

**Петровское здание главной аптеки
на Красной площади в Москве:
реконструкции памятника
по архитектурным документам
эпохи классицизма¹**

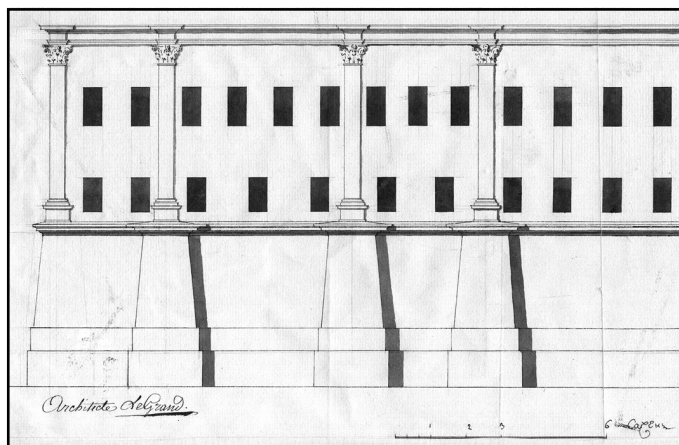
«Сие строение построено в давние времена... для бывшей прежде сего Главной аптеки, а потом занимаемо было гимназиею и типографиею Московского университета, ныне же переправлено архитектором Казаковым для помещения присутственных мест Московской губернии»².

Для истории русского зодчества конца XVII — начала XVIII веков большое значение имеет изучение не только сохранившихся памятников, но и утраченных. Архитектурный ансамбль Главной аптеки (1701–1874)³ остаётся для исследователей одним из самых примечательных произведений московского гражданского строительства петровской эпохи. Возведённый в первые годы XVIII столетия, он был существенным элементом в государственной про-

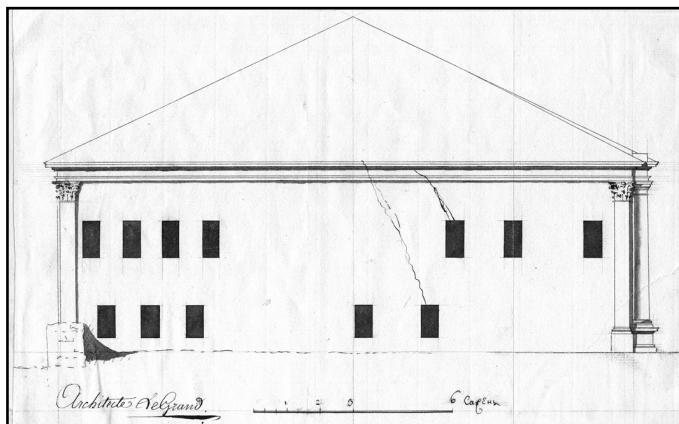
¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (Научно-исследовательский проект № 15-04-00349 а).

² ГНИМА им. А.В. Шусева. Пятый альбом чертежей правительственных зданий М.Ф. Казакова.

³ Здание Главной аптеки, в котором позднее располагались Московский университет и Земской приказ, было снесено в 1874. На этом месте был возведён Государственный Исторический музей.

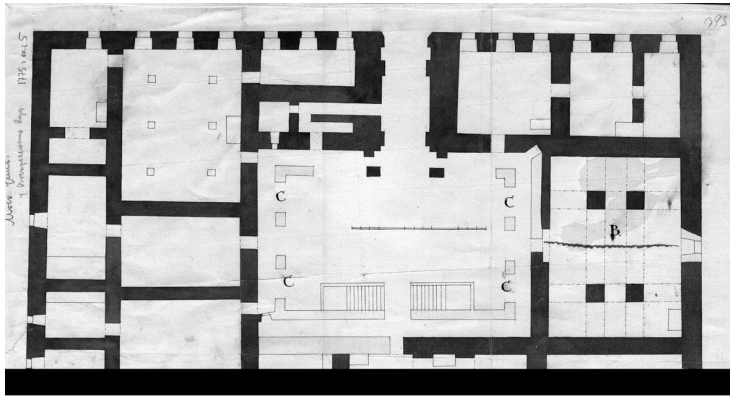

Фасад на высоком фундаменте каменного здания Московского университета возле Воскресенских ворот (б. здание Главной аптеки) со стороны Кремлёвской стены. Фрагмент. 1775. Чертёж, арх. Н. Легран. РГАДА.

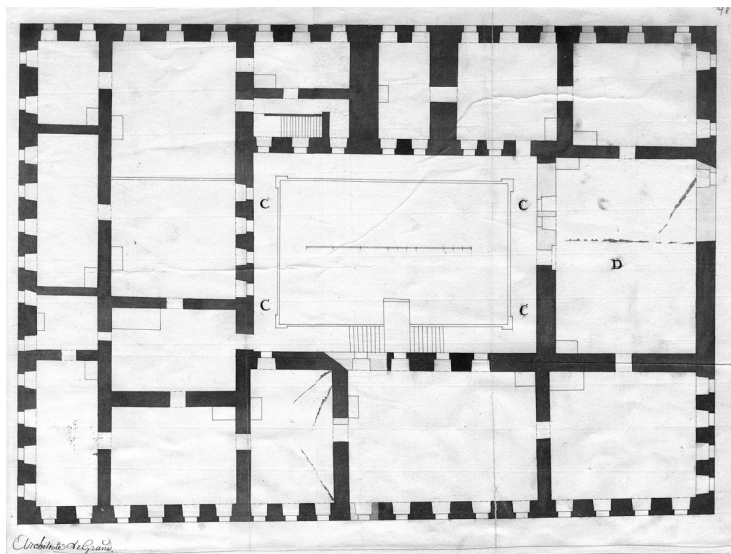

Боковой фасад каменного здания Московского университета возле Воскресенских ворот (б. здание Главной аптеки) с указанием трещин. 1775. Чертёж, арх. Н. Легран. РГАДА.

грамме организации лечебного дела, обеспечивающего необходимое развитие медицины в гражданском и особенно военном проектах Петра I. С учётом этого значения, Главная аптека была построена в самом центре города, близ Кремля рядом с ансамблем Монетного (Денежного) двора. Её новое здание главным фасадом оформ-

Планы первого этажа каменного здания Московского университета
возле Воскресенских ворот (б. здания Главной аптеки). 1775.
Чертёж, арх. Н. Лепран. РГАДА.

Планы второго этажа каменного здания Московского университета
возле Воскресенских ворот (б. здания Главной аптеки). 1775.
Чертёж, арх. Н. Лепран. РГАДА.

ляло парадный въезд со стороны Тверской улицы, через Воскресенские ворота на Красную площадь.

Объёмно-пространственная композиция Главной аптеки представляла собой замкнутое каре с внутренним двором (5 x 8 саж.),

единственный въезд в который был в северо-восточной части. Конфигурация здания в плане имела форму трапеции, близкой к прямоугольнику с габаритами 17–19 x 25 саженей. Над двухэтажными корпусами всего комплекса возвышался третий этаж с башней, сооружённой над основным объёмом с проездной аркой со стороны Монашеского двора и Воскресенских ворот. Венчающая башня, с которой ежедневно в полдень звучала музыка, включала три уровня: нижний — квадратный в плане и два верхних восьмерика, перекрытые золочёным куполом и декоративным завершением в форме шпиля с двуглавым орлом. Общее архитектурное решение Аптеки придавало ей сходство с западноевропейскими ратушами. Благодаря своему градостроительному положению, высокохудожественным архитектурным формам и особой эффектности в отделке главного фасада, произведение становилось объектом внимания многих путешественников, художников и исследователей⁴.

Описания Главной аптеки, оставленные в воспоминаниях современников, позволяют установить дату её строительства. Одним из наиболее ярких и часто цитируемых источников остаётся издание голландского художника Корнелия Де Бруина (1652–1727), направлявшегося в Персию через Москву. По свидетельству автора строительство здания было начато в 1701 году, когда он первый раз остановился в Москве. Во время его второй остановки в 1707 году, при возвращении в Голландию, постройка в целом была уже закончена, и службы аптеки уже занимали новое здание. Осматривая здание и наблюдая за отделочными работами, К. Де Бруин описывал *«стены с великолепными остеклёнными окнами... Верхние части окон должны быть с красивыми китайскими изразцами, которые уже в изобилии и*

⁴ Среди первых исследований по истории здания необходимо отметить следующие: *Потанов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. XX. Вып. 2. М., 1903. С. 171. В этой работе приведена реконструкция плана на первоначальный период. *Снегирёв И.М.* Присутственные места в Москве // Московские губернские ведомости. М., 1842. № 13. С. 265; *Машков И.* Древнее здание Китайской аптеки, Московского университета и старой Думы // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества. Т. III. М., 1909. С. I–X, LV–LVIII; *Он же.* Здание конца XVII века на Красной площади в Москве // Архитектура СССР. 1940. № 11. С. 68–69. Здесь были опубликованы план первого этажа здания перед разборкой и обмеры наличника оконного проёма. Фиксационные чертежи здания аптеки, выполненные Д.В. Ухтомским, были опубликованы в кн.: *Михайлов А.* Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 192–198, 356–357.

хороших образцов прибыли и обеспечены установкой»⁵. Указанную дату строительства подтверждают данные путеводителя по Москве, изданного в 1792 году. Здесь о времени начала постройки сказано: «*Главная аптека и медицинская контора 1701 г. Ноября в 10 день*»⁶.

О завершении строительных работ свидетельствуют исторические документы, обнаруженные в 1950-е годы московским архитектором, реставратором и исследователем Р.П. Подольским⁷. Согласно сметам 1709 года были оплачены следующие строительные материалы «за кирпич и за известь и за песок и за печные припасы»⁸ и работы «за каменное и хоромное и дворовое строение на аптекарском дворе Главной аптеки... и в рву подле стены Кремля города за лесные и прочие печные и всякие припасы»⁹. 20 июля того же года кузнецам И. Фёдорову и А. Григорьеву оплатили устройство водосточных желобов во дворе Главной аптеки и другие кованые работы на фасадах и в интерьере¹⁰. Для окончания строительных работ было выплачено «1709 года на попку в запас и в отпуск на его Великого государя службы всяких припасов на достройку главныя аптеки ... 930 рублей 1 алтын»¹¹.

Сохранились документы 1710 года об оплате доставленных нескольких партиями изразцов и их установки для отделки главного

⁵ Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. Перевод с голландского оригинального текста был уточнён Р.П. Подольским.

⁶ Путеводитель по Москве. М., 1792.

⁷ Рувим Петрович Подольский — специалист по архитектуре Москвы Петровского времени, в 1950-х годах изучал историю здания Главной аптеки, которое впоследствии было передано Московскому университету. На основании собранных им материалов был выполнен макет с научной реконструкцией памятника, который был выполнен реставрационной мастерской для экспозиции, посвящённой 200-летию юбилею университета. В результате глубоких исследований была подготовлена также рукопись статьи, которая, к сожалению, осталась не опубликованной. Макет с реконструкцией на первоначальный строительный период (начало XVIII века) находился после юбилейной выставки в Университете. Эскизы с вариантами реконструкций и документы реставратора находятся в фондах ГНИМА им. А.В. Щусева (Фонд обмеров РВ. № 6628/1-10 — фрагменты изразцового декора Главной аптеки).

⁸ РГАДА. Ф. 16. Д. 320. Ч. II. Л. 45 об.

⁹ Там же. Л. 43 об.

¹⁰ «того же числа по Указу за пометою комиссара Веселовского июля 20 числа 1709 году кузнецам Ивану Федорову, Андрею Григорьеву за кузнечное дело, что они делали с двора в Главной аптеке около палат для стока воды желобья водоходные и под них ухваты на чем утверждены и за пробоинные гвозди и за точеное веретено и за скобья и за подставки к дверям и за заслоны к печам и трубам и за пяльцы затворные к верхним палатам и за ту работу им кузнеца 24 рубли 9 алтын» — Там же. Л. 20 об.

¹¹ Там же. Л. 23 об.

фасада аптеки: «за 744 образца ценных с делом 10 рублей 26 алтын»¹²; «за образцы ценные 22 рубли»¹³ и другие. Р.П. Подольский отмечал технологические особенности монтажа изразцов на фасадах аптеки, которые крепили не в процессе кирпичной кладки, а уже после её окончания. Характеристике этого изразцового декора необходимо уделить особое внимание в специальном исследовании.

Таким образом, на основании приведённых исторических документов можно согласиться с датировкой, предложенной Р.П. Подольским, который утверждал, что комплекс Главной аптеки был построен в 1701—1710 годах. Согласно многочисленным свидетельствам аптека активно функционировала после учреждения, осуществляя крупные поставки лекарств. Примечательна высокая оценка датского посланника в Москве Юста Юля, посетившего её в марте 1710 года: «Московскую царскую аптеку, о которой много слышал прежде. Она поистине может считаться одною из лучших (аптек в мире), как в смысле по обширности комнаты, так и (в отношении) разнообразия снадобий, царствующего в ней порядка и изящества кувшинов (для лекарств). На (кувшинах этих) изображен царский герб; развешаны они по ящичкам, и повсюду на железных дощечках написан красками царский герб. Сделано распоряжение, чтобы (теперешние) кувшины были со временем (заменены) фарфоровыми, равным образом с царским гербом. В аптеке служат превосходные провизоры и помощники — все иностранцы. Старшим надсмотрщиком состоит Английский доктор Арескин. При аптеке имеется большая (библиотека), в которой собраны лучшие, на всевозможных языках, сочинения по медицине или искусству лечить. Хотя содержание аптеки стоит больших денег, тем не менее, она не обходится Царю в убыток и даже приносит прибыль, ибо все походные и судовые аптеки армии и флота снабжаются медикаментами из (царской) (аптеки). — Ю.К.)...»¹⁴.

Первоначально здание Главной аптеки, сооружённое в северной части Красной площади у Воскресенских ворот Китай-города было обстроено с трёх сторон. С севера оно примыкало к Китайгородской стене, а с запада — к Алевизову рву, проходившему вдоль Кремлевской стены. С южной стороны, т.е. со стороны современной Красной площади к Аптеке было пристроено здание Австерии¹⁵. Таким

¹² Там же. Л. 68.

¹³ Там же. Л. 45 об.

¹⁴ Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом. (1709—1711). М.: Университетская типография, 1900. С. 166—167.

¹⁵ Австерия (или аустерия) один из первых питейных домов-трактиров с гостиницей для иностранцев и русской знати, устроенных на западный манер после возвращения Петра I из Западной Европы. Неизвестна точная дата строительства

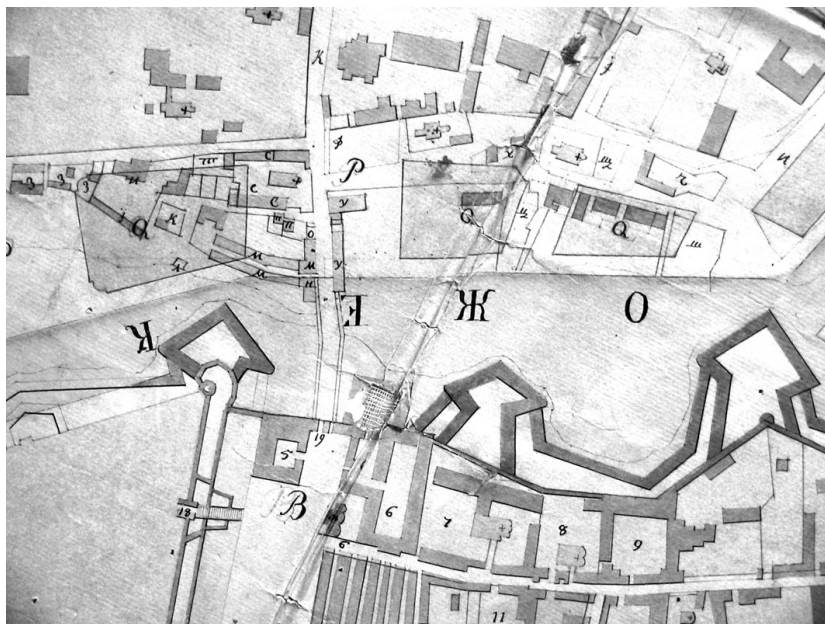
образом, парадное оформление при строительстве получил только восточный фасад.

Восторженные отзывы об архитектуре Главной аптеки оставили свидетели разных эпох. За треть столетия до сноса этого здания историк И.М. Снегирёв так описывал облик архитектурного памятника: *«В Московском Китае, по правую сторону со въезда в город, у Воскресенских ворот огромное и величественное здание. Два его корпуса на юг и на север в два этажа, а третий, выступающий своим фасадом на площадь, в три этажа с башнею, осененною Российским гербом. В середине фасада большая арка, окаймленная архивольтами, служа главным подъездом, заменяет парадное крыльцо. В строении массивность и прочность соединены с красотью и прочностью частей и целого»¹⁶.*

Значительно более полное архитектурное описание Главной аптеки оставил голландский художник Корнелий де Бруин, который после возвращения из Персии в Москву осматривал здание в 1707 году: *«Самое значительное было громадное каменное здание, начатое постройкою лет 7 уже тому назад и предназначавшееся для помещения в нем Монетного двора, но потом года полтора тому назад, назначенное для большой Аптеки. Это прекрасное здание, довольно высокое и с красивою башней на передней стороне. ... Перед входом в это здание есть обширный двор, пройдя который, всходят на большую лестницу, ведущую в первую аптечную комнату, со сводами и весьма высокую, имеющую в длину 15 шагов и в ширину до 20 шагов. В то время, когда я осматривал это здание, сказанную комнату расписывали водными красками (in Fresko). Боковые стены расписаны высокими блестящими окошками, а верхняя часть их красивыми Китайскими горками, на верху которых помещалось, по Китайскому способу, изображение герба Его Царского Величества. В описанной комнате две двери, одна ведет в кладовую трав, а другая в Приказ или Канцелярию. Эти две последние тоже большие прекрасные залы, со сводами и вообще очень изящны. Кроме того есть в доме еще две подобные же комнаты, из коих одна назначена для лаборатории, а другая библиотеки, вмещающей в себя и замечательные растения и редких животных. Наконец есть здесь еще много комнат, и между прочим помещение Президента или Доктора, Аптекаря и разной прислуги. Все они находятся на одной стороне здания, а под ними различные очень большие и красивые погреба. Приказом или Канцеляриею заведывает Доктор, а под его начальством состоит его Вице-Канцлер и несколько писцов, ...и все Лекари, Хирурги и соста-*

здания Австерии у Главной аптеки, но оно показано на плане 1737 года и было разобрано в 1756.

¹⁶ Снегирёв И.М. Присутственные места в Москве // Московские губернские ведомости. М., 1842. № 13. С. 265.

План проектированный Москве и предместьям. 1775. Фрагмент.
Под № 5 — корпус Московского университета (бывшая Главная аптека). РГИА.

вители разных лекарств получают свое жалование из этого Приказа. В этой Аптеке служат 8 Аптекарей, имеющих при себе 5 подмастерьев и более 40-ка работников. Таким образом отсюда получают все лекарства и медицинские средства для войск и флота Его Величества. <...> При Аптеке находятся два сада»¹⁷.

Спустя десятилетие Х.Ф. Вебер подтвердил эти отзывы с высокой оценкой иностранного путешественника, написав в 1716 году: «Здание Аптеки одно из лучших в городе...».¹⁸ Об этом же свидетельствуют многочисленные изображения, ведуты, гравюры и панорамы, фиксирующие парадные виды Москвы. Фасады Главной аптеки отражены в графических произведениях И.Ф. Зубова, М.И. Махаева, Ф. Дюрфельда, Ф. Кампорези, Ж. Делабарта, Ж. Арну, Ж.-Л. Девильи, Н.А. Мартынова, Ф.Я. Алексеева, И.Л. Деруа, О.Ж.-Б.А. Кадоля и

¹⁷ Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с франц. П.П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О.М. Бодянским. М.: Имп. Ово истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1873. С. 247–249.

¹⁸ Вебер Х.В. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив, 1872. С. 1375.

многих других мастеров. Сравнение этих изображений позволяет проследить за изменением облика Главной аптеки.

Планировочные решения этого ансамбля известны благодаря последующим работам здесь московских архитекторов, неоднократно фиксировавших здание в ходе ремонтов и перестроек. Здесь работали И.Ф. Мичурин, Д.В. Ухтомский, В.С. Яковлев, Н. Легран, М.Ф. Казаков, О.И. Бове и другие мастера. Из их чертежей и вышеприведённого описания явствует, что входы во все внутренние помещения были только из внутреннего двора, где располагалась просторная открытая галерея с лестницей, шириной почти в две сажени. В последней трети XVIII века в перестроенной обходной галерее, замкнувшей периметр двора, была организована центральная лестница шириной в одну сажень с симметрично расходящимися двумя всходами. Для подъёма на третий этаж была устроена внутренняя лестница, а верхние уровни венчающей башни соединяла винтовая лестница в толще западной стены¹⁹. Это отражено на подробных планах Д.В. Ухтомского и М.Ф. Казакова.

Главным являлся второй этаж. Все палаты были перекрыты каменными сводами и наиболее парадные из них были украшены фресками. Помещения первого (подклетного) этажа состояли из «погребов» для хранения «аптекарских припасов». Эти складские палаты для медикаментов не имели оконных проёмов с внешней стороны, т.е. по главному фасаду со стороны современного проезда Воскресенских ворот. Уровень земли на этом участке неоднократно менялся, что отражено на рисунках разных эпох. После существенного понижения уровня изменились пропорции фасада, оголилась кладка фундамента, а под въездной аркой были устроены ступени. Оконные проёмы на первом этаже со стороны главного фасада были пробиты только после вывода Главной аптеки из своего бывшего здания. Это произошло вследствие крупного московского пожара 1737 года (Троицкого), от которого постройка серьёзно пострадала. Аптека была переведена в другое московское здание. Так, на послепожарном плане 1739 года, составленном И.Ф. Мичуриным, под № 96 указан «двор бывший генерал-адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина, где ныне Главная аптека»²⁰. В обгоревшее здание у Воскресенских ворот было передано Конторе конфискации с аукционной камерой.

Восстановительными работами руководил И.Ф. Мичурин, который составил опись и смету на ремонт здания. Указом Сената

¹⁹ Это отражено на планах Д.В. Ухтомского и М.Ф. Казакова.

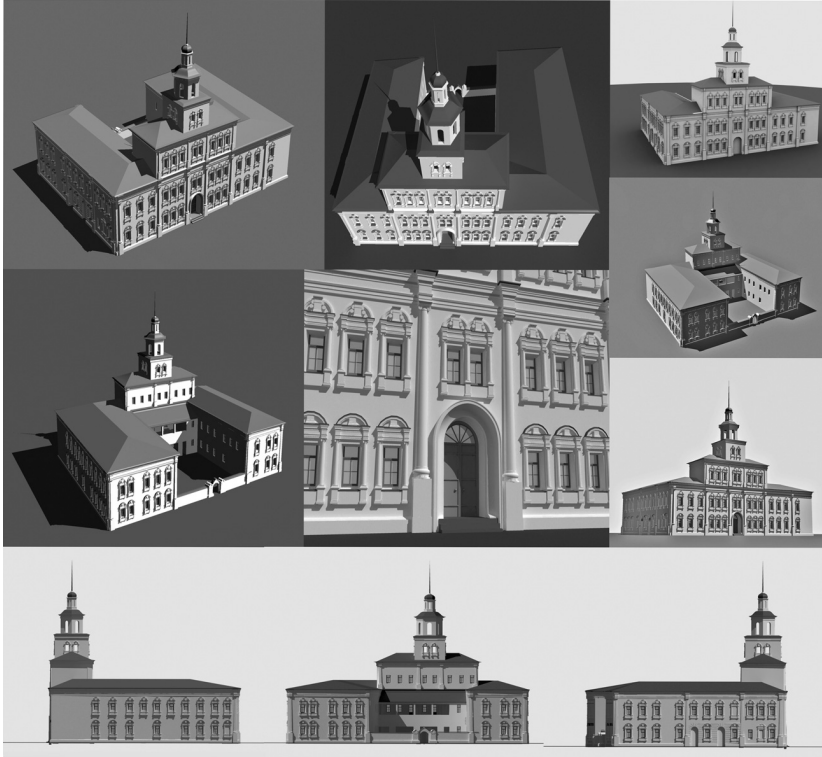
²⁰ Именно об этом здании на ул. Моховой писал В.И. Баженов: «прекрасны в Москве ещё дома: Главная аптека и был бы дом сей ещё прекраснее, когда бы не было при ней нужной аптеке лестницы».

«в 1740 году декабря 30 по требованию конторы конфискации...близ Воскресенских ворот бывший аптекарский дом отдан той конторе на Аукционную камеру и велено для прочности починить и покрыть железом а деньги на то употребить по смете Мичурина около 5715 р. 9 к. ...»²¹. С целью освещения помещений первого этажа именно в этот период в наружной стене по главному фасаду были пробиты оконные проёмы. Для их оформления не могли использовать изразцы, уже практически не производившиеся в эти годы, отчего были выполнены белокаменные обрамления, характер которых был зафиксирован на фотосъёмке памятника перед разборкой. Белокаменными деталями во время восстановительных работ могли заменить и детали оформления парадного второго этажа, включавшего изразцовые наличники. Наиболее хрупкими в эксплуатации оказались пустотелые, отдельно стоящие ажурные колонки, набранные из изразцов, которые после пожаров заменяли на каменные. Скрыть различия между полихромными первоначальными элементами и дополнениями позволяла общая побелка фасадов здания, свидетельства о многослойности которой сохранились в описаниях здания в XIX столетии²².

Первоначальное архитектурное решение главного фасада соответствует другим известным примерам общественных зданий петровского времени, объединявшим черты, характерные для московской архитектурной школы XVII столетия и вместе с тем, связанные с проникновением влияния западно-европейского искусства. Особое градостроительное значение этого парадного фасада Главной аптеки связано с её местоположением, поскольку здание было включено вместе с симметрично расположенным комплексом Монетного двора в зону сценографии триумфальных въездных ворот, оформлявших торжественные шествия на пути между Красной площадью и Тверской улицей — центральной магистралью города, статус которой возрос с основанием Санкт-Петербурга. В архитектурном оформлении фасада сочеталось обращение к традициям древнерусского зодчества и к новым стилистическим тенденциям Западной Европы. Использование строгой ордерной системы было дополнено богатым

²¹ Подробнее о работе И.Ф. Мичурина см.: *Клименко С.В.* Архитектурная деятельность И.Ф. Мичурина. 1720–1750-е годы: диссертация ... кандидата архитектуры. М., 2002.

²² И.М. Снегирёв описывал главный фасад Главной аптеки «*лицевая его сторона, обращённая к Казанскому собору, была усеяна разноцветными кафелями с затейливыми изображениями... невежественная рука замалевала эти кафели*» — *Снегирёв И.М.* Воскресенские ворота. Русские достопамятности. Т. 1. М., 1883. С. 22.

Графическая реконструкция здания Главной аптеки на Красной площади.
 Выполнена студентами МАРХИ А.А. Любимкиным, Е.С. Каюк. 2005.
 Науч. рук. Ю.Г. Клименко.

декоративным изразцовым убранством. Крупный белокаменный дорический ордер объединял два нижних этажа. Шесть отдельно стоящих колонн большого ордера поддерживали антаблемент, составленный из цветных керамических деталей, отвечающих дорическому порядку с триглифами, метопами, меандром и другими элементами. Малый ордер третьего этажа первоначально имел капители коринфского ордера, с характерными чертами московской архитектуры конца XVII — начала XVIII веков. Впоследствии они были заменены на простые дорические, что отражают чертежи Н. Леграна и фотосъёмка здания 1870-х годов. На этих снимках заметны следы и от утраченных на четверике изразцовых колонн, соответствующих колоннам малого ордера третьего этажа. Это подтверждает и сохранившийся карниз четверика с раскреповкой над колонками. Наиболее полно на указанных photographs показаны элементы нижнего и верхнего

восьмериков. Витые изразцовые колонки с кронштейнами, уступавшие по габаритам крупным колоннам нижних этажей подобно перспективному сокращению усиливали иллюзию высотности ярусного здания.

Наиболее примечательными в оформлении главного фасада являются обрамления оконных проёмов. Наличники окон второго и третьего этажей были выполнены из полихромных изразцов. Они изготавливались из местных красных глин с покрытием глазурью ярких цветов: жёлтого (охра), зелёного, белого, коричневого, синего и других. Выполнение в керамике объёмных ордерных деталей со сложными формами, контурами и профилировкой достигает высокого уровня мастерства. В фондах московских музеев сохранились элементы изразцов из карниза, фриза, колонн с капителями, базами и кронштейнами. Удивительны по выразительности колонки наличников оконных проёмов, обвитые по спирали ветвями виноградной лозы с ажурной листвой. Хуже других деталей на фасадах сохранились завершения в виде пышных пинаклей, расположенные между дополнительным верхним ярусом завитков разрывных фронтонов. Эти пинакли, доходящие почти до венчающего карниза, лёгкие и отступающие от поверхности стены, чаще других декоративных элементов были подвержены утратам.

Анализу использования изразцов в архитектуре этого здания были посвящены специальные исследования. Реставраторы отмечают *«особенность многих изразцов Главной аптеки — их значительные (до 45 см) размеры и высокая (до 30 см) румпа. В ряде случаев на румпах крупных изразцов сделано не одно, а два сквозных отверстия для крепления (до 3,5 см). Все это позволяло составлять значительные по размерам композиции антаблемента и оформления проёмов»*²³.

В отличие от изразцового оформления теремка Крутицкого подворья, фасад Главной аптеки украшал фриз с крупным изображением двуглавых орлов, высота которых достигала почти 70 см, благодаря компоновке изразцов в два ряда. Использование подобных атрибутов императорской власти подчеркивало статус здания. Впрочем, на акварелях второй половины XVIII века побелка здания скрывала и этот декоративный фриз. На некоторых ведутах художники показывали, насколько сильно кровля каждого яруса здания обрастала травой и кустарниками, которые наносили его конструкциям значительный вред.

Содержание этого сооружения требовало регулярных ремонтно-восстановительных работ. Осенью 1754 года Д.В. Ухтомским был

²³ Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 248.

Дж. Кваренги. Вид на Воскресенские ворота со стороны Красной площади. Акварель. ГНИМА.

составлен проект переустройства здания бывшей Главной аптеки под нужды организованного в этом году Московского Императорского университета. Архитектором были выполнены поэтажные планы²⁴, описи и сметы на починку. В ходе работ были исправлены полы, каменные лестницы, изразцовые печи, двери и кровля, которые оказались крайне ветхими. По фасаду на шестом этаже, вокруг купола утраченные медные и золочёные орнаменты восстанавливались по частично сохранившимся. Аналогичным образом поступали с поврежденными колоннами гончарной работы в верхнем восьмерике. Во внутреннем дворе вместо каменной лестницы, которая вела на галерею, сделали деревянную с деревянным крыльцом. Д.В. Ухтомский увеличил число окон, в том числе были выполнены два новых оконных проёма с обрамлением по фасаду к Неглинной, пробиты новые двери, приведены к единым габаритам все дверные проёмы. В 1756 году он повторно осматривал здание бывшей аптеки и находившийся напротив него дом Австерии. Последний был настолько ветхим, что его пришлось разобрать. На его месте архитектор составил проект университетского зала со вторым

²⁴ Михайлов А. Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 192–198, 356–357.

подъездом в учебное заведение. Проект не был осуществлён, и чертежи не сохранились.

Следующим крупным этапом ремонтно-восстановительных работ на здании следует считать период середины 1770-х годов. В это время куратором московского императорского университета являлся И.И. Мелиссино, который приложил много усилий для обустройства университетских помещений. Из его многочисленных доношений императрице Екатерине II и в Правительствующий Сенат известно о трудностях, испытываемых в этот период университетом. В одном из таких писем среди прочих «нужд и недостатков Московского Университета» куратор отмечал тесноту старого университетского дома. К тому времени здесь содержалось «20 профессоров и 30 человек студентов, а в гимназиях дворянской и разночинской ректор один, двадцать восемь учителей и сто человек учеников...»²⁵. Размеры лекционных помещений достигали в плане 15 x 12 м и 21 x 11 м, высотой до 6,5 м на третьем этаже. Кроме того, университет включал библиотеку, анатомический театр с инструментальной камерой, химическую лабораторию, физическую камеру, минеральный кабинет, типографию, книжную лавку и бумажный магазин. Все эти службы размещались в двух зданиях: в старом корпусе у Воскресенских ворот и в старом здании на Моховой. Оба здания не удовлетворяли требованиям учебного заведения.

Многочисленные фиксационные чертежи²⁶, описи и другие документы этого периода свидетельствуют о плохом состоянии университетского дома: «*минувшего июля 22 дня 1775 г. Тайный советник и императорского московского Университета куратор Мелиссино доношением сенату представил, что состоящий у Воскресенских ворот Университетский дом с давнего уже времени за многими в стенах и сводах расселинами и в прочем ветх и не надежен..., а ныне в оном доме ...в покое подле книжной лавки имеющийся деревянный покатый потолок совсем провалился, почему оный дом поручено было осмотреть находящемуся при университете архитектору Леграну, по осмотру коего оказался оный дом весьма в худом и ненадежном состоянии, что некоторой части оного в стенах каменных и деревянных потолках угрожает скорым падением...*»²⁷.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 408.

²⁶ Достаточно перечислить несколько планов: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 806 планы 1-го и 2-го этажей Московского университета 1778, сост. В. Яковлевым; Там же. Д. 789, 790 планы 1-го и 2-го этажей Бергконторы, Монетного департамента и монетной экспедиции возле Воскресенских ворот 1777.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 402–403.

Н. Легран²⁸ — главный архитектор Отделенного Департамента, Каменного Приказа, а также Императорского университета, после обследования здания составил планы и фасады с указанием разрушений. Среди выполненных им чертежей нам известны следующие листы: «План первого этажа каменного здания Московского университета возле Воскресенских ворот»²⁹; «План второго этажа ...»³⁰. Также архитектор составил чертеж южного фасада — «Фасад боковой здания с указанием трещин»³¹, и «Фасад на высоком фундаменте»³² — западный, со стороны Алевизова рва у Кремлёвской стены. В обязанность архитектора также входило составление описи разрушениям и сметы на восстановительные работы, которые им и были исполнены. По требованию Сената здание необходимо было осмотреть и находящимся при присутственных местах архитекторам для определения степени разрушения дома и освидетельствования сметы, составленной университетским архитектором. Сенат указал «если же он (дом. — Ю.К.) столько опасен, что в нем далее живущих оставаться не можно то в таком случае стараться ему, куратору приискать удобный дом, о чем к нему куратору того августа 7 дня и указ послан»³³. Вследствие этого указа, 11 августа дом осматривала комиссия из архитекторов К.И. Бланка, В.С. Яковлева и Е.С. Назарова, которая признала опись и смету с чертежами Н. Леграна исправными. «Что же до исправления тех оказавшихся повреждений и ветхостей касается, то из них деревянные, как то внутри двора галерею, полы и прочее и нынешним временем исправить можно, а каменные с будущего 1776 г. весеннего времени заготовя наперед зимою материалы. Казенные вещи, типография и прочие и во время исправления починок могут оставаться в своих местах беспрепятственно переходя однако ж некоторые из одной палаты в другую. Впрочем хотя опасности к разрушению сего дома и не предвидится до будущей весны, но естли и тогда то есть в летнее 1776 года время не упреждено будет необходимою починкою и по правлением тех ветхостей и повреждений, то со временем неотменно и самого

²⁸ О деятельности Н. Леграна см.: Клименко Ю.Г. Творчество архитектора Н. Леграна // Архитектурное наследство. № 44. М., 2001. С. 147–160. Архитектурная программа И.И. Мелиссино — куратора Московского Императорского университета (к истории реконструкции первого университетского здания архитектором Н. Леграном) // Архитектурное наследство. Вып. 45. М., 2003. С. 131–143.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1511. Без описания, в красках, составлено Н. Леграном в 1775.

³⁰ Там же. Д. 1513.

³¹ Там же. Д. 1512.

³² Там же. Д. 1514.

³³ Там же. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 402.

Ф.Я. Алексеев. Вид на Воскресенские ворота, здание Главной аптеки и Монетный двор со стороны Красной площади. 1800–1802. Фрагмент. Акварель. ГИМ.

разрушения сего дома ожидать должно»³⁴.

Из фиксационных документов Н. Лепрана следует, что большинство разрушений и трещин в основном было сосредоточено вдоль стен южного и западного фасадов. Вероятно, вследствие этого, именно они и были зафиксированы. Остановимся подробнее на этих документах. Составляя опись ветхостям, архитектор в первую очередь пытался укрепить стену у Алевизова рва, т.е. стену, обращённую к Кремлю. Согласно его «проектированному» плану Москвы 1775 года, этот ров предлагалось убрать. *«Как видно подделанная каменная на искос стена обвалилась»*, поэтому он предлагает её восстановить, и для укрепления *«вновь против каждого простенка контр-форс сделать»*. На плане они обозначены под литерой «А». Контрфорсы показаны с достаточно значительным выносом, так, что на них могут разместиться колонны. Однако на фасаде обозначены, вероятно, пилястры с капителями коринфского ордера. Маловероятно, что они существовали ранее, скорее это предложение архитектора. Ниже пилястр показаны контрфорсы, объединённые с плоскостью стены общим профилем, что, в целом, объединяет весь фасад и придает его архитектуре цельный характер. Не искажает этого восприятия и асимметричность постановки контрфорсов, отражающие нерегулярность внутренней планировки петровского здания. Всю нижнюю часть Н. Лепран предлагал отделать *«белым камнем с пристойным укреплением железом вновь»*.

Таким образом, архитектор создавал с южной стороны совершенно новый облик древнего здания. Стремление к парадности продиктовано близким расположением к Кремлю. Это же заставило архитектора выбрать единый подход в решении фасада здания Универси-

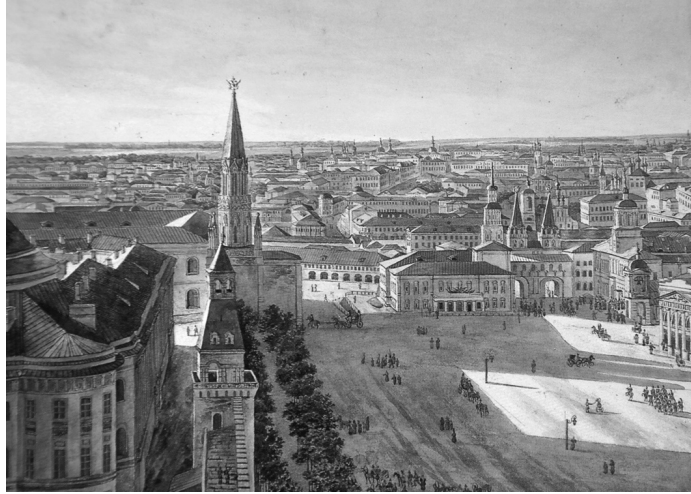
³⁴ Там же. Л. 395.

Ф.Я. Алексеев. Вид на Воскресенские ворота
и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве. 1811.
Фрагмент. Холст, масло. ГИМ.

тета. Н. Легран повторил в новом фасаде общий характер членения кремлевской стены, нижнюю часть которой он сделал наклонной с нерегулярно расположенными контрфорсами. Однако, не стремясь к полному копированию, архитектор противопоставлял терракотовой кирпичной стене Кремля белокаменную отделку цоколя университетского здания. (Позднее всё красили в цвет «дикого камня»). Классицистический характер в решении верхней части предложенного фасада на контрасте с архитектурой главного фасада петровского времени отчётливо отражает современность методики подхода принципов работы архитектора на древнем ансамбле.

Во внутренних помещениях предполагалось восстановить кирпичные своды и заделать трещины. Более значительной перепланировке подвергался внутренний открытый двор университетского комплекса. Н. Легран спроектировал по его периметру обходную галерею «на деревянных точеных столбах кругом». По первому этажу она поддерживалась массивными опорами — каменными столбами. На галерею вела парадная лестница с симметричными входами. Проект свидетельствует о желании архитектора, воспитанного на принципах классицизма, не только спасти здания от обрушения, но и внести элементы регулярности и благоустройства в решение внутреннего пространства двора.

О.Ж.-Б.А. Кадоль. Панорама Москвы. Фрагмент. 1819.
Из кн.: Реконструкция Москвы глазами французского
офицера-художника. 1819–1830. Париж, 1998.

Ещё более значительным как для реконструкции строительной истории здания, так и для понимания характера работы Н. Леграна представляется чертёж фасада университета со стороны современной Красной площади. Этот и другие чертежи Н. Леграна не только носят фиксационный характер, но и содержат новые проектные предложения. Анализ этих идей отражает методику работы архитектора, спасающего здание от разрушения с приспособлением его для нового функционального использования. Сформированные им принципы восстановления, во многом отвечают требованиям современной научной реставрации и реконструкции в архитектуре.

Следующий этап ремонтных работ на этом памятнике петровской архитектуры был связан с послепожарным периодом. Зданию был нанесён сильный ущерб в 1812 году, из-за взрыва соседнего здания Арсенала. Согласно документам «...задняя сторона вся разрушилась, передняя же с башнею, хотя не отвалилась, но вся раздроблена и получила большие трещины»³⁵. В 1816 году генерал-губернатор Москвы приказал: «немедленно приступить к отделке сего дома точно в готическом виде, в каком он был прежде, без малейшего отступления»³⁶. Проект восстановления исторического памятника был поручен архитектору И.М. Матвееву с наблюдением за отделкой зда-

³⁵ ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д.1. Л. 204.

³⁶ Там же. Д. 36. Л. 492–493.

О.Ж.-Б.А. Кадоль. Воскресенские ворота и Долговая тюрьма. 1828.
Акварель. Из кн.: Реконструкция Москвы глазами
французского офицера-художника. 1819–1830. Париж, 1998.

ния — О.И. Бове, первому архитектору комиссии строений, отвечающему за работы по реконструкции всего ансамбля Красной площади. За производством строительных работ согласно утверждённому проекту следил опытный тичинский мастер Л.П. Карлони³⁷. После

³⁷ Леопольдо Карлони /Leopoldo di Pietro Carloni — один из многочисленных мастеров, уроженцев Тичинского кантона (совр. Швейцария), работавших в России. Достаточно перечислить лишь некоторых из его соотечественников, трудившихся в Москве в первые годы XIX века: архитекторы Доменико и Алессандро Жилярди, Луиджи Пелли, Карл Антонио Ламони, Джузеппе Ламони, Франческо Кампорези, Луиджи и Франческо Руска, а также тичинские и итальянские скульпторы-декораторы (точнее «орнаменталисты»), такие как Кампиони Сантино, Микели Fortini, Иван Петрович (Джованни) Витали, Себастьяно Черволио, и тичинские мастера: Сантини Стефано Ольделли, Пьетро Руджа, Антонио Бароффио-Бруни, Джузеппе Анджело Артари, Джузеппе Артари-Коломбо и ряд других. Среди первых отечественных публикаций о вкладе этих мастеров см.:

разборки части корпуса со стороны Арсенала, здание получило новый облик с открытым двором, обращённым к Кремлю. Прежние дворовые фасады предполагалось оформить как парадные.

«Проект восстановления здания Городской думы и магистрата» был подписан О.И. Бове³⁸. По требованию Комиссии «...*весь корпус с башнею каменной работой отделать вновь по плану и фасаде со всех четырех сторон самую лучшею и прочною работою*»³⁹. Архитекторам было приказано «*своды в нижнем этаже опустить, старые стены разобрать до фундамента и вырубить вновь, вместо разобранных стен вывести новые, в стены положить железные связи, прочие стены наружные к улице по главному фасаду, а также к Неглинной ... исправить колонны спереди переделать... вокруг оного и по стенам со всех сторон тумбы, баз, капители... архитрав, триглифы, пдвески, карнизы, подушки и прочее во всем строении и кругом башни ... подделать вновь*»⁴⁰.

Выполнение сложной лепной работы было поручено известному скульптору академику Г.Т. Замараеву, который отвечал за «*сделание лепных фигур на колонках, пилястрах, под карнизом и прочих местах со всех сторон здания и на башне, в точности назначенных по фасаде*»⁴¹. Венчающий башню орёл был исправлен и вызолочен. Все восстановительные работы были окончены лишь в 1819 году.

Спустя полстолетия, в 1867 году, московским архитектором Ф.Ф. Рихтером был выполнен новый проект здания Городской думы в комплексе бывшей Главной аптеки. Желание сохранить декоративное убранство древней постройки привело к идее, не разрушая стен старинного здания, перекрыть его внутренний двор⁴². Автор

Бенуа А.Н. Рассадник искусства // Старые годы. 1909. Апрель. С. 175–202. Из изданий последних лет, переведённых на русский язык, можно отметить следующие труды: Навоне Н. Между дворцами и стройками. Тичинские архитекторы и строители в неоклассической России // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма. Лугано; СПб., 2004. С. 429–440; Бьянки С., Ферри М. Родные места мастеров — уроженцев Тичино между восемнадцатым и девятнадцатым веком // От мифа к проекту... С. 460–466; Navone N., Tedeschi L. Dal mito al progetto. La cultura architettonica dei maestri italiani e ticinesi nella Russia neoclassica. Mendrisio Academy Press, Mendrisio, 2004. Публикации графического наследия тичинских мастеров из семейных архивов, активно предпринимаемые в последнее время в Швейцарии, дают надежду на будущие открытия.

³⁸ РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 819.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 49. Л. 899 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Д. 50. Л. 685.

⁴² Здание Городской думы в Москве (Проект профессора Ф.Ф. Рихтера) // Зодчий. СПб., 1893. № 5. С. 40.

Фрагменты изразцового декора фасадов Главной аптеки.
Реконструкция автора по материалам Р.П. Подольского.

предлагал дополнить первоначальный декор восстановленными изразцами. Аналогичные предложения по капитальному ремонту с добавлением изразцов и белокаменных частей высказывались в это время и другими архитекторами. Тем не менее, было принято радикальное решение о сносе здания для постройки на его месте Исторического музея. До объявленной даты разборки здания Старой думы у Воскресенских ворот — 25 июля, было собрано экстренное заседание Московского Архитектурного общества, на котором было вынесено решение о необходимости *«сохранить, по крайней мере, воспоминание о нем в возможно подробных рисунках, а некоторые из частей, как например, кафельные украшения и высеченные из камня архитектурные части, — в подлинниках»*⁴³. Кроме того, Общество просило *«управление музея о возможно бережной разборке древних украшений во время сломки здания и составления из них хотя бы только 3-х экземпляров полных частей здания, как то: окон с сандриками и подоконниками, колонок с капителями, базами и кронштейнами, откосов арок с импостами и архивольтами, занумеровав отдельные части...»*⁴⁴.

Тем не менее, спасти удалось очень немного. Варварский способ уничтожения петровского здания с опрокидыванием стен целиком не позволил даже собрать целостной коллекции изразцов, значение которой была очевидна даже для будущего исторического музея, который был возведён на этом месте. По описанию архитектора

⁴³ Цит. по: *Никитин Н.В.* Корреспонденция из Москвы // Зодчий СПб., 1874. № 8–9. С. 115.

⁴⁴ Там же.

Н.В. Никитина, осматривавшего здания перед сломкой, главный фасад наименее был переделан, однако и он перед разборкой не производил должного впечатления из-за грубой штукатурки и побелки, под толстым слоем которых скрывались выразительные формы и цветовое решение первоначального изразцового убранства; от колонн на башне оставались только их базы.

Однако ценность этого исторического памятника Петровского времени не определялась только состоянием архитектурных деталей. Здесь читали лекции видные учёные века Просвещения, в этом университетском здании была заведена первая лавка гражданских книг и первая гражданская типография, где с 1756 года начали печатать «Московские ведомости». В этом здании трудились и обучались В.И. Баженов, И.Е. Старов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, Г.А. Потёмкин, а также многие другие видные российские и зарубежные представители эпохи Просвещения.

«Было-ли здание настолько ветхо, что не могло быть сохранено, как один из немногих памятников древнего русского гражданского зодчества? Мы думаем, судя по фотографиям, что нет, — оно не было ветхо и легко могло быть отремонтировано; остается пожалеть, что такой важный исторический и художественный памятник был уничтожен»⁴⁵ — писал в заключении И.П. Машков в 1909, анализируя фотоснимки 1874 года, сделанные накануне разборки этого здания Петровского времени. Печально, что это осознание в Москве пришло слишком поздно.

⁴⁵ Машков И. Здание конца XVII века на Красной площади в Москве. С. 69.

Кайдашев Сергей Вадимович
(Москва)
Старший научный сотрудник
отдела «Английское подворье» Музея Москвы

Легенды о Якове Брюсе и Петре Великом в Москве

Народные мифы и легенды вполне справедливо считаются в исторической науке таким же важным источником для понимания процессов и явлений общества, как и документы, предметы, сооружения и т.д. Личность императора Петра I уже при жизни была овеяна легендами, его образ складывался из противоречивых суждений подданных. Как писал историк В. Уланов более ста лет тому назад: «немногие сознательно разделяли стремление Петра жертвовать всем в настоящем ради далёкого будущего»¹.

У многих современников складывалось странное впечатление об императоре, как о «безчинном» царе, ниспровергающем старые нормы поведения, усиливающим нажим власти, пародирующем и высмеивающем обычаи православия и т.д. Словом, современники, особенно жители Москвы, во многом не понимали императора. Это мнение выразил И. Посошков: «Видим мы все, как великий наш монарх трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору только сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут». Среди вернейших сподвижников Петра I, из тех, которые согласно Посошкову «тянули в гору», несомненно, был Яков Виллимович Брюс — крупный учёный и государственный деятель первой четверти XVIII века. Родившийся и проживший в Москве, а

¹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Сб. в 6 тт. / Под ред. В.В. Каллаша. Т. 3–4. М., 1992. С. 70.

затем в подмосковных Глинках, долгие годы, Брюс стал московской легендой, о нём можно услышать и в наше время немало удивительных рассказов. Как представляется, в этих легендах отразилась сложная эпоха преобразований Петра I, которая преломилась через призму последовавших столетий.

Яков Виллимович Брюс (1670—1735) происходил из древней шотландской фамилии. Отец его был полковником русской армии в конце XVIII столетия. Он происходил из знатного шотландского рода, участвовал в крымских походах и Азовском проходе, составил в 1696 году карту земель от Москвы до малой Азии. Брюс входил в состав Великого посольства, в Северной войне помогал Петру I в организации армии. В 1717 году стал сенатором и президентом Берг- и Мануфактур-коллегии. Вместе с А.И. Остерманом подписал Ништадский трактат в 1721 году, за что получил титул графа. В 1726 году вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала. Брюс был одним из наиболее образованных людей своего времени, занимался математикой, астрономией, физикой. В 1702 году он организовал обсерваторию при Навигацкой школе в Москве. С 1706 года в ведении Брюса находилась московская гражданская типография, под его редакцией был составлен так называемый Брюсов календарь, выпущенный в Москве в 1709—1715 годах. Будучи крупным учёным, механиком и астрономом, Брюс был овеян легендами уже при жизни. На суеверных москвичей он наводил ужас своими опытами, его называли колдуном, чародеем, чернокнижником. Мифы о Брюсе и Сухаревой башне с давних пор стали частью московского фольклора.

Важным источником для изучения мифа являются легенды, собранные и опубликованные в начале века краеведом и писателем Евгением Захаровичем Барановым². Прожив сложную и насыщенную событиями жизнь, Баранов с 1911 года жил в Москве. В годы гражданской войны он открыл книжную торговлю возле храма Николы Явленного на Арбате (храм не сохранился). Будучи собирателем фольклора, журналистом и писателем Баранов заинтересовался московскими легендами и вскоре начал посещать заседания общества «Старая Москва». На состоявшемся 27 марта 1927 года заседании «Старой Москвы» Баранов сделал доклад о легендах. Эти и другие записи московского фольклора Баранов опубликовал под названием «Московские легенды» в 1928 году при секции Общества изучения Московской губернии «Старая Москва».

Среди записанных Барановым московских легенд есть обширный цикл преданий, связанных с именем Брюса. Легенды, приводи-

² Московские легенды, записанные Е. Барановым. М., 1993. С. 301.

мые Барановым, несмотря на явно фольклорный характер, представляют нам также необычный образ Петра I. Многие свидетельствуют о том, что их истоки находятся в *более ранних слоях народного фольклора, относящихся к концу XVII – началу XVIII веков.*

В этих легендах царь предстает таким, каким его видел простой люд Москвы, потрясённый стрелецким казнями, «богохульными» нововведениями, фискальным гнётом Петра I. Тогда в народе Петра считали злодеем, говорили, что он не настоящий царь, а подменённый, называли «антихристом», тем самым, по выражению Уланова, пытаясь «объяснить, почему русский царь стал больше похож на немецкого мастера, чем на великого государя»³.

Сам Баранов отмечал, что свои легенды он собирал «по таким людным местам, как трактиры и харчевни» на Арбате и в его окрестностях — в так называемых «низках» — трактирах, пивных и чайных. Рассказы, опубликованные Барановым, интересны и в качестве отражения ситуации 20-х годов XX века в России. Например: Брюс «сделал железную птицу и летал на ней», и для современника оказывается, что «вот теперь эти аэропланы, телефоны, телеграфы — всё по бумагам Брюса сделаны»⁴.

В сюжетах легенд главное место занимает выдающийся московский архитектурный памятник — Сухарева башня. Наиболее важная легенда, которая касается её — это предание о том, что она была выстроена по повелению Петра I и являлась наградой полковнику стрелецкого полка Лаврентию Сухареву, который якобы первым поддержал царя при стрелецком мятеже 1689 года. Правда, эта легенда как раз не находит подтверждения в современной литературе. Как отмечает историк К. Михайлов «мемориалом верности стрелецкого полка царю башню сделала только легенда»⁵.

Считается, что башня строилась в два этапа: в 1692–1695 и в 1698–1701 годах, и основой её были каменные ворота Сретенской башни Земляного города. В составе выстроенной башни высотой 60 метров были палаты второго и третьего ярусов, и в 1701 году в них вселилась «Школа математических и навигацких наук» — учебное заведение, выпускавшее специалистов для флота. Позже — «Циферная школа». В 1934 году башня в связи с реконструкцией столицы была разобрана.

Большинство мифов и легенд о Брюсе и Петре I вращаются именно вокруг Сухаревой башни. Здесь якобы и занимался колдовством чернокнижник Яков Брюс. В лаборатории Брюс производил хими-

³ Три века... С. 79.

⁴ Московские легенды... С. 32.

⁵ Михайлов К. Москва, которую мы потеряли. М., 2010. С. 384.

Сухарева башня в Москве.
Открытка начала XX века.

ческие опыты, из обсерватории в телескоп наблюдал небесные планеты и звезды. В московских легендах говорится, что в Сухаревой башне происходили заседания какого-то таинственного «Нептунова общества» под председательством Лефорта с присутствием Петра, Брюса, Меншикова, Прокоповича, Апраксина и других. Конечно, Брюс выделялся на фоне своих современников-сподвижников Петра I как учёностью, так и несомненной

связью с миром Западной Европы, с Британией, что подчёркивалось его благородным происхождением от королей Шотландии. В реалиях XVII — начала XVIII века любой образованный человек вызывал удивление и скрытый страх у простых людей, наверное, поэтому, в представлениях москвичей последующих эпох фигура сподвижника Петра I выросла до мифологических масштабов и стала похожа на колдуна.

Согласно циклу легенд, собранных Барановым, Яков Брюс — едва ли не главный мудрец, даже колдун в окружении Петра I. Вот как его характеризует рассказ «Брюс, Сухарев и Пушкин»: «был этот Брюс самый умный человек: весь свет исходи — умней не найдёшь. Жил он в Сухаревой башне. И хотел Брюс наукой постигнуть всё на свете: что на земле, что под землей и что в небе — хотел узнать премудрость природы»⁶.

⁶ Московские легенды... С. 261.

При этом важно, что в народной легенде говорится о невероятных чудесах, которые совершает Брюс «по науке» и «по книгам»: «уж такие удивительные вещи мог Брюс делать по своей науке». Так Брюс, летает над городом на огромном орле, вызывает снег в жару, изготавливает золото и серебро, использует «живую» и «мёртвую» воду и, наконец, создает себе служанку из цветов. Рассказ «Как Брюс из старого человека молодого сделал» говорит нам, как это ему удалось: «мастерская главная была у него в подземельи — там и работал... Банки стояли с разными составами да подзорные трубы...»⁷.

В чём заключается «брюсова наука» информаторы Баранова представляют плохо, впрочем, это не столь важно для мифа. Сила Брюса — в книгах: «самые главные [книги] по волшебству были спрятаны в подземелье, тринадцать штук». Вообще обладание волшебными книгами приписывается всем прославленным легендами чародеям: Фаусту, Герберту и другим⁸, не обошла эта традиция и фигуру Брюса.

Создание «голема», в данном случае девушки из цветов, тоже неотъемлемая часть традиционного образа колдуна-чернокнижника в западноевропейской литературе о колдунах и алхимиках. Подобные легенды существовали, например, про англичанина Джона Ди, Фауста и других «чародеев». Однако по легенде создание Брюсом «служанки из цветов» вызывает недоверие царя: «Не поверил царь: полно тебе выдумывать. Без волшебства, тут не обошлось».

Эта сверхъестественная мудрость и вызывает зависть царя: «царь Брюсу говорит, сердится: И чего ты всё мудришь? Чего выдумываешь? Забился в свою башню и сидишь, как филин»⁹. Так в фабуле легенды завязывается конфликт Петра I и Брюса. Вскоре уже Брюсу приписывается и осуждение петровского окружения: «Что касается твоих гостей, — отвечает Брюс, — то, по мне, они не гости, а сброд». В легендах Брюс устраивает потехи, как над гостями, так и над самим императором, показывая всем свою невероятную власть путём волшебных превращений и явлений (вызывание наводнений, появления животных и т.п.). Важно отметить также, что в барановском цикле легенд Брюс не только не боится царя, но и даёт ему отпор, пугает его: «Если, говорит я филин, то пусть я буду заправдашний филин. И тут обернулся филином. Обернулся, да как закричит: Пу-гу-у! Царь испугался — и бежать».

⁷ Там же. С. 27.

⁸ *Амфитеатров А.* Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков. СПб., 2010. С. 245.

⁹ Московские легенды... С. 41.

Только с точки зрения легенды, Брюс — явно не простой колдун прежнего типа, которого хорошо знали народные поверья. Традиционная фигура колдуна предполагала, что это — помощник дьявола, обуреваемый гибельными страстями человек. Как отмечал А. Амфитеатров: «Существо магии основано на предположении в природе таких таинственных сил и средств, которые в известных сочетаниях и соотношениях могут обуздывать или наоборот, возбуждать энергию демонской деятельности»¹⁰.

Здесь же, напротив, отмечалось, что Брюс не просто колдун, а скорее естествоиспытатель европейского образца: «Только ведь это не такое волшебство, вроде колдовства, это в деревне раньше были колдуны. Но им до Брюса далеко.... Так вот и Брюс: науки науками, а ум-то у него всё разрабатывал»¹¹. Здесь возникает аналогия со средневековыми учёными Роджером Бэконом, Альбертом Великим, которым тоже приписывались сверхъестественные способности, создание «медной головы», дававшей ответы на все вопросы и т.д.¹²

Все эти невероятные достижения Брюса в легенде вызывают, наконец, ужас и гнев царя: «Здесь, — говорит, — и до греха недалеко. Не любил царь Брюса, а тронуть боялся. А не любил вот почему: он хоть и царь был, а по науке ничего не знал. Ну, а народ всё больше Брюса ободрял за его волшебство. Ну, царя зависть и брала»¹³. Это ещё одна оппозиция, которую фиксируем мы в этом цикле — «учёный Брюс» и «неучёный Пётр». Откуда взялось такое противопоставление в сознании информаторов Баранова — трудно сказать. Важно то, что царь проигрывает в легендах Брюсу-учёному, оказывается не в состоянии не только его понять, но и помешать ему. С помощью магии Брюс из легенд «защищает» свою Сухареву башню от царя и всех остальных. Так, в рассказе «Как Брюс с царём поссорился» Брюс превращает порох в пушках в песок, а сами пушки в брёвна, не позволяя тому разбить Сухареву башню.

Кульминацией этого конфликта становится рассказ «Брюс и Пётр Великий», который изобличает царя в нечестности. Написанная купцами на Брюса жалоба приводит Брюса к необходимости рассказывать Петру об источниках своего тайного могущества. «И тут он принялся разяснять Петру свою практику насчёт испытания натуры»¹⁴. Испытание выглядит как род фокуса с появлением иллю-

¹⁰ Амфитеатров А. Указ. соч. С. 237.

¹¹ Московские легенды... С. 28.

¹² Мэтьюз Дж. Маги и колдуны. М., 2006. С. 26.

¹³ Московские легенды... С. 261.

¹⁴ Там же. С. 45.

зий, автором которых является естественно «чернокнижник» Брюс. Изготовив летающего коня, чародей взмывает в поднебесье и тем самым несказанно удивляет царя: «Вот Пётр смотрел, смотрел и говорит: Удивительное дело до чего Брюс наукой дошёл»¹⁵.

После этого Пётр предлагает Брюсу употребить своё колдовство для военных баталий, а не для развлечения. «Это, — говорит, — для войны хорошо будет». Но неожиданно для царя на это Брюс отвечает: «Тут мошенство, а честности нет. Я не выдумал, а так наука доказывает. Только у меня этого нет, чтобы наукой на подлость идти. Он хотел, чтобы я помогал ему весь свет обманом завоевать, только я на это не пошёл»¹⁶. Одним словом Брюс в легенде выступает своего рода антиподом царя, отказываясь прибегать к своему волшебству для ведения войны.

Эта трактовка отношений Петра и Брюса представляется ключевой для понимания легенд цикла. Действительно, для людей эпохи петровских преобразований далеко не всё было однозначно. Петра I упрекали и открыто обвиняли в неблагочестивом поведении, недостойном царя образе жизни, обсуждали запутанную личную жизнь императора. Как отмечал Уланов: «В лице Петра эта последняя “надежда” — православный царь — умирает в душе москвича. Эта “скорбь” и “туга”... была почвой, питавшей легенды о личности Петра, легенды “предерзостные” потому, что они не были только страшными рассказами, удовлетворявшими благочестивой потребности, а носили агитационно-протестующий характер»¹⁷.

Поэтому всё же за «конфликтом» между Петром и Брюсом видится нечто большее, чем просто мифический эпизод недопонимания, это отражение народного понимания личности реального императора Петра I. Этот конфликт и приводит информаторов Баранова к логичному объяснению того, почему до сих пор нет памятника Брюсу: «Вот и тут так, один царь невзлюбил Брюса, ну и другие цари той же дорожкой пошли»¹⁸.

Развязкой конфликта становится отправка Брюса в Москву, которая выглядит скорее как победа «чернокнижника». В рассказе «Как Брюс с царём поссорился» говорится, как Брюса царь отсылает в Москву: «Я, — говорит, — вижу, что ты о себе чересчур много понимаешь: все у тебя дураки, один ты умный. А раз так, нечего тебе промеж дураков жить. Завтра поутру пришлю тебе подводу — и от-

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Три века... С. 86.

¹⁸ Московские легенды... С. 263.

правляйся в Москву, живи в Сухаревой башне»¹⁹. После этого «Брюс забрал с собой все книги, бумаги, подзорные трубы ...и сел в свой воздушный корабль»²⁰. Более того, в развязке между царём и Брюсом дело доходит до настоящего поединка, во время которого Брюс кричит с корабля: «Ваши пули для нас ничего, а вот от наших, говорит, мыслей вы покоробитесь! И взвился его корабль птицей»²¹. После этого «Брюс принялся, как и прежде, в Сухаревой башне по науке работать» — так заканчиваются легенда.

Брюсу вообще приписывается способность летать и повелевать природными явлениями, что типично для образа любого колдуна в народной традиции. Но если, как пишет известный этнограф С. Максимов, деревенские колдуны «вредили человеку, вредили скотине и переносили свою ненависть даже на растения»²², похищая дождь или насылая засуху в деревнях, то, напротив, московский чернокнижник все свои фокусы проделывает для забав: «А то ещё бывало: среди лета, в самую жару идёт дождь и гром гремит... Брюс выйдет на свою башню и давай разбрасывать направо, налево какой-то состав. И вот на тебе: валит снег!... Брюс стоит на башне и хохочет»²³.

Башня выступает и символом недоступного простым людям знания. На ней установлены «вечные часы», которые ломаются сразу после смерти хозяина. Их ценность понимает Пётр I, но уже не осознают его потомки: «...выдумал такие часы, что раз их завёл — на вечные времена пошли без остановки. Как жив был Пётр Первый, то часы шли в полной исправности. Из-за границы приезжали, осматривали. Хотели купить, только Пётр не согласился. — Я, — говорит, — не дурак, чтобы брюсовские часы продавать». («Брюс и вечные часы»²⁴).

Но позже часы приходят в негодность и погибают из-за невежества окружающих: «А стала царицей Екатерина, и тут им пришёл конец. И лежали, лежали эти пружины да колеса, да и выбросили их. Вот только Сухарева башня осталась»²⁵.

Одной из наиболее характерных легенд брюсовского цикла считается рассказ о мёртвой и живой воде, которую якобы использовал в своей лаборатории в башне Брюс, а позже завещал своему слуге

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² *Даль В.И.* Поверья, суеверья и предрассудки русского народа. М., 2011. С. 459. (С. Максимов. «Нечистая сила»).

²³ Московские легенды... С. 35.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ Там же. С. 26.

оживить себя после смерти, также утверждалось, что этот эликсир он будто бы передал Петру I. В легенде о живой воде Брюс придумывает «специальные порошки и составы, чтобы ими из старого человека сделать молодого» и оживить себя, но воскрешение не удастся в связи с происками жены Брюса. Конечно, рассказчику этой истории было невдомёк, что граф Брюс умер через 10 лет после смерти своего покровителя и ничего подобного быть не могло в реальности, а супруга Якова Виллимовича не строила в жизни против него козней.

При этом Пётр приказывает его похоронить с почестями, а «живительные капли» пропадают безвозвратно²⁶. Наиболее вероятным источником таких легенд также является западноевропейские мифы о колдунах, например, легенда о смерти Вергилия, про которого тоже рассказывали, что он хотел обмануть смерть и воскреснуть молодым через волшебные манипуляции²⁷.

Правда, в другой трактовке легенды Брюс навсегда улетел на своём железном орле: «Но только доплетался Брюс на своём орле. Полетел раз и не вернулся. А куда — никто не знает. Царь жалел его: такого Брюса больше у меня не будет. И верно, не было ни одного такого учёного»²⁸. По легенде, после смерти царь разыскивает сокровища Брюса, прежде всего волшебные книги, но, разумеется, напрасно, и тогда «приказывает вылить в яму все эти Брюсовы жидкости, а порошки сжечь на костре, книги и бумаги замуровать в стену этой самой башни»²⁹.

Последняя легенда о Брюсе и Сухаревой башне относится уже ко временам её сноса и говорит, что в момент разрушения башни из неё вышел старик с чёрной бородой и смотрит: «По башне бьют, а она не поддается. Поняли, что всё дело в старике. Приехала машина, старика забрали и увезли. Только после этого и смогли башню свалить», как передаёт историк В. Муравьёв³⁰. Вероятно, в этой легенде отразились усилия московской общественности: архитекторов, энтузистов-градозащитников по спасению Сухаревой башни, которые дежурили у её стен, тщетно надеясь в 1934 году остановить снос.

Несмотря на всю фантастичность и видимую неисторичность легенд о взаимоотношениях Петра I и Брюса в данном цикле, мы видим уникальный взгляд Москвы на политику петровского времени. В образе Брюса проступают черты скорее народного героя, кото-

²⁶ Там же. С. 40.

²⁷ *Мэтьюз Дж.* Указ. соч. С. 24.

²⁸ Московские легенды... С. 31.

²⁹ Там же. С. 58.

³⁰ *Муравьёв В.Б.* Старая Москва в легендах и преданиях М., 2011. С. 278.

Памятный знак на месте
Сухаревой башни.
Современное фото.

рый непонятен, но одобряем народом перед лицом царя. Как представляется, за всеми этими забавными легендами можно увидеть и другой пласт культурной традиции петровской эпохи, дошедшей до начала XX века.

Эти легенды отражают ещё один, весьма далекий от официального, взгляд на императора Петра I. Брюс, гордо отвергающий «мошенство» царя, Брюс, неизмеримо превосходящий как народ, так и самого Петра в науке и искусстве, Брюс, улетающий в Москву с берегов Невы — это, конечно, не исторический Яков Виллимович Брюс — граф и кавалер ордена св. Андрея Первозванного. Это своего рода олицетворение Москвы перед лицом петровских реформ, жёстко ломавших вековые традиции русской жизни, внедрявших новые технологии, практики жизни, поставившей науку и образование краеугольным камнем преобразований. Почтение к науке, ставшей реальным двигателем прогресса, смешивалось с непониманием и иногда страхом у простых людей. Это один из источников удивительных легенд о Брюсе и его взаимоотношениях с Петром I.

Легенды барановского сборника создают ярко положительный образ Якова Брюса, которого глубоко уважает народ за учёность и смелый нрав. Также это и рефлексия на тему петровских реформ и неудивительно, что даже спустя триста лет мы чувствуем в рассказах москвичей скрытую неприязнь к Петру I, но в то же время восхищение его деяниями и способностями его сподвижников.

Пашков Александр Михайлович
(Петрозаводск)
*Профессор кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета*

На фоне эпохи: памятники и памятные места Петра I в Петрозаводске

Имя Петра I навеки связано с городом Петрозаводском. Петрозаводск был основан в 1703 году и до 1777 года носил названия Петровский завод или Петровская слобода. В марте 1777 года Петровская слобода была преобразована в город Петрозаводск. Таким образом, имя Петра I присутствовало в названии города с момента его основания до наших дней. Интересно, что местные карелы называли Петровский завод Петроской. Впоследствии это название закрепилось и за городом Петрозаводском. Его восприняли и финны, в финском и карельском языках Петрозаводск и сейчас называется Petroskoi.

Пётр I побывал в Петрозаводске 7 раз в 1719–1724 годах и провёл здесь около 24 дней. Для пребывания царя в 1719 году был построен путевой дворец (разобран в 1772 году), а вокруг него разбит сад. Во время приездов Пётр I на Петровский завод осматривает цеха и мастерские, общается с местными жителями. Его демократизм и открытость производит огромное впечатление на людей, в среде которых возникло множество рассказов о царе.

Когда на Петровский завод дошла весть о кончине царя, местный житель Юлиан Сараев поставил существующий до настоящего времени поклонный крест в память о Петре I с надписью «1725-го генваря 29 дня построил сей честный крест Господень по вере своей

Поклонный крест 1725 года
в память о Петре I.
Современный вид.

Петровских заводов житель Иулиан Иоанов Сараев на поклонение всем православным христианом»¹.

Уже в 1762 году местный краевед Т.В. Баландин собрал рассказы первых жителей Петровской слободы, которые затем легли в основу его сочинения «Петрозаводские вечерние северные беседы»² (написано в 1814 году) и других краеведческих работ. Итак, в XVIII веке память о Петре I хранилась как в топонимах, так и в устной истории Петрозаводска.

В 1819 году Петрозаводск посетил Александр I. Он обратил внимание местных властей на то, что в городе, основанном Петром I нет ни одного памятника его основателю. Во исполнение пожелания Александра I в 1823 году в городском саду, восстановленном на месте петровского сада, был установлен бронзовый бюст Петра I на камне, который по преданию служил алтарём походной церкви царя Петра.

В 1871 году в связи с приближающимся 200-летием со дня рождения Петра I местные власти Петрозаводска приняли решение установить в городе памятник Петру I. Но город был маленький (по переписи 1897 года всего 12,5 тысяч человек³), и состоятельных людей там проживало очень мало. Поэтому деньги на сооружение па-

¹ Подробнее об этом поклонном кресте см.: Поклонный крест 1725 года — памятник петровской эпохи в Петрозаводске // Археография музейного предмета. Материалы международной научной конференции. М., 2012. С. 140–143.

² Баландин Т.В. Петрозаводские северные вечерние беседы // Олонекские губернские ведомости (далее: ОГВ). 1866. № 6–13, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 35–43, 46; 1867. № 5–9 (отд. оттиск: Петрозаводск, 1867. 35 с.).

³ Население городов по переписи 28 января 1897 года // Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 года. Вып. 2. СПб., 1897. С. 14.

мятника было решено просить у казны. После соответствующей просьбы губернатора Г.Г. Григорьева император Александр II разрешил выделить на это средства⁴. Всего было выделено 15 тысяч рублей. Для создания памятника был приглашён скульптор И.Н. Шредер. Но время на изготовление памятника к юбилею (30 мая 1872 года) уже было упущено. Поэтому в день двухсотлетия со дня рождения Петра I в Петрозаводске произошла только закладка памятника, а в доме губернатора был выставлен его макет в 1/4 величины⁵. К началу октября 1872 года на Круглой площади был установлен пьедестал из сердобольского гранита, изготовленный в Петербурге по проекту академика И.А. Монигетти⁶.

Памятник Петру I был открыт 29 июня 1873 года. Эта дата была приурочена к главному городскому празднику — Петрову дню. По этому поводу в Петрозаводск был приглашён хор музыкантов Преображенского полка. Центр города украсили гирляндами. На балконе здания губернской гимназии был выставлен бюст Петра I. В городе прошли крестный ход, парад губернского батальона и народные гулянья. Был устроен салют из 31 орудия. В народе раздавали брошюру краеведа А.И. Иванова «Пётр Великий и его деятельность на Олонце»⁷. Во время торжеств по случаю открытия памятника специально приглашённый из Петербурга фотограф Монштейн сделал несколько фотографий. Праздник закончился в 2 часа ночи, когда хор преображенцев сопровождаемый толпой горожан прибыл на пристань и отчалил на пароходе «Царица»⁸.

Площадь, на которой был установлен памятник Петру I, стала называться Петровской, а вокруг памятника со временем возник небольшой сквер. Памятник Петру I стал одной из главных достопримечательностей дореволюционного Петрозаводска. Поэт К.К. Случевский, побывавший в Петрозаводске в июне 1884 года в свите великого князя Владимира Александровича, писал: «Памятник Петра Великого работы Шредера, стоящий перед губернаторским домом, ярко горел с утра своею бронзою. Памятник недурен; облик

⁴ О сооружении в Петрозаводске памятника Петру Великому // ОГВ. 1871. № 50 (от 7 июля).

⁵ Празднование 200-летия со дня рождения императора Петра Великого в Петрозаводске // ОГВ. 1872. № 42 (от 31 мая).

⁶ Установка пьедестала для памятника Петру Великому // ОГВ. 1872. № 77 (от 4 октября).

⁷ *Иванов А.И.* Пётр Великий и его деятельность на Олонце. Исторический очерк для народа. Петрозаводск, 1873.

⁸ Торжественное открытие памятника императору Петру Великому 29 июня 1873 года // ОГВ. 1873. № 51 (от 4 июля).

Памятник Петру I в Петрозаводске.
Фото начала XX века.

императора гораздо внушительнее и спокойнее того, который поставлен в Петергофе у Монплезира. Неудивительно, что горожане то и дело зовут полюбоваться им: посмотрите, да посмотрите!»⁹

Вероятно, установка памятника Петру I вдохновила местные власти на появление в Петрозаводске еще одного памятника российскому монарху. В 1885 году в Петрозаводске появился памятник Александру II.

Февральская революция 1917 года никак не сказалась на судьбе памятников Петру I и Александру II. Но в ночь с 5 на 6 января 1918 года к власти в Петрозаводске пришли большевики. 14 апреля 1918 года Совет народных комиссаров РСФСР (Совнарком) принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции», подписанный В.И. Лениным. Этим декретом Совнарком постановил:

«1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

...4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1-го мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые

⁹ Случевский К.К. По северу России. М., 2009. С. 78.

истуканы и постановлены первые модели новых памятников на суд масс...»¹⁰

Вероятно, согласование сноса двух петрозаводских «царских» памятников заняло какое-то время и оба памятника были сброшены с пьедесталов в конце октября 1918 года. Известно, что памятник Александру II был демонтирован 27 октября¹¹, а накануне первой годовщины Октябрьской революции, 6 ноября 1918 года, решением Петрозаводского городского совета депутатов Петровский сквер и Петровская площадь были переименованы в Площадь 25 октября 1917 года¹². Вероятно, к этому времени памятник Петру I тоже уже был снят с пьедестала. Оба памятника перетащили в Губернаторский сад, где они и лежали несколько следующих лет.

В 1920 году возникла Карельская трудовая коммуна, преобразованная в 1923 году в Карельскую АССР (КАССР). В здании, примыкавшем к Губернаторскому саду, разместился Карельский центральный исполнительный комитет (КарЦИК). В январе 1926 года инспектор госфондов В. Морозов взял на учёт имущество во дворе КарЦИКа, включая и статуи Петра I и Александра II. Обе бронзовые статуи были оценены в 4800 руб. На заседании комиссии госфондов 27 февраля было принято решение: «Считать необходимым памятники реализовать. Передать вопрос о реализации на окончательное разрешение Совнаркома КАССР»¹³.

Председателем Совнаркома Карельской АССР в 1923–1935 годах был известный финский революционер Э.А. Гюллинг (1881–1938), который был высокообразованным человеком, имел степень доктора философии (в области экономики и статистики) и в 1910–1918 годах был доцентом Университета Хельсинки по курсу экономической статистики¹⁴.

Вероятно, именно Э.А. Гюллингу принадлежит резолюция по вопросу о судьбе этих памятников, датированная 23 марта 1926 года,

¹⁰ О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 95–96.

¹¹ Довольно! Постоял... уступи другому // Известия Олонезкого губернского исполнительного комитета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 215 (от 29 октября).

¹² Список улиц города Петрозаводска, переименованных по случаю предстоящего праздника годовщины Октябрьской революции // Там же. № 222 (от 6 ноября).

¹³ Выписка из протокола заседания Комиссии госфондов при НКФ КАССР от 27 февраля 1926 года // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223. Л. 87.

¹⁴ Подробнее о нём см.: *Такала И.Р.* «Дело Гюллинга–Ровио» // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 34–73.

адресованная заведующему Карполитпросвета (органа, руководившего политико-просветительной работой в Карелии) И.П. Гришкину: «Дайте своё заключение. Говорят, что фигура Петра художественнее по выполнению. Если так, то следует сохранить и взять под охрану в музей, что касается Александра, то сохранять, по-моему, не следует». Кроме того, на документе имеется помета синим карандашом «т. Крылову и др.»¹⁵

Итак, в конечном итоге судьбу памятников должен был решать заведующий Карельским государственным музеем В.И. Крылов (1874–1928). Он родился в семье священника, в 1900 году после окончания Казанской духовной академии был назначен преподавателем Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске, а в 1905 году перешёл в Петрозаводскую учительскую семинарию. После создания в 1913 году Общества изучения Олонецкой губернии он стал его активным участником и редактором «Известий» общества. После февральской революции В.И. Крылов активно участвовал в общественной жизни и стал одним из лидеров местной организации партии кадетов. После установления в Петрозаводске советской власти его трижды арестовывали как опасного контрреволюционера или брали в заложники (в апреле 1918 года, в апреле-мае 1919 года и в конце 1921 — начале 1922 года), но всякий раз отпускали на свободу. После создания в июне 1923 года Общества изучения Карелии В.И. Крылов вошёл в состав его правления, стал секретарём общества и вошёл в состав редколлегии журнала «Экономика и статистика Карелии». В январе 1925 года его назначили директором Карельского государственного музея¹⁶.

В.И. Крылов попытался спасти оба памятника. 30 апреля 1926 года он подготовил заключение со своими предложениями о судьбе обоих памятников: «По вопросу о реализации бронзовых фигур (памятников) Петра I и Александра II я полагаю бы следующее: ...оба памятника по происхождению своему, как произведения одного и того же известного скульптора художника академика И.Н. Шредера, одинаковы и, следовательно, по художественному значению равно-

¹⁵ Выписка из протокола заседания Комиссии госфондов при НКФ КАССР от 27 февраля 1926 года // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223. Л. 86.

¹⁶ Подробнее о нём см.: *Потанов Б.* Виктор Иванович Крылов (24 января 1874 – 10 июля 1928 гг.). [Некролог] // Экономика и статистика Карелии. 1928. № 2. С. 187–188 (перепечатано: Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Т. 1. Петрозаводск, 1930. С. 142); *Светаев Е.* Мой дед был патриотом // Петрозаводск [Газета]. 1992. № 41 (101) (от 7 июня); *Инно Х.О.* Учитель и краевед В.И. Крылов (1874–1928) // Краевед. Сборник статей. Петрозаводск, 2007. С. 116–119.

ценны. Но исполнение обеих фигур различное, фигура Петра с глубоким энергичным взором и простёртою рукою по направлению к заводам производит более художественное впечатление, чем спокойная, застывшая фигура Александра. От переливки (реализации) обоих памятников можно бы воздержаться»¹⁷.

На состоявшемся 27 мая 1926 года заседании комиссии по охране памятников старины, искусства и природы при Карполитпросвете было принято решение: «С предложением тов. Крылова согласиться до получения конкретных результатов по реализации памятников старины из Главнауки¹⁸, последнего о том запросить и приезда экспедиции со специалистом для выяснения вопроса о художественной ценности»¹⁹. Если перевести этот текст с бюрократического на нормальный язык, то получится, что комиссия Карполитпросвета согласилась приостановить процесс переплавки обоих памятников до получения санкции Главнауки и до приезда специалиста из Ленинграда. Как раз в это время ожидался приезд в Петрозаводск экспедиции по комплексному изучению Заонежья²⁰ во главе с известным исследователем архитектуры, реставратором, археологом и этнографом профессором К.К. Романовым (1882–1942).

Когда в июне 1926 года в Петрозаводск приехала Заонежская экспедиция К.К. Романову предложили дать отзыв о художественной ценности памятников Петру I и Александру II. К.К. Романов осмотрел оба памятника и 13 июня 1926 года дал свой отзыв: «Осмотрев находящиеся в сарае бронзовые статуи Петра I и Александра II, нахожу, что статуя Петра I заслуживает сохранения по художественно-историческим соображениям, представляя хорошую работу мастера-автора. Значительно меньший интерес представляет фигура Александра II, представляющая в основе иначе драпированное повторение фигуры (позы) статуи Петра I»²¹.

¹⁷ Заключение В.И. Крылова по вопросу о реализации бронзовых фигур (памятников) Петра I и Александра II // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223, Л. 85–85 об.

¹⁸ Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) — государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в РСФСР в 1921–1930 годах. Был сформирован в составе Академического центра Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения) в 1921 году. В 1923–1927 годах во главе Главнауки стоял Ф.Н. Петров (1876–1973).

¹⁹ Протокол заседания комиссии по охране памятников старины, искусства и природы при Карполитпросвете от 27 мая 1926 года // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223. Л. 63.

²⁰ О Заонежской экспедиции 1926 года см.: *Мильчик М.И.* Заонежье: история и культура. Очерки. Фотографии. СПб., 2007. С. 7–8 и др.

На состоявшемся через несколько дней заседании Комиссии по охране памятников старины, искусства и природы на территории Карелии при Карполитпросвете отзыв профессора К.К. Романова был утверждён. Окончательное решение о судьбе памятников состоялось на ещё одном заседании Комиссии Карполитпросвета 15 января 1927 года: «Памятник Александру II передать для реализации, а Петра I оставить, приняв меры к сохранению (сделав для памятника деревянный футляр-чехол) до выяснения вопроса о нём в местном Обществе изучения Карелии»²².

Все последующие годы памятник Петру I находился в запасниках Карельского государственного музея. На бывшей Петровской площади, а с 1918 года — площади 25 октября, на месте, где стоял памятник Петру I, в 1930 году было решено поставить памятник В.И. Ленину. 7 ноября 1933 года этот памятник работы скульптора М.Г. Манизера был торжественно открыт²³. После этого площадь 25 октября была переименована в площадь Ленина.

В июле 1928 года умер В.И. Крылов. В октябре 1935 года был смещён с должности председателя Совнаркома Карельской АССР и переведён на работу в Москву Э.А. Гюллинг. В июле 1937 года он был арестован и в июне 1938 года расстрелян. В ноябре 1937 года был расстрелян и И.П. Гришкин.

Но в эти же годы началась реабилитация Петра I как исторической личности. Начало этому процессу было положено 13 декабря 1931 года, когда состоялась беседа И.В. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом, который начал эту беседу с вопроса: «...первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?»

И.В. Сталин ответил так: «Да, конечно, Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального госу-

²¹ Отзыв профессора К.К. Романова от 13 июня 1926 года // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223. Л. 120.

²² Протокол заседания комиссии по охране памятников старины, искусства и природы при Карполитпросвете от 15 января 1927 года // НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 26/223. Л. 360 об.—361.

²³ Мулло И.М. Памятники и памятные места Карелии. Петрозаводск, 1965. С. 9, 12–13.

дарства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»²⁴.

В 1937–1938 годах на киностудии «Ленфильм» был поставлен двухсерийный художественный фильм «Пётр Первый» созданный по одноименной пьесе Алексея Толстого. Роль Петра I сыграл Н.К. Симонов, в его исполнении царь был вполне симпатичным персонажем. Фильм, вероятно, получил одобрение И.В. Сталина. В 1938 году Н.К. Симонов был награждён орденом Ленина, в 1939 году стал народным артистом РСФСР, а в 1941 году фильм «Пётр Первый» получил Сталинскую премию I степени. Её лауреатами стали режиссёр и автор сценария фильма В.М. Петров, исполнитель роли А.Д. Меншикова артист М.И. Жаров и Н.К. Симонов.

Поэтому вполне естественным было появление в декабре 1938 года в газете «Красная Карелия» заметки А. Шварева «О памятнике Петру Первому». Автор писал: «Памятник Петру Первому был открыт в Петрозаводске 30 мая 1873 года в ознаменование 200-летия со дня рождения Петра... Более 50 лет памятник стоял на одной из площадей Петрозаводска. В Карелии это был один из исторических памятников, привлекавших к себе всеобщее внимание... Несколько лет тому назад памятник был снят. С тех пор вопрос о реставрации памятника ставился неоднократно. В 1936 году ВЦИК требовал от республиканских организаций сохранения памятника как представляющего высокохудожественную ценность, но засевшие в некоторых карельских организациях буржуазные националисты всячески старались подалеже запрятать памятник, уничтожить его, и кое-что им удалось сделать. При разборке и перевозках пьедестала были отбиты некоторые монолиты, попорчена и фигура. Недавно вопрос об открытии памятника вновь встал “на повестку дня”. Только говорят об этом сейчас робко, неуверенно. Ни городской совет, ни Совнарком до сих пор ничего не сделали для того, чтобы разыскать пропавший пьедестал, восстановить фигуру, реставрировать в Петрозаводске исторический памятник. Памятник Петру Первому должен быть восстановлен в самое ближайшее время... История с памятником Петру Первому — это одна деталь, показывающая исключительное равнодушие к историческим памятникам Карелии со стороны городского совета и республиканских организаций. Пора, наконец, серьёзно взяться за это дело. Памятники старины — это достояние народа. Их нужно хранить»²⁵.

²⁴ Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 13. М., 1951. С. 104–105.

²⁵ *Шварев А.* О памятнике Петру Первому // *Красная Карелия*. 1939. № 286 (от 15 декабря).

Памятник Петру I
в оккупированном финнами
Петрозаводске. Фото 1941.

Итак, вопреки фактам В. Шварев вину за сброс памятника Петру I возложил на «буржуазных националистов», то есть на Э.А. Гюллинга и других финских коммунистов, руководивших Карелией в 1920–1935 годах и уничтоженных в ходе репрессий 1937–1938 годов.

Появление заметки В. Шварева в газете «Красная Карелия», являвшейся органом Карельского обкома и Петрозаводского горкома ВКП(б) и Верховного совета Карельской АССР, не могло не вызвать отклика местных властей. Уже 17 декабря 1938 года (через два дня после появления заметки!) было принято постановление Президиума Петрозаводского городского совета «О восстановлении в Петрозаводске памятника Петру Первому»:

«1. Считать вполне правильным поднятый газетой “Красная Карелия” от 15 декабря 1938 года вопрос о восстановлении в Петрозаводске памятника Петру Первому, который представляет историческую высокохудожественную ценность.

2. Включить в смету расходов 1939 года реставрацию и установку памятника Петру Великому...»²⁶

Однако восстановление памятника Петру I в сквере у здания Карельского государственного музея, который к тому времени переехал с площади Ленина в здание бывшей Александро-Невской церкви, затянулся (возможно, все планы нарушила финская война). Ещё в начале июня 1940 года бронзовая фигура Петра I находилась в музее «в сарайчике, но сильно загрязнённая»²⁷. Но затем темпы работ за-

²⁶ Постановление Президиума Петрозаводского городского совета от 17 декабря 1938 года «О восстановлении в Петрозаводске памятника Петру Первому» // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 109/984. Л. 593.

²⁷ Акт на предмет приёмки и передачи дел по реставрации памятника Петру I в Петрозаводске в парке Государственного музея от 7 июня 1940 года // НАРК. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 24.

Памятник Петру I в Петрозаводске.
Современное фото.

метно ускорились. К середине ноября почти всё было готово. 16 ноября было подписано трудовое соглашение на изготовление букв для надписи к памятнику²⁸. Памятник был открыт, вероятно, в конце ноября — декабре 1940 года.

Через год началась Великая отечественная война, и 2 октября 1941 года Петрозаводск был занят финскими войсками. В период оккупации, продолжавшейся до 28 июня 1944 года, финны не тронули памятник Петру I, который так и продолжал стоять в сквере около здания краеведческого музея.

В 1960-е годы Карелия стала популярным туристическим объектом. 1 января 1966 года был основан музей-заповедник «Кижы», который ежегодно посещали десятки тысяч советских и иностранных туристов. Многие из них добирались до Кижей на теплоходах, и по пути эти теплоходы делали краткую остановку в Петрозаводске. В связи с тем, что на территории Водного вокзала и примыкавшего к нему Парка культуры и отдыха никаких заметных туристических объектов не было, Петрозаводский городской совет решил перенести памятник Петру I к Водному вокзалу, на набережную Онежского озера.

23 мая 1978 года памятник Петру I у здания краеведческого музея был демонтирован. На новом месте, на набережной Онежского озе-

²⁸ Трудовое соглашение на предмет изготовления букв для памятника Петру I от 16 ноября 1940 года // НАРК. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 42.

ра, для него был разбит сквер. 6 июня памятник на старом постаменте уже был открыт на новом месте²⁹. Там памятник Петру I находится и в настоящее время.

Таким образом, память о Петре I сохраняется в Петрозаводске на протяжении трёх веков в виде топонимов, исторических преданий, сочинений краеведов, городской мифологии, а также благодаря существованию связанных с именем Петра I «мест памяти» (поклонный крест 1725 года и памятник Петру I работы И.Н. Шредера).

²⁹ *Мальц Ю.* Памятник меняет адрес // Онежец [Газета]. 1978 (от 23 июня).

Клоков Александр Юрьевич
(Липецк)
*Председатель Липецкого областного
краеведческого общества*

Петровские памятники в градостроительной структуре Липецка

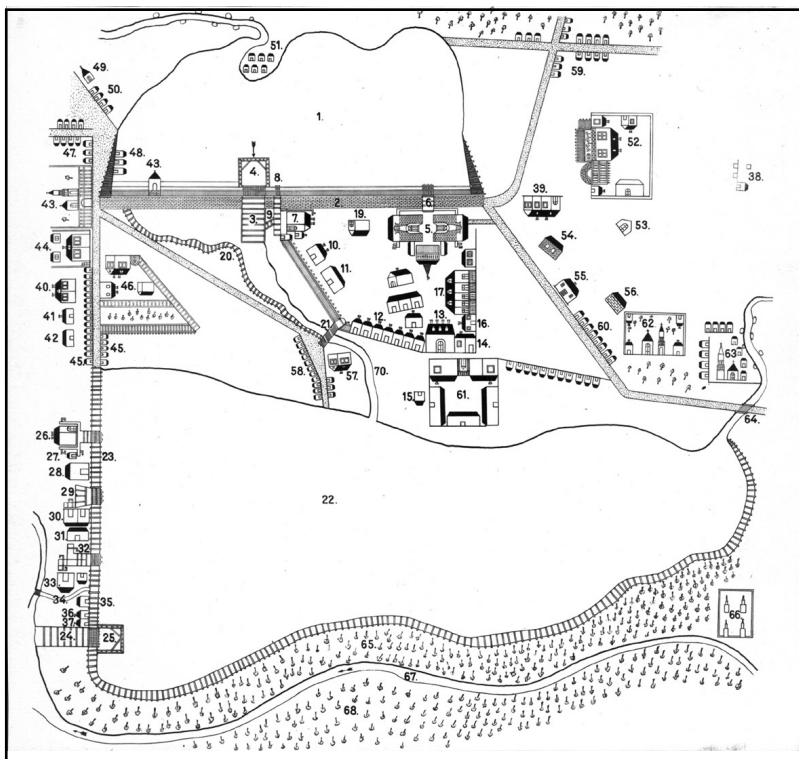
Липецк, возникший как заводская слобода, — ровесник Санкт-Петербурга. Существует и непосредственная связь этих основанных Петром городов. В начале XVIII века Липецкие петровские заводы поставляли в Санкт-Петербургское адмиралтейство корабельные якоря, оснастку, пушки, холодное и огнестрельное оружие, обмундирование для солдат и матросов¹.

История Липецка начинается со строительства Петром I в селе Липские Студёнки Малые крупной мануфактуры, по современным понятиям — металлургического комбината, плавившего чугун, ковавшего сталь, производившего холодное и огнестрельное оружие, корабельные пушки и якоря.

Первый завод, построенный в 1703 году² на правом притоке Воронежа — реки Липовка, получил название Верхнего Липецкого, так как в 1707—1712 годах ниже по течению реки построен передельный (не имевший домен) завод, названный Нижним Липецким. На плотине Нижнего завода, имевшей длину около 2300 м., помимо металлообрабатывающей, работали мануфактуры, производившие обмундирование для солдат и матросов.

¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 267. Д. 181. Л. 1—2.

² Там же. Ф. 175. Оп. 1. Д. 19. Л. 60—60 об.

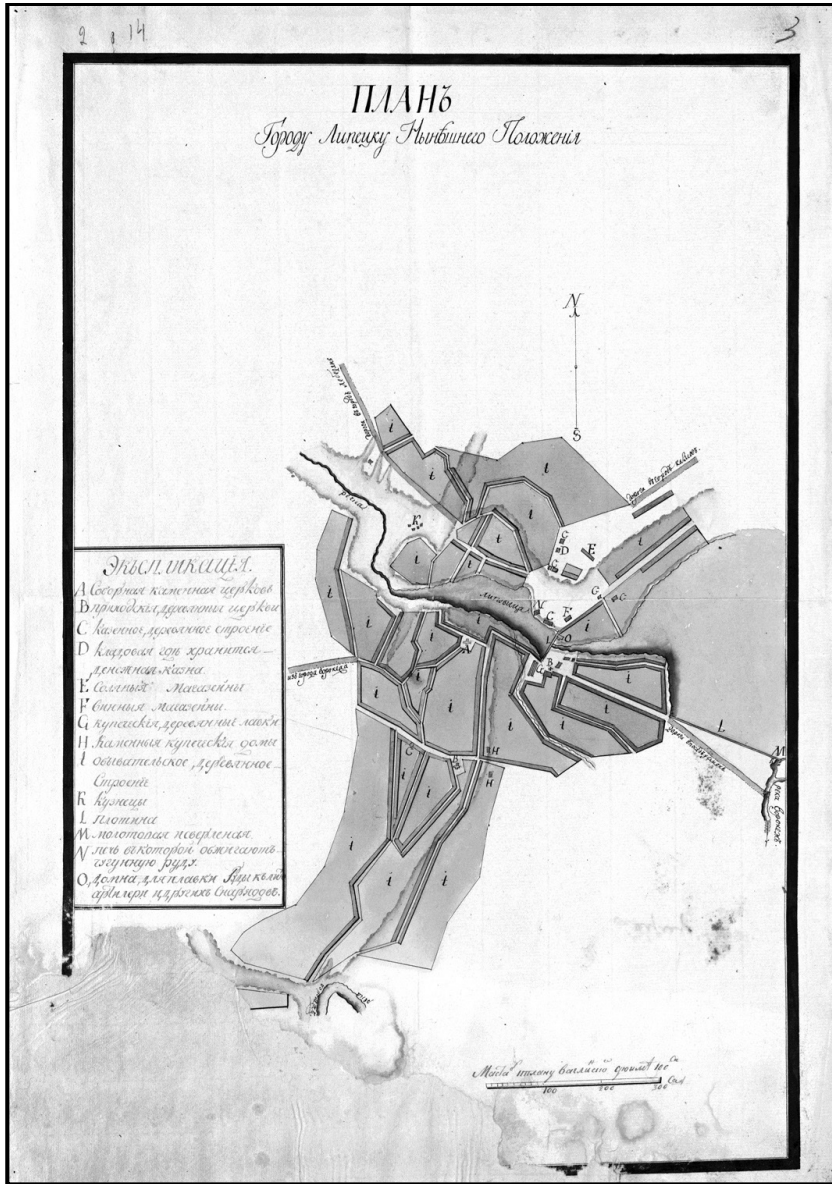

1. План Верхнего и Нижнего Липецких заводов. 1742.

Вокруг заводов сложился рабочий посёлок — слобода Липские железоделательные заводы, с 1779 года — уездный центр Тамбовского наместничества с названием Липецк³ (илл. 1).

Крупное металлургическое производство, возникшее в начале XVIII века на базе местных залежей бурого железняка, возникло здесь не случайно. Современная Липецкая область — район лесостепи, где на протяжении веков проходила граница русского государства, а в XVII веке сооружена Белгородская укрепленная черта. Один из городов-крепостей укрепленной черты — Сокольск, построенный в 1647 году и просуществовавший до екатерининской реформы, не только пограничная крепость, но и верфь, где строились струги для донского опуска, а зимой 1695–1696 годов построено 430 стругов для Азовского похода. (В настоящее время Сокольск находится в черте г. Липецка).

³ РГВИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 142.

2. Генплан Липецка.
1780-е годы.

Ниже по течению реки Воронеж стоял город-крепость и одновременно вотчинный центр — город Романов в Степи, построенный в 1614 году Иваном Никитичем Романовым. Город Романов уже в начале XVII века являлся крупным металлургическим и металлообрабатывающим центром, и наряду с Ельцом, снабжал металлом весь юг России. Именно в Романовском уезде, благодаря протекционистской политике Петра I, в 1693 году построен первый в Липецком железорудном районе доменный вододействующий завод, получивший название — Боринский по имени строителя. Боринский завод поставлял металл для строительства Азовского флота, а с 1700 года на нём отливали пушки. То есть, окрестности современного Липецка были базой создания Азовского флота и получили дальнейшее экономическое развитие в связи с проведением Петром активной политики на юге.

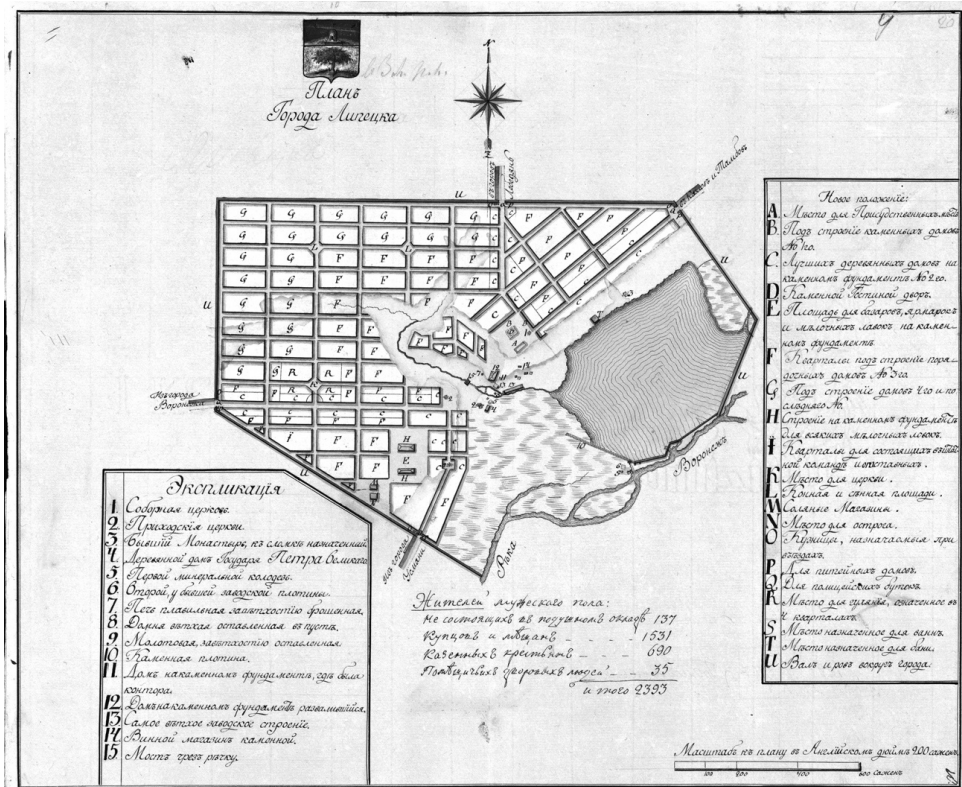
Липецкий железорудный район как старейший центр металлургии и металлообработки малоизвестен потому, что заводы, работавшие в конце XVIII века с перебоями из-за нехватки древесного угля, в 1795 году были остановлены. В XIX веке Липецк развивается как город-курорт. Вновь крупное металлургическое производство возникло здесь лишь в годы советской власти. Поэтому Липецкие петровские заводы не получили такой известности, как тульские или уральские, работавшие непрерывно.

Петровские заводы были градообразующими предприятиями, а территория Верхнего Липецкого завода стала центром градостроительной структуры Липецка. Вокруг завода сложилась дорегулярная планировка города, что хорошо видно на первых генеральных планах Липецка (*илл. 2*).

При заводе располагался административный центр: заводская контора, командирский двор, госпиталь. С получением в 1779 году статуса уездного города рядом с Верхним заводом появляются городские и уездные учреждения.

К заводам примыкала большая торговая площадь, называвшаяся Базарной, на которой стояла соборная церковь и путевой дворец Петра Великого, сгоревшие в 1806 году. От заводов в разные стороны расходились дороги, вдоль дорог стояли дома мастеровых. По мере роста города вокруг появились слободы: Липецкая, Монастырская, Куликовка. Диконской слободой становится пригородное село Дикое.

После закрытия заводов, их территория была передана курорту Липецкие минеральные воды, т.к. источник минеральной воды открытый императором Петром I находился неподалёку от путевого дворца императора, рядом с заводской плотинной.

3. Регулярный план Липецка.
Начало XIX века.

Курорт Липецкие минеральные воды — первый городской курорт России, дал мощный импульс развитию города. Появляется новый генеральный план Липецка. Бывшая заводская территория остаётся центром нового, теперь уже регулярного генерального плана, Высочайше подтвержденного в 1805 году Александром I⁴, а река Липовка, на которой построен завод, становится центральной осью градостроительной структуры. Она делит город на две равные части: дворянскую и купеческую (илл. 3).

Заводская плотина, по которой проходила дорога, являлась основным связующим звеном между курортом, дворянской и купеческой частями города.

На базе плотины Верхнего завода на протяжении XIX века рабо-

⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 4. Л. 1.

4. Плотина и пруд Верхнего завода.
Открытка начала XX века.

тала мельница, а с 1903 года гидроэлектростанция и насосы первого напорного водопровода.

Генплан 1805 года представлял прямоугольную сетку улиц, разбитую на кварталы.

От Базарной площади, примыкавшей к территории бывших заводов, расходились в разных направлениях дороги-улицы, получившие названия по их направлению: на г. Усмань — Усманская, на г. Воронеж — Воронежская, на Тамбов — Тамбовская (Дворянская). Эти улицы сохранились от старой дорегулярной планировки, но при этом были спрямлены и расширены. На эти главные магистрали ориентированы остальные улицы. По генплану 1805 года застроена историческая часть Липецка.

В настоящее время плотина и пруд Верхнего завода сохранились, не утратив своего значения в градостроительной структуре исторического центра. Плотина и пруд Верхнего завода, к счастью, не затронутые современной застройкой, не только важный элемент планировочной структуры, но и выразительный исторический памятник, одна из главных достопримечательностей исторического центра Липецка. Однако до сих пор официально памятниками истории и культуры они не являются (*илл. 4*)!

Плотина, пруд и территория Верхнего и Нижнего Липецких заводов не поставлены под государственную охрану, не определены их охранные зоны, не установлено даже информационных табличек. Не охра-

няется связанная с заводами градостроительная структура, прежде всего красные линии, а также культурный слой памятников. То, что сохранилось на настоящий момент, иначе как случайностью не объяснить.

В Липецке сложилась традиция уничтожения памятников истории и культуры.

В 1972 году снесена сохранившаяся часть заводской конторы Липских заводов, которая была отреставрирована и подведена под кровлю ещё в середине XIX века. Несмотря на то, что постройка являлась памятником истории и культуры федерального значения, уничтожение прошло без последствий. Что говорить уже о движимых памятниках истории! С территории заводов бесследно исчезли фонтан из пушек, отлитых на заводах, огромных размеров молот и бомба, хранившиеся здесь в начале XX века. В областном музее, в результате небрежного хранения, расколоты чугунная мемориальная плита с обозначением года постройки заводов и плита с подлинным оттиском руки Петра Великого. С этого оттиска в XIX веке производился тираж в виде восьмигранных плакеток с выпуклым изображением ладони императора, разошедшийся по всей стране.

На территории заводов и на плотинах без предварительного проведения археологических раскопок проводятся строительные и земляные работы. Липецкое областное управление культуры и искусства ограничивается лишь наблюдением за работами, уничтожающими остатки заводов. Так, в 2012 году «проведены наблюдения за ведением земляных работ ... Наибольший интерес представляют несомненно, зафиксированные в западной части Нижнего парка непотревоженные напластования XVIII века — времени функционирования Верхнего железоделательного завода. Траншея прошла по территории, на которой были расположены производственные сооружения. Судя по плану завода 1742 года, здесь стояли 4 домны. Зафиксирована линза, заполнение которой предположительно можно связать с развалом домны. Среди подъёмного материала фрагменты производственных кирпичей, обломки основания домны, большое количество железного шлака и угля»⁵.

В настоящее время уникальный комплекс заводских гидротехнических сооружений Верхнего Липецкого завода и его территория, как экскурсионный объект не используется, не обозначено ни место заводских цехов, ни место, где стоял путевой дворец Петра Великого.

Важной достопримечательностью, формирующей облик города, является построенный в 1839 году рядом с Верхним заводом памят-

⁵ Археологические открытия 2012 г. в Липецкой области. Липецк, 2013. С. 4–5.

5. Памятник Петру I 1839 года.
Современное фото.

ник Петру Великому. Вместо реставрации он был просто снесён, сохранились лишь металлические его части.

Восстановление памятника выполнено без надлежащих исторических исследований и соблюдения технологий. Памятник стоит ржавый, надписи на нём восстановлены неправильно, один из барельефов расколот (илл. 5).

Судьба плотины и пруда Нижнего завода сложилась печальнее, чем судьба плотины и пруда Верхнего завода, хотя они находятся в стороне от жилых построек, более масштабны и впечатляют своими размерами. Плотина Верхнего завода имела длину 180 саженей, ширину 10 саженей и высоту 2 сажени, а плотина Нижнего завода 1100 саженей, ширину 11,5 саженей и высоту 5,5 аршина. Пруд Нижнего завода, являясь крупнейшим гидротехническим сооружением России, даже в XIX веке поражал воображение отдыхающих на липецком курорте (илл. 6).

При сооружении плотины и пруда Пётр I использовал труд пленённых под Полтавой шведов. К сожалению, такой достопримечательности, как плотина и пруд площадью свыше 100 га, Липецк лишился.

Пруд Нижнего завода в первой половине 1970-х годов засыпан. На плотине, расположенной рядом с городским пляжем построен ресторан. Основная часть плотины Нижнего липецкого завода всё же сохранилась, по ней проходит дорога к городскому пляжу, а сам пляж расположен на откосе плотины. Территория Нижнего завода в настоящий момент подтоплена в результате сооружения подпирающего порога на р. Воронеж. Плотина и территория Нижнего завода официально также не являются памятниками истории и культуры,

6. Пруд Нижнего завода.
Фото начала XX века.

не состоят под охраной, не имеют охранных зон, памятных знаков, табличек с пояснительным текстом, и как экскурсионный объект не используются. В комплекс Нижнего Липецкого завода входил полигон, где испытывали пушки, и его территория никак не обозначена.

Расположенное выше по течению р. Воронеж место, где находились Сокольские верфи, на которых строились суда для Азовского похода, также не исследовано, не поставлено под охрану как памятное место, не обозначено, более того, данный участок поймы выделен под карьер для добычи песка.

Хочется вспомнить высказывание одного из отдыхавших в XIX веке на липецком курорте: «Поистине дика Россия, не чтущая своих памятников». Хочется надеяться, что касается это только Липецка.

Акиншин Александр Николаевич
(Воронеж)
*Профессор кафедры истории России
Воронежского государственного университета,
председатель Воронежского историко-культурного общества*

Пётр Великий и Воронежский край: легенды и реалии

Пётр Великий оставил след в истории Воронежского края столь масштабный, что часть его деяний перетекла из прошедшей реальности в легенды и мифы. Пожалуй, ни один из регионов Российской империи, исключая старую и новую столицы, не играл в жизни царя-преобразователя такой значительной роли, как Воронежский край. С другой стороны, и в истории Воронежского края не было фигуры, равной Петру. Это обстоятельство породило легенды, связывающие его имя с самыми разными событиями, как имевшими место в действительности, так и вымышленными. При этом народное почитание личности Петра I не переросло в его обожествление, в стремление устанавливать ему памятники и бюсты, как это произошло, скажем, с фигурой Александра II. Поветрие открывать тому памятники в полувековой юбилей отмены крепостного права привело жителей слободы Бутурлиновки Бобровского уезда к исторической аберрации: освободившись от неволи в 1842 году по указу о вольных хлебопашцах, принятому императором Александром I, и заплатив за свою свободу графу П.Д. Бутурлину 2 114 335 руб., они в 1911 году открыли памятник Александру II, которому, по большому счёту, ничем не были обязаны (разрушенный после революции, изготовлен вновь и открыт в 2014).

Приведу примеры бытования имени Петра и его деяний в людской памяти: считается, что своими названиями *Шинов* лес и *Теллермановский* лес обязаны петровскому кораблестроению: первый якобы

от английского слова ship — корабль, второй от фамилии петровского сподвижника Франца Тиммермана (хотя первоначальное название было *Тилеорманский* лес). Причём подобная версия происхождения названия Шипова леса попала даже в энциклопедию¹ и в Википедию. С кораблестроением связываются названия сёл на окраине Шипова леса — *Гвазда* (делали деревянные гвозди для кораблей), *Клеповка* (жили клепальщики), *Пузевое* (делали корпуса — пуза — кораблей)². На самом же деле все эти названия существовали задолго до петровской эпохи — Шипов и Теллермановский лес отмечены ещё в конце XVI века, первый не имеет общепринятого объяснения, второе название имеет тюркские корни. Урочища Гвазда и Пуза упомянуты в отчёте экспедиции воеводы Ивана Жолобова в 1685 году³. *Гвазда* означает грязь, топь, слякоть от непогоды (выгваздаться — вымызаться, испачкаться), *пуза* — взгорье, взлобье, поляна на возвышении⁴.

Непосредственно с личным участием Петра связывается появление названий реки *Богучарка*: Пётр I выплеснул в реку чарку вина и сказал при этом Богу чару (но первоначальное название: *Боучар*, *Баучар*), села *Аношкино* по имени встретившегося Петру солдата *Аношки*⁵, села *Танцырей*: Пётр якобы смотрел танцы понравившейся ему цыганки Реи. Реальное происхождение этих названий совсем иное. «Боучарский ухोजей» упомянут в «Дозорной книге» 1615 года, название имеет или тюркское или ираноязычное происхождение. Село Аношкино возникло в 1650-е годы, когда здесь поселились служилые люди из крепости Коротояка — «Аношка Голобоков с товарищи», село Танцырей основано в 1730-е годы и названо по речке Танцырейке⁶. Раз уж зашла речь о Шиповом лесе, то добавлю, что в литературе широко используются якобы сказанные Петром слова о Шиповом лесе — «золотой куст нашего государства»⁷, «магазин ко-

¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 48. С. 52.

² Николаевский И.М. Описание Воронежской губернии. Воронеж, 1909. С. 83.

³ См.: Тимошечкин М. Битюцкий розыск // Подъём. 1962. № 4. С. 132–134.

⁴ Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973. С. 7; Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж, 2003. С. 91.

⁵ Томилин М. Храм в честь Вознесения Христова в с. Аношкино // Воронежские епархиальные ведомости. 1883. № 14. С. 536; Димитрий (Самбикин), архим. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Вып. III. Воронеж, 1885. С. 163–166.

⁶ Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973. С. 24–25, 38–39, 77, 122–123, 256, 316.

⁷ Шипов лес. Лесоводственно-хозяйственная характеристика и обзор научных работ. Воронеж, 1963. С. 5; Вересин М.М. Рассказы о лесах и деревьях. Воронеж, 1981. С. 33.

рабельных строений»⁸, но во всех случаях характерно отсутствие ссылки на первоисточник. Ещё одно недоразумение обнаруживается в работах историков, которые пишут о строительстве флота в нашем крае и, не зная местной географии, утверждают, что корабли в Воронеже строились из леса Шиповой дубравы. Между тем, Шипов лес расположен в 150 верстах ниже Воронежа по течению реки Дон, и никакой надобности поднимать лес против течения на такое расстояние не было, тем более, что город Воронеж был окружён лесами, почти полностью сведёнными в ходе кораблестроения⁹. Шипов лес использовался лишь в 1709–1711 годах при строительстве флота в Павловске, куда он легко сплавлялся по полноводной тогда реке Осередь (дубрава тянется по её правому берегу).

Помимо вошедших в литературу, есть предания, сохранившиеся лишь в людской памяти. С именем Петра I связываются названия следующих населённых пунктов: сёл Кривая Поляна Острогожского района (вынужден объехать холмистую местность, которую назвал *кривой поляной*), Дивногорье Лискинского района («*какие дивные горы!*»), Коротояк Острогожского района («*Ух, круто як!*»), Щучьи Пески Эртильского района (в с. Пески ел на обед вкусную *щучку*), Хреновое Бобровского района («*хреновые мужики*» не могли вытащить застрявшую в грязи царскую карету), города Поворино (понравились *повара*, когда плавал по Хопру)¹⁰. По поводу названия села Хреновое (основанного, кстати сказать, в 1750-е годы) есть ещё два варианта крестьянских легенд: Пётр обратил внимание на обилие хрена и сказал: «Вот какое хреновое место»; мужики не хотели по лености рубить корабельный лес и сказали Петру: «Хреновый там лес»¹¹. Ни одна из легенд не имеет под собой реальной почвы, но характерен факт отнесения разновременных событий именно к личности царя Петра, единственного из всех самодержцев, кого так отметили воронежские крестьяне.

На долю Петра приходится «посещение» множества селений Воронежского края, многочисленные дары, сделанные им в храмы. «Пётр оставил следы своего пребывания во многих местностях края.

⁸ Николаевский И.М. Указ. соч. С. 11; Успенский В. Леса корабельные. Записки учёного-лесовода // Российского флота начало. Воронеж, 1996. С. 360.

⁹ Успенский В.В. Корабельные леса Черноземья. Воронеж, 1996. С. 9–14; Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Воронеж, 1997. С. 55–56.

¹⁰ Топонимические предания Воронежской области / сост. Е.А. Орлова. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 34–36.

¹¹ Пухова Т.Ф. Предания и свадебный обряд с. Хренового Бобровского р-на Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2006. С. 147.

Там он обогатил вкладом церковь, в другом месте украсил усадьбу помещика собственноручно посаженным деревом; здесь он преподнёс кому-нибудь из полюбившихся ему местных жителей ценный подарок, до сих пор составляющий драгоценность потомства; того из своих сотрудников он наградил за службу значительными землями, положившими основание благосостоянию нескольких помещичьих семейств; этому он помог основать полезную для края промышленность или мануфактуру»¹². И далее автор, известный историк и археограф, по совместительству местный помещик М.А. Веневитинов (1844–1901) в своих заметках относит основание частных суконных фабрик, тулиновской и веневитиновской, к эпохе Петра I, в то время как это произошло после его смерти, не ранее 1726 года. «Перестроилась в Старом Животинном старая церковь, куда, между прочим, была пожалована Петром I серебряная утварь... Между прочим, о происхождении Старого Животинного. Здесь был ключ, называвшийся Животворным, славившийся целебной силой от глазных болей. Этот ключ понравился Петру I, который приказал здесь выкопать колодец. Вследствие этого деревня сперва называлась Животворной. В саду у Олениных есть вяз, посаженный Петром I, который они берегут». И далее: «На берегу Дона, в селе Новоживотинном лет 15–20 тому назад сохранялся ещё старый, полуразвалившийся деревянный дом весьма старинной постройки, в котором по преданию Пётр I был принимаем и угощаем Фадеем Веневитиновым, новоживотинновским помещиком, впоследствии одним из первых суконных фабрикантов в Воронежской губернии»¹³.

В реальности же с эпохой Петра I связано, безусловно, появление нескольких сотен населенных пунктов. Во многих случаях роль Петра была опосредованной, поскольку шел закономерный процесс заселения края, толчок которому дал успешный второй Азовский поход, обезопасивший черноземные земли от татарских набегов. Но нередко Петр I принимал конкретные решения, касавшиеся судьбы существующих или возникающих поселений. 23 апреля 1699 года, находясь в Воронеже, Петр подписал указ, по которому великороссов и черкас, самовольно поселившихся по течению реки Битюг, надлежало выслать на прежние места их проживания, «а строение все пожечь и впредь им селиться на Битюге не разрешать». Осенью 1699 г. было сожжено 1515 дворов из возникших в 1697–1698 гг.

¹² *Веневитинов М.А.* Из воронежской старины. М., 1887. С. 36.

¹³ РГБ ОР. Ф. 48. Папка 12, № 17. Л. 14–15 об.; См. также: *Веневитинов М.* Несколько преданий из окрестностей Воронежа // Воронежские губернские ведомости. 1869. 4 янв., № 2; 8 янв., № 3; 11 янв., № 4.

населенных пунктов: слобод Битюцкой, Чиглянской, Хоботец, Аннинской, Мосоловки, сел Тойда, Боршевское, Ертил, деревень Кабанов Колодезь, Щучье¹⁴. В ноябре 1699 г. по новому царскому указу надлежало переселить дворцовых крестьян (т.е. принадлежащих царской семье) из Пошехонского, Ярославского, Костромского, Ростовского и других северных уездов. Само переселение происходило в 1701–1704 годах. Так образовалась Битюцкая дворцовая волость, в которую входило 19 населённых пунктов.

В 1704 году Пётр I по просьбе Ф.М. Апраксина велел разорить казачий городок Богучар, возникший в 1703 на одноимённой речке. Основная причина: в казачьем городке находили приют беглые из центральных российских уездов, небезопасным становился проезд в недавно завоёванный Азов. Из письма Ф.М. Апраксину от 21 августа 1704 года: «О Богучаре при возвращении из Азова учини так: взяв солдат пошли и, перехватав, посажай на каторги»¹⁵. Но судьба городка была предreshена ещё в декабре 1703 года. В одном из пунктов доклада Ф.М. Апраксина Петру I поставлен вопрос: «Новопостроенный городок казачей, что на Бугучаре, сводить ли? А построен выше Донецкова в тридцати верстах при лесах». Ответ звучал категорично: «Сводите»¹⁶. Богучар возник вновь как слобода только в 1716 году.

С петровскими делами реально связано название пригородной слободы Азовка, теперь вошедшей в черту города Боброва. Сюда в 1711 году, после возвращения Азова Османской империи, была переселена часть жителей крепости, они и перенесли название¹⁷. По распоряжению Петра I в 1705 году адмиралтейцем Ф.М. Апраксиным была основана крепость и верфь Тавров. Крепость располагалась в семи верстах южнее Воронежа, ниже по течению одноимённой реки. Переноса в Тавров центр кораблестроения, царь надеялся снизить зависимость спуска кораблей от уровня воды в реке¹⁸. Ныне село Таврово входит в городскую черту Воронежа.

Выполняя указание Петра I (он проплыл по Дону в апреле), в июле 1709 вместе с воронежским обер-комендантом С.А. Колычевым и корабельным мастером Ричардом Козенцем инженер Иван Дангельм осматривал устье р. Осереды с целью выбора места для

¹⁴ Загоровский В.П. Пётр Великий на Воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 76.

¹⁵ ПиБ. Т. 3. СПб., 1893. С. 141.

¹⁶ Там же. Т. 2. СПб., 1889. С. 300.

¹⁷ Прохоров В.А. Указ. соч. С. 14–15; Загоровский В.П. Историческая топонимика... С. 64.

¹⁸ Паруса Таврово. История Петровской верфи / сост. В.Л. Елецких. Воронеж, 2012. С. 26–28.

строительства верфи и крепости. Такое место было ими обнаружено и Дангельм «как быть крепости и другой линии, где прилично быть дворовому поселению, учинил чертеж». Р. Козенц также «сделал же чертеж с профилею и с ясным подписанием и означил места, где удобно быть верфи с магазином и мастерским сараем». Эти сведения содержатся в письме С.А. Колычева Петру I от 7 августа 1709 года¹⁹. Так был основан г. Осеред, позднее крепость Ново-Павловская, позднее город Павловск на Дону, при впадении в него с левой стороны реки Осередь²⁰.

В 1709 году, находясь в Воронеже, Пётр I продолжал работать над проектом губернской реформы. Первоначально, помимо Азовской, он планировал создать особую корабельную губернию с центром в Воронеже и включить в неё окрестные города, из которых поставлялись на верфи работные люди²¹. Со временем Пётр отказался от этой мысли и Воронеж с прилегающими уездами включил в Азовскую губернию. В ноябре 1715 года центром губернии стал Воронеж. Обычно в литературе указывается, что после смерти императора указом его царственной супруги Екатерины I Азовская губерния была переименована в Воронежскую. На самом деле, как установлено Н.А. Комоловым, такого указа не было, губерния стала именоваться Воронежской де-факто²².

Точно также в популярной литературе распространено бездоказательное суждение о том, что существовал специальный указ Петра I, разрешавший возвести в Воронеже каменную Никольскую церковь (строилась в 1712–1720 годах), в то время как каменное строительство было запрещено везде, кроме Петербурга. Указ о запрете каменного строительства в провинции был подписан 20 октября 1714 года²³, а строительство церкви началось раньше. Отсутствует также указ о переводе Успенского мужского монастыря из района кораблестроения за город и слиянии его с Алексеевским Акатовым монастырём. Сделано это было в 1700 году явно по устному распоряжению Петра I.

Значительной мифологизации подверглись отношения Петра I с епископом Митрофаном (1623–1703), управлявшим Воронежской епархией с 1682 года до своей смерти. Безусловно, внимание церковных историков к этой фигуре не было бы столь пристальным, если

¹⁹ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 1123.

²⁰ См. также: *Ампилов И.Г.* Павловск: Страницы истории. Воронеж, 2009. С. 21–25.

²¹ *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 26–28.

²² Там же. С. 30.

²³ ПСЗ. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 2848.

бы не канонизация Митрофана в 1832 году. В современной церковной традиции еп. Митрофан рисуется едва ли не ближайшим сподвижником царя-преобразователя, его духовником («святитель Митрофан для царя-работника явился помощником, который всеми зависящими от него средствами поддерживал дело, предпринятое царём. Пётр хорошо понимал и высоко ценил ту могучую поддержку, которую он имел в “усердножелательном радении” святителя “к государю и всему христианскому народу”»²⁴). В период празднования трёхсотлетия со времени основания Петербурга быстро обрела хождение версия о том, что во время пребывания царя в Воронеже в феврале 1703 года Митрофан благословил его на строительство крепости на Неве²⁵. Характерно, что ничего подобного воронежские краеведы, занимавшиеся историко-церковной тематикой, ни до, ни в 1903 году не утверждали. На церковных сайтах в Интернете ныне можно найти даже утверждение о том, что еп. Митрофан благословил Петра I на смертном одре.

Безусловно, Пётр I во время многочисленных посещений Воронежа общался с местным епископом, посещал богослужения по торжественным дням в Благовещенской соборной и Успенской прибрежной церквях, возможно, даже пел на клиросе Успенского храма, когда освящались спускаемые на воду корабли. Исполняя просьбы иерарха, отписывал к новообразованной епархии селения и монастыри, делал личные пожертвования. Однако все эти действия Петра I вписываются, если так можно сказать, в служебные рамки взаимоотношений царя с подданными, хотя бы таковым и был епископ. Увидеть здесь личные отношения невозможно, достаточно сказать, что Митрофан был старше царя почти на пятьдесят лет. Известно неблагожелательное отношение епископа к иностранцам, в первую очередь как к иноверцам²⁶. При своём прагматичном отношении к церкви Пётр I не мог не ценить пожертвований епископа на нужды кораблестроения в апреле 1700 и в мае 1701 года в общей сложности семи тысяч рублей. На эти пожертвования последовали благодар-

²⁴ Святитель Митрофан, первый епископ Воронежский, всея России чудотворец. 1682–1703 // Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней. Историко-биографические очерки. Воронеж, 2003. С. 45.

²⁵ *Расторгуев В.И.* Воронеж — родина русского военно-морского флота. Воронеж, 2002. С. 37–38; *Колтаков Н.* Века над Доном. Воронеж, 2010. С. 32.

²⁶ См.: Духовное завещание святого Митрофана, первого епископа Воронежского и чудотворца. 2-е изд. / подгот. С.Е. Зверев. Воронеж, 1903. 32 с.; *Поликарпов Н.И.* Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского. (Библиографический очерк) // Воронежская старина. Вып. 3. Воронеж, 1903. С. 212–216.

ственные грамоты царя²⁷. При этом не исключено, как отметил В.Н. Глазьев, что эти пожертвования могли быть не вполне добровольными, а явились следствием настойчивого пожелания или просьбы со стороны Петра²⁸. При этом историк ссылается на обнаруженную Н.И. Поликарповым запись в приходо-расходной книге от 29 марта 1700 года: «Куплена коробка на денежную кладку, которые деньги по имянному великого государя указу взяты из домово́й пресвященного епископа казны во дворец»²⁹.

В то же время, как видно из многотомного издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», в личной переписке царя до 1701 года не только нет ни одного послания, адресованного епископу, но он даже не упомянут ни в одном из писем. Голландский художник и путешественник Корнелий де Бруин, сопровождавший русского царя в его поездке в Воронеж в феврале 1703 года, не приводит свидетельств о встрече Петра с епископом³⁰. Встреча эта состоялась уже после отъезда де Бруина, 28 февраля 1703 года, через три недели после приезда Петра в Воронеж. Прочно утвердившиеся в историко-церковной литературе факты, якобы свидетельствующие об особом отношении царя к епископу³¹, впервые были приведены в «Анекдотах, касающихся до государя императора Петра Великого, собранных Иваном Голиковым» (М., 1798). Речь идёт об отказе Митрофана явиться по вызову царя во дворец на острове, ибо ему пришлось бы идти через мост, украшенный статуями «языческих болванов». Узнавший о причине непослушания Пётр, в конечном итоге,

²⁷ См.: *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С. 194–196; Воронежские Петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета / сост. Ф.К. Яворский. Вып. 1. Воронеж, 1872. С. 1. Здесь приведён текст грамоты от 20 апреля 1700 г. Вторая грамота известна только по публикации И.И. Голикова и Е.А. Болховитинова. В ПиБ они не вошли.

²⁸ *Глазьев В.Н.* Епископ Митрофан Воронежский: к истории взаимоотношений светской и духовной властей в конце XVII – начале XVIII века // Церковь и её деятели в истории России. Воронеж, 1993. С. 79.

²⁹ *Поликарпов Н.И.* Черты из жизни св. Митрофана по приходо-расходным книгам Воронежского архиерейского дома 1699–1704 годов // Труды Воронежской учёной архивной комиссии. Вып. 1. Воронеж, 1902. С. 138–139; Приходо-расходные книги Воронежского архиерейского дома времён св. Митрофана (1699–1704 гг.) // Там же. С. 8–9 (2-я паг.).

³⁰ Путешествие в Московию Корнелия де Бруина. М., 1873 (репринтное издание: Воронеж, 2015). С. 123–132.

³¹ Святитель Митрофан, первый епископ Воронежский, чудотворец // Проповеданные святые. Святители, новомученики, преподобные. Кн. 1. Воронеж, 2003. С. 63–69.

распорядился снять статуи языческих божеств с моста. Второй случай связан с приездом Петра в Воронеж «по причине полученного донесения о кончине епископа Митрофана». Царь нёс гроб епископа на плечах и по окончании обряда промолвил: «не осталось у меня такого святого старца». При этом сам Голиков по поводу источников этих утверждений отметил: «слышал от воронежских старожил»³² (от кончины епископа до приезда Голикова в Воронеж прошло не менее 75 лет). Находясь в Воронеже, Пётр I должен был участвовать в погребении епископа, но поездка его в Воронеж была вызвана иными обстоятельствами, поскольку отправился он в вояж 23 или 24 ноября 1703 года, в день смерти (или днём позже) Митрофана, ещё ничего не зная о случившемся. Понятно, что весть о смерти епископа он получил в пути³³. Дорога от Москвы до Воронежа тогда занимала от трёх до пяти суток. При этом специально занимавшийся этим сюжетом дореволюционный краевед Н.И. Поликарпов исходил из посылки: поскольку царь находился в Воронеже, он не мог не участвовать в погребении архиерея. Непосредственных же свидетелей об участии Петра в траурной церемонии не выявлено, кроме позднейшей недатированной приписки к духовному завещанию еп. Митрофана. Молчит об этом «Журнал или поденная записка блаженныя и вечностойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадского мира», ничего не сообщает об этом в соответствующем томе «Деяний Петра Великого» И.И. Голиков³⁴. Но в «Дополнениях к деяниям...» Голиков уже утверждал, что Пётр присутствовал при кончине Митрофана и своими руками затворил ему очи³⁵.

Нередко реальный факт переносился на иное время и обрастал дополнительными подробностями. Возвращаясь из первого Азовского похода, в конце лета 1695 года Пётр проехал через город Валуйки и «изволил пребывание своё иметь в деревянном доме священника Прокопия Зиновьева». Воронежские краеведы, начиная с Е.А. Болховитинова, датировали приезд царя в Валуйки 1699

³² Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. М., 1798. С. 168.

³³ См.: *Комолов Н.А.* О датировке некоторых визитов Петра I в Воронеж // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Сборник статей памяти профессора В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 148–149.

³⁴ *Поликарпов Н.И.* Последние дни жизни, кончина и погребение святителя Митрофана // Воронежская старина. Вып. 3. Воронеж, 1903. С. 233–234. См. также: *Он же.* Пётр Великий и святитель Митрофан Воронежский // Русская старина. 1899. № 11. С. 241–265.

³⁵ *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1796. Т. XVII. С. 69.

годом и утверждали, что царь распорядился построить «по собственноручному рисунку» на пожертвованные им средства деревянную Николаевскую церковь. На южных воротах век спустя сохранилась надпись: «Построена сия церковь на государевы казённые деньги и на собранные ратных и градских людей, лета 7207-го апреля в 16 день, по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича»³⁶. В позднейшей краеведческой публикации Н.И. Поликарпова устанавливается верная дата приезда Петра, и речь идёт только о пожертвовании денег на церковь, а 1699 определяется как год окончания строительства церкви³⁷. Однако районный город Валуйки теперь входит в Белгородскую область и в публикациях нередко фигурирует неверная дата, а то и заходит речь о двух царских визитах³⁸.

Примерно такая же ситуация сложилась с первым приездом Петра в Воронеж. Е.А. Болховитинов³⁹ со ссылкой на И.И. Голикова, вслед за ними Л.Б. Вейнберг, затем В.Г. Веселовский считали, что царь приезжал в Воронеж в 1694 году, перед первым Азовским походом, и уже тогда определил город как место будущего строительства флота. Л.Б. Вейнберг даже конкретизировал события: царь приехал в конце 1694 года, провёл здесь неделю, изучил окрестности города, указал голландским мастерам «по готовым чертежам и планам приступить к постройке цитадели, каменного амбара (нынешний цейнгауз), верфи и множества деревянных построек»⁴⁰. Ещё более своими домыслами расцвел сюжет В.Г. Веселовский, под его пером появился спутник царя, Франц Лефорт, вместе они якобы тщательно

³⁶ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 146.

³⁷ Поликарпов Н.И. Памятники пребывания Петра I в Валуйках // Воронежские губернские ведомости. 1899. 8 мая; *Он же*. Село Большие Липяги Валуйского уезда и находящаяся в нём Николаевская церковь, первоначально построенная (1699) по пожалованным Петром I средства в г. Валуйках // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. Часть неофиц. № 7. С. 294–308; № 8. С. 336–356; № 11. С. 474–484.

³⁸ Шербаченко В.И. Валуйский биографический словарь. Белгород, 2002. С. 8.

³⁹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 44; *Димитрий (Самбикин)*, архим. Указ. соч. Т. IV. Воронеж, 1886. С. 313.

⁴⁰ Вейнберг Л.Б. Город Воронеж. Исторический очерк // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж, 1886. С. 132–133; *Он же*. Памятники деяний Петра Великого в Воронеже. Воронеж, 1889. С. 12; *Он же*. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891. С. 79. В первой работе Л.Б. Вейнберг подробно повествует также о визите Петра I в Воронеж в 1704 г., в действительности не имевшем места. Но и эта дата имеет хождение в популярной литературе. См.: Аббасов А.М. Пётр Великий в Воронежском крае // Петра творенье... Воронеж, 1997. С. 4, 8; *Он же*. Воронеж исторический. Воронеж, 2003. С. 132–133.

промерили реку и заложили верфь⁴¹. Историк В.П. Загоровский⁴², а затем современный исследователь Н.А. Комолов⁴³ убедительно доказали, что такого визита не было и впервые царь приехал в Воронеж 29 февраля 1696 года. Хроника жизни царя за 1694 год хорошо документирована и в ней не находится места поездке на Дон. Да и сама мысль о строительстве флота родилась только после неудачной попытки 1695 года взять Азов с помощью сухопутной армии. Тем не менее, в популярной краеведческой литературе 1694 год по-прежнему имеет хождение как время первого приезда царя в Воронеж⁴⁴.

Личность Петра и его деяния в нашем крае нашли отражение в художественной литературе: в повестях В.К. Карпова и Ф.С. Волохова «На Воронеже» (1956), В.А. Кораблинова «Воронежские корабли» (1963), в двухтомном романе Е.Д. Люфанова «Великое сидение» (1982), в спектакле Воронежского академического театра драмы «Топор и крест» по пьесе местного писателя Ф.С. Волохова (1984), в поэме Н.П. Белянского «Корабельный царь» (1996). Петровская эпоха представлена в живописи В.П. Криворучко и А.М. Курзанова, в гравюрах М.Ф. Ахунова. Современная эпоха тоже рождает «петровские легенды» на потребу публике, они носят авторский характер и мало соотносятся с реальностью⁴⁵.

⁴¹ *Веселовский В.Г.* Колыбель российского флота. Воронеж, 1888. С. 11.

⁴² *Загоровский В.П.* Пётр Великий... С. 14–20.

⁴³ *Акиншин А.Н., Комолов Н.А.* Династия Романовых и Воронежский край. Воронеж, 2014. С. 9–13.

⁴⁴ *Колтаков Н.* Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁵ *Елецких В.Л.* Легенды Петровского сквера. Воронеж, 2012. 64 с.

Комолов Николай Анатольевич
(Воронеж)
Ведущий специалист
*отдела образовательной деятельности
и культурного наследия управления культуры
Администрации города Воронеж*

Петровские памятники района бывшей военной верфи города Воронежа конца XVII – начала XXI века и развитие культурного туризма

Воронеж как масштабная площадка строительства регулярного военно-морского флота России и цель многократных длительных приездов Петра I является городом, где образ царя-реформатора был и остаётся одним из самых привлекательных. Неудивительно, что и первый открытый здесь в 1860 году памятник был посвящён именно Петру.

Петровские памятники в Воронеже вполне закономерно связаны с районом бывшей военной верфи. В 1996 году к 300-летию военно-морского флота здесь была создана Адмиралтейская площадь, ставшая сегодня одним из символов Воронежа, местом притяжения горожан и туристов. Вокруг площади продолжает формироваться комплекс достопримечательностей, отражающих петровскую эпоху. Справедливости ради необходимо рассмотреть не только сохранившиеся и воссозданные памятники, но также утраченные и перспективные.

Единственным уцелевшим свидетелем периода кораблестроения 1696–1711 годов в Воронеже является Успенская Адмиралтейская церковь (второй храм петровского времени, Никольский, был пост-

Успенская Адмиралтейская церковь в Воронеже.
Открытка начала XX века.

роен в 1710-е годы). Успенка возводилась в 1690–1695 годах¹. Вследствие месторасположения возле верфи ей была предуготовлена судьба стать духовной колыбелью судов Азовского флота. Ещё в конце XIX века в церкви хранились древние реликвии, связанные с Петром I: две подаренные им ризы, а также обитый чёрным сафьяном стул, сделанный по преданию самим царем².

Пережив Октябрьскую революцию, храм, закрытый в 1940 году и превращённый в склад зерна³, сильно пострадал в период Великой Отечественной войны. Областной архив, эксплуатировавший здание до 1967 года, в 1945–1947 произвёл самые необходимые ремонтные работы: устроил стропила, временную кровлю над частью памятника, с нарушением прежнего рисунка сделал оконные переплёты. И хотя в 1948 году церковь была принята на государственную охрану⁴, из-за регулярных подтоплений она постепенно разрушалась.

Первоначальный проект реставрации Успенки был разработан в 1967–1968 годах, вскоре начались многолетние работы. В храме, пе-

¹ Подробнее см.: *Комолов Н.А.* У истоков Воронежа и Новохоперска: крепости, церкви, верфи. Воронеж, 2011. С. 24–31.

² Научный архив РГО. Разряд 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 72; *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886. Воронеж, 1886. С. 171; *Лукин Ф.* Успенская церковь (бывший Успенский монастырь) // Воронежская старина. 1905. Вып. 5. С. 68; *Акинъшин А.Н.* Храмы Воронежа. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2003. С. 30.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 81. Л. 12.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2825. Оп. 4. Д. 58. Л. 37, 48.

Мемориальные доски в Успенской Адмиралтейской церкви.
Современное фото.

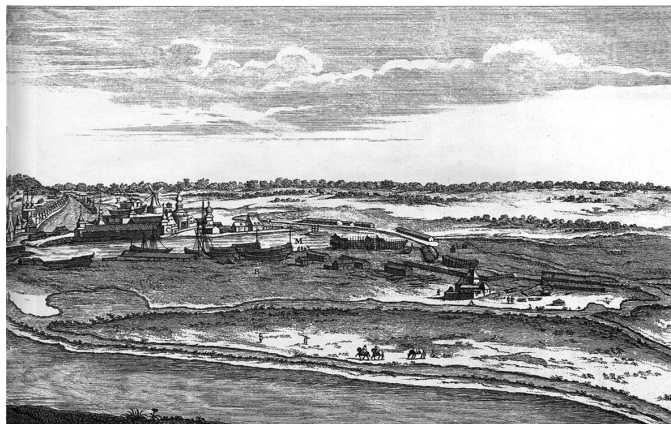
реданном краеведческому музею, планировалось создать экспозицию по истории военно-морского флота. После заполнения Воронежского водохранилища в 1972 году состояние церкви стало просто катастрофическим. Затопление сводило на нет результаты реставрационной деятельности.

В 1991 году был создан Комитет по спасению Успенской церкви. По его инициативе неоднократно проводились сборы пожертвований. Однако храм находился на грани разрушения. Комитет по спасению обратился к Президиуму областного Совета народных депутатов с обращением, указав, что Успенская церковь «доведена до трагической черты, ей грозит безвозвратное исчезновение».

По мере приближения 300-летнего юбилея военного флота финансирование улучшилось. Было предложено несколько реставрационных вариантов. Например, церковь поднять и в металлическом поясе перенести на другое место. В итоге была сделана гидроизоляция фундамента храма, высоко поднят уровень пола. По мнению специалистов, жизнь церкви продлена на 100 лет⁵. В 1996 году она была торжественно передана Воронежской епархии и является действующей.

Архитектурная красота и историческая уникальность Успенского храма как места проведения важнейших церемоний, связанных со

⁵ *Комолов Н.А., Комолова Э.В.* Успенская Адмиралтейская церковь г. Воронежа как уникальный объект историко-культурного наследия // Историко-культурное наследие: проблемы исследования и преподавания». Материалы межрегиональной научно-практической конференции 7–8 октября 2004 года. Тамбов, 2005. С. 39–40.

Вид на воронежскую верфь. 1703.
Фрагмент гравюры К. де Бруина.

строительством военного флота при участии Петра, членов его семьи, сподвижников, епископа Митрофана — царского духовного наставника и в наше время способствуют привлекательности этого объекта культурного наследия федерального значения. Внутри церкви в декабре 2011 года были установлены мемориальные доски, посвящённые Петру I, а также создателям воронежского флота адмиралам Ф.М. Апраксину и К.И. Крюйсу. На фасаде Успенки закреплены памятные знаки в честь закладки кораблей в 1696 году и строительства «Гото Предестинации».

Храм и сегодня является местом проведения знаковых мероприятий. Во время церемонии спуска на воду возрождённой «Гото Предестинации» в 2014 году в Успенской церкви был освящён Андреевский флаг.

В сентябре 2015 года возле храма установлен памятный знак с выявленными именами воронежцев, похороненных на местном погосте, в том числе и воеводы Петра Максимовича Игнатьева, умершего в 1702 году.

Утраты петровских памятников в районе бывшей военной верфи связаны с событиями как далёкого, так и относительно недавнего прошлого. В 1748 году страшный пожар испепелил приречную часть города, уничтожив дотла постройки прежней Немецкой слободы, которые ещё могли сохраняться от времён кораблестроения. В огненном вихре уцелел лишь трёхэтажный адмиралтейский склад — цейхгауз, построенный в 1698 году по образцу амстердамского арсенала и впервые изображённый на рисунке голландского путешественника К. де Бруина 1703 года. Первые два этажа цейхгауза были

Успенская Адмиралтейская церковь в Воронеже. Современное фото.

кирпичные, третий — деревянный. Склад имел длину 60 метров, ширину — 18,5–19 метров⁶, стены фундамента были толщиной в 4,3 метра⁷.

В XVIII веке цейхгауз оставался наиболее надёжным и универсальным городским хранилищем, где содержались как материалы и амуниция, так и архив губернской канцелярии. Правда,

из-за течи кровли документы портились⁸. Около 1780 года был сломан и перекрыт третий, деревянный этаж⁹. В 1812 году цейхгауз был продан с публичного торга за 12 тыс. руб. частному лицу на слом, но согласно преданию, из-за прочности разломать его не удалось¹⁰.

При воронежском губернаторе Д.Н. Бегичеве (1830–1836) был разработан комплекс мероприятий по увековечению памяти Петра I, утверждённый Николаем I в мае 1834 года¹¹. При реализации плана цейхгауз ожидали радужные перспективы. В его верхнем этаже предполагалось устройство первой в России домово́й церкви во имя святителя Митрофана, куда планировалось собрать сохранившиеся в воронежских храмах иконы и утварь петровской эпохи, а также иконостас бывшего собора г. Азова. В храме намечалось проводить тор-

⁶ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 81. Л. 12.

⁸ Подробнее см.: *Кололов Н.А.* Предыстория воронежского архива (XVIII в.) // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2006. Вып. 4. С. 218–220; *Он же.* Калейдоскоп воронежской истории. Воронеж, 2008. С. 38–48.

⁹ *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Вступит. статья и примечания А.Н. Акиньшина. Воронеж, 2011. С. 42.

¹⁰ *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа. С. 198; РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 81. Л. 12.

¹¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 1–55. СПб., 1830–1884. Т. 9. Ч. 1. СПб., 1835. № 7081. С. 368–369.

жественные богослужения в память Петра I, значимых событий его царствования.

В помещении цейхгауза, где по преданию находился рабочий кабинет Петра I, предполагалось создать музей. Его стены должны были украсить портреты императора и его сподвижников¹², планы выигранных морских и сухопутных сражений, а саму комнату — личные вещи царя, предметы мебели, книги петровской эпохи. В свободных комнатах цейхгауза предлагалось создать инвалидный дом для престарелых и раненых служителей флота, которые исполняли бы обязанности смотрителя и сторожей.

В 1834 году цейхгауз и остров р. Воронеж, на котором он находился, были выкуплены городом у собственников за 13 508 руб. 82 коп.¹³ В том же году в день рождения императора Николая I от Успенской церкви состоялся первый церемониальный ход в цейхгауз через временно сделанный мост. Около здания расставили столы, на которых стояло угощение для бедняков. Вечером остров озарила иллюминация¹⁴.

Инициированный губернатором Д.Н. Бегичевым сбор пожертвований на ремонт цейхгауза во исполнение «замечания» Николая I, что подобные здания в память Петра Великого должны быть «поддерживаемы и возобновляемы», дал свои всходы. Цейхгауз, находившийся «в ветхом и разрушающемся положении», благодаря собранной дворянством Воронежской губернии сумме был приведён «в самое прочное состояние» за исключением кровли. Поэтому в октябре 1836 года уездным предводителям дворянства было разослано циркулярное письмо за подписью воронежского губернского предводителя В.В. Тулинова с просьбой дополнительно собрать с каждого уезда до 350 руб. для завершения ремонтных работ¹⁵.

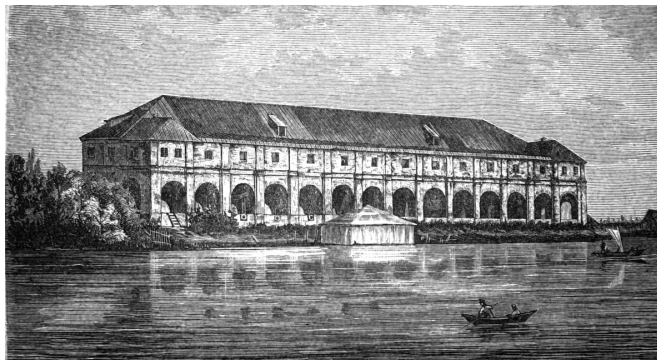
В июле 1837 года цейхгауз осмотрел великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), путешествовавший по России. Сопровождавший его полковник С.А. Юрьевич сообщил в письме супруге любопытную деталь, что в цейхгаузе они «нашли знаменитую саблю Мазепы». Об этом факте ни до, ни после больше никто не сообщал. Поэтому однозначно утверждать, что Пётр оста-

¹² *Граф Н.И. Панин* пожертвовал портреты князя А.Д. Меншикова, фельдмаршалов Б.П. Шереметева и Б.Х. Миниха, которые были переданы городскому голове купцу П.Я. Елисееву (ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1306. Л. 2).

¹³ *Акиншин А.Н.* Празднование петровских юбилеев в Воронежской губернии в XIX — начале XX вв. // «Морским судам быть!..»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 201.

¹⁴ *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа. С. 198.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1306. Л. 1 и об., 5.

Здание петровского цейхгауза.
Дореволюционная гравюра.

вил в Воронеже полученную им от украинского гетмана по возвращении из победоносного Азовского похода богато украшенную саблю, не приходится¹⁶.

Интерес к петровским памятникам Воронежа проявляли не только высокие гости, но и, разумеется, историки. Академик Н.Г. Устрялов, посетивший Воронеж в 1850 году, в отчёте о поездке писал: «Мне хотелось взглянуть на луговую сторону реки Воронеж, где была колыбель русского флота, на место, где находился дворец Петра и на его полуразвалившийся цейхгауз»¹⁷. В своих воспоминаниях учёный добавлял: «К величайшему сожалению, от бывшей верфи не осталось и следов»¹⁸.

Через десять лет после Н.Г. Устрялова в Воронеж в 1860 году приехал историк военно-морского флота, капитан 1 ранга С.И. Елагин. В свободное от архивных занятий время он не раз бывал на месте бывшего Адмиралтейства и мог лицезреть лишь одно сохранившееся строение — цейхгауз, уцелевший «вопреки пожарам и ежегодным разливам»¹⁹. В приезд С.И. Елагина на верхнем этаже магазина хранилась амуниция запасных батальонов Волынского и Житомирского полков, а внизу была шерстомойка.

¹⁶ Акиншин А.Н., Комолов Н.А. Династия Романовых и Воронежский край (1696–1916). Воронеж, 2014. С. 21, 157.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5398. Л. 15.

¹⁸ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 660.

¹⁹ Отчёт капитан-лейтенанта Елагина о поездке летом 1860 г. для осмотра архивов, и вообще о занятиях по истории флота // Морской сборник. 1861. № 1. С. 201–203.

В 1866 году цейхгауз находился «в самом безобразном состоянии» и использовался его арендатором купцом Борисовым как шерстомойка²⁰. Отдельный период в истории петровского памятника связан с Воронежским Петровским Яхт-клубом, который арендовал цейхгауз и остров до 1919 года²¹. Эта элитарная общественная организация,

Петровский остров.
Современное фото.

ставившая спортивные и культурно-развлекательные цели, своим знаменем избрала Петра I, а цейхгауз сделала штаб-квартирой. День рождения царя — 30 мая — стал днём открытия клуба²². В 1874 году его учредители в своём «заявлении» на имя городского головы С.Л. Кряжова сообщили о намерении назвать общество Петровским в честь царя-реформатора, «первого в России любителя морских и речных развлечений, положившего в г. Воронеже первое начало русскому флоту». Инициаторы просили передать им цейхгауз с обязательством поддерживать здание в приличном виде и устроить со временем на прилегающем острове общественное гулянье. На общем собрании членов Яхт-клуба в июле 1875 года было постановлено обратить внимание городской Думы на следующее: «Цейхгауз есть драгоценный исторический памятник времён Великого Преобразователя России, которым гордится и дорожит каждый истинно русский...». Нижний его этаж предполагалось использовать под шлюпочную мастерскую, склад снастей и прочих материалов для постройки гребных судов. Верхний этаж намечался собственно под яхт-клуб и библиотеку. Было признано, что поскольку состояние цейхгауза близко к развалинам, то от организации потребуются значительные затраты.

²⁰ *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866. С. 112.

²¹ Подробнее о составе и деятельности клуба см.: *Вульф Д.Г.* Петровский Яхт-клуб и его роль в формировании локальной идентичности в Воронеже в последней трети XIX — начале XX века // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков. Воронеж, 2006. С. 31–43; *Коробчук А.О.* Воронежский Петровский яхт-клуб (1875–1917 гг.). Воронеж, 2015.

²² *Коробчук А.О.* Указ. соч. С. 9.

Воронежский Петровский яхт-клуб (бывший цейхгауз).
Открытие начало XX века.

Яхт-клуб брал на себя текущий ремонт цейхгауза, оставляя за городом как за собственником ремонт капитальный в случае обрушения стен и сводов постройки. Вокруг здания планировалось разбить парк, куда вход в торжественные дни во время народного гулянья устанавливался для всех бесплатный. В обмен на это Яхт-клуб предлагал передать ему цейхгауз и землю безвозмездно.

Слегка упрекая городскую власть в стремлении извлекать доход из единственного исторического памятника, отцы-основатели Яхт-клуба противопоставляли этому стремление организации увековечить в народе имя Петра I, «скорбя, что уже и в настоящее время память о его деяниях по сооружению флота в Воронеже мало-помалу исчезает...». И по иронии судьбы цейхгауз более известен в народе как Петровская мойка, названная по имени купца-арендатора.

Пафосные изящные фразы, соединённые с реально плачевным состоянием памятника, безжалостно эксплуатируемого равнодушными к историческому прошлому дельцами, не остались без внимания. Городской голова и почётный член Яхт-клуба А.Н. Аносов самолично тщательно осмотрел цейхгауз и объявил депутатам, что здание требует немедленного капитального ремонта. Дума решила, что его больше не следует сдавать под шерстомойку и передала цейхгауз в аренду с января 1876 года Яхт-клубу на пять лет. Две комнаты (по одной на верхнем и нижнем этажах) город зарезервировал за собой.

Реальная деятельность организации, усиленная личными связями в органах власти, способствовала продлению контракта почти без

Корабль-музей «Гото Предестиния».
Современное фото.

изменений каждые пять лет (в 1896 году — на три года²³ из-за невыполнения ряда обязательств)²⁴.

Последний контракт был заключён на 1915—1920 годы. В нём всё же прописывался перенос мастерской с верхнего этажа на нижний, запрет игры в лото и существования жилых помещений, кроме комнаты для сторожей²⁵.

В годы Гражданской войны цейхгауз, оставшийся без хозяина, начал приходить в упадок. В 1930 году горсовет передал здание рыбохозяйственной станции, которая обязалась его отремонтировать к следующему году, но восстановила лишь нижний этаж²⁶. В 1940 году здание арендовал рыбоводческий институт. Это зафиксировала научный сотрудник Центрального военно-морского музея Ленинграда О.Т. Башкирова, прибывшая в командировку в Воронеж. Она предложила использовать цейхгауз как филиал музея или для проведения летних выставок. В отчёте О.Т. Башкирова указала, что здание необходимо взять на учёт как исторический памятник, тем более что срок аренды института заканчивался в 1941 году²⁷.

²³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1619. Л. 7–8 об.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 539. Л. 1 и об., 4–8, 23–24, 53–54, 60 и об, 76 и об, 81 и об., 101 и об., 125, 163–164.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2470. Л. 3, 9, 11–12 об.

²⁶ Быть или не быть яхт-клубу? // Коммуна. 1931. 10 марта.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 81. Л. 15.

Корабль-музей «Гото Предестиния».
Вид с кормы. Современное фото.

В период жестоких боёв за Воронеж цейхгауз фактически оказался на линии фронта, проходящей по реке. Здание было разрушено бомбой, а руины разнесли местные жители. Воронежское водохранилище в 1972 году навсегда затопило остров. В память о славном кораблестроительном прошлом недалеко от Успенской Адмиралтейской церкви был намыт нынешний Петровский остров.

Работы по его освоению начались в 1980 году. По эскизам и чертежам одного из проектных институтов намечалось возродить домик-музей Петра, верфь, цейхгауз, парусный двор, то есть многие объекты, запечатлённые на рисунке приречной части Воронежа 1703 года К. де Бруина. Остров и берег также должен был связать мост, но не деревянный, а вантовый. Предполагалось продолжить восстановление Успенской церкви и разместить в ней музей русского флота²⁸. Но этим планам не суждено было сбыться. За всё последующее время на острове в 2002 году был лишь воздвигнут деревянный крест в память 330-летия со дня рождения Петра I.

27 июля 2014 года напротив Петровского острова возле специально построенного причала на Адмиралтейской площади стал колыхаться на волнах воссозданный петровский памятник — корабль-музей «Гото Предестиния». Идея возникла в конце 2009 года у гу-

²⁸ *Комолов Н.* «Отцы» Воронежа. Штрихи к коллективному портрету нескольких советских и постсоветских руководителей города // Воронежский курьер. 2013. 9 авг.

бернатора Воронежской области А.В. Гордеева и в течение нескольких лет была реализована совместными усилиями Павловского судостроительно-судоремонтного завода, делавшего подводную стальную часть корпуса, и мастеров из Петрозаводска, изготовивших и собравших деревянные детали. Корабль, сохранивший размеры оригинала, воссоздан по акварели Питера Бергмана и триптиху Адриана Шхонебека. Внутренние интерьеры за отсутствием оригинальных описаний воспроизведены по аналогам английских кораблей той эпохи. В настоящее время на «Предестинации» представлена экспозиция по истории воронежского кораблестроения: более 700 экспонатов — исторических реконструкций предметов быта, вооружения, модели судов, две диорамы, копии медалей, силиконовые манекены. Экспонаты размещены на двух палубах: верхней, где расположена каюта-капитана и носовая надстройка, нижней батареейной и трюме. Линкор пользуется огромной популярностью у горожан и туристов и стал уже визитной карточкой Воронежа. В настоящее время прорабатывается вопрос об обеспечении плавания «Гото Предестинации» по акватории водохранилища.

Корабль-музей «Гото Предестинация». Вид с носа. Современное фото.

Открытие корабля-музея стало мощным прорывом в туристическом развитии города и вновь сделало актуальным вопрос реализации проекта историко-культурного тематического парка «Петровский остров». В 2010–2011 годах было разработано несколько проектов. Одним из них предложено по периметру острова создать уменьшенную копию воронежской крепости XVII века — восстановить деревянные крепостные стены и башни (6 малых и 9 больших). В центре острова предполагалось сформировать площадь, ограниченную с восточной стороны двухэтажным зданием «Адмиралтейства» с конференц-залами, административными помещениями. С художественной точки зрения размещение построек на острове создаст фон для

Успенской церкви и позволит включить в композицию Адмиралтейскую площадь²⁹.

Итак, формирование комплекса петровских памятников в районе бывшей военной верфи ещё не закончено. Уже озвучены идеи установки здесь бюста Ф.М. Апраксину, памятного знака, увековечившего все суда с названием «Воронеж», начиная от одноименного корабля 1704 года. Именно тематический комплекс, объединённый петровской тематикой, не только укрепит бренд «Воронеж — колыбель военно-морского флота России», но позволит в полной мере реализовать и образовательную функцию, повысив интерес людей к истории России в целом и петровского периода в частности, улучшит эстетическое восприятие места бурной деятельности царя-реформатора. Реализация проекта позволила бы отчасти воплотить идеи, которые были заложены в 1830-е годы и начали реализовываться благодаря деятельности Петровского Яхт-клуба, создать новый символ Воронежа и вовлечь в маршруты культурного туризма огромное число людей.

²⁹ Дьяков М.Ю., Кригер Л.В. Крепости земли воронежской. Воронеж, 2013. С. 268–272.

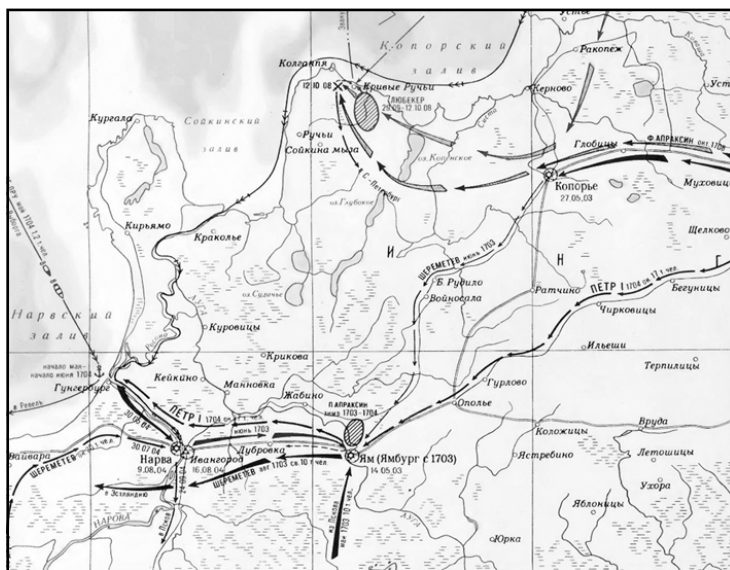
Аристов Вадим Владимирович
(Кингисепп)
*Президент Исторического общества
Ямбурга – Кингисеппа*

Кингисеппский район Ленинградской области как территория памятников и памятных мест петровского времени

Кингисеппский район расположен в юго-западной части Ленинградской области и является приморским и пограничным. Его западная и северная границы совпадают с государственными границами России. По суше район граничит с Эстонией, по морю — с Финляндией. В состав района входят два древних города: Кингисепп, бывший Ямбург (основан как город-крепость Ям, или Яма в 1384 году), и Ивангород (год основания 1492-й). Данное географическое положение определило особенности истории Кингисеппского района, включая Петровское время. Территория и акватория этого края напрямую связаны с событиями Северной войны (1700–1721).

Как известно, её начало было ознаменовано первым походом армии Петра I на Нарву. 20 сентября (1 октября) 1700 года войска Петра перешли небольшую речку Киньшку (Киньшенку), впадающую в реку Лугу, и оказались на территории Ямского лена Швеции — будущего Ямбургского уезда и нынешнего Кингисеппского района. На другой день они двинулись на Ям. Царь Пётр подошёл к этому городу на речном судне.

Шведский гарнизон Яма сдался без боя. Ям — современный Кингисепп — стал первым городом, взятым войсками Петра I в Северной войне (почти одновременно в истоке Наровы был взят Нейшлос, или Сыронец, современный эстонский посёлок Васькнарва).

Карта походов и боевых действий
периода Северной войны
на территории Ямбургского уезда (Кингисеппского района).

На другой день Русская армия вышла к устью реки Наровы. Именно здесь, а не в устье Невы, Пётр I впервые увидел Финский залив. Здесь он намеревался строить и свою первую крепость на Балтике. Как сообщает «Поденная записка», 29 сентября (20 октября) «государь был на взморье для осмотра, где делать крепость для незапного прихода неприятельского с моря»¹.

В 1996 году, в районе переправы русских войск через Нарову, где существовал остров Кампергольм, и где в 1700 году находилась ставка Петра, был установлен деревянный крест. В настоящий момент он заменён на железный. В центре креста табличка с текстом: «Русским воинам, павшим в Северной войне 1700—1721».

На противоположном, эстонском, берегу Наровы стоит памятник русским солдатам, погибшим в бою со шведами 19 ноября 1700 года. Он тоже выполнен в виде креста и установлен на усечённой земляной пирамиде. Этот памятник был построен ещё в 1900 году, когда Ивангород входил в состав Нарвы, а сама Нарва — в состав Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии.

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 82.

Крест на российском берегу реки Наровы в память русских воинах, павших в Северной войне.
Фото 2015 года.

В 2007 году вблизи креста на русском берегу была возведена часовня во имя великомученика Феодора Стратилата — небесного покровителя Фёдора Головина, главкома армии царя Петра в начале Северной войны. Часовня воздвигнута в рамках программы Центра национальной славы «Служение Отечеству: события и имена».

В мае 1703 года, вскоре после взятия Ниеншанца и закладки на Неве Петропавловской крепости, Пётр I приказал Борису Шереметеву *«послать изо Пскова в Свейскую землю к городу Ямам, для взятъя и осады той крепости, генерала-майора Фан Вердина да генерала-квартирмистра Аргамакова»*².

К Яму Шереметев отправил один драгунский (кавалерийский) и 12 пехотных полков. В составе этих полков имелось почти 10 тысяч солдат и офицеров с 37 орудиями.

Чтобы сократить маршрут, войска, вероятно, двигались по так называемой «Шереметевой дороге». В отличие от существовавших здесь старых дорог она представляла собой кратчайший путь, проложенный по обширным болотам края с территории нынешнего Сланцевского района (в то время Гдовского уезда).

Первая часть дороги шла через деревни Савиновщина, Родина, Тихвинка и выходила к деревне Черно — нынешний посёлок Черновское на шоссе Кингисепп–Сланцы. Вторая — тянулась от сохранившейся до сего дня деревни Монастырёк к столбовой дороге между Ямом и Ивангородом. Перед ней проложенная через болота дорога разделялась на два конечных участка. Один участок выходил у села

² Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (3 июня 1701 — 12 сентября 1705). Ст. 126 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Sheremetyev.pdf>.

Часовня вмч. Феодора Стратилата на берегу Наровы в районе не существующего сегодня острова Кампергольм, на месте переправы войск Петра I в 1700 году. Фото 2015 года.

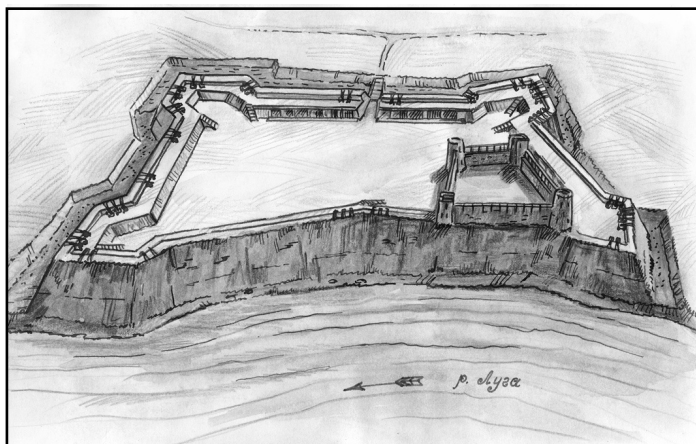
Новопятницкое, возле Яма, другой — у деревни Дубровка, на полпути из Яма в Ивангород.

Остатки Шереметевой дороги в Сланцевском районе, возможно, имеются до сих пор. Это следует из материалов покойного краеведа из Сланцев Фёдора Чуркина. В 1976 году он составил карту-схему с древними путями, включая Шереметеву дорогу, а в рукописи по этой теме сообщал: «...Остались незаметные участки Шереметевской дороги, проложенные через труднопроходимые болота у деревень Казино, Донско, Родина, Тихвинка и от Монастырька через Пятской мох на Дубровку, что на дороге Ям — Ивангород. Большая часть последнего участка дороги... затоплена Нарвским водохранилищем. <...> Под мхом и торфом эти гати сохранились и до наших дней, а у деревни Казино были ещё остатки деревянного моста»³.

Не исключено, что на болоте Пятницкий мох в Кингисеппском районе, где проходил самый большой отрезок Шереметевой дороги, ещё кое-где сохраняются фрагменты упоминаемых гатей и настилов. Эту дорогу, представляющую собой уникальный памятник Петровского времени, было бы интересно дополнительно исследовать.

После взятия Яма в мае 1703 года Пётр I приказал Шереметеву построить здесь земляную бастионную крепость. Она создавалась по

³ Чуркин Ф.А. Шереметева дорога. Рукопись, предоставленная автору статьи заведующей сектором краеведения и редкой книги Сланцевской центральной городской библиотеки Т. А. Павловой.

Общий вид земляной бастионной крепости Ямбурга с входящим в неё каменным детинцем средневековой крепости Яма.
Реконструкция. Худ. В. Ухин.

начертанному Петром плану. Как сообщает *«Военно-походный журнал» Бориса Шереметева, уже на следующий день стали делать «как наискорее всеми солдатскими полками около каменная земляную крепость против чертежа, каков дан от царского величества»*⁴. Земляная крепость была возведена по периметру каменных стен, подорванных шведами ещё в 1682 году по причине их ветхости. Каменный детинец был крепок и потому сохранён. В результате он оказался внутри новой бастионной крепости и стал её цитаделью.

На строительстве этой бастионной крепости трудилась целая армия — до 22 тысяч петровских солдат, казаков, татар, башкир, калмыков⁵. К 15 августа 1703 года бастионная крепость в Яме была построена. Рядом с ней возвели новый деревянный город.

По окончании строительства Пётр переименовал Ям в Ямбург. Это имя города, как и бастионную крепость, можно считать памятником Петровского времени. Но до настоящего времени оно официально не сохранилось. В 1922 году советская власть навязала городу своё название. Город был переименован в честь эстонского коммуниста Виктора Кингисеппа. Однако существующее с 2009 года Историческое общество Ямбурга—Кингисеппа, как и ряд различных предприятий города, сохраняет имя «Ямбург» в своём названии.

⁴ Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (3 июня 1701 – 12 сентября 1705). Ст. 130.

⁵ Перечень всех полков см.: Там же. Ст. 132–133.

Северо-западный бастион земляной крепости Ямбурга на реке Луге. Снимок 2010 года.

В современном городе Кингисеппе сохранились три бастиона петровской земляной крепости. Местным Историческим обществом поднят вопрос о необходимости проведения здесь археологических раскопок и хотя бы частичной реконструкции как древней каменной крепости Яма, так и этих бастионов — памятника петровской фортификации. Данная идея поддержана известным археологом, Заслуженным деятелем науки Анатолием Николаевичем Кирпичниковым. В мае 2015 года для ознакомления с фортификационными сооружениями Яма — Ямбурга он привёз в Кингисепп большую представительную делегацию, в составе которой были члены Общественной палаты России, Ленобласти и Всероссийского общества охраны памятников (в тот же день члены делегации осмотрели и крепость Копорье). Составлен соответствующий документ на имя министра культуры Мединского.

В 1703—1704 годах Ямбу́ргу предстояло выполнять пять важнейших задач:

- 1) прикрывать собой строительство на Неве от возможного наступления шведов из Нарвы;
- 2) давать защиту войскам в самом Ямбурге;
- 3) контролировать судоходство по реке Луге;
- 4) быть базой для походов русских войск в Эстляндию;
- 5) стать плацдармом для нового похода на Нарву.

Все эти задачи были успешно выполнены. Уже летом 1703 года базирующиеся в Ямбурге войска отбили наступление шведов, наступавших от Нарвы⁷.

В конце августа 1703-го Шереметев отправился из Ямбурга разорять Эстляндию. Хронист Кристиан Кельх сообщает, что в одном лишь приходе Виру-Нигула за несколько часов было сожжено 15 имений и 400 хуторов. Затем были взяты и фактически уничтожены города Раквере, Пайде и Вильянди и 1500 деревень. Всё это подтверждается записями в «Военно-походном журнале» самого Шереметева⁸.

В период строительства в Ямбурге бастионной крепости здесь вновь побывал царь Пётр. В 1704 году, во время подготовки второго похода на Нарву, он был в этом городе ещё дважды.

Во время второй осады Нарвы в устье реки Наровы, при впадении в неё реки-протоки Россони, состоялся бой русской артиллерии и пехоты под командованием Петра Апраксина со шведскими кораблями. Их попытка пройти к Нарве, чтобы доставить сюда продовольствие, боеприпасы и солдат была сорвана⁹.

В то же время шведские корабли не смогли помешать доставке грузов войскам Апраксина и русскому осадному корпусу водным путём. Суда Петровского флота, двигавшиеся из Кронштадта, зашли в Лужскую губу и реку Лугу. Из неё протокой Россонью они вышли в Нарову и благополучно прибыли к Нарве (этот путь русских судов отмечен на карте походов и боевых действий периода Северной войны, помещённой в разделе иллюстраций данного сборника). 9(20) августа 1704 года Нарва была взята штурмом. Ровно через неделю сдался гарнизон Ивангородской крепости.

Ещё в 1853 году в Нарве, на берегу реки, в городском парке, был открыт памятник русским воинам, погибшим при штурме Нарвы. Это кованый железный крест, установленный на постаменте из тёмных известняковых плит.

В 2004 году памятник на эту тему же появился в Ивангороде. Он значительно более скромный. Это камень, рядом с которым укреп-

⁶ Хотя основная часть земляной бастионной крепости, построенной по приказу Петра в Ямбурге, в современном Кингисеппе сохранилась, петербургские историки и музейщики об этом факте, похоже, не знают. Это видно по издаваемым в Петербурге книгам, посвящённым фортификационным сооружениям в Ленинградской области. Примером может служить книга «Крепости Северо-Запада России». СПб., 2006.

⁷ См.: Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (3 июня 1701 — 12 сентября 1705). Ст. 133—135.

⁸ См.: Там же. Ст. 139—141.

⁹ См.: Журнал или Поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. С. 85—86; История Свейской войны. С. 109.

Памятный камень в Ивангороде на пересечении Кингисеппского шоссе и ул. А. Матросова. Текст на табличке: «Храбрым русским воинам, павшим при штурме крепости Ивангород в августе 1704 года». Фото 2015 года.

лена металлическая табличка с текстом: «Храбрым русским воинам, павшим при штурме Ивангорода в августе 1704 года». Данный памятник установлен по инициативе бывшего директора Ивангородского музея Геннадия Попова, проживающего в Нарве.

Вплоть до настоящего времени в Кингисеппском районе существуют места, называемые «Шведскими могилами». Бои русских со шведами, имевшие место в 1703 году на реке Луге, дают основание предполагать, что это могут быть могилы солдат Карла XII. Название «Шведские могилы» указано на картах середины XIX века, изображающих территорию Ямбургского уезда.

Однако среди современных археологов бытует мнение, что под этим названием скрываются древние могильники финно-язычного населения Ленинградской области — води, ижоры, финнов и всех тех, кого русские летописи именуют чудью. Газета же «Нарвский листок» в июне 1916 года так писала о находках в деревне Струпово Ямбургского уезда: *«На правом песчаном берегу Луги на днях, при обвале берега..., из песка обнажилось несколько человеческих черепов и костей. Поражают своей длиной кости ног. По мнению старожилов, кости принадлежат шведским гвардейцам эпохи Северной войны, похороненным в братской могиле на берегу реки»*¹⁰.

В 1707 году Пётр подарил Ямбург и Копорье Александру Меншикову. Любимцу царя достались и знаменитые Ямбургские стекольные заводы. Первый из них появился тут, вероятно, уже в 1704 году.

¹⁰ Нарвский листок. 15 июня 1916 г.

Второй — в деревне Жабино — через несколько лет. Заводы изготовляли посуду для царского двора и петровской знати, стёкла для зданий Петербурга и кораблей петровского флота.

В марте 1713 года Пётр с женой Екатериной побывал на этих заводах и остался доволен увиденным. *«В Ямбурхе на заводах был, — писал он Меншикову, — zelo изрядны и велики, а наипаче, что стеклы делают... Ежели оныя в добром смотреии будут, великая польза людем и вам прибыль...»*

Никаких памятников этим заводам — одним из первых в России эпохи Петра Великого — в Кингисеппском районе нет. В деревне Жабино на берегу реки Луги местные жители часто находят куски старинного стекла. Наиболее наглядной памятью об этих заводах являются изготовленные на них предметы, хранящиеся сегодня в фондах Эрмитажа.

С территорией Кингисеппского района связано последнее крупное сражение войск Петра I в Ингерманландии. Оно состоялось в октябре 1708 года на берегу Сойкинского полуострова, у деревни Кривые Ручьи (Криворучье). Некоторые исследователи называют это сражение «Полтавой на берегу Финского залива». В результате него был разгромлен корпус генерала Любекера. Шведские кавалеристы, стремясь как можно скорее уйти на кораблях, подошедших к Кривым Ручьям, перебили здесь несколько тысяч своих лошадей. Людские потери шведов составили около тысячи человек. В то же время русские потеряли только 8 офицеров и несколько солдат. После этого поражения шведские войска в годы Северной войны больше ни разу не вторгались в Ингерманландию.

В Петровское время в память об этом сражении была выбита медаль. На одной её стороне помещён портрет генерал-адмирала Фёдора Апраксина. На другой — изображение кораблей и надпись: «Храня сие, не спит, лучше смерть, а не неверность». К сожалению, никакого памятника сражению у Кривых Ручьёв тоже нет. Сама деревня Кривые Ручьи погибла во время Великой Отечественной войны. Раскопки на месте сражения не проводились.

До Крымской войны 1853–1856 годов на Сойкинском полуострове сохранялся памятник фортификации начала XVIII века, известный как Петровский редут. Он был построен солдатами Петра на мысе Колганпя¹¹.

История Петровского времени и деяний Петра касается и акватории Кингисеппского района. У острова Сескар, расположенного в

¹¹ См.: *Кренке В.Д.* Оборона балтийского побережья в 1854–1856 годах. СПб., 1887. С. 53.

Аверс медали в честь победы у Кривых Ручьёв. 1708 год.

25 км от Сойкинского полуострова, находилась стоянка кораблей Балтийского флота. На самом Сескаре по приказу Петра в 1725 году был построен маяк — один из пер-

вых в Финском заливе. Он представлял собой деревянную башню высотой 13 метров, на верхней площадке которой в тагане жгли уголь и дрова. Впоследствии этот маяк несколько раз перестраивался.

Согласно проведённому автором этой статьи исследованию на территории современного Кингисеппского района царь Пётр бывал 21 раз. Можно насчитать 6 специальных приездов царя Петра в Ямбург и 11 транзитных посещений этого города. Кроме того, Пётр 8 раз пересекал акваторию Ямбургского уезда (Кингисеппского района) по морю¹². Немного найдётся мест в русской провинции, где преобразователь России был столь много. Но вот удивительный парадокс: в Ямбурге — Кингисеппе до сих пор нет ни памятника Петру Великому, ни какой-либо мемориальной доски.

Возможно, в будущем такой памятник появится на берегу Лужской губы, в районе современного морского торгового порта Усть-Луга. Ведь именно Пётр Великий первым намеревался строить здесь порт. В июне 1712 года он специально прибыл в устье реки Луги, чтобы лично произвести промеры глубин. Глубины оказались относительно приемлемыми (от 2,7 м до 4 м). Но Петра не устроила длина рейда — *«меньше версты»*. Поэтому царь приказал судам под командованием Фёдора Апраксина *«добрую рефлексию иметь на Ревель»*¹³.

Из наиболее наглядных памятников Петровской эпохи, сохранившихся в Кингисеппском районе до настоящего времени, можно назвать два.

¹² Для подсчёта количества посещений Петром I Ямбурга и Ямбургского уезда автором использованы материалы следующих изданий: «Письма и бумаги Петра Великого», «Походные журналы», «Журнал или Поденная записка Петра Великого», «Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)».

¹³ ПиБ. Т. 12. Вып. 1 (январь–июнь 1712 г.). М., 1975. С. 251.

Герб города Кингисеппа –
наследник герба Ямбурга петровского времени.

Это бастионная крепость Ямбурга и городской герб, перешедший к современному городу Кингисеппу.

Есть предположение, что идея композиции ябургского герба принадлежит ближайшему сподвижнику Петра Александру Меншикову, владевшему до опалы Ямбургом. Сидящий на камне орёл, смотрящий на Солнце, — это Меншиков. А Солнце на гербе — сам царь Пётр.

Кравцова Елена Сергеевна
(Курск)
*Профессор кафедры философии,
директор музея истории
Курского государственного
медицинского университета*

Курские палаты гетмана Мазепы — памятник гражданского зодчества петровской эпохи

Особенностью Курской области является тот факт, что на её территории практически не осталось памятников архитектуры XVIII столетия, поэтому особый интерес представляют собой Палаты гетмана Мазепы, находящиеся в селе Ивановское Рыльского района.

Заселение русских территорий украинцами началось с конца XVII столетия. По разрешению Московского правительства, украинцы активно участвовали в заселении обширных земель в бывших Рыльском, Львовском и Путивльском уездах Курской губернии. Обширные владения в этих местах получил всеильный гетман Мазепа, «славившейся умом, познаниями в науках, искусстве и ловкостью в делах письменных и государственных»¹. 1703 год «был ознаменован со стороны Государя особым благоволением к Мазепе. Он пожаловал ему в Севском уезде волость Крупецкую со всеми принадлежащими к ней селами и деревнями»², а также курские земли, которые 13 декабря 1703 года они были закреплены за Мазепой грамотой Петра I. Как отмечал историк Д.Н. Бантыш-Каменский, Пётр I через подарки «удерживал порывы его надменной, непроницаемой для

¹ *Булгарин Ф.В.* Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1843. С. 130.

² *Бантыш-Каменский Д.Н.* Жизнь Мазепы. М., 1834. С. 30.

других самонадеянности»³. На Курских землях Иван Степанович Мазепа оставил после себя память, которая хранится в веках — села Ивановское, Степановка и Мазеповка. Вместе с ними возникли сёла и деревни Амонь, Гапоново, Коренево, Крупец, Обуховка, Снагость, Студянка и др. Как отмечал чиновник МВД, изучавший Курскую губернию в 1837 году, Е.В. Пассек, это было чуть ли не единственное положительное деяние гетмана Мазепы⁴.

При дальнейшем рассмотрении вопроса будем опираться на исследования С.И. Фёдорова⁵. В селе Ивановское Мазепа построил свою усадьбу, в которой сконцентрировалось управление всеми курскими поместьями.

Строительство в селе Ивановском началось ещё в период, когда Мазепа пользовался всей полнотой гетманской власти. Точных данных о начале строительства не сохранилось. Время постройки каменных палат в Ивановском может быть отнесено к самому началу XVIII столетия (1704), и связывают их возведение с именем московского зодчего Осипа Старцева, посланного Петром I к Мазепе для постройки Братского и Николаевского соборов в Киеве.

Палаты Мазепы были построены в центральной части села, посередине большого двора, и у них сходились несколько улиц, основные направления которых сохранились до наших дней. Со всех сторон дом гетмана окружали деревья, двор был обнесён кирпичной стеной и различными одноэтажными постройками служебного назначения. Рядом располагались хозяйственные постройки и большой фруктовый сад.

На этой основе планировка усадьбы развивалась в течение всего XVIII века. План, составленный в 1790 году «...господскому дому, состоящему Льговской округи в селе Ивановском», фиксирует развитую усадьбу, но что было возведено при Мазепе, установить невозможно. Господский двор был застроен каменными и деревянными зданиями, занимавшими всю центральную часть усадьбы. Дом, возведённый Мазепой, назван «палатами каменными старинного расположения... в них 6 покоев и 2 кладовых, внизу погреба. Оныя палаты в 1770 г. сгорели и поныне стоят без крышки, потому и полов нет и к починке неспособны». В «изъяснении» к этому же плану в

³ *Он же*. История Малой России. Ч. 3. М., 1842. С. 42.

⁴ *Пассек Е.В.* Взгляд на степень развития промышленности в России, и статистическое обозрение промышленности в Курской губернии // РНБ ОР. Основное собрание рукописной книги. Q.П.91. XXIII, 251–706 с. (241 л.). Л. 705. В настоящее время рукопись готовится к публикации автором статьи совместно с сотрудником Российской национальной библиотеки А.И. Раздорским.

⁵ *Фёдоров С.И.* Марьино. М., 1989. 192 с.

числе деревянных строений, видимо, возведённых значительно позже, упоминаются «хоромы господские» длиной 122/3», шириной 6, вышиною до крышки 31/3 сажени, в них 11 покоев». Кроме жилых построек господского двора во времена Мазепы было возведено много служебных помещений (кладовая с погребами; позже — каменная кухня и др.).

На плане, составленном в самом начале XIX века, ещё до постройки нового дворца, усадьба, основанная Мазепой, изображена довольно подробно. Перед усадьбой располагалась большая, почти квадратная в плане площадь, к которой сходились три сельские улицы. На площади находились каменная церковь, обозначенная на плане как новая, обелиск над престолом старой церкви, каменные лавки и кузницы и каменное двухэтажное строение. Господская усадьба была огорожена. Из её сооружений три были каменными, остальные деревянными, в том числе конюшенный и скотный дворы. Позади довольно обширного двора, образованного каменными строениями усадьбы, был расположен небольшой регулярный парк, а слева от него — фруктовый сад со специально выкопанными прудами, в которых была «рыба саженная». Наконец, небольшие строения были возведены для дворни, для бани и других хозяйственных надобностей. Пруды соединялись проточными каналами; на их берегах возвышались беседки и горбатые мостики.

Из всех сооружений этой усадьбы до нашего времени сохранились лишь палаты Мазепы. Они представляют собой одноэтажное кирпичное здание с подвалом, расположенное на свободной площадке. В плане имеют форму прямоугольника со сторонами 26,4 x 12,3 метра. Высота здания от поверхности земли до верхней отметки венчающего карниза — в среднем 7 метров.

Входы в помещения первого этажа и подвала смещены со средней поперечной оси здания и находятся один над другим. Парадное крыльцо с широкой каменной лестницей, ведущей во второй этаж, не сохранилось. На противоположном фасаде, почти по оси входов, имеется небольшая прямоугольная пристройка, по высоте доходящая до венчающего карниза главного здания. Плоскость её средней стены прорезана высоко поднятым над землёй небольшим оконцем. Возможно, что это узкое и тесное помещение было пристроено к основному зданию в качестве тюремной камеры. О более позднем происхождении его говорят угловые рустованные пилястры, чуждые архитектуре всего здания и характерные для обработки фасадов в 1740—1760 годов.

Первый этаж и подвал имеют до девяти помещений, перекрытых крестовыми сводами. Существующая форма крыши появилась в 1880

году, когда были разобраны торцевые фронтоны, угрожавшие обрушением. Без всякого сомнения, крыша раньше поднималась значительно круче, отчего при наличии фронтонов всё здание казалось величественным.

Некоторые элементы декоративного убранства палат утрачены: отсутствует значительная часть узорных решёток, которыми были забраны окна, нет ставен с коваными петлями и засовами.

В архитектуре палат использован мотив парных колонн, выступающих на три четверти своего диаметра из плоскости стен. Их размещение на фасадах соответствует местоположению внутренних капитальных стен. На углах дома колонны образуют своеобразный пучок, сильно повышающий пластичность сооружения.

Большое значение для выразительности фасадов имеют наличники, обрамляющие окна всех фасадов, что свидетельствует о том, что зодчий рассчитывал на обозрение здания со всех сторон, на известную их равноценность. Формы наличников различны лишь в очень незначительных деталях. Фронтон наличника имеет сильный рельеф, полки под фронтоном отсутствуют, так же как и колонки. Вместо них сделан полувалик из одного кирпича, отёсанного с ребра. Ниже подоконника кирпичная кладка образует фигурный выступ. Эти архитектурные детали в какой-то степени напоминают применявшиеся в наличниках русской архитектуры 1740-х годов. Карниз дома имеет небольшой рельеф и не отличается оригинальностью.

Планировка дома соответствует традиционной планировке жилого дома XVIII века. Сени делят дом на две части. В каждой половине все комнаты соединяются между собой, однако чётко выявленной анфилады комнат, столь характерной для барских домов последующего времени, здесь ещё нет.

Здание имеет своеобразный скульптурный облик, очень цельный и выразительный. На известковой побелке стен детали создают богатую игру светотени. Можно предполагать, что когда палаты были окружены зеленью парка, при ярком солнечном освещении впечатление скульптурности здания было ещё более значительным.

Палаты Мазепы в селе Ивановском были для своего времени крупным сооружением, а сейчас они являются редким и исключительно ценным памятником гражданского зодчества и могут служить образцом, помогающим лучше понять развитие архитектурно-художественных традиций, выработанных русским и украинским народами.

В наше время палаты Мазепы в селе Ивановском — свидетели событий далекого прошлого — являются почти единственным зда-

нием когда-то большого усадебного комплекса, но находятся они в весьма плачевном состоянии.

Предпринимались попытки восстановления палат Мазепы. Ещё в 1949 году курским архитектором Александром Юльевичем Ехауе-кимом был выполнен проект по восстановлению усадьбы. Затем упорные попытки инспектора областного отдела по делам архитектуры Владислава Феликсовича Табеля, а после его безвременной кончины — С.И. Фёдорова — реализовать проект возрождения палат. После нескольких обследований, обмеров и фотофиксаций палат Мазепы вопрос о них был вынесен на страницы печати. В 1961 году московская комиссия по восстановлению историко-архитектурных памятников ещё раз обследовала палаты Мазепы, после чего была составлена смета и отпущены средства на восстановление редкого, памятника гражданской архитектуры. Однако до сих пор ещё ничего не предпринято для спасения здания от окончательной гибели.

В 1968 году во время совместной работы по составлению исходных материалов к Своду памятников истории и культуры РСФСР С.И. Фёдоров обсуждал этот вопрос с доктором искусствоведения архитектором Михаилом Павловичем Цапенко, они и пришли к заключению о необходимости скорейшего проведения хотя бы консервации памятника. М.П. Цапенко был крупным знатоком истории украинского зодчества. Его перу принадлежит много интересных исследований архитектуры как раз той пограничной полосы между Россией и Украиной, в которой находится село Ивановское. Отношение к палатам Мазепы он высказал в своей последней книге, посвящённой этой теме. Михаил Павлович писал, что «палаты в Ивановском и небольшая “каменица” при них — редкие, забытые и по-настоящему не исследованные памятники русско-украинской архитектуры начала XVIII века... Они ждут своего исследователя и реставратора». Да, к сожалению, всё ещё ждут... Вопрос остается открытым.

Попова Ольга Петровна
(Калининград)
*Ведущий методист
по научно-просветительской деятельности
отдела «Фридрихсбургские ворота»
Музея Мирового океана*

Пётр I в Кёнигсберге

Сохранение морских традиций и обеспечение их преемственности, процесс осознания молодыми россиянами себя частью великой морской нации невозможен без изучения истории российского флота и личности Петра I, как его создателя и великого реформатора России. Музей Мирового океана в Калининграде, сохраняя память о Петре I, приложил огромные усилия, чтобы спасти от разрушения и возродить к жизни объекты культурного наследия, связанные с пребыванием в Кёнигсберге русского царя, и создать экспозицию, которая бы на основе единого сюжета последовательно знакомила посетителей с важнейшими этапами создания Петром I российского флота.

Пётр I впервые прибыл в Кёнигсберг в составе Великого Московского Посольства в 1697 году, после этого он неоднократно посещал столицу Восточной Пруссии. В Кёнигсберг Пётр прибыл из Пиллау. В период с 1626 по 1636 год во время оккупации Пиллау шведскими войсками короля Густава Адольфа здесь возводятся крепостные постройки под руководством инженера-строителя Матиаса Вентца по проекту самого шведского короля. Цитадель представляла собой пятиугольник со стороной 80 метров, каждый угол которого завершался бастионом.

7 мая 1697 года на борту фрегата Пётр впервые входил в порт Кёнигсберга, где был встречен салютом пушек крепости Фридрихсбург. Во время пребывания в Кёнигсберге царь много времени проводит на территории крепости. Это фортификационное сооружение

Фридрихсбургские ворота.
Современное фото.

было построено в 1657 году для усиления Первого оборонительного пояса Кёнигсберга. Крепость спроектировал придворный математик Христиан Оттер (1598–1660), опираясь на опыт голландской и бельгийской школ фортификации, тогда лучших в Европе. Цитадель расположили на важном стратегическом направлении — в западной части валов, на левом берегу реки Прегель. Форт имел прямоугольную форму с выступающими по углам бастионами и также состоял из земляного вала и водного рва, соединённого с рекой. Он служил не только базой и последним оплотом гарнизона, но и запирал проход по реке Прегель, контролируя ход кораблей к гавани. С постройкой цитадели, в сочетании с оборонительными валами, Кёнигсберг обрёл статус полной крепости. В крепости «Фридрихсбург» молодой российский царь, в простом платье под именем урядника Петра Михайлова поднимал паруса на корабле, чертил крепостные сооружения, запускал фейерверки, совершенствовался в артиллерийском деле. Свидетельством этого стал аттестат, в котором говорилось, что, обучаясь огнестрельному искусству, «в особенности метанию бомб, каркасов и гранат» в «Кёнигсберге... и в приморской крепости Пиллау», «в непродолжительное время, к всеобщему изумлению такие оказал успехи и такие приобрёл сведения, что везде из исправного, осторожного и благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может»¹. Познакомившись с фортификационной системой Кёнигсберга царь всерьёз заинтересовался наукой фортификации. 6 августа 1700 года Пётр I подписывает указ о строительстве крепости в Новодвинске, на северной окраине Архангельска. Своей формой кре-

¹ Кретинин Г.В., Брюшинкин В.Н., Гальцов В.И. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С. 159.

пость напоминала фортификационные сооружения голландской школы и в плане повторяла Фридрихбургскую крепость в Кёнигсберге. Это была первая каменная крепость в России. В 1711 году Пётр I специально посещает Кёнигсберг с целью детального знакомства с крепостью Пиллау. По образу и подобию крепостей в Кёнигсберге и Пиллау была сооружена Петропавловская крепость и крепостные укрепления на острове Котлин.

Прошли столетия и Фридрихбургская крепость, утратив своё оборонительное значение, была разобрана. От некогда мощного военного бастиона «Фридрихбург» сохранились только цейхгауз и Фридрихбургские ворота. Сильно повреждённые во время Второй мировой войны, они долгое время не восстанавливались, находясь под угрозой сноса. В 1960 году им был присвоен статус памятника архитектуры, но, несмотря на это, ворота продолжали разрушаться. В 2002 году ворота получили статус объекта культурного наследия федерального значения. А в 2007 году были переданы Музею Мирового океана, и началась их реставрация. Реставрационные работы велись с использованием современной кладки и материала, что позволяет оценить объём понесённых утрат. В 2011 году сооружение приобрело первоначальный вид. Реставраторы из Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Калининграда сделали всё, чтобы сохранить для потомков уникальный оригинальный облик этого старинного сооружения, в стенах которого возрождается прошлое нашей страны. С момента передачи Фридрихбургских ворот Музею Мирового океана, шла напряжённая работа, связанная с созданием экспозиции, посвящённой, прежде всего, основателю флота российского Петру I.

В 2011 году в воротах открылась экспозиция «Корабельное воскресение». Экспозиция расположена в кордегардии и трёх залах Фридрихбургских ворот. Она призвана раскрыть необходимость создания военного и торгового парусного флота в России в конце XVII века; представить роль Петра I как основоположника российского кораблестроения и мореходства; подчеркнуть влияние европейской школы судостроения на Российский флот; показать наиболее значимые типы парусных судов на разных этапах судостроения; обозначить славные вехи в истории российского флота за период с конца XVII века и до начала парового судостроения. Основные экспозиционные комплексы, связанные с Петром Великим: «Великое посольство», «Верфи времён Петра I», «Судовые колокола знаменитых кораблей», «Свершения российского флота», «Морские виктории», «Океан открывает тайны», «Морскому флоту быть!», «Приборы», «Награды времён Петра I». Таким образом, через всю экспозицию

проходит личность Петра I как основоположника российского парусного кораблестроения и мореходства.

Рассказ о событиях тех лет начинается с экспозиционного комплекса «Великое посольство».

Правление Петра I совпало со временем, когда дальнейшее развитие российского государства было невозможно без выхода к морю. Торговля через Архангельск не удовлетворяла растущие потребности России. Чтобы получить доступ к Чёрному морю, расширить и укрепить союз с европейскими странами в борьбе против Турции, и было организовано Великое Посольство.

Кроме этих главных политических задач, Пётр видел цель поездки в том, чтобы ознакомиться с состоянием военно-морского дела в ведущих странах Европы, закупить вооружение, пригласить на русскую службу кораблестроителей, моряков, инженеров, которых так не хватало ему для осуществления грандиозных планов, отправить людей «изучить кораблестроение во всех видах его до высших, основанных начал, не без надежды найти случай к приобретению основательных знаний и в корабельном управлении»². При этом сам Пётр вёл себя совершенно необычно для государей того времени: он лично обучался ремёслам и наукам в иноземных странах и городах. Результаты посольской миссии оказали влияние на всю последующую историю России. Страна вышла к берегам сначала Балтийского, а затем и Чёрного морей, провела грандиозные реформы в науке, культуре, образовании.

Из Европы Пётр вернулся исполненный стремления изменить Россию и показал, что в этом своём желании он ни перед чем не остановится. Действовал он при этом чрезвычайно круто и решительно.

Маршрут «Великого посольства» и занятия, которым посвящал основное время Пётр I, наглядно представлены в экспозиции «Корабельное воскресение» рисунками Андрея Троня.

Создание мощного военного флота стало первоочередной государственной задачей, а кораблестроение приоритетной отраслью производства. На морях, озёрах, реках закладываются новые и расширяются старые верфи, строятся каналы и основываются новые порты.

Ещё одна картина Андрея Троня «Верфи времен Петра I» даёт возможность оценить масштаб деятельности Петра, это карта России XVII века с нанесёнными на неё верфями. Картина создана по результатам большой работы научных сотрудников Музея Мирового

² Устрялов Н.В. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. С. 6.

Верфи времён Петра I.
Фрагмент экспозиции музея.

океана в архивах и библиотеках по поиску и систематизации информации. За годы правления Петра I в строительстве кораблей для Российского флота участвовали около 50 государственных верфей России и Европы. На них было построено более 1 000 кораблей, не считая мелких судов. Во время строительства Азовского флота на юге было построено около 260 судов. В Воронеже было построено 36 линейных кораблей, в Таврове 12, в селе Ступино 10. Суда других типов строились в Брянске, в селениях Чижовка, Павловск и других местах. Для Балтийского флота было построено 40 линейных кораблей, 38 фрегатов, значительное количество брандеров, шмаков, прамов, бомбардирских кораблей, 67 крупных галер и большое количество мелких гребных судов. В постройке этих кораблей кроме петербургских принимали участие Новгородская, Олонецкая, Казанская, Архангельская и другие верфи. Численность команд на всех кораблях доходила до 26 000 человек³. Таким образом, основанные в первой четверти XVIII века верфи и мануфактуры, производившие всё необходимое для снаряжения судов, а также подготовленные кадры умелых мастеров «добрых пропорций», обеспечили создание российского регулярного флота.

³ См.: Быховский И.А. Петровские корабельи. Л., 1982. С. 7–8.

Судовые колокола
знаменитых кораблей.
Фрагмент экспозиции музея.

Живой интерес вызывают у посетителей элементы оснастки кораблей парусного флота: представленные в экспозиции корабельная пушка «Шуваловский единорог», коллекция судовых колоколов, отлитых в Воронеже. На них увековечены имена знаменитых кораблей Российского флота: «Орёл», «Ингерманланд», «Восток», «Святой Гавриил», «Пётр I и II», «Евстафий», «Азов», «Двенадцать апостолов», «Александр Невский», «Витязь».

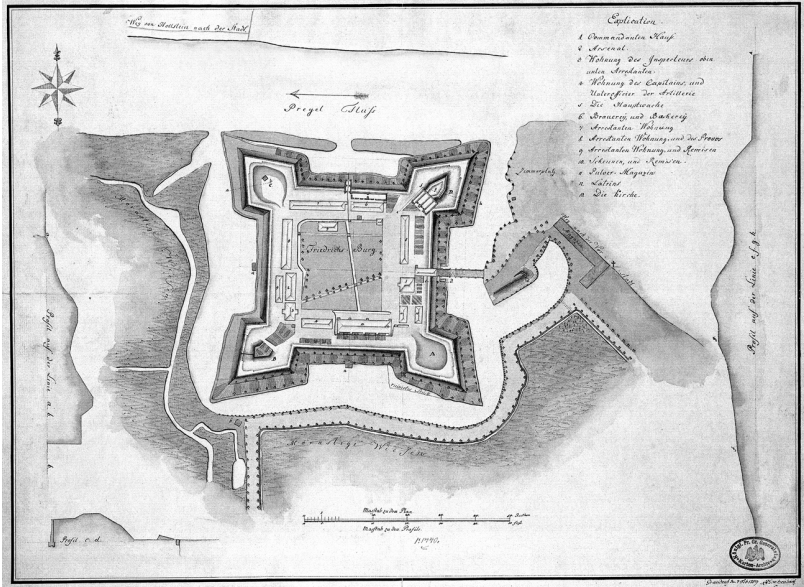
Создание Российского флота явилось организационным мероприятием государственного масштаба. Здесь Пётр I проявил себя как великий реформатор. Принятые им решения и указы охватили все важные аспекты этого процесса. Сотрудники музея собрали воедино и обобщили сведения об основных этапах становления Российского флота. Вся собранная информация стала основой экспозиционного комплекса «Свершения Российского флота», логичным продолжением которого являются экспозиционные комплексы «Морские виктории» и «Океан открывает тайны». Выполненные в виде белого паруса, они в хронологическом порядке перечисляют важнейшие исторические события знаменующие этапы становления военно-морского флота, крупные морские победы и величайшие географические открытия, сделанные русскими моряками в XVIII–XIX веках.

Создавая экспозицию, мы стремились представить Петра I не только как талантливого государственного деятеля, но и как искуснейшего корабельных дел мастера. Собранная нами уникальная коллекция судомоделей — главная составляющая экспозиционного комплекса «Морским судам быть». В экспозиции корабли, прославившиеся и в морских сражениях, и в научных экспедициях, увековечившие славу морского флота России. Это дедушка Российского

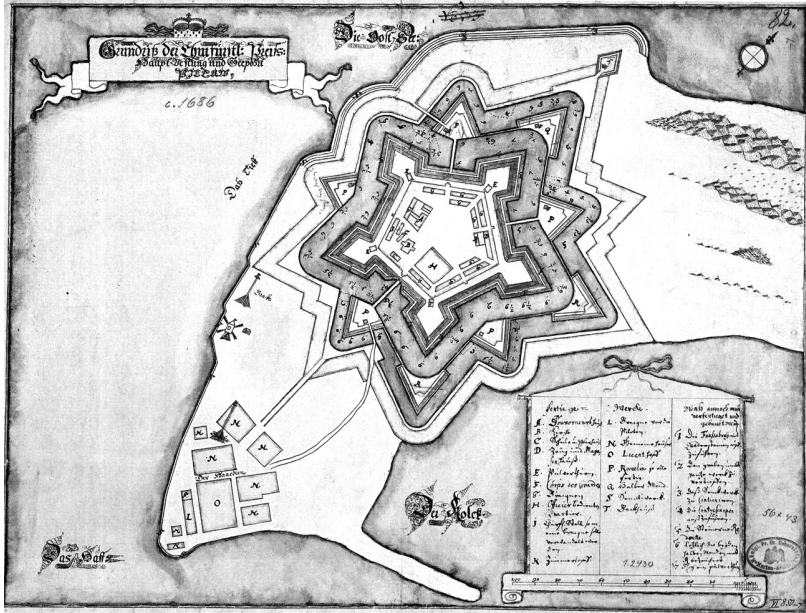

Обучение Петра I артиллерийскому делу в Кёнигсберге.
Картина из экспозиции музея.

флота — ботик Петра I; яхта «Святой Пётр», на которой он впервые вышел в море; фрегат «Пётр и Павел», построенный царём лично в Амстердаме, линейный корабль «Полтава», проект которого разработал Пётр; линейный корабль «Гото Предестинация», первый отечественный построенный без участия иностранных мастеров; фрегат «Шантдарт», первый корабль Балтийского флота, построенный на Олонецкой верфи; бот «Святой Гавриил», построенный 1728 году в Нижнекамчатске для исследования северной части Тихого океана. Также представлены модели галер и скампавей, сыгравших решающую роль в Гангутском сражении. Постепенно переходя от модели к модели, посетитель имеет возможность наглядно познакомиться с основными этапами становления судостроения в России и оценить тот стремительный прогресс, которого достигла Россия за четверть века правления Петра I. Лично принимая участие в создании кораблей, Пётр постоянно ищет новые методы быстрой и качественной их постройки. Голландские судостроители, с которыми Пётр I ознакомился в 1697 году, обогатили его практическими навыками, но этого было недостаточно. Познавать сложную науку конструирования кораблей российский государь отправляется в Англию. В этой стране,

План крепости Фридрихсбург. 1789.

План крепости и порта Пиллау. 1686.

где были наибольшие достижения судостроения, мастера-кораблестроители уже до спуска судна на воду могли определить ватерлинию (водоизмещение) путём соответствующих расчётов.

Большим вкладом в военную науку считается идея Петра I о создании «двух флотов»: галерного — для действия совместно с армией в прибрежных районах и корабельного — для самостоятельных действий на море. Здесь он проявил себя опытным знатоком взаимодействия армии и флота.

Для действий на Балтийском и Азовском морях Петру пришлось решать проблему создания судов смешанного плавания, которые могли бы действовать и на реках, и на море. Другим морским державам такие суда военного назначения не требовались. Сложность задачи заключалась в том, что плавание по мелководным рекам требовало малой осадки судна при сравнительно большой его ширине. Такие размеры кораблей при плавании в море приводили к резкой качке. Для деревянных судов сложной являлась проблема обеспечения продольной прочности корпуса с сохранением хороших ходовых качеств. Пётр решил эту задачу, избрав отношение длины к ширине равным 3:1, что гарантировало прочность и остойчивость кораблей при некотором уменьшении скорости.

Детище Петра — Российский флот не раз сыграл важную роль в жизни государства. Первая победа русских на море — победа у мыса Гангут, в результате которой Пётр получил Финляндию. Эта победа доказала военную мощь и знание морского дела. Постепенно Русский флот становился всё сильнее и опытнее. Он стал флотом, который уважали державы-обладательницы крупнейших флотов: Англия, Дания, Голландия. Ярким примером этого было событие 1716 года — Петру I предложили командовать флотами четырёх держав (Дания, Англия, Голландия, Россия). И он проявил себя наилучшим образом в этой кампании.

Таким образом, Пётр I вывел Россию в ранг морских держав. В большей степени благодаря именно военно-морскому флоту удалось «прорубить окно в Европу», что оказало влияние на дальнейшее развитие империи и укрепления её могущества.

Важное место в экспозиции посвящено теме «Навигационные приборы».

Создавая регулярный российский флот, Пётр I неустанно занимался вопросами приборного и картографического оснащения кораблей, совершенствованием методов навигации, обучением штурманов. Ещё до своей первой поездки в Европу юный царь наказывал своим приближённым закупать в Архангельске «математические инструменты» у прибывающих туда английских, голландских капитанов.

Мемориальная доска, посвящённая пребыванию Петра I в Кёнигсберге. Современное фото.

В 1697 году, прибыв с Великим посольством в Англию, Пётр приказал закупить 20 магнитных компасов. В последующем приобретение навигационных инструментов, приборов стало постоянной заботой Адмиралтейств-коллегии, особенно после создания в 1701 году Навигацкой школы. Инструменты закупались главным образом в Англии, а также во Франции и Голландии. Они нужны были не только флоту, но применялись и при «описи берегов», т.е. картографировании отдалённых уголков Российской империи. В экспозиции можно увидеть: секстант, квадрант, градшток, солнечные часы, астролябию-аналемму, буссоль 1893 года, изготовленную в Германии. Для измерения глубин с древних времён применялся ручной лот, но он позволял измерять глубины не более 100 метров. Пётр I предложил конструкцию специального лота с отделяющимся грузом — диплота, который успешно использовался в 1719–1726 годах при исследовании Каспийского моря. Усовершенствованный при Петре российскими моряками ручной лаг получил в Европе название «русского».

Ещё одна тема экспозиции — награды времён Петра I. Первую государственную награду в России Пётр учредил в 1698 году. Это императорский орден святого апостола Андрея Первозванного. Кроме него в экспозиции представлены следующие награды:

- ♦ Знак нагрудный — наградной портрет Петра I конца XVII века;
- ♦ Медали, посвящённые славным победам русских моряков и знаменательным событиям истории российского флота.

Идя в ногу со временем, Музей Мирового океана использует современные компьютерные технологии. Воплощение в жизнь проекта «Историческая флотилия» позволило создать нам виртуальный

Центральный зал экспозиции музея.

архив кораблей российского флота XVIII–XIX веков. В экспозиции находится уникальная книга «Корабельное воскресенье», листовую которую посетители имеют возможность увидеть знаменитые парусные корабли в 3D изображении и в любом ракурсе. Эта часть экспозиции вызывает искреннее восхищение, как у детей, так и у взрослых посетителей.

Следует подчеркнуть, что ещё не все замыслы музейных работников воплощены в жизнь. В ближайших планах музея — создание ещё одной экспозиции — «Школа навигацких и математических наук». Она призвана раскрыть тему организации Петром I системы государственного профессионального и военно-морского образования в России. Экспозиция также разместится в исторических стенах Фридрихсбургских ворот, и будет логично встроена в общую концепцию. В будущей экспозиции планируется проведение практических занятий для кадетов и курсантов морских учебных заведений по таким темам как астрономия, география, история, навигация.

Созданная Музеем Мирового океана во Фридрихсбургских воротах экспозиция «Корабельное воскресенье» играет важную просветительскую и воспитательную роль. Раскрывая личность Петра I как царя-реформатора, в короткий исторический срок превратившего Россию в передовую европейскую державу, рассказывая о славных деяниях и победах наших предков, мы сохраняем наше морское наследие, передаем его будущим поколениям, воспитываем высокодуховных людей, неравнодушных к судьбе России.

Гаджиев Муртазали Серажутдинович
(Махачкала)
Заместитель Председателя
Дагестанского научного центра РАН,
заведующий отделом археологии Института истории,
археологии и этнографии ДНЦ РАН

Пётр Великий и Дербент

13 мая 1722 года Пётр I начал знаменитый Персидский поход. 19 июня он прибыл в Астрахань. 15 июля был издан императорский манифест на тюркском и персидском языках, на который жители Дербента «отозвались, что ждут с радостью». 27 июля император и войска высадились в Аграхани, а 5 августа двинулись вдоль побережья к Дербенту, взятие которого было одной из главных задач кампании¹.

¹ Подробно о походе см.: *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010.

В настоящей статье использована информация и цитаты о пребывании Петра I в Дербенте, содержащиеся в: *Брикнер А.Г.* История Петра Великого в 5-ти частях. Ч. 4. СПб.: Издание С. Суворина, 1882; *Гаджиев В.Г.* «Дербент-наме» Мирза Хайдар Визирова // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 284–294; *Гаджиев М.С., Юсуфов В.М.* Пётр Великий и Великий Дербент // Мавраевъ. № 4(5). Культурно-исторический журнал. 2014. С. 2–10; *Они же.* Дербент // Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 73–94; *Дюма А.* Кавказ. Тбилиси: Мерани, 1988; *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1906; *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук. 1891. Т. 67. Прил. № 6. С. I–XX, 1–138; *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории

15 августа в Дербент вошёл отряд солдат и драгун под командованием подполк. Наумова для переговоров с наибом Имам Кули-беком. В это же время со стороны моря к городу подошла эскадра капитана Вердена. В тот же день в письме Петру I Верден сообщал, что «из города Дербени наиб прислал собственного человека своего ко мне ... и сказывал словесно от наива, что они очень рады видеть очи В. И. В. и в поклонении городом своим под вашу императорскую державу». Кроме того жители города направили послание Петру I, в котором говорилось: «...По оного Вашего величества указу и манифесту служить и по нашему желанию в послушании пробывать за потребность рассуждаем..., а мы бы бедные милосердным Вашего величества охранением изысканы были».

23 августа 1722 года российские войска во главе с императором подошли к Дербенту. В версте от Дербента Петра I встречала делегация города во главе с Имам Кули-беком, который произнёс верно-подданническую речь, «пал на колена и поднёс Петру два серебряных ключа от городских ворот», и при этом «стреляли салют». Это был первый визит российского государя в древний Дербент, который видывал до этого многих известных и могущественных монархов. По замечанию участника похода, капитан-лейт. Ф.И. Соимонова: «Один из сих ключей (и сказывают, что один токмо был) хранится и ныне (на деревянном блюде) в Императорской Кунсткамере при Академии Наук». Кроме того Петру была поднесена рукопись хроники «Дербенд-наме», за издание которой в 1852 году был удостоен Демидовской премии уроженец Дербента профессор Мирза (Александр Касимович) Казем-бек — первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Прибытие Петра I в Дербент позже нашло отражение в литографии А. Абрамова «Взятие крепости Дербент», 1872 год (*илл. 1*). Накануне въезда в город Пётр распорядился привести войска в надлежащий вид, чтобы «бороды были выбриты, галздуки чтобы у салдат были вычищены и рубашки и щиблеты чтоб были белые». Под залпы пушечного салюта и звуки военной музыки император 23 августа с парадом вступил в город через главные северные ворота города — Кырхляр-капы. Часть войск расквартировалась в Дербенте, основной контингент войск расположился к югу от города у

государя императора Петра Великого. СПб.: Императорская академия наук, 1763.

Информация о раскопках землянки Петра I в Дербенте приведена по статье: *Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М.* Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3. 2015. С. 165–182.

1. Взятие крепости Дербента.
Литография А. Абрамова. 1872.

берега моря, а кавалерия продвинулась к р. Рубас в 20 верстах от Дербента.

По сведениям сподвижника Петра I А.К. Нартова, со слов участника похода, бригадира В.Я. Левашова, Пётр, «везжая торжественно на коне в город Дербент и зная, по преданиям, что первоначальный оного был Александр Великий, к бывшему при нем генералитету сказал: “Великий Александр построил, а Петр его взял”. Сие изречение заключало в себе мысль поистине справедливую, хотя скромностию сего мудрого монарха прикрытую, такую, что Дербент сооружен был Александром Великим и покорен власти Петра Великого, то есть Великий его построил и Великий его взял».

Позднее эта идея нашла воплощение при торжественном въезде царя в декабре 1722 года в Москву по возвращении из Персидского похода: по сообщению А.К. Нартова, над вывешенным на Триумфальных воротах изображением Дербента была сделана латинская надпись с указанием года 1722: «Сию крепость соорудил сильный и храбрый, но владеет ею сильнейший и храбрейший» — «*Struxerat hanc fortis, tenet hanc sed fortior urbem*».

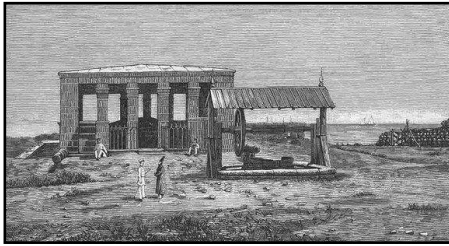
За мирную сдачу города наиб Имам-Кули-бек был назначен Петром I правителем Дербента и начальником «туземного» войска, ему был пожалован чин генерал-майора и назначено постоянное жалование. Жителям Дербента была выдана жалованную грамоту, которой, в частности, им даровалась свобода торговли в России.

Уже со времени пребывания императора в Дербенте начали складываться легенды о его нахождении здесь. Так, Мирза Хайдар Визиров приводит предание, согласно которому при подъезде Петра к воротам Кырхляр-капы случилось землетрясение, и царь при этом обмолвился: «Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». Позже эта легенда обросла иными подробностями: Пётр якобы трижды ударил нагайкой по воротам и землетрясение прекратилось, а затем он, «призвав к себе всех неимущих, обделил их деньгами». Е.И. Козубский приводит и другое, приписываемое Петру изречение при его вступлении в город: «Теперь я поставил ногу в края Кавказа и получил крепкое основание на волнах Каспия».

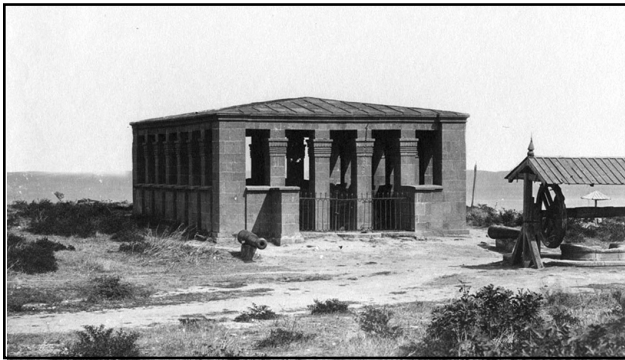
Визиров рассказывает ещё одно предание. Во время пребывания Петра в Дербенте к нему явились несколько офицеров с жалобой, что горожане не продают им хлеба. Император, желая самолично удостовериться в справедливости их жалобы и взяв с собою переводчика и двух солдат, отправился на первую попавшуюся улицу, вошёл в один из дворов и застал хозяйку, раскладывавшую испечённые чуреки. Государь попросил её продать им четыре хлеба, предлагая за них цену, какую она назовёт. В ответ хозяйка заявила, что не может без позволения мужа продать им хлеб, так как им самим недостаточно продовольствия. При этом она разломала один чурек на четыре части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от предлагаемой платы. Император, довольный добротой женщины, наградил её мужа и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что и было исполнено.

Позже Пётр I в письме Сенату 30 августа писал: «Правда, что сии люди нелицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили».

Точно не известно, сколько дней провёл в городе Пётр I, но, видимо, не менее трёх суток. 26 августа в Дербенте состоялся торжественный молебен «за получение фута в сей земле», а 27 августа войска вместе с императором двинулись из города к р. Рубас с намерением последующего марша на Шемаху и Баку. Но продовольственные затруднения, ненадёжность наспех построенных кораблей и их крушение во время штормов вынудили принять решение остановить продвижение армии: 29 августа «был генеральный консилий что делать, на котором все согласно положили письменное мнение, что идти назад, понеже провианту только на месяц». 5 сентября Пётр I двинулся в обратный путь, а 6 сентября за ним последовала основная часть войска. В Дербенте был оставлен гарнизон в составе двух батальонов пехоты и 72 чел. гренадер под

2. Колонный павильон над землянкой Петра I в Дербенте. Гравюра Б. Брауне по рисунку А.О. Адамова. Середина 1870-х годов.

3. Колонный павильон над землянкой Петра I в Дербенте. Фото Д.И. Ермакова. 1890-е годы.

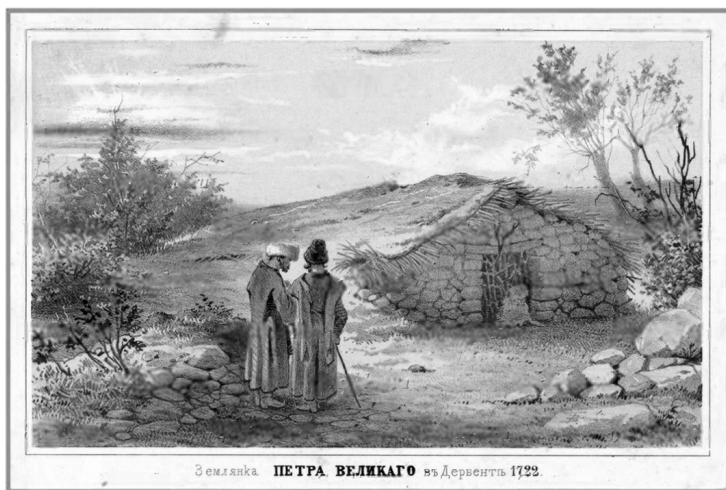
командованием полк. А.Т. Юнгера. Позже Дербентский гарнизон, основу которого составили затем образованные Дербентский и Дагестанский пехотные полки, вошёл в состав Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735). Значительная часть гарнизона была размещена в приморской части города, именовавшийся Дубары (в пер. с перс. — «Две стены») или Шехер-Юнан (в пер. с перс. — «Греческий город»), в возведённом здесь в 1723 году земляном укреплении. Оно изображено, в частности, на «Плане города Дербента», завизированном инж.-подполк. Людвигом Хартунгом ок. 1725 года и хранящемся в РГВИА (Ф. 349. Оп. 12. Д. 1957). На этом плане на территории укрепления рядом с его восточной стеной под литерой «а» обозначен «колодезь». Именно рядом с этим «колодезем» ближе к восточной стене укрепления и находилась «землянка Петра I». Это колодезь сохранился ещё в конце XIX века — он запечатлен на некоторых гравюрах 1870-х годов (илл. 2) и на фотографии Д.И. Ермакова конца XIX века с изображением колонного павильона, возведённого над «землянкой Петра I» (илл. 3). А по сведениям Е.И. Козубского, «каменная хижинка о двух комнатах, которую, по преданию, занимал Пётр, посещающий лагерь», как раз находилась «у восточного вала».

Известно, что Пётр, пребывая в Дербенте, осмотрел Нижний город, «изволил ходить по всему строению Верхняго города», ездил по берегу моря «для осмотра места, где строить гавань», праздновал тезоименитства царевен Натальи и Елизаветы Петровны, принял явившихся к нему представителей местных владельцев с просьбой принять их в российское подданство, гостил в доме наиба Дербента. Посещение царём цитадели Нарын-кала, возвышающейся над городом и приморским проходом, позже породило легенду о том, что Пётр прорубил здесь «окно на Восток», а в 1851 году в «Русском художественном листке» была опубликована литография В.Ф. Тимма «Вид из окна в Дербентской крепости, которое вырублено собственноручно Петром Великим». По этому поводу ген.-лейт. В.А.Потто позднее писал, что Пётр «в нетерпеливом ожидании флотилии, плывшей из Астрахани, собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на город и на его окрестности. Это историческое окно существует до настоящих пор в доме, занимаемом дербентскими комендантами».

Официальное включение Дербента в состав Российской империи произошло после подписания 12 сентября 1723 года Петербургского русско-иранского договора, по которому России отходили «в вечное владение города Дербень, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилянъ, Мазандаранъ и Астрабат».

Овладение Дербентом явилось основным актом Персидского похода 1722 года. И это событие нашло отражение не только в упоминавшемся транспаранте на Триумфальных воротах с изображением Дербента и победной надписью. 1 января 1723 года в Москве был устроен фейерверк в честь взятия Дербента. Вывешенный огромный плакат венчала надпись «Запад заключает, Восток очищает», ниже были изображены триумфаторский венок, две пирамидальные колонны, соединённые лентой с подвешенными на ней мечом и ключом; внизу — между колоннами — символическое изображение Дербента, основой которому послужила гравюра с изображением города Адама Олеария 1637 года.

К этому торжеству был сочинён виватный кант на взятие Дербента «Торжественная паки вам отрада», составлены и изданы по указанию царя панегирические сочинения: «Речь к его величеству, государю императору, говоренная именем святейшаго правительствующаго Синода у синодальных ворот, что в Китае, при торжественном входе с победою от Дербеня, декабря 18 дня 1722 года» епископа Феофана Прокоповича и «Песнь, ею же от моря Каспийскаго с побе-

4. Землянка Петра I в Дербенте. Рис. В.Ф. Тимма. 1848.

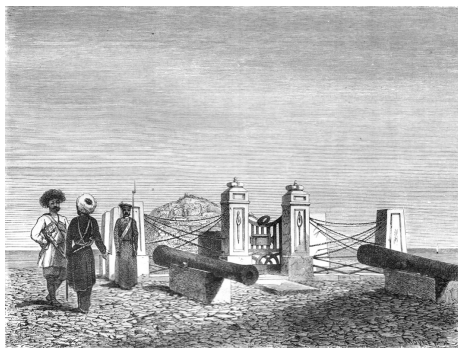
дою над Дербеню и прочими Грады, возвращающагося Августейшаго всероссийскаго императора отца отечества Петра великаго, милостливейшаго своего Государя и фундатора, в торжественном в его Императорский Град Москву вхождении, Приветствоваше Академия Московская 1722 году декабря 18 день».

Вскоре после смерти царя А.К. Нартову, известному изобретателю и скульптору, было поручено изготовить «триумфальный столп» в честь императора с изображением всех его «баталий», но эта работа была приостановлена и не возобновлена. Тем не менее, сохранились эскизы и заготовки будущего памятника. Среди них и барельеф «Древний Дербень вечному в славе Петру склонися» («Взятие Дербента»). На нём запечатлён момент сдачи города, когда наиб Имам Кули-бек подносит Петру ключи от городских ворот.

Достопамятным местом, связанным с пребыванием Петра I в Дербенте является землянка, в которой он остановился и заночевал 23 августа 1722 года. В разных источниках она именуется по-разному — землянка, домик, хижина, хижинка, стоянка, сакля. По свидетельству участника похода, врача Дж. Белла, после осмотра крепостных сооружений города наиб Дербента предложил Петру свой дом для ночлега, «но он сего не принял, опасаяся ли обеспокоить обывателей или для других неизвестных мне причин, и возвратился вечером в свой стан».

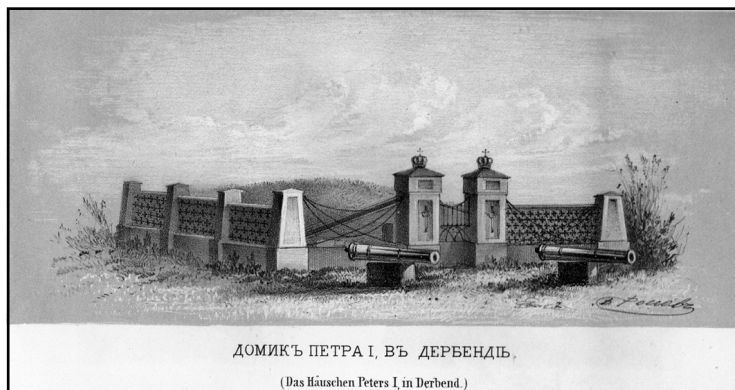
Сохранилось несколько, сделанных в XIX веке рисунков и фотографий этой землянки, которая располагалась в нижней части города, недалеко от моря. Самым ранним является, видимо, упоминав-

шийся рисунок В.Ф. Тимма 1848 года «Землянка Петра Великого в Дербенте» (илл. 4), на которой изображена заглублённая в землю низкая хижина из камня с двускатной деревоземляной кровлей и неказистым входным проёмом. Этот рисунок с натуры был сделан накануне сооружения здесь в том же году окружавшей землянку ограды из каменных колонок с ажурной металлической решёткой. По бокам прохода к землянке стояли два столбика, увенчанные царскими коронами. В таком виде памятник запечатлён на гравюре по рисунку А.-П. Бланшара и на литографии «Домик Петра I в Дербенте» Ж. Гошара 1860-х годов (илл. 5). На последней изображены ещё и две литые пушки на постаментах. Изображение землянки приведено и в книге А.Г. Брикнера «История Петра Великого». Известен и рисунок «Домик Петра I в Дербенте» неизвестного автора (подпись не идентифицирована) сер. XIX века (илл. 6), схожий с гравюрой Гошара.

5. Домик Петра I в Дербенте.
Гравюра Ж. Гошара. 1860-е годы.

Побывавший в Дербенте в конце 1858 года вместе с кн. Багратионом-Мухранским А. Дюма-отец так описал землянку Петра: «...Первый предмет, поразивший нас — небольшое земляное строение; оно было защищено двумя пушками, окружено решёткой, на двух ка-

ДОМИКЪ ПЕТРА I, ВЪ ДЕРБЕНДЬ.
(Das Häuschen Peters I, in Derbend.)

6. Домик Петра I в Дербенте.
Неизвестный автор, середина XIX века.

менных столбах виднелись две даты: 1722 и 1848 годы и надпись: «Первое отдохновение Великого Петра». Пётр посетил Дербенд в 1722 году, а в 1848 была поставлена, вокруг землянки, в которой он жил, эта ограда. Третья пушка защищает хижину со стороны моря. Эти пушки привезены им самим: они были вылиты в Воронеже, на Дону, и датируются 1715 годом. А пушка, стоящая позади хижины, имеет лафет того времени». И далее почтительное замечание А. Дюма при виде землянки Петра: «Вот ещё одно из мест пребывания этого гения, освящённое признательностью народов. Русские заслуживают удивления в том отношении, что полтора столетия, истекших со времени смерти Петра, несколько не уменьшили почтения, которое они питают к его памяти».

Ограда вокруг хижины Петра была сооружена по приказу наместника Кавказа, кн. М.С. Воронцова, на что из городских средств было выделено 305 руб. 95 коп. Князь, по меньшей мере, трижды — в мае 1848, мае 1849 и в июле 1850 года — посетил это мемориальное место, в т.ч. с супругою, княгиней Елизаветой Ксаверьевной.

16 октября 1850 года здесь побывал Наследник престола, великий кн. Александр Николаевич, будущий Царь-Освободитель Александр II. 27 сентября 1858 года достопамятное место посетили великие князья Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич. 8 июня 1868 в Дербенте побывал, осмотрел город и посетил землянку Петра великий кн. Алексей Александрович. В мае 1873 года это памятное место посетил великий кн. Константин Николаевич. Наконец, в 1914 году дважды — проездом на Кавказский фронт и на обратном пути — в Дербенте кратковременно останавливался и император Николай II. В своём дневнике 3 декабря он записал: «Среда. ... Читал бумаги. После завтрака остановились за Дербентом против сакли, в кот. по преданию остановился Пётр Великий в 1722 г.».

В 1862 году над землянкой Петра было сооружено монументальное 24-колонное здание-периптер. К концу XIX — началу XX века относятся три фотографии, изображающие это здание. На одной из них, относящейся, видимо, к началу XX века, на главном фасаде имеется надпись «МЕСТО ОТДОХНОВЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО». Другая — сделана фотографом Д.И. Ермаковым (илл. 3). На фотографии, опубликованной в 1906 году в книге Е.И. Козубского «История города Дербента», показан вход в здание, охраняемый двумя солдатами и с надписью между двумя колоннами «Место первого отдохновения Великого Петра 23 августа 1722 года».

Е.И. Козубский так описывает землянку императора: «В настоящее время хижина Петра В. представляет низкую, бутового камня, избушку, на две трети врытую в землю, состоящую из двух комнаток

с земляною крышею. Над нею сооружён колончатый, из тёсанного камня, с железною крышею павильон, с решотчатым входом в который на верху вставлена доска с вырезанною надписью: “Место первого отдохновения Великого Петра 23 августа 1722 г.”. У лицевого фасада землянки лежат на каменных постаментах две чугунные пушки с чеканными на них латинскими буквами Р. А. и Anno 1715. Вокруг разбит сквер, который устроен и поддерживается Гунибским резервным батальоном, от которого выставляется сюда часовой».

В годы Гражданской войны землянка Петра I была разрушена: к 1920-м годам относится рисунок, изображающий интерьер колонного здания с развалинами землянки. Этот рисунок, хранящийся в Дагестанском государственном объединённом музее им. А.А. Тахо-Годи, судя по надписи, сделан учеником Е.Е. Лансере М.-А. Джемалом.

В последующие десятилетия этот мемориальный памятник был предан забвению. Здание подверглось перестройке, межколонные просветы были закрыты каменной кладкой и окнами, видневшиеся стены землянки скрыты, поверхность помещения накрыта деревянным полом. Долгое время здание было бесхозным, потом использовалось как производственное помещение, затем — столовая и, наконец, как частный жилой дом. Вся прилегающая территория была обстроена частными хибарами. Да и само местоположение этого памятника было надолго забыто, пока в 1987 журналист П. Зелевич вновь не обнаружил его по сохранившимся колоннам. Но прошло ещё немало лет, прежде чем памятник, связанный с именем Петра I, возродился.

Весной 2014 года в рамках подготовки к 2000-летию юбилею Дербента, холдинг Группа «Сумма» и Благотворительный фонд «Пери» З. Магомедова приступили к реализации проекта по созданию в городе Музейного комплекса «Дом Петра I в Дербенте». В рамках этого проекта осенью 2014 года Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН произвела раскопки внутри колонного здания, возведенного над ранее существовавшей полуземлянкой (илл. 7).

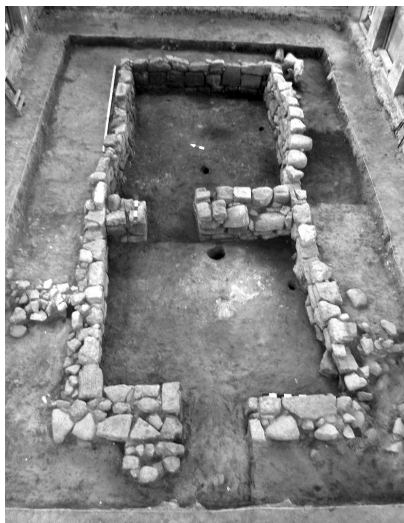
В результате проведённых раскопок были открыты остатки прямоугольной полуземлянки (илл. 8), сооружённой в котловане глубиной до 0,4 м. Внешние размеры её составляют около 8,4 x 3,7–3,9 м. Внутри землянка была разделена поперечной стеной с межкомнатным проходом на два помещения: помещение 1 имело внутренние размеры 2,7 x 3 м, помещение 2 — 4,2 x 3 м. В них были выявлены три глинобитных пола полуземлянки, фиксирующих три этапа функционирования. На уровне нижнего пола в помещениях обнаружены

7. Раскопки остатков землянки Петра I.

следы четырёх столбовых ямок, некогда поддерживавших перекрытие. По наиболее достоверному и самому раннему (1848 года) рисунку В.Ф. Тимма (илл. 5) этой землянки максимальная её высота составляла немногим более 2 м, высота прохода в неё — ок. 1 м.

Заполнение полуземлянки представляло собой в целом однородный переотложенный грунт, которым одновременно были засыпаны остатки землянки. В нём обнаружены фрагменты керамических изделий домонгольского периода (X — начала XIII века) и нового времени (XVIII — начала XX века), в т.ч. фаянсовая тарелка производства «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» конца XIX — начала XX века, украшенная кобальтовой монохромной растительной и зооморфной росписью. В заполнении была выявлена и серия индивидуальных находок, относящихся к XVIII — началу XX века, т.е. ко времени функционирования со-

8. Раскоп XXXII. Остатки землянки Петра I. Вид с юго-запада.

9. Находки из землянки Петра I:
 1а. Нательный крест, лицевая сторона.
 1б. Нательный крест, оборотная сторона.
 2. Медная полушка, аверс.
 3. Медная полушка, реверс.

оружия и, в том числе: керамическая, так называемая турецкая, трубка XVIII–XIX веков; три гильзы от патронов винтовки Мосина; свинцовая пуля от кремневого или ударного огнестрельного оружия XVIII–XIX веков; медные 2 копейки образца 1810–1825 годов и серебряные 20 копеек 1871 года.

Особый интерес представляет обнаруженный медный нательный мужской крест (илл. 9: 1а, 1б) конца XIX – начала XX века. На лицевой стороне его — восьмиконечный Голгофский крест с копьём и тростью по сторонам и надписями под титлами. На обороте — девятистрочная надпись «Да воскреснет Богъ и разыдутся врази его и да беж[ать] отъ лица его ненавидящii его...» (начало псалма 67 — молитвы Кресту).

Наконец, обратим внимание на две наиболее интересные и важные находки, связанные с первым этапом функционирования землянки. При расчистке ямки 1 в помещении 1, связанной с начальным этапом функционирования землянки, в её заполнении была обнаружена медная монета-полушка образца 1718–1722 годов (илл. 9: 2). А при расчистке пола в помещении 2 впритык к южной стене была найдена такого же типа полушка (илл. 9: 3), но с видимой датой — 1721 год. Данные находки как раз относятся ко времени Персидского похода Петра I и документируют первый период существования землянки.

10. Отреставрированный колонный зал над накрытой
стеклянным саркофагом землянкой Петра I.
Современное фото.

23 июля 2015 года Музейный комплекс «Дом Петра I в Дербенте», включивший отреставрированный колонный зал с накрытыми стеклянным саркофагом остатками землянки, торжественно открыл свои двери для многочисленных посетителей (*илл. 10*).

Брумфилд Уильям Крафт
(США)

*Профессор славистики Тулейнского университета,
историк русской архитектуры*

Тобольск: окно в Сибирь (становление «Сибирского барокко»)

В Тюменской области находится один из старейших административных центров Сибири — город Тобольск, чьи церкви относятся к числу лучших образцов сибирской барочной архитектуры. Сама Тюмень находится на месте более раннего татарского поселения у слияния рек Туры и Тюменки, и считается самым ранним русским поселением в Сибири¹. Тюмень была основана в 1586 году по инициативе Бориса Годунова при царе Феодоре Иоанновиче. Годунов был тесно связан со Строгановыми, которые из Сольвычегодска послали отряд казаков под командованием знаменитого Ермака вглубь Сибири бросить вызов власти сибирского правителя, хана Кучума². Датировка является предметом дискуссии, но, судя по всему, осенью 1581 года Ермак взял Чинги-Туру (позже ставшей Тюменью), но бросил завоёванный город и двинулся дальше к Кашлыку, столице хана Кучума, которого разбил в 1582 году в битве у реки Иртыш.

Борис Годунов осознавал огромное значение Сибири и начал активную кампанию по основанию поселений, подобную тем, кото-

¹ Об основании и ранней истории Тюмени см.: *Жученко Б.А., Заварихин С.П.* Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984. С. 10–16.

² Новейшую историческую интерпретацию похода Ермака см.: *Миненко Н.А.* Поход Ермака в контексте восточной политики московского государства // Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина / Под ред. Димухаметова С.А. и др. Пермь, 1999. С. 106–111.

рые он вёл на других пограничных территориях средневекового Московского государства. Вскоре, в 1587 году, казачий предводитель Данила Чулков основал Тобольск возле поля, на котором Ермак победил Кучума, в месте слияния Тобола и Иртыша.

Тобольск резко разделён ландшафтом на две части: верхнюю и нижнюю. Нижняя часть, расположенная ближе к Иртышу, интенсивнее всего развивалась в XVIII и XIX веках. Местные реки до сих пор предоставляют удовольствие и доход в виде великолепной рыбы, приготовляемой и продающейся на местных рынках. В нижней части несколько церквей разделяют город на несколько районов со своими ремёслами и торговлей. К сожалению, многие из этих памятников в советское время были разграблены, и только некоторые отреставрированы.

Верхняя часть города была предназначена преимущественно для учреждений власти, и именно здесь расположены самые ранние здания. Первым из них следует назвать Софийско-Успенский кафедральный собор. Присутствие православной церкви в Тобольске особенно заметно, поскольку ещё в 1620 году Тобольск стал центром обширной Сибирской епархии. Тем не менее, нехватка строительных ресурсов препятствовала кирпичному строительству в течение большей части столетия. Только в конце 1670-х годов, в правление митрополита Павла, планы возведения нового собора переходят в стадию предварительных работ, завершившихся нахождением и разработкой известняковых карьеров и источников глины.

Постройка такого крупного здания требовала мастеров, каких нельзя было найти в Сибири, и поэтому артель опытных каменщиков была прислана в Тобольск из Великого Устюга. Рабочую силу набирали в основном из местных крестьян³. Строительством собора руководил московский мастер Василий Ларионов, который привёз с собой план только что перестроенного Вознесенского собора Московского Кремля (не сохранился). Кремлевские соборы нередко служили прототипами для больших церквей по всей России, символизируя духовное и политическое единение со столицей.

Хотя собор был заложен в 1681 году, возведение стен началось только в 1683. На следующий год значительная часть верхнего свода обвалилась, и строительство собора завершилось только в октябре 1686 года. Изначально крышу венчали купола-луковицы, но в 1726 году их заменили двухчастные купола украинского типа, сохранив-

³ О строительстве Софийско-Успенского собора см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. М., 1987. С. 70–73. См. также: *Кириллов В.В.* Тобольск. М., 1984. С. 52–65; *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Экология зодчества. СПб., 1995. С. 93–102.

1. Тобольский кремль.
Софийский собор. Вид с юга.
Фото У. Брумфилда, 1999.

шиеся поныне⁴ (илл. 1). Епископ Филофей Лешинский, энергичный украинский прелат, который закончил Киевскую духовную академию и был посвящён в сан в знаменитой Киево-Печерской лавре⁵, в 1702 году был поставлен митрополитом Тобольским и Сибирским. Он занимал в Тобольске этот престол в общей сложности почти четырнадцать лет. Замена куполов собора могла быть произведена

под его влиянием и по аналогии с одновременным проектом церкви свв. Петра и Павла Троицкого монастыря в Тюмени.

Возможно, однако, что были и другие источники украинского влияния, особенно учитывая тот факт, что в 1702–1768 годах все прелаты сибирской церкви были украинского происхождения. Интерьер собора с четырьмя массивными столбами, поддерживающими главный барабан, изначально был некрашеным, хотя в 1710 году здесь был установлен большой иконостас. Вскоре после этого здесь были написаны первые фрески, переписанные масляными красками в 1848–1851 годы. Теперь, после разрушений советского периода, росписи интерьера восстанавливаются.

Софийский двор был окружён кирпичными стенами с башнями, возведёнными и перестроенными в конце XVII — начале XVIII века. Этот двор был частью широкого комплекса Тобольского кремля, основанного Петром I в 1700 году и строившегося в течение всего

⁴ О замене куполов см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 76; *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 126–132. Кириллов датирует это событие 1735 годом, а причиной называет пожар 1733 года: *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 57.

⁵ О Лешинском в контексте строительства Троицкого монастыря см.: *Заварихин С.П.* Ворота в Сибирь. М., 1981. С. 93–95.

2. Тобольский кремль. Гостиный двор.
Фото У. Брумфилда, 1999.

XVIII века. Пётр придавал большое значение развитию Тобольска — якоря российской экспансии в Сибири, и в 1708 году сделал Тобольск административным центром Сибирской губернии, простиравшейся от Урала до Тихого океана. Кроме того, Пётр выделил финансовые средства на целый ряд крупных строительных проектов, часть которых была осуществлена с помощью искусных шведских пленников, захваченных петровскими армиями во время Великой Северной войны.

Разработка общего плана и строительство Тобольского кремля в первые десятилетия XVIII века проходили под руководством талантливого архитектора и планировщика Семёна Ремезова, который также оставил несколько картин с изображением Тобольска. Среди сохранившихся зданий, приписываемых Ремезову, — Гостиный двор (главный торговый комплекс), начатый в 1703 году и завершённый пять лет спустя (илл. 2). Это четырёхугольное здание с угловыми башнями в средневековом духе было призвано установить порядок в сибирской торговле, как местной, так и дальней. Для этой цели двухэтажное здание снабжено таможей, в дополнение к 67 прилавкам, — очевидно, для большей безопасности, выходящим на внутренний двор⁶. (Большинство таких строений в России XVIII века снаружи имело открытые аркады для упрощения доступа, а внутрен-

⁶ Заварихин сравнивает ремезовский Гостиный двор с его выходящими внутрь магазинами с центрально-азиатским караван-сараем: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 101–103. Более подробное описание Гостиного двора см. у Кириллова: *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 91–92, 95–96.

3. Тобольский кремль.
Покровский собор. Вид с востока.
Справа соборная колокольня.
Фото У. Брумфилда, 1999.

ний двор служил для хранения и погрузки товара.) Оказалось, однако, что купцы предпочли оставаться в нижнем городе, где у них был более легкий доступ к покупателям и к реке. Тогда ремезовское здание было приспособлено к другим целям: оно успело послужить и тюрьмой, и архивом. Несмотря на многочисленные изменения, его основная кирпичная форма сохранилась и возвышается на сибирских просторах подобно средневековому миру.

Среди других строений возле Софийского двора — Покровский собор, начатый митрополитом Антонием Нарожницким в 1743 году и изначально (1746) посвящённый свв. Антонию и Феодосию из Киево-Печерской лавры (илл. 3). Одноэтажное отапливаемое здание, предназначенное для зимнего служения, ознаменовало возобновление кирпичного строительства в Тобольском кремле после почти тридцатилетнего перерыва. Собор расширили в 1850 и — ещё раз — в 1867 году, когда он был переосвящён и посвящён Покровам⁷. Доминирующий стиль — барокко с украинскими деталями, типичными для других тобольских церквей, начавшийся в 1740-е годы, который может быть назван второй волной барочного украинского влияния.

Последним существенным компонентом Софийского двора был архиерейский дом, построенный в 1773–1775 годах, — пятое здание, построенное на этом месте. Здесь на первый план выходит неоклассицизм эпохи Екатерины Великой⁸. В трёхэтажном здании помеща-

⁷ О Покровском соборе см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 108–110; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 69–72.

⁸ Об архиерейском доме как самом раннем примере тобольского неоклассицизма см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 111–113; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 158–162; *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 126.

4. Тобольский кремль. Северные святые ворота.
Фото У. Брумфилда, 1999.

лись не только кафедра архиепископа и связанные с ней службы, но и большая домовая церковь на втором этаже. В 1925 году здание было отдано под великолепный Исторический музей, один из старейших в Сибири. Недалеко от архиерейского дома находятся Северные Святые ворота Софийского двора, построенные в ярком барочном стиле в середине XVIII века (*илл. 4*).

В целом, присутствие екатерининского неоклассицизма гораздо меньше отразилось на архитектуре тобольских церквей, чем на планировке больших домов, построенных в конце XVIII века. Влияние Екатерины II также проявилось на более высоком уровне — в принятии нового геометрического городского плана, осуществлённого Денисом Чичериным, который стал сибирским губернатором в 1763 году. Первый вариант плана был проведён в жизнь в 1767 году, а пересмотренный вариант одобрен императорским двором в 1784⁹.

Вертикальная доминанта Софийского двора, да и всего верхнего города — это колокольня собора, высота которой составляет 75 метров (*илл. 5*). Новая постройка, возведённая на месте старой колокольни, была спроектирована в 1785 году Александром Гучевым, занимавшим в 1782–1790 годах пост главного губернского архитектора. Строительство началось только в 1791 году, а в 1794 недостроен-

⁹ О принятии неоклассического городского плана см.: Кириллов В.В. Указ. соч. С. 139–140. Более полный обзор различных планов Тобольска см.: Заварихин С.П., Княжев В.В. Указ. соч. С. 68–81.

5. Софийский двор. Слева на право:
Покровский собор, соборная колокольня, ризница,
Софийский собор. Вид с востока. Фото У. Брумфила, 1999.

ная колокольня рухнула, как бы символизируя постоянные трудности, с которыми сталкивались разработка и осуществление строительных проектов в Сибири¹⁰. В том же году работа по возведению колокольни возобновилась (средства были собраны по подписке) и через три года завершилась. Строители приняли все мыслимые меры, чтобы обеспечить устойчивость колокольни, — от железных тяг в основании до более толстых стен, придающих строению потрясающую монументальность. В распоряжении звонарей имелось 15 колоколов, самый тяжёлый из которых весил 18 тонн и был самым большим колоколом в Сибири. В советское время колокола были сняты, но нынешний епископ намеревается восстановить хотя бы некоторые из них.

Софийский двор отделялся от мирской административной части кремля Софийским (Прямским) взвозом — оврагом, превращённым в дощатую дорогу-лестницу, ведущую в нижнюю часть города. Край взвоза подпирались Шведской стеной (название которых ясно говорит о национальной принадлежности строителей) и зданием, которое называют либо Рентереей (казначейством), либо Шведской палатой (*илл. б*). Вознёсшееся над двумя арками Софийского взвоза, это массивное, напоминающее крепость строение было возведено в 1714–1717 годах, но во всех других отношениях — от оформления

¹⁰ О строительстве колокольни Покровского собора см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 117–119, 122; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 156–158.

6. Софийский взвоз. Рентерея, на заднем фоне Софийский собор и соборная колокольня. Вид с юга. Фото У. Брумфилда, 1999.

окон до примитивной планировки комнат — это продукт московской архитектуры XVII столетия¹¹.

По другую сторону Софийского взвоза располагались различные административные здания, в том числе главное здание губернской администрации (построенное в 1782 году, сгоревшее в 1788 и перестроенное в 1828–1831), а также здание суда. Рядом находятся остатки большой тюрьмы, продолжавшая действовать вплоть до 1989 года, память о которой живёт и поныне. Во время моей поездки я видел большой венки, возложенный в память жертв сталинских репрессий, расстрелянных здесь в конце 1930-х годов. Хотя первая тобольская кирпичная тюрьма была построена в 1769 году, этот комплекс в основном датируется XIX веком.

Хотя большинство исторических зданий в верхней части города находятся в кремле или возле кремля, на высоком плато к северу и к востоку от кремля тоже осталось немало дореволюционных зданий. Среди этих памятников есть несколько приходских церквей — как правило, заброшенных. Старейшая и наиболее интересная из них пострадала больше других: это Спасская церковь, построенная ещё в петровскую эпоху — в 1709–1713 годах. По форме и украшениям она

¹¹ О «Шведской палате» (Рентерее) см.: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 103–105; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 99–101.

7. Церковь Спаса Нерукотворного Образа.
Вид с юго-востока. Фото У. Брумфилда, 1999.

представляет замечательное сочетание московской архитектуры XVII века (геометрически нечёткий план нижнего этажа, тяжёлая, но визуально выразительная кирпичная кладка) и специфических декоративных мотивов, возможно, имеющих (по крайней мере, отчасти) азиатское происхождение. В советскую эпоху весь верхний этаж церкви был разрушен, купола утрачены, и для исследования остался только нижний этаж (илл. 7).

Самый заметный элемент на фасаде Спасской церкви — высокие килевидные фронтоны (которые называют «пламенеющими» из-за их сходства с языками пламени) над главными окнами. Похожий мотив появляется на северо-восточном приделе Троицкого собора в Тюмени, построенного в те же годы, причём каменщиками, возможно, руководит тот же тобольский мастер Матвей Максимов¹². Хотя появление этого мотива до сих пор не получило удовлетворительного пояснения, визуальное сходство с южно-азиатскими ступами бросается в глаза. Не следует забывать, что все крупнейшие сибирские поселения были, так или иначе связаны торговлей с восточной Азией.

Роскошный килевидный мотив то и дело появляется в архитектуре сибирских церквей XVIII столетия, и чем восточнее находится

¹² Значение Спасской церкви как главного памятника так называемого «тобольского барокко» обсуждается: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 136–137; *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 152–153. На английском языке о нарышкинском барокко и орнаментализме XVII века см.: *Brumfield William Craft.* A History of Russian Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 184–193.

8. Церковь свв. Петра и Павла.
Вид с северо-востока.
Фото У. Брумфида, 1999.

памятник, тем более явным становится визуальное сходство (ср. Крестовоздвиженскую церковь в Иркутске, 1747–1758)¹³. Спасскую церковь вернули православной епархии, и её заново освящённый нижний этаж сейчас используется для службы и как здание духовной школы искусств. Надеемся, что будут найдены ресурсы для восстановления этого удивительного памятника.

Другие сохранившиеся религиозные памятники верхнего города — это церковь свв. Петра и Павла (1768–1774) и церковь Семи отроков эфесских, освящённая в 1776 году и расположенная на главном кладбище Тобольска (илл. 8). Обе эти церкви обнаруживают следы неоклассического влияния, но их основная форма остаётся в традиции солидных провинциальных барочных приходских церквей¹⁴.

Помимо кремлёвского архитектурного комплекса, большим центром каменного строительства был в Тобольске нижний город, где мы находим несколько кирпичных домов в скромном неоклассическом стиле, построенных в начале XIX века. Гораздо большее впечатление среди зданий нижнего города вызывает ряд монументальных барочных церквей, изрядно разграбленных в советское время.

Самая ранняя из сохранившихся памятников — церковь Михаила Архангела, начатая в 1745 году (илл. 9). Как это нередко случалось с

¹³ Возможность того, что эти формы связаны с нехристианской архитектурой Восточной Азии, предполагает также Кириллов: *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 103. Более детальное обсуждение см. в моей статье «Восточные мотивы в церковной архитектуре Сибири»: www.cultinfo.ru/brumfield/siberia/index.htm.

¹⁴ О приходских церквях верхней части Тобольска вкратце см.: *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 155–158; *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 132–133, 143–144.

9. Церковь Михаила Архангела.
Вид с юго-запада.
Фото У. Брумфилда, 1999.

большими кирпичными церквями в Сибири и на русском Севере, здание строилось в несколько стадий: нижняя, зимняя церковь была освящена в 1749 году, а верхняя, летняя — в 1754. Строительство было полностью завершено лишь в 1759 году, а последующие модификации были сделаны в конце XVIII и в XIX веках¹⁵. Украшение фасада, хотя и барочное по стилю, очень лаконично и привлекает

внимание в основном большими четырёхугольными окнами, сгруппированными по три. Вертикальное устремление здания подчёркивается не только высоким барочным сводом, но и торжественными лестницами, ведущими к верхней церкви, а также колокольней, возвышающейся над лестничной галереей и её верхней площадкой. Как это часто бывало во время советских антирелигиозных кампаний 1930-х годов, колокольня была разрушена. Сейчас она восстановлена в ходе реставрации этой церкви, переданной местному приходу.

На юго-запад от церкви Михаила Архангела возвышается Крестовоздвиженская церковь, одиннадцатая кирпичная церковь, построенная в Тобольске и первый в этом городе шедевр поздней барочной архитектуры (илл. 10). Расположенная в неприглядном месте в татарском районе вблизи слияния речки Абрамовки с Иртышом, церковь возвышается над искусственным холмом, сооружение которого было вызвано необходимостью создать твёрдую почву на этой болотистой территории. После того, как приход собрал средства, чтобы заменить старую деревянную церковь, два местных купца,

¹⁵ Об истории строительства церкви Михаила Архангела см.: *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 160–163; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 111–114. См. также: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 183–184.

10. Церковь Воздвижения
Честного Креста Господня.
Фото У. Брумфила, 1999.

братья Медведевы, пожертвовали участок, на котором насыпали небольшой искусственный холм, призванный защищать их новые дома от наводнений¹⁶. Строительство церкви началось в 1753 году, а в 1761 была завершена нижняя отапливаемая церковь с трапезной, пристроенной к бывшему дому Медведевых. Через десять лет была освещена верхняя, летняя церковь, однако из-за хронической нехватки

средств постройка колокольни затянулась до 1784 года — таким образом, весь комплекс строился более тридцати лет.

Принимая во внимание столь длительное время, в течение которого возводилась Крестовоздвиженская церковь, остаётся только удивляться её монолитному единству, в котором объём главного храма составляет контрапункт массивной колокольне. Барочный ритм оконных наличников и изогнутая линия карниза создаёт гармонию веса и пропорций, так недостающую церкви Михаила Архангела. Такой же баланс достигнут совершенно иными способами в возвышающейся восьмиугольной колокольне. Северный фасад предлагает новую вариацию форм — длинный придел, построенный в 1790—1798 годах. Интерьер этого храма принадлежал к числу наиболее пышных среди тобольских церквей, но в этом опустошенном здании мало что сохранилось. Как и в XIX веке, шпиль этой церкви мирно соседствует с минаретом соседней каменной татарской мечети.

Высшим выражением позднего барокко в Тобольске стала церковь Захарии и Елисаветы, начатая в 1757, а законченная только в

¹⁶ Крестовоздвиженская церковь как первое выражение позднего барокко в тобольской архитектуре обсуждается: *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 167—171; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 132—134. См. также: *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 155—157.

11. Церковь Захарии и Елисаветы.
Вид с юго-востока.
Фото У. Брумфилда, 1999.

1776 году¹⁷. Здесь все элементы сливаются в ясно определённую, но притом и пышную форму (илл. 11). К главному трёхэтажному объёму с севера и юга примыкают два двухэтажных придела, чьи закруглённые углы заставляют вспомнить об изогнутых линиях верхней церкви. Карниз не отделён от главной кубовидной постройки, как и в Крестовоздвиженской церкви, а поднимается вверх в едином

движении формы. Вверху основной объём храма завершается пятью куполами — это традиционная русская форма, которой пренебрегали строители барочных церквей в Tobolske начала XVIII века. Колокольня, вырастающая из большой трапезной, создаёт тщательно выверенное равновесие с основной постройкой.

Частью интерьера церкви Захарии и Елисаветы когда-то был самый богатый барочный иконостас в западной Сибири, но единственным свидетельством тому сегодня остаются только ранние документальные фотографии. В 1930-х годах интерьер этого прекрасного памятника был уничтожен, были разрушены колокольня и купола. Поскольку приходским нуждам отвечает близлежащая церковь Михаила Архангела, восстановление церкви Захарии и Елизаветы, и в том числе её колокольни, идёт крайне медленно.

Мне удалось сфотографировать ещё несколько сохранившихся церквей нижнего города; все они полуразрушены и либо используются в промышленных целях, либо находятся на разных стадиях консервации. Это церковь Андрея Первозванного (1755), церковь

¹⁷ О церкви свв. Захарии и Елизаветы см.: *Заварихин С.П., Княжев В.В.* Указ. соч. С. 172–176; *Заварихин С.П.* В древнем центре Сибири. С. 171–175; *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 115–119.

12. Церковь Андрея Первозванного. Вид с юго-востока.
Фото У. Брумфилла, 1999.

Рождества Пресвятой Богородицы (1744–1761) и церковь Параскевы Пятницы (1754–1775). Первые две из них построены по образцу барочных приходских церквей (*илл. 12, 13*), а Пятницкая церковь — самая ранняя тобольская церковь, отражающая влияние неоклассицизма.

В результате бóльшая часть инвестиций в современные магазины и другие виды предпринимательства направляется в современный верхний город. Там находится новый областной административный центр, новая гостиница «Славянская» (построенная в конце 1980-х годов югославской фирмой), большая Евангелическая баптистская церковь (1999) и секционные многоэтажки, в кото-

13. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Вид с юга.
Фото У. Брумфилла, 1999.

рых живёт большинство горожан. Современная часть города развивалась во многом благодаря надежде, что Тобольск получит свою долю в нефтяном буме, особенно после постройки нефтеперегонного и нефтехимического завода.

Тобольск и Тюмень — неотъемлемая часть российского наследия в Сибири. В обоих городах работают многочисленные культурные учреждения; тобольский Исторический музей вынашивает амбициозные планы развития, а русская православная церковь усиливает свою деятельность под энергичным руководством Дмитрия, архиепископа Тобольского и Тюменского (епархия образована в 1990 году). Первая сибирская православная семинария советского времени открылась в 1989 году близ Софийско-Успенского кафедрального собора, и историческое здание прекрасно отреставрировано¹⁸.

¹⁸ Как отмечают Заварихин и Князев, высокий уровень грунтовых вод наряду с возросшим транспортным движением (преимущественно грузовым) также способствует разрушению оснований исторических зданий: *Заварихин С.П., Князев В.В.* Указ. соч. С. 46.

ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ
И
ПАМЯТНЫЕ МЕСТА
В ЕВРОПЕ

Гузевич Дмитрий
(Франция)

*Сотрудник Центра изучения российского,
кавказского, центрально-европейского пространства
Школы высших социальных исследований*

Гузевич Ирина
(Франция)

*Сотрудник Центра Мориса Альбракса
Школы высших социальных исследований*

Петровские памятники и памятные места в Европе¹

За пределами России насчитывается около 600 памятников, памятных мест и объектов, связанных с именем Петра I или с именами его ближайших помощников, на которых падал отблеск его имени.

¹ В основе настоящего текста лежат две группы источников. Во-первых, это итоговая обработка той информации, которую нам присылали и присылают наши коллеги, занимающиеся изучением европейских петровских памятников: Н.С. Андреева (Эстония), В.В. Аристов (по Венгрии), Ганс Баггер (Дания), Эммануэль Вагеманс (Бельгия), Фарида Гусейнова (Голландия), Энтони Кросс (Великобритания), С.А. Мезин (по Франции), В.А. Писарева (Германия), М.Г. Талалай (Италия), Искра Шварц (по Австрии и Словакии). И, во-вторых, это материалы натуральных обследований, полученные в ходе путешествий по петровским местам Европы, которые авторы совершают с 2001 года. Это 4 больших путешествия: по обратному маршруту Великого посольства (август 2006); по следам петровских стольников и дипломатов по Балканам (июль–август 2011); по Румынии, Венгрии и Словакии (июль–август 2014); по части маршрута второго путешествия Петра (апрель–май 2015). И около 20-ти путешествий «точечного» характера: в Магдебург (май 2001), Амстердам и Заандам (февраль 2002), Лондон, Оксфорд, Хамптон-корт (апрель 2002, октябрь 2005, май 2007), Женеву (июнь 2003, июль 2013), Вену (февраль 2003), Шербург (декабрь 2003); Копенгаген и Шлезвиг (июнь 2004),

Даже если мы отделим те памятники, которые находятся на территориях, ранее входивших в состав Российской империи, а теперь оказавшихся за пределами Российской Федерации («ближнее зарубежье»), всё равно останется около 400 мест и объектов. Причём выявлены далеко не все. Так, например, только в мае 2015 года, проехав по 27 городам, связанным со вторым путешествием Петра в 1716–1717, мы в Северной Германии, Дании и Голландии выявили 7 неизвестных ранее памятников, памятных и информационных досок. Ещё 4 были открыты в прошлом году Эммануэлем Вагемансом в Голландии, не считая топонимических объектов.

Ситуация в истории совершенно уникальная. В отличие от России, Пётр I не производил реформ в Западной Европе, не создавал там учебных заведений, не основывал городов, не строил флота и даже не рубил голов стрельцам. И, тем не менее, такой памятью вне границ собственного государства может похвастаться разве что Наполеон I, хотя памятников и мемориальных досок, связанных с его именем, вне Франции явно меньше. Ну, а любые другие европейские правители, в том числе и самые знаменитые, как Фридрих II или Людовик XIV, отстают очень далеко. Уникальность ситуации усиливается появлением мифических петровских объектов — от мемориальных досок в память событий, которых не было, до домиков Петра в странах и городах, которые он не посещал. Для начала дадим общую картину.

ОБЩИЙ ОБЗОР

По 1–2 памятника и памятных места находятся в Молдавии, Норвегии, Сербии, Турции, Хорватии;

от 3-х до 10-ти — в: Венгрии, Латвии, на Мальте, в Словакии, Турции, Финляндии, Черногории, Швейцарии;

от 11 до 20 — в Дании, Чехии и Швеции;

от 21 до 30 — в Австрии, Италии;

от 31 до 40 — в Бельгии;

от 41 до 50 — в Великобритании, Германии, Франции.

Рекордсменом выступает Голландия — более 80 объектов.

Страны «ближнего зарубежья» значительно отличаются друг от друга по численности таковых памятных мест. Несколько, связанных с Прутским походом, есть в Молдавии, десятка полтора — в Белоруссии. Зато много на Украине — более 50-ти.

Стокгольм (июнь 2004), Гамбург и Любек (декабрь 2006), Утрехт, Гаагу, Лейден и Амстердам (апрель 2007), Дьепп (август 2008), Брюссель, Антверпен и Заандам (апрель 2012), Венецию (2014), Карловы Вары (сентябрь 2014), Баасроде (март 2015).

1. Карловы Вары,
отель Сальватор.
Одна из последних
мемориальных досок
(установлена в 2012?).
Фото И.Д. Гузевич,
сентябрь 2014.

Укажем также на определённую условность указанных цифр. Они включают, с одной стороны, монументы, мемориальные и информационные доски, а, с другой, места связанные с Петром I, о которых неизвестно, существуют ли там какие-либо памятные знаки. Причём ситуация меняется достаточно

быстро, и новые знаки появляются регулярно. Мы это наблюдали в самых разных странах: в Карловых Варах (Чехия; *илл. 1*), Хавенбурге (Германия), Амерсфорте (Голландия).

Все памятники и памятные места разделяются с материальной точки зрения и с точки зрения фиксации памяти.

В первом случае можно выделить 5 групп:

1. Города, в которых бывал Пётр, но где о конкретных местах его пребывания неизвестно.

2. Сады, парки, дворцы, заведения, которые он посещал.

3. «Домики Петра» — т.е. дома, гостиницы и постоялые дворы, в которых он жил; таверки и кабаčky, которые он посещал.

4. «Деревья» Петра — те, которые он посадил, или которые, почему-то привлекли его внимание. Таковых осталось мало (например, в Коппенбрюгге) в виду ограниченного срока жизни дерева, но позднее остаются стволы или охраняемые пни, как это ни смешно звучит (Рига, Таллин).

5. Города, которые он основал, или дворцы, которые построены по его указанию. Таковые имеются лишь на территориях, ранее входивших в состав Российской империи, например, в Эстонии: порт Рогервик (Палдиски) на Балтике или Кадриорг в Ревеле (Таллине).

Да и во втором случае тоже возникают 5 групп:

1. Те, о которых мы знаем, что они связаны с именем Петра и его окружения, но где нет (или пока нет) никаких знаков.

2. Амстердам. Мемориальные доски, установленные к 250-летию Великого посольства в 1947 году на здании Адмиралтейского линьбана. Фото И.Д. Гузевич, сентябрь 2007.

2. Те, которые удостоились информационных табличек.

3. Те, которые имеют монументальные мемориальные доски, часто с барельефами или горельефами.

4. Там, где есть монументы — во весь рост или бюсты.

5. Там, где были таковые доски и монументы, но в дальнейшем исчезли.

Каковы причины появления памятников и памятных петровских мест в различных странах? Начнем с Голландии, где сосредоточено их наибольшее число — не менее 81.

Пётр побывал в Голландии дважды — в 1697–1698 и 1716–1717 годах. Первый визит явился шоком для обеих

сторон. Второй прошёл как рефрен первого, быть может, с элементами ностальгии, но и с бóльшим недоброжелательством нидерландских властей. От первого осталось больше легенд, а от второго — мемориальных знаков. В ряде случаев, как в Саардаме (Заандаме) второе путешествие закрепило легенды первого. Сейчас Заандам, по-видимому, самый «петровский» город в Европе — и по памятникам, и по памяти. Вы можете на улице задать вопрос «Царь Петер?», и вам тут же укажут, куда пройти. В 2006 году мы в Заандаме припарковались в запрещённом месте. Тут же появился полицейский. Спросили у него, как пройти к домику Петра. «А, czar!», — расплылся тот в улыбке, — «идите, я посмотрю, чтобы вас не оштрафовали».

В Амстердаме наиболее серьёзным объектом являются две мемориальные доски (портрет царя и текст его диплома), установленные

в 1947 году на здании Адмиралтейского линьбана. Последний находился на территории Ост-Индской компании, где жил Пётр в 1697–1698 годах (илл. 2).

А от второго путешествия осталось много мемориальных знаков, которые всё продолжают и продолжают открываться. Только в Маастрихте Вагемансом при работе над его книгой «Царь в республике» выявлено три памятных знака: бюст и две надписи.

В мае 2015 года, в Амерсфорте, во дворе дома, где останавливался царь в декабре 1716, мы обнаружили мемориальную надпись.

Следующий блок — Англия, где Пётр побывал в 1698 году, и где число известных на сегодня памятных мест — 48. Ровно столько же петровских объектов зафиксировано в Германии, хотя их, наверняка, много больше. Но появились они уже от целого ряда путешествий — как от двух больших, так и от малых — в 1711, 1712, 1713, 1714 годах. Но не надо забывать, что в те годы Германия существовала лишь как культурное понятие, а географически это было множество мелких государств. В северной Германии велись боевые действия со шведами, владевшими здесь рядом прибалтийских крепостей и портов. Однако, на удивление, памяти об этом не сохранилось, даже в тех случаях, когда Пётр сам участвовал в событиях, как в Хусуне. А вот о пребывании Петра в городах во время различных дипломатических переговоров информация есть. Например, в Хавенбурге, где около собора сохраняется комплекс домов монастыря. В доме настоятеля шли в ноябре 1716 года переговоры между Петром I и Фридрихом Вильгельмом I (и там же жил король), а в доме его помощника жил сам Пётр. На стене одного из зданий комплекса висит информационная табличка (илл. 3, 4).

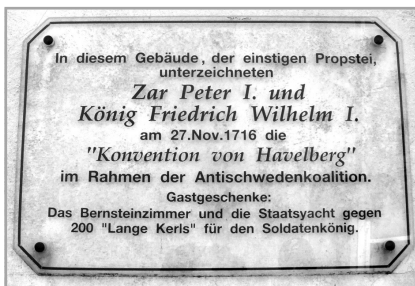
Затем, по убывающей, идёт Франция, где Пётр пробыл всего 2 месяца и 2 дня. Но этот визит задокументирован подневно и во множестве источников. Однако мемориальных досок, фиксирующих этот визит, не так уж и много. Например, мемориальная доска висит на здании, стоящем на месте отеля Ледигьер, в котором Пётр проживал в Париже.

Затем — Бельгия (31 объект), Австрия (25) и Чехия (14 объектов). Во всех трёх странах большое место в списке петровских объектов занимают бальнеологические курорты, на которых царь проходил лечение. Баден — под Веной, Спа — в Бельгии, Карлсбад и Теплицы — в Чехии. Впрочем, они были и в Германии (Пирмонт), но просто в Бельгии, Австрии и Чехии они занимают бóльший удельный вес.

Укажем ещё Данию, где русский царь был несколько месяцев в 1716 году. С одной стороны — множество визитов и посещений, с

3. Хавельберг. Дом, где жил Пётр I в ноябре 1716 года во время переговоров с прусским королём Фридрихом Вильгельмом I.
Фото И.Д. Гузевич, май 2015.

4. Хавельберг. Информационная табличка о подписании договора между Петром I и прусским королём Фридрихом Вильгельмом I.
Фото И.Д. Гузевич, май 2015.

другой — явное неудовольствие, которое союзники испытали друг по отношению к другу. Но в королевской резиденции Фредериксборге, где в парадном зале на картушах зафиксированы важнейшие события, один из них посвящён визиту Петра Великого в 1716 году (илл. 5).

Особняком стоят прибалтийские страны — Латвия, отчасти, Литва, и, особенно, Эстония. С одной стороны, это территории, на которых велась Северная война, с другой стороны, Пётр там часто бывал уже после вхождения этих земель в состав Российской империи. Свою роль также играла близость Эстляндской губернии к Петербургу. В отличие от множества других мест, где сохранились домики Петра, под Ревелем была создана также императорская резиденция — Кадриорг. Благодаря близости к строившейся столице, в Эстляндии раздавались мизы многим лицам из петровского окружения, или они их получали позднее. Это Меншиков, Ягужинский, Миних, Го-

5. Картуш в парадном зале королевской резиденции Фредериксборга, посвящённый визиту Петра Великого в 1716 году.
Фото И.Д. Гузевич, май 2015.

ловин, Ганнибал. Петр в 1718 году основал здесь и новый город-порт — Рогервик (позднее Балтийск, ныне Палдиски).

Количество памятных мест в Эстонии, конечно, поражает — более 90. Отчасти это связано с тщательностью работы Н.С. Андреевой, которая, проживая в Таллине, занимается изучением этой территории.

Вот, пожалуй, и все страны, которые посетил, собственно, Пётр. В остальных оставили следы его ближайшие сподвижники и его посланники.

Южная Европа связана, в основном с эпохой Великого посольства, когда в эти края была послана на обучение целая группа стольников, а также ездил боярин Б.П. Шереметев. Это Италия (условное название культурного ареала, как и в случае с Германией) — 25 объектов, Черногория — 8, Мальта — 5, Хорватия — 1. Обратим внимание на Черногорию. Речь идёт о знаменитой Которской бухте, о Перасте и Которе, где в школе Марко Мартиновича обучались стольники.

И вот здесь хотелось бы обратить внимание на понятие музея как памятника. Причём речь не идёт о реликвиях музейного хранения. Но вот куда отнести сам музей, в котором собрана целая группа петровских реликвий, впрочем, как и всю коллекцию в целом? Когда

6. Сремски Карловицы (Сербия). Католическая капелла мира на месте заключения Карловицкого мира (построена в 1817, реставрирована в 2009–2011). Фото И.Д. Гузевич, август 2011.

в Перасте или Которе в Черногории, в Хавельберге в Германии или в Карловых Варах в Чехии спросите про Петра I, Вас направят в музей — для них это петровское место, в котором собрано то, что связано с русским царём, хотя сами здания этих музеев к Петру I не имеют никакого отношения, в отличие от музеев в голландском Зaanдамe, английском Лондоне (Кенсингтон), швейцарской Женеве (музей в Прени в замке де Пант), французском Париже (отель Инвалидов), немецком Фридрихштадте или датском Фридрихсхофе.

На наш взгляд, музеи, бережно хранящие петровские реликвии, это отдельная категория объектов, которые должны в своей целостности рассматриваться в рамках петровских памятников. Подчёркиваем: сами музеи, а не элементы их коллекций.

Ещё группа объектов связана с событиями Северной войны и двух русско-турецких войн. В южной Европе это Сремски-Карловицы в Сербии, где проходили переговоры союзников с Османской империей и в 1699 году был подписан Карловицкий договор — на этом месте в 1817 году воздвигнута капелла (илл. 6); Семибашенный замок в Константинополе в Турции, где после Прутской катастрофы томились русские послы, а также захоронение русского дипломата Емельяна Украинцева в Эгере (Венгрия). А вот в Швеции не менее 19 объектов, где содержались русские военнопленные, захваченные, в основном, во время Нарвской катастрофы. На некоторых из них есть мемориальные доски. В Финляндии не менее 7 памятников, связанных с Северной войной: и места содержания пленных, и места

захоронения, и места боёв — полуостров Ханко (Гангутское сражение), и места проведения переговоров, как на Аландских островах, так и в Ништадте (ныне — Усикаупунки).

Последняя большая группа памятников (как правило, монументов или мемориальных досок) посвящена союзникам Петра, как Ференцу II Ракоци в Венгрии и Словакии, а также «птенцам гнезда петрова», но уроженцам других стран, и находится там, где они родились или похоронены. Это памятник российским адмиралам Корнелиусу Крюйсу в Ставангере (Норвегия) и Матия Змаевичу в Перасте (Черногория), памятники и топонимические объекты, связанные с именем Франсуа Лефорта в Женеве (Швейцария), могила Марко Мартиновича на острове Мёртвых в Перасте; подавляющее большинство памятников в Румынии связано с Дмитрием Кантемиром. В определённом смысле сюда же могут быть отнесены и антипетровские памятники (впрочем, как и мифы), связанные с именами Мазепы, Орлика и, наконец, самого Карла XII. Они расположены как в ближнем, так и в дальнем зарубежье — на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии.

Из наиболее любопытных объектов назовём дом в Токае, где находилось здание торгового представительства России, закупавшего токайские вина для царского двора. Кабачки и таверны, в которых Пётр выпивал, отмечены по всей Европе, а вот место закупки вин — одно.

Теперь по времени появления. Едва ли не первую мемориальную доску установили в Спа (Австрийские Нидерланды, ныне — Бельгия), да ещё издали рекламную книжку — через год после визита царя, в 1718 году. А источник, водой которого он лечился, назвали «Источник Петра Великого» (Pouhon Pierre le Grand). Спа уже тогда был курортом и пребывание русского царя являлось лучшей рекламой. Думаем, что близкая ситуация наблюдалась и в Карлсбаде (Карловых Варах). Однако там большинство зданий погибли в 1759 году в огромном пожаре, уничтожившем значительную часть города. Поэтому современные памятные доски более позднего происхождения.

Впрочем, в Австрийских Нидерландах местные власти среагировали быстро не только в Спа, но и в Брюсселе, и в Маастрихте: надписи на фонтане, на доме, на стене пещеры.

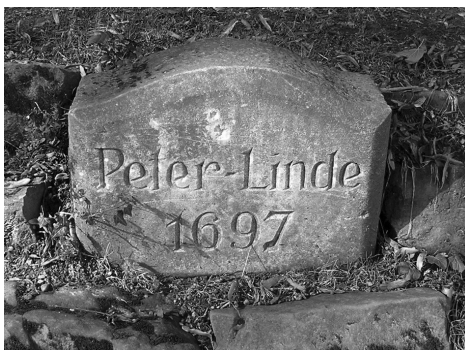
В течение XVIII и в первой половине XIX века начинают музеефицироваться объекты, связь которых с Петром зафиксирована в фольклорной памяти. Эти же объекты становятся местом паломничества. В первую очередь, речь идёт о Саардаме/Заандаме, который коронованные (начиная с императора Иосифа II и шведского короля Густава III) и титулованные (начиная с графа Северного — будущего Павла I)

7. Коппенбрюгге,
«Дерево Петра» (Peter Linde).
Фото И.Д. Гузевич, август 2006.

особы стали посещать с начала 1780-х годов. Но также, например, и Коппенбрюгге с табличкой перед «Деревом Петра» (Peter Linde; *илл. 7, 8*).

Впрочем, с 1814 года, когда Александр I возложил на камин домика в Заандаме мраморную доску с надписью «Petro Maupo. Alexander», в этот процесс стали вмешиваться и сами русские. Так, например, в 1854–1856 годах бюсты Петра Великого работы немецкого скульптора Христиана Даниэля Рауха были подарены кн. Анатолием Демидовым городам Брюссель и Спа. В 1911 году Николай II дарит копию памятника «Царь-плотник», работы Л.А. Бернштама, Заандаму.

8. Коппенбрюгге, мемориальный камень
перед «Деревом Петра».
Фото И.Д. Гузевич, август 2006.

Процесс появления петровских памятников усиливался в годы юбилеев. Так,

в 1872 году, к 200-летию Петра, в Европе было установлено несколько мемориальных досок и бюстов русского царя. Например, в Карлсбаде: мемориальные доски в вестибюле дома «Красный орёл», в котором Пётр жил (*илл. 9*), и на доме «Павлин», в строительстве которого он, по легенде, участвовал, а через 5 лет, в 1877 году — бюст на скале. В 1872 году жители Нарвы установили памятник Петру перед ратушей. Целая серия памятников была установлена в годы юбилеев Северной войны. В 1908 году — к 200-летию сражения под

9. Карловы Вары.
Мемориальная доска в вестибюле
дома «Красный орёл», в котором
Пётр жил в 1711 и 1712 годах.
Фото И.Д. Гузевич, сентябрь 2014.

Лесной, а в 1909 — несколько памятников к 200-летию Полтавского сражения на Украине, и присоединения к российской территории Прибалтики: в Риге и в Ревеле (ныне Таллин). Но, собственно, это всё территория тогда Российской империи. Но были памятники к юбилеям и вне её границ: к 200-летию пребывания Петра в Карлсбаде — бронзовый горельеф в нише ограды русской церкви.

Впрочем, к юбилеям были приурочены и памятники противникам Петра, например, в 1914 году в Будапеште и Дебрецене были установлены доски Карлу XII в год 200-летия проезда здесь короля.

Но здесь начинается Первая мировая война, а после неё — распад империй. И петровские памятники перестают ставиться, а начинают активно уничтожаться, особенно в Прибалтике. Молодым республикам кажется, что уничтожив свою память, они станут более независимыми. Так исчезают памятники в Нарве, Риге, Таллине. Причём советская власть не только не пыталась защитить эту память, но и сама уничтожала монументы царю под предлогом малой художественности. Достаточно вспомнить судьбы памятников Петру I в Ленинграде. Варварство многолико, но у него всегда присутствует одно свойство: оно уничтожает память, плодя манкуртов.

Заметим, что в Прибалтике процесс уничтожения памятников опять возобновился после распада СССР, может быть не так ярко, и более скрытно. Например, путём замены мемориальных досок информационными табличками. Так, под предлогом художественного несоответствия, снята чугунная мемориальная доска в честь Ганнибала на Доме коменданта в Таллине, а вместо неё установлена не имеющая ценности информационная стеклянная табличка для туристов.

10. Коппенбюрге. Мемориальная доска на стене замка.
 Фото И.Д. Гузевич, август 2006.

В перерыве между мировыми войнами появлялись, скорее, «антипетровские» памятники. Оговорим условность этого термина: конечно, эти доски и монументы устанавливались не в пику Петру, но в память о его противниках или о его поражениях. Однако слава многих из этих лиц связана именно с тем, что они были противниками Петра, и, помня о них, люди с неизбежностью сохраняют память о русском царе. Положительную или отрицательную — неважно. Сам факт сохранения памяти важнее. Так, в 1936 году в Нарве был установлен «Шведский лев» в память победы шведской армии над русскими войсками в сражении 1700 года. Из памятников союзникам Петра укажем на установленные в Будапеште в 1935 году, как, впрочем, много ранее, в 1912 году, и в Сегеде конные статуи Ференца II Ракоци.

Следующий период — разрушение памятников во Вторую мировую войну (например, под Полтавой) и их послевоенное восстановление. Затем — затишье.

Взрыв петровского «памятнικοстроительства» наступает с 1990-х годов, после развала Советского союза. Здесь играет роль целая группа факторов. Во-первых, серия 300-летних юбилеев, начиная с Велико-го посольства (1697/98) и создания русского флота (1696). Входит в силу система перекрёстных культурных годов, в ходе которых создают памятники и вешают памятные доски в Европе как Россия, так и сами европейцы. Более того, европейцы везут в Россию копии унич-

11. Пераст. Остров св. Георгия в Которской бухте, могила Марко Мартиновича. Фото И.Д. Гузевич, август 2011.

тоженных в советскую эпоху монументов. Например, Царю-плотнику в Петербурге. В основе — копия с оригинала, хранящаяся в Заандаме. Голландцы привезли и копию петровского домика оттуда же.

Ещё один фактор — резкое увеличение туристического потока из России. Понятно, что к петровским местам люди пойдут. И, наконец, деятельность «новых русских»: каждому приятно иметь где-нибудь «свой» памятник Петра или, на худой конец, мемориальную доску. Так возникли, например, мемориальная доска в Коппенбрюнге или монумент в частных владениях в Карловых Варах.

В целом за посленую четверть века появились памятники и мемориальные доски, посвящённые Петру и его сподвижникам, в Лондоне, Годэлминге, Амстердаме, Амерсфорте, Реймсе, Дрездене, Роттердаме, Антверпене, Брюсселе, Коппенбрюнге (илл. 10), Заандаме, Карловых Варах, Женеве, Вильнюсе и в других городах.

Иногда проблемой является доступ к памятнику. Так, Марко Мартинович в Перасте был похоронен на о. св. Георгия, который прославлен А. Беклиным в его «Острове Мёртвых». Туристов на остров не пускают в принципе — он находится в частном владении. Однако капитан частного катера, которому приходится перевозить и жителей острова, смог договориться, и нас пустили. Сейчас это дом отдыха католических священников и там живёт коммуна из 17 человек. Большая часть старых могил уничтожена, но захоронение Мартиновича сохранено (илл. 11). Другой пример: недавно возникший в Карловых Варах памятник Петру в частных владениях новых рус-

12. Карловы Вары, памятник Петру I в резиденции «Аберг на Дубской горе». Фото И.Д. Гузевич, сентябрь 2014.

ских «Аберг на Дубской горе». Однако там шли ремонтные работы, менялись владельцы, но нам удалось сфотографировать и обмерить памятник (илл. 12).

О памятниках-«рекордсменах». Самый оригинальный монумент Петру I, — в виде ананаса, — воздвигнут в саду шлосса Швоббер-Мюнхаузен недалеко от Бад-Пирмонта в память визита Петра I, который летом

1716 года приехал осматривать ананасные теплицы (илл. 13, 14). Самая оригинальная мемориальная доска — в Амерсфорте (Голландия), — в виде ресторанного меню, написанного мелом (в действительности, это не так) во дворе дома, где останавливался царь в

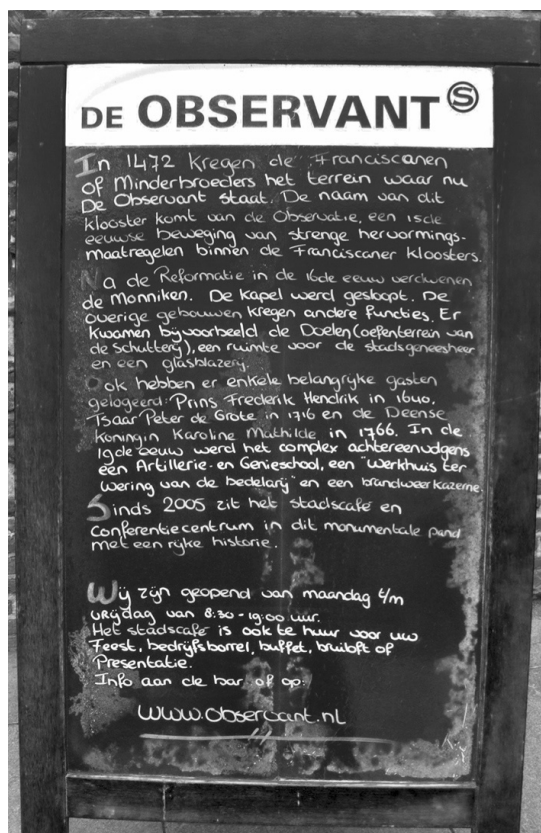

13. Шлосс Швоббер-Мюнхаузен. Памятник Петру I в виде ананаса. Фото И.Д. Гузевич, май 2015.

14. Шлосс Швоббер-
Мюнхаузен. Мемориальная
доска на памятнике Петру I.
Фото И.Д. Гузевич, май 2015.

15. Амерсфорт.
Мемориальная доска
в виде ресторанного меню.
Фото И.Д. Гузевич,
май 2015.

16. Хавельберг. Памятник Петру I и Фридриху Вильгельму I. Поставлен 16 апреля 2015 года. Фото И.Д. Гузевич.

декабре 1716 (илл. 15). На доске перечислены события, связанные с домом, в т.ч. и визит Петра I в 1716 году. Сейчас там ресторан, хозяин которого выставил эту надпись по собственной инициативе. Ну, и самый последний по времени из установленных в Европе, — в Хавельберге, — 16 апреля 2015 года (илл. 16).

ПЕТРОВСКИЙ МИФ ЕВРОПЫ²

До сих пор мы говорили о памятниках, посвящённых реальным событиям. Сейчас же речь пойдёт о культурном мифе.

Подчеркнём ещё раз: мы говорим о развитии мифа не в стране, где правил данный монарх, а в «зарубежье» по отношению к его владениям. Для примера: Матиуш Корвин или Ференц II Ракоци —

² Тема петровского мифа уже долгое время является одним из наших исследовательских сюжетов. Этой теме посвящено несколько наших работ (*Вагеманс Э., Гузевич Д.* Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды: Две повести Абрахама Ханса. СПб.: Европейский Дом, 2014. 105 с.; *Gouzevitch D., Waegemans E.* Peter de Grote in Baasrode: Waarheid en Legende. Antwerpen: Benerus, 2014. 110 p.; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Европейский петровский миф // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 64. 2012. С. 94–101; *Они же.* Мифологизация Петра I в Европе // Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб.: Скрипторим, 2015. С. 447–469) с обширной библиографией. Отсылаем к ним читателей, а здесь рассмотрим общую картину и случаи, появившиеся в поле зрения лишь недавно и ещё не описанные.

вне конкуренции на территории «старой» Венгрии. Но за её пределами нет, скажем, «мифа Ракоци».

Ситуация с Петром I совершенно иная. Безусловно, играет свою роль экстравагантность поведения царя, а также то, что он много путешествовал по Европе. Однако ездили по другим странам ещё, как минимум, шесть российских монахов: Павел I, три Александра и два Николая. Кое-где зафиксированы памятные места и сохранились памятные доски (как в случае с Александром I и Александром III в домике Петра I в Заандаме), где-то возникли топонимические памятники (как мост Александра III в Париже), но говорить о «европейском мифе» любого из этих персонажей не приходится в принципе.

Когда мы имеем дело с реальным событием, миф зарождается на основе исторического анекдота, в котором факты могли быть препарированы, дополнены и развиты человеческой фантазией, пусть даже с ошибками, происхождение которых объяснимо. Например, ситуация, связанная с ночевкой Петра и его свиты из 12 человек в Герольдмейстерском и Королевском отеле городка Годалинг во время путешествия в Портсмут в марте—апреле 1698 года. Им было приписано поглощение какого-то противоестественного количества еды, и вроде бы информация опиралась на счёт трактирщика. В действительности же речь идёт о частном письме стороннего лица, при описании пантагрюэльской трапезы, воспользовавшегося гиперболой — вполне распространённым литературным приёмом, в том числе и в эпистолярном жанре. Однако, в память события 4 декабря 1998 года отель украсился мемориальной доской.

Другой пример — утверждение, что Пётр I проживал в Лондоне на Бэкингем-стрит 15—16, но где в действительности царь никогда не бывал, и проживал на Норфолк-стрит, несколько ниже по течению Темзы. Однако легенда была так сильна, что на доме 15 по Бэкингем-стрит появилась и долгое время висела мемориальная доска.

Иногда миф, создаваемый искусственно, и даже фиксируемый с помощью артефактов, «не приживается», и тогда артефакты исчезают сами собой, а через несколько лет о них уже никто не помнит. Подобная история не так давно произошла в Карловых Варах (ранее — Карлсбаде), который русский царь посетил дважды — в 1711 и 1712 годах. Здесь, на улице Вржиделни (Гейзерная) находится дом под номером 13/85, известный как дом «Пётр». На доме имеется знак в виде вензеля Петра I и мемориальная доска с барельефным портретом царя в связи с событием, широко известным в городе: Пётр, проходя мимо строившегося дома «У Павлина», находившегося напротив гостиницы «Золотой вол», не удержался и принял участие в работе. Этого оказалось достаточно, чтобы гостиница «Золотой вол»

17. Хавельберг. Копия деревянной русалки, вырезанная, по преданию, Петром I. Хранится в городском музее, в соборе.

превратилась в гостиницу «Пётр», а на русской церкви в Карлсбаде появился мемориальный горельеф. Однако со временем дом «У Павлина» исчез, а гостиница распространилась и на соседний дом под № 15. Вход в неё — через дом «Пётр». Перейдя из дома в дом, попадаешь на рецепшн. Напротив — большая фреска в барочном стиле, изображающая, по-видимому, Полтавское сражение. По рассказу жителя города, Радека Вопршала, работавшего официантом в ресторане «Пётр», ещё в 2008 году на месте фрески находилась застеклённая витрина с открытыми кирпичами, которые якобы клал Пётр I. Даром, что и дом не тот, и кирпичи не те. Судя по всему, витрина появилась после 1995 года, когда в городе ожил культ Петра Вели-

кого, и была заменена на фреску в 2011 году, когда шла подготовка к 300-летию посещения Петром Карлсбада. Прошло всего три года, но никто из сотрудников гостиницы уже ничего не знает и никогда не слышал о витрине.

Миф может не только сохранять памятник, но и служить причиной его исчезновения. В Хавельберге в ноябре 1716 года произошла встреча Петра I и прусского короля Фридриха Вильгельма I. Пётр провёл там 5 дней и в свободное время не отказывал себе в удовольствии поработать на местной верфи. По рассказанной нам легенде, он изготовил носовую фигуру в виде русалки для яхты, на которой позднее в Петербург были перевезены панели Янтарной комнаты. Когда яхта отслужила свой век, русалку перенесли на тимпан фронтона здания, находившегося недалеко от верфи — современный адрес Хавельстрассе 44. Эту легенду услышал после войны советский

18. Хавельберг. Хавельстрассе, дом 44. На тимпане фронтона здания до 1948 года находилась деревянная русалка, вырезанная, по преданию, Петром I.

комендант города, и, покидая свой пост в 1948 году, просто спёр русалку с фронтона и увез в СССР. Более её никто никогда не видел. Однако легенда была так дорога жителям города, что они по старым рисункам восстановили фигуру, и эта копия сейчас экспонируется в городском музее (илл. 17, 18).

Особняком стоят мифы ономастического характера. Наиболее яркий из них связан с наименованием города в Голландии, куда так рвался Пётр и где он пробыл всего 8 дней. У города есть как бы две группы названий: Саардам/Сардам (Saardam/Sardam), как он известен из документов и легенд эпохи Великого посольства, и Заандам/Зандам (Zaandam), как он именуется ныне. Этот вопрос мучает исследователей, которые обращаются не столько к документам, сколько к легендам и народной этимологии. Г.Е. Жакоб: «Это название происходит, по-видимому, от “Czaardam”, как иногда называли Заандам в память о пребывании там русского царя (“czaar”). Голландское Czaardam превратилось затем в Saardam, или Са(а)рдам».

Теоретически такое могло быть. Из российской истории мы знаем как Саарская (Сарская) мыза, подаренная Екатерине Алексеевне в 1710 году, превратилась в Сарское село, и затем, — в Царское село, где возникла одна из самых роскошных императорских резиденций под Санкт-Петербургом.

Однако в случае с Заандамом/Саардамом ситуация иная. В 1996 году было опубликовано факсимиле рукописного документа, где место, о котором идёт речь, называется Saerdam³. Документ датируется 17 декабря 1608 года, т.е. эпохой, когда не только о Петре I в Заандаме, но и даже о династии Романовых в Москве ещё никто не слышал. А в декабре 1698 года известные саардамские купцы отец и сын Кальфы написали Петру I письмо на голландском языке, где совершенно однозначно стоит «Saardam», а не «Zaandam»⁴. Таким образом, закрепившееся в русском языке «Саардам» вместо «Заандам» является не ошибкой, а просто устаревшим названием, которое было в ходу в течение всего XVII века и окончательно исчезло лишь через столетие, к началу XIX.

Ещё более удивительная метаморфоза произошла с названием *Таверна Московского царя* (Public-house «Czars of Moscow Tavern»), она же «У Царской головы» или «Царская Голова» («On Tzars Head») на Great Tower Street в Лондоне, о чём мы рассказывали в наших работах. Известно, что в феврале–апреле 1698 года во время пребывания в Англии, её посещал Пётр I. Над ней долго висела вывеска с изображением головы царя Петра (сейчас хранится в РНБ в Петербурге). В 1804 году эту вывеску купил Л.С. Ваксель, и переправил её в Петербург, а в обмен дал новый портрет Петра I собственной работы. Он окончательно исчез после перестройки дома во второй половине XIX века. И, похоже, что название «Tzars Head» без портрета Петра потеряло своё значение. Его происхождение забылось, но оно легко ассоциировалось с «Королевской головой» («King's head») — широко распространённым названием пабов в Англии в память об обезглавливании Карла I. А отсюда оказался один шаг до описания казни человека, сыгравшего роль в этом обезглавливании. Таковое описание сделал Самюэль Пэпис, автор знаменитого дневника периода Реставрации Стюартов, живший недалеко от таверны. В XX веке на таверне появилась доска со строками из дневника: «Я только что видел генерал-майора Харрисона. Повешен, потрошен и четвертован. Он выглядел таким же весёлым, как мог выглядеть любой человек в его положении. Самюэль Пэпис, 13 октября 1660 г.», а она сама, превратившаяся в паб, от «Царской головы» через «Королевскую голову» стала называться «The Hung, Drawn and Quartered»

³ *Roovers H. De grootste overtoom ter wereld // Met Stoom / ANNO 1961 (Zaandam). № 24/139: Царь Пётр. 1996, September. P. 21/1145.*

⁴ *Калф К.М., Калф К.К. = Calf С.М., Calf С.С. Письмо к Государю Петру Великому, писанное от двух голландских мужиков // Санкт-Петербургский вестник. 1779, апрель. Ч. 3. С. 297–300.*

(«Повешение, потрошение и четвертование»). Её адрес по современной нумерации — д. 26–27 на углу Great Tower Street и Byward Street.

До сих пор мы говорили о мифе, в основе которого лежат действительные, но фантастически препарированные факты. Однако в ходе работы выявилось несколько мест, где бытует «чистый» локальный петровский миф, не имеющий прямых связей с реальными событиями.

Так, есть места, которые Пётр никогда не посещал, но где существуют легенды о его пребывании.

Одна из них связана с Донагади — портовым городком в Северной Ирландии, недалеко от Белфаста. Здесь, по преданию, в гостинице «Грейс Нил» (Грейс Нил'с бар; Grace Neill's Bar), остановившись Пётр I в 1698 году. Здесь позднее одна из комнат была известна как *Emperor's room*. Оттуда поехал обучаться Пётр кораблестроению в Уорренпойнт (Warrenpoint). Ныне это городок на границе с Ирландией. Однако Пётр I никогда не посещал ни Шотландию, ни Ирландию, а Уорренпойнт был основан лишь в 1780-е годы.

Другая история связана с Баасроде — бельгийским городком на р. Шельде. По местной легенде, в период Великого посольства Пётр I обучался не только в Саардаме, но и в Баасроде, где долго сохранялся дом «Pierre le Grand», в котором он якобы жил.

По характеру к этим легендам приближается чешская. По дороге из Амстердама в Вену Пётр I со спутниками 6/16 июня 1698 года проезжали Прагу, но не останавливались там. Жителям города сей факт показался обидным, и пражский городской миф включил в себя легенду о том, что Пётр целую неделю жил в столице Чехии.

Несколько в стороне находится миф, связанный с бельгийским городом Мехелен, он же Малин, ибо, в отличие от Данагаде или Баасроде, его Пётр вполне мог посетить, просто документов не обнаружено. Согласно местному преданию, в апреле 1717 года Пётр I побывал здесь, пришёл в восторг от игры на колоколах и повелел доставить в Россию полный набор для карийона — группу разновысотных колоколов, управляемых с помощью клавиатуры или автоматического механизма. Их мягкая музыка сильно отличалась от колокольных перезвонов, известных в Московии. Так из города Малин в Россию приехал «малиновый звон».

Вариантом «петровского мифа» является миф «анти-петровский». Согласно украинской легенде, Григорий Орлик, генерал-лейтенант французской армии и политический эмигрант из Российской империи, бежавший от Петра I, получил в подарок от короля замок, который на французский манер стал называться «Орли», а в XX веке на этом месте возник парижский аэропорт Орли. В действительнос-

ти, название восходит к IX веку и расшифровывается как «окраина болота», что, однако, не исключает возможности получения сыном гетмана владения в этой местности. Может оказаться, что и название было раньше, и миф соответствует реалиям.

Все эти локальные легенды возникли достаточно давно. Но в ходе работы мы зафиксировали факт рождения нового, в данном случае, «брюссельского» мифа.

В Городском парке Брюсселя стоит подаренный кн. Анатолием Демидовым бюст Петра I, а рядом, в гроте, находится мраморная скульптура лежащей женщины с книгой («Кающаяся Мария Магдалина» работы Жерома Дюкенау). Легенда, рождающаяся ныне и уже зафиксированная в Интернете в рассказах туристов о Брюсселе, гласит, что ансамбль воздвигли в ознаменование одного скандала. Пётр I, во время своего посещения Брюсселя, якобы был приглашён на званый ужин к королю (SIC! В Австрийских Нидерландах короля тогда не было), где его так и не дождались. Но на следующее утро слуги обнаружили его на дне оврага спящим в объятиях местной красавицы — как раз на том месте, где сейчас разбит парк. Думаем, что скачкообразно возросший во второй половине 1990-х годов поток российских туристов и спровоцировал на рубеже XX и XXI веков возникновение мифа, благо материал был благодатным. Мы не удивимся, если через некоторое время «брюссельская легенда» начнёт фигурировать в путеводителях.

В отличие от сотен памятных мест, действительно связанных с именем Петра как исторического персонажа, «чистый» миф свидетельствует о нём как о фольклорном герое. То, что Пётр I является героем русского фольклора — широко известно. Но вот то, что русский царь стал фольклорным героем за пределами границ своей державы, — явление, если не уникальное, то чрезвычайно редкое.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

1. Мы пользовались понятием «сохранение памяти». Как показал наш опыт обследования петровских мест в Европе, у него есть две группы значений: официальное и фольклорное. Минимальный уровень официального — появление в хронике города строчки о том, что здесь тогда-то побывал русский царь. Со временем эта хроника появляется в научных трудах, оттуда переходит в хронику, публикуемую в гидах, как в Кенигштайне, Любеке, Шверине или в Бадене под Веной. И можно быть уверенным, что со временем появится какая-нибудь памятная доска или монумент. Ну, а вторая группа связана с легендами и историческими анекдотами

- локального характера, циркулирующими в народе. Как правило, в этих местах памятники уже давно стоят.
2. Память о кратковременном пребывании Петра не сохраняется в тех местах, где силён собственный культурный или, более широко, цивилизационный миф. Так, его нет в Гамельне, который живёт крысоловом и крысами. Нет в Бремене, который живёт своими музыкантами. Нет в Эльсиноре, который живёт Гамлетом, в реальности не имевшим к нему отношения. Нет в ганзейских городах, занимавшихся исключительно своей торговлей, и которых пребывание у них какого-то монарха, не входившего в купеческую гильдию, просто не волновало. В лучшем случае, упоминание о визите Петра попало в хронику, как в Любеке. А вот небольшие города отмечают этот факт с удовольствием, иногда делая из него свой миф и основной бренд, как Заандам, Коппенбрюгге или Дефтфорд. Ещё более к этому склонны частные владения, как фирма Тайтинжер в Реймсе или шлосс Швоббер-Мюнхаузен недалеко от Бад-Пирмонта.
 3. Особняком стоят бальнеологические курорты, для которых имена знаменитых в истории лиц, которые там лечились, изначально служат брендом. Как мы видели на примере Спа, это стало понятно ещё при жизни Петра. Ну, а сейчас без каких-либо натяжек вторым европейским петровским городом после Заандама можно назвать Карловы Вары.
 4. Есть два случая, при которых серьёзная память о Петре сохраняется вне зависимости от размеров города: 1) он долго и или неоднократно проживал в указанном месте как в Лондоне с Дефтфордом, Париже, Амстердаме, Копенгагене; 2) во время его пребывания, пусть и кратковременного, происходили важные дипломатические переговоры, как, например, в Хавельберге.
 5. Изучение петровских памятников и памятных мест даёт понимание того факта, что в мире существуют два принципиально разных подхода к проблеме. В одном случае люди считают, что мемориальная доска и уж, тем более, монумент, кого-то прославляют. Т.е. рассматривают их исключительно с пропагандистских позиций. Это базовый, нижний и неразвитый уровень сознания, ибо в этом случае при смене власти или идеологии возникает т.н. «синдром Хлодвига», когда старые кумиры повергаются, и на их месте устанавливаются новые. Именно он провоцирует уничтожение и сброс монументов, будь то цари либо коммунистические деятели, уничтожение мемориальных досок, в лучшем случае, их замену на информационные таблички (как то происходит в Эстонии),

выбрасывание мощей святых из церквей или тел вождей из мавзолеев, повальные переименования. Но именно это сознание будет провоцировать со временем и новую волну уничтожения при новой смене реалий, и, значит, новую волну манкуртизации и появления поколений «Иванов, родства не помнящих». Но есть и второй подход: скульптуры и памятные доски — это фиксация нашей истории, истории цивилизации — плохой или хорошей, но той, которая была. Гении или злодеи, строители или геростраты, но эти люди были в истории, а, значит, должны составлять часть нашей памяти, а память надо фиксировать.

6. Европейский петровский миф, зародившись ещё при жизни Петра I, не только дожил до нашего времени, но и ныне продолжает активно развиваться, а российский монарх стал героем фольклора многих европейских стран. Такое возможно, лишь если его фигура стала знаковой для европейской цивилизации. Другими словами, он должен был совершить нечто, отложившееся не только в российской национальной, но и в европейской исторической памяти. Да, Пётр I очень сильно изменил свою страну. Но какое дело до этого исторической памяти в Бельгии, Голландии, Австрии, Дании или Англии? Такое возможно, лишь если указанные изменения коснулись самих этих стран и были настолько важны, что там не только сохраняется память о собственной причастности к этим изменениям, но и продуцируются артефакты, призванные подтвердить ещё большую сопричастность к событиям, чем было на самом деле. В своё время, исходя из анализа иного материала, мы пришли к выводу, что речь идёт не просто о евроориентированных реформах в России, но о включении страны в европейское цивилизационное пространство. Или, иначе, о расширении этого пространства на территорию Российской империи. Анализ развития европейского петровского мифа подтверждает этот вывод, ибо само явление расширения европейского цивилизационного пространства вполне достаточно, чтобы питать этот миф.

Ну, а образ Петра Великого выступает как персонификация этого расширения и оказывается столь важен для европейской цивилизации, что ему продолжают создаваться памятники на всём пространстве от Ирландии, в которой он никогда не был, до Камчатки и Дальнего востока, где он тоже никогда не был, но были его сподвижники.

Мезин Сергей Алексеевич
(Саратов)
Заведующий кафедрой истории России
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

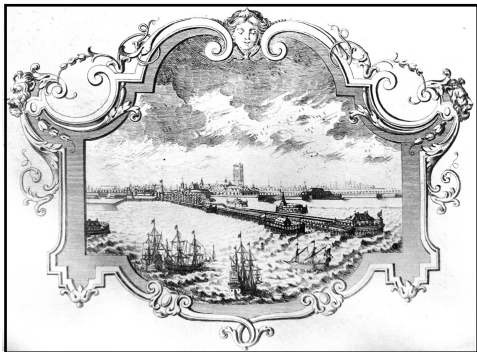
От Дюнкерка до Шарлевиля: памятные места Петра I в провинциальной Франции

Минуло 300 лет со времени большого путешествия Петра I по странам Европы 1716–1717 годов. К юбилею этого неординарного события историки опубликовали несколько книг¹. Детально изучены маршрут и хроника царского визита 1717 года во Францию². Однако исследователей, как правило, привлекало пребывание царя в Париже и его окрестностях³. Целью моей статьи является выявление памятников провинциальной Франции, бывших объектами внимания русского царя. Речь пойдёт о фортификационных и инженерных сооружениях, памятниках архитектуры и садово-паркового искусст-

¹ Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007; *Он же*. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды 1716–1717 гг. СПб., 2013; Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015; Горбатенко С.Б. Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015.

² Мезин С.А. Пётр I во Франции. С. 60–77.

³ Исключением являются обстоятельные статьи французских историков, опубликованные в начале XX века: *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives Étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. P. 113–189; Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand a son depart de France en 1717 // Revue d'Ardenne et d'Argonne publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. № 1–2. P. 1–12; № 5–6. P. 65–91; № 7–8. P. 181–195.*

1. Вид Дюнкерка со стороны моря. Гравюра начала XVIII века.

ва в городах Дюнкерке, Кале, Реймсе и др. В основу работы положены не только источники начала XVIII века, но и материа-

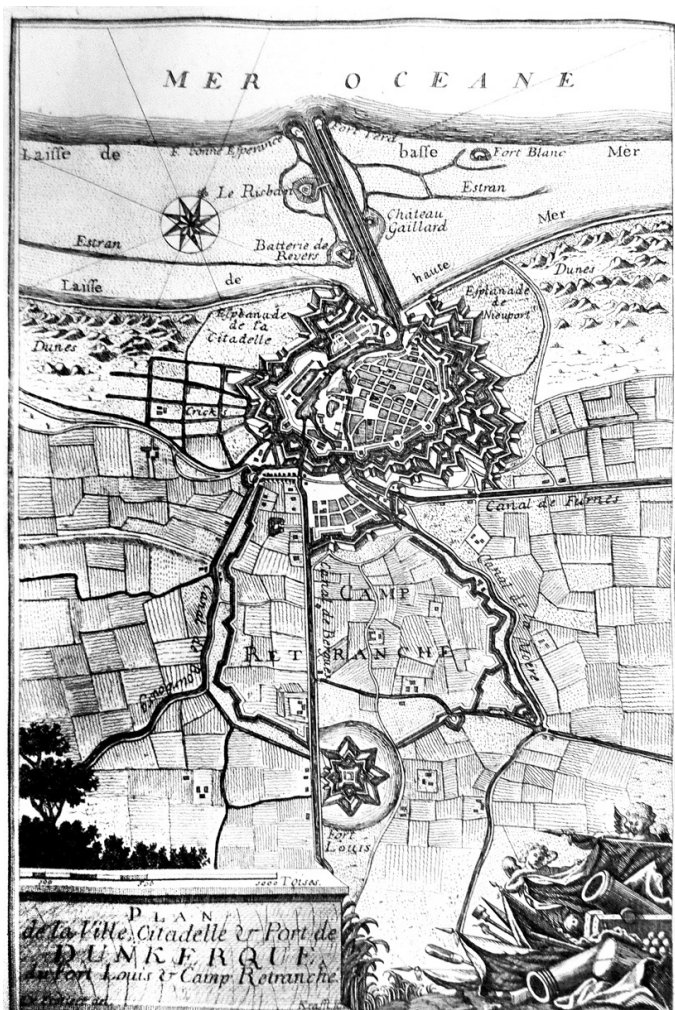
лы интернета, а также переписка с французскими специалистами.

Хотя предстоящая поездка Петра I во Францию содержалась в строжайшей тайне, его намерение посетить французские порты, в частности Дюнкерк, было известно и казалось вполне естественным: «ему любопытно посмотреть работы на Мардикском канале»⁴. Интерес монарха к крепостным и гидротехническим сооружениям был хорошо известен современникам.

Действительно, знакомство с Францией началось для русского царя с Дюнкерка — важнейшей военной гавани в Северном море (илл. 1). Этот пограничный город издавна был яблоком раздора между соседями. В 1662 году Людовик XIV выкупил его у англичан и превратил в главную морскую крепость на севере Франции. На протяжении полувека здесь велись грандиозные строительные работы под руководством знаменитого Себастьяна Вобана: была обустроена внутренняя гавань с бассейном для кораблей и с доками; от неё через песчаную отмель Schurken, обнажавшуюся во время отлива, был проложен судоходный канал (фарватер), ограниченный двумя дамбами. Рядом с дамбами были возведены 6 фортов, защищавших город и порт с моря. Внутреннюю гавань охраняла цитадель с мощными бастионами и рвами, заполненными водой. В случае осады земли вокруг города можно было затопить. К городу подходило несколько каналов, служивших для внутреннего судоходства и для слива воды с окружающих низменных земель. Есть основания утверждать, что Пётр I уже имел представление об устройстве фортификаций Дюнкерка (илл. 2). В библиотеке царя имелось несколько планов и карт города и его окрестностей⁵. Царь наверняка был информирован

⁴ Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. С. 149.

⁵ НИОР БАН. П I ин. 88. Л. 66; П I ин. 371. Ч. II. № 3. Ч. VII. № 21; П I ин. 398. № 72, 73; П I ин. 595. Л. 38–39; П I ин. 598. № 5–6.

2. План города и порта Дюнкерка.
Гравюра начала XVIII века.

о подвигах дюнкеркских корсаров во главе с легендарным Жаном Баром (илл. 3) во время войны за испанское наследство. Знал Пётр I и о том, что по условиям Утрехтского договора 11 апреля 1713 года (9 статья) все укрепления Дюнкерка должны быть срыты, а порт надлежало засыпать⁶. Чтобы уберечь округу от подтопления и сохра-

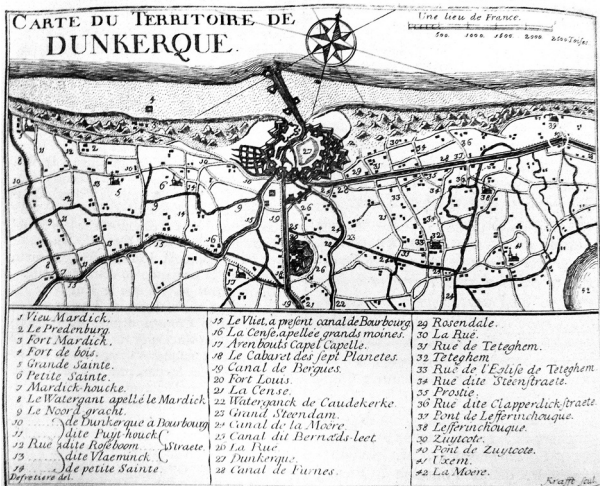
⁶ *Faulconnier P. Description historique de Dunkerque, ville maritime et port de mer très-fameux dans la Flandre Occidentale. Bruges, 1730. Vol. 2. P. 167.*

3. Жан Бар, знаменитый корсар из Дюнкерка.
Гравюра начала XVIII века.

нить судоходство, за короткий срок был построен Мардикский канал, вновь соединивший город с морем.

Около 3 часов дня 21 апреля 1717 года при пересечении границы Франции Петра I, плывшего на барке по Фюрнскому каналу, в местечке Zuudcoote (Зюдкот, Цуидкут) встретил и приветствовал от имени короля камер-юнкер Этьен Франсуа де Либуа. В этом месте через канал был переброшен мост и имелся разрушенный редут. Старин-

4. План окрестностей Дюнкерка.
Гравюра начала XVIII века.

ное поместье Цуидкут, принадлежавшее тогда магистрату Дюнкерка⁷, находилось примерно в 10 км от городских ворот (илл. 4). Вокруг простиралась открытая безлесная местность. Частые осады Дюнкерка привели к тому, что вокруг него были порублены все деревья. Царь продолжал путь по каналу и только в городе пересел в карету.

⁷ Ibid. P. 63.

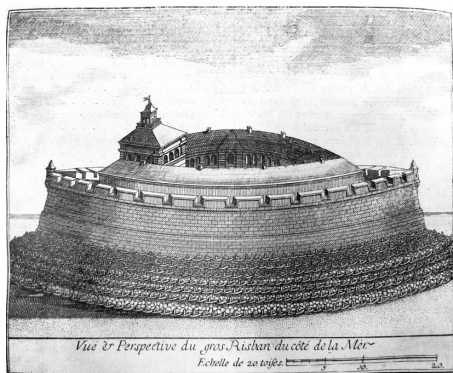
5. Пьер Фольконье,
автор «Исторического
описания Дюнкерка».
Гравюра начала XVIII века.

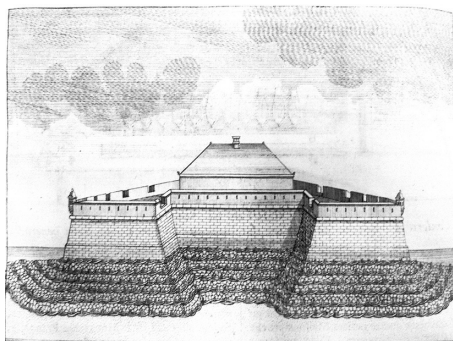
Одно из свидетельств о пребывании русского царя в Дюнкерке оставил Пьер Фольконье (илл. 5), автор «Исторического описания Дюнкерка», опубликованного в Брюгге в 1730 году. Будучи потомственным балы города, он вместе с комендантом графом Анри Антуаном д'Эрувилем и главой магистрата Роже Эрфором принимал высокого гостя. «21 апреля около четырёх часов по полудню царь Московии прибыл сюда по Фюрнскому каналу. Он не хотел других почестей при встрече, кроме пушечных выстрелов, без всякой церемонии, и не хотел иметь более 15 человек охраны во главе с лейтенантом. Магистрат приветствовал его и преподнёс ему вино, которое он принял очень любезно. Двор прислал сюда королевского камерюнкера господина де Либуа с несколькими служителями, чтобы угощать царя во время пребывания в этом городе и по дороге в Париж. Этот монарх расположился в доме господина интенданта, который тогда отсутствовал. Утром 22-го он посетил укрепления и разрушенные портовые сооружения; после обеда он отправился в приходскую церковь, где был принят настоятелем и духовенством, которые показали ему имеющиеся там церковные украшения и отличные картины. Утром 23-го он был на руинах форта Блан и на эспланаде, где проводились учения пехоты, кавалерии и драгунов городского гарнизона. После обеда он осматривал Мардикские шлюзы. 24-го с утра он вновь изъявил желание видеть военные учения на той же эспланаде, а после обеда он остался дома. 25-го он отбыл в Кале в каретах, которые были присланы сюда двором»⁸.

Остановившись в городе на четыре дня (21–25 апреля), царь внимательно осмотрел все фортификационные и гидротехнические сооружения, или, точнее, их остатки. Знакомство с Дюнкерком он начал с порта. От дамб с деревянными мостками и от 30-пушечных батарей на сваях (форты Доброй Надежды и Зелёный), находившихся справа и слева от входа в канал (фарватер), остались лишь фрагменты («тогсеаух»). Пётр обходил пешком и внимательно осматри-

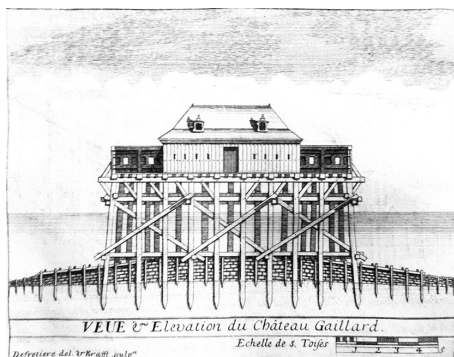
⁸ Ibid. P. 209–210.

6. Дюнкерк. Форт Рисбан.
Гравюра начала XVIII века.

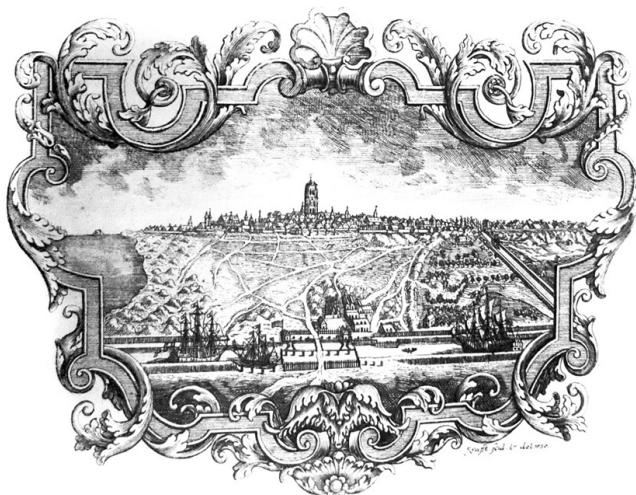

7. Дюнкерк. Форт Ревер.
Гравюра начала XVIII века.

8. Дюнкерк. Шато Гайяр.
Гравюра начала XVIII века.

вал оставшиеся фундаменты мощных фортов Рисбан и Ревер, располагавшихся к юго-западу от фарватера. Рисбан был каменным шедевром С. Вобана (илл. 6). В его парапете были устроены амбразуры для 36 пушек. Внутри двойного кольца стен имелись казематы, жилые помещения, погреба для пороха и бомб, колодец, цистерна для

9. Вид на Дюнкерк со стороны Мардикского канала.
Гравюра начала XVIII века.

воды. Форт Ревер (*илл. 7*) находился ближе к цитадели и был вполнину меньше Рисбана. На следующий день Пётр вновь осматривал остатки фортов, в том числе и дальнего форта Блан или малого Рисбана, лежавшего к северо-востоку от фарватера (в этой части порта прежде находилась ещё батарея на сваях шато Гайяр, *илл. 8*). У форта Блан царя застал прилив. От наступавшей воды пришлось спастись верхом на лошади, оставив карету.

Пётр побывал на Ньюпортской эспланаде, расположенной к северо-востоку от цитадели, где наблюдал учения войск. Он посетил в городе арсенал, военные магазины, казармы, то есть внимательно изучил сохранившиеся свидетельства строительной деятельности Вобана. Военное ведомство благосклонно относилось к знакомству царя с вооружением, амуницией и учениями французских войск.

Во второй половине дня 23 апреля Пётр ознакомился со шлюзами Мардикского канала (*илл. 9*). Это был почти 7-километровый канал шириной от 20 до 40 метров с двумя большими шлюзами, по которому свободно проходили не только торговые, но и военные корабли. Он был построен в короткие сроки в 1714–1715 годах. Для его сооружения были использованы материалы разрушенных укреплений Дюнкерка. Поднятое над землёй русло канала шло на юго-запад к форту Мардик, рядом с которым был устроен проход в море через полосу прилива (фарватер). Царь осматривал шлюзы, которые для него заполняли водой, а также насыпи, укреплённые фашинами. Он побывал на двух торговых судах и вернулся в город на лодке. Петру I

10. Церковь Святого Илигия в Дюнкерке. Гравюра начала XVIII века.

удалось осмотреть судоходный канал буквально в последние дни его существования. По Гаагскому договору с Англией от 4 января 1717 года (статья 4)⁹, французская сторона обязывалась разрушить большой шлюз и сократить малый, срыть дамбы фарватера. Таким образом, канал переставал быть судоходным и должен был служить лишь для предотвращения затопления земель вокруг Дюнкерка.

В городе русский царь посетил приходскую церковь св. Элигия (илл. 10), где его приветствовал кюре Франсуа Луи Деваэрт. Готическая колокольня этой церкви, позже выполнявшая роль башни городского совета (беффруа), — единственный памятник, сохранившийся в Дюнкерке со времени его посещения русским царём. (Город претерпел колоссальные разрушения в мировых войнах XX века.)

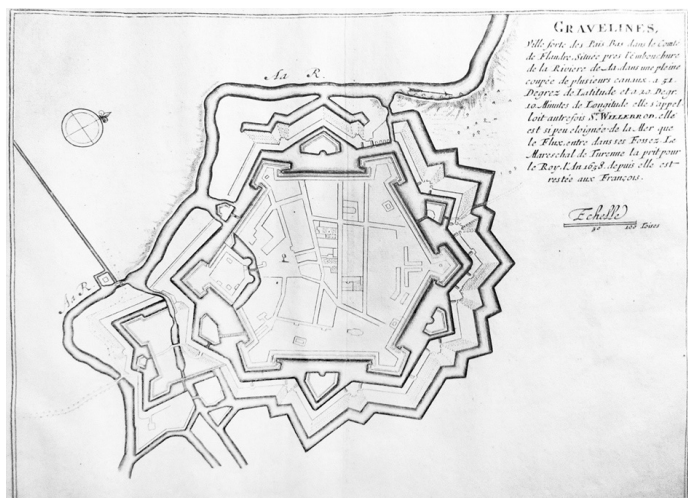
Несмотря на разрушения, Дюнкерк и его боевая история произвели впечатление на русского царя. Об этом свидетельствует покупка им картин с видами города: «одна пристани, другая города, третья бомбардировки Дункерка»¹⁰. «Зело жалка смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани»¹¹, — писал царь жене. По мнению П.А. Кротова, Пётр I использовал опыт, полученный при осмотре Дюнкерка и других приморских крепостей, «для усиления военно-морской базы на Котлине путём сооружения там каналов, шлюзов, сухих доков для кораблей флота и мощных долговременных крепостных сооружений»¹².

⁹ Ibid. P. 208–209.

¹⁰ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

¹¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 64.

¹² Кротов П.А. Пребывание Петра I в Дюнкерке и Кале во Франции и гидротехническое строительство на острове Котлин // Меншиковские чтения-2014: научный альманах. СПб., 2014. Вып. 5. С. 144.

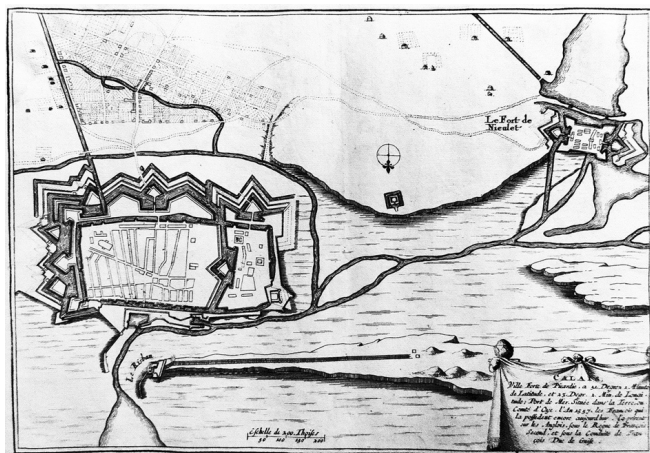
11. План крепости Гравлин. Гравюра конца XVII века.

По пути из Дюнкерка в Кале Пётр I сделал краткую остановку в Гравлине. Этот город был также связан каналом с морем и имел бастионные укрепления, построенные испанскими властями в XVI веке и усовершенствованные С. Вобаном в конце XVII века. Известно, что царя встретил в Гравлине гарнизон, поставленный под ружьё, и что царь обедал в этом городе. Однако источники не сообщают, осматривал ли царь крепость. Её изображения имеются в гравированных альбомах, посвящённых крепостям Европы, в составе библиотеки Петра I¹³ (илл. 11). Из описаний царь мог узнать, что Гравлин — это «нидерландский укреплённый город в графстве Фландрия, находящийся в устье реки А, на пересечении нескольких каналов<...> Он так близок к морю, что морской прилив заполняет его рвы. Маршал Тюренн завоевал его для короля в 1658 году». Фортификационные сооружения: шестиугольник бастионов, рвы, потайные ходы, ворота и мосты, рavelины, — сохранились до наших дней.

25 апреля Пётр I прибыл в Кале и оставался здесь до 4 мая. Столь длительная остановка была связана с празднованием Пасхи. В муниципальном архиве Кале сохранилась записка городского секретаря Габриэля Бодье с подробным описанием царского пребывания в городе¹⁴. Фотокопия этого документа (илл. 12) была любезно предос-

¹³ НИОР БАН. П I ин. 371. Ч. VII. № 20; П I ин. 398. № 84; П I ин. 595. Л. 37.

¹⁴ Archives de Calais. BB. 5. (Registre). F. 101. Опубликовано: *Teil J. du. Op. cit.* P. 172–173; перевод см.: *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. С. 86–87.

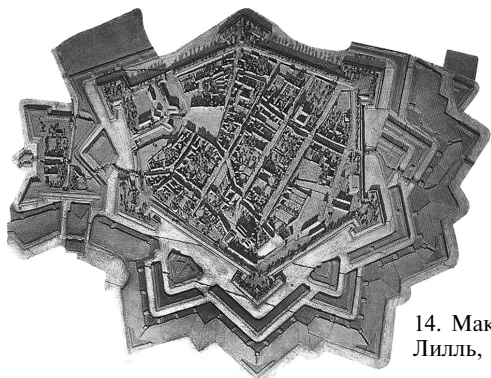

13. План города и порта Кале.
Гравюра конца XVII века.

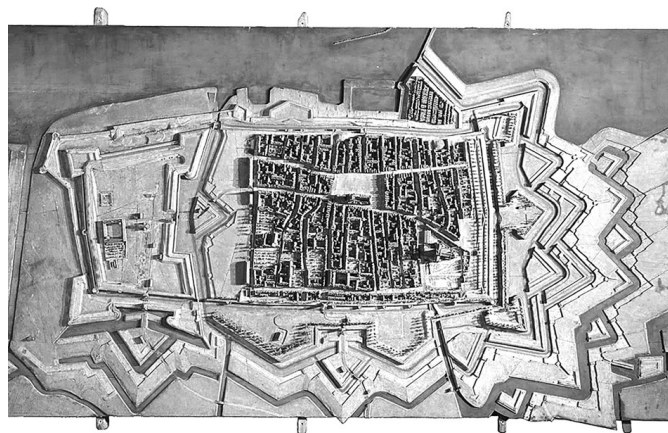
тавлена мне архивистом господином Ноэлем Гавинье. Из неё, как и из других, более кратких источников, следует, что в Кале царь продолжил знакомство с крепостными и портовыми сооружениями, наблюдал за военными учениями. Порт Кале был меньше, чем в Дюнкерке (илл. 13). Он не имел закрытого рейда, и корабли должны были дожидаться на рейде прилива, чтобы войти в городскую гавань¹⁵. Вход в порт охраняли пять фортов. Самый старый из них — Рисбан находился на конце большой дамбы на песчаном острове, протянувшимся параллельно берегу. Прогуливаясь по морю на лодке, царь осмотрел деревянные батареи на сваях — форты Красный и Зелёный. В городе Петра заинтересовали бастионные укрепления и цитадель, к перестройке которых приложил руку С. Вобан. Он же перестроил форт Ниёле, находившийся на подступах к городу. К нему по низкой болотистой местности вела дамба. Царь не преминул осмотреть эту главную постройку Вобана в Кале — единственный в своём роде форт-шлюз, который, перекрывая небольшую реку, давал возможность затопить земли вокруг Кале в случае вражеской осады. По пути в форт Ниёле царь наблюдал за учениями войск городского гарнизона, которые были выстроены рядом с загородной церковью Сен-Пьер.

В Кале Пётр I проживал в доме президента королевского суда Ф. де Тосса на Королевской улице, которая и сегодня является главной осью старого города. Царь прогуливался пешком от порта до

¹⁵ *Faulconnier P. Op. cit. Vol. 2. P. 195.*

14. Макет крепости Гравлин.
Лилль, Дворец изящных искусств.

15. Макет крепости Кале. Лилль, Дворец изящных искусств.

королевской цистерны — большого резервуара для воды, пристроенного к церкви Нотр-Дам по приказу Людовика XIV в 1691 году.

Исторические памятники Кале сильно пострадали во время бомбардировок 1940 года. Однако в городе сохранилась церковь Нотр-Дам в стиле английской готики с пристроенной к ней цистерной; были восстановлены и реставрированы цитадель и форт Ниёле. До наших дней дошли макеты крепостей Гравлина и Кале (илл. 14, 15), которые Пётр I видел в Лувре 14 мая.

Путь от Кале до Парижа царь проделал спешно, с остановками на ночлег в Булони, Абвиле, Бретёйе. Средневековый Булонский замок едва ли мог заинтересовать прагматичного царя. В старой части города (ныне — Булонь-сюр-Мер) на улице д'Омон ещё в начале XX века находился особняк герцога Луи д'Омона, в котором останавливался русский царь. В Абвиле Пётр ночевал в доме некоего

16. Здание суконной мануфактуры в Абвиле.
Фото www.encyclopedie.picardie.fr.

Ж.Ф. Буре на улице Сен-Жиль. Петру было известно, что в городе находится «лучшая во Франции суконная мануфактура, которую его величество изволил смотреть сам»¹⁶. Речь идёт о мануфактуре по производству тонкого сукна, основанной в 1665 году голландцем ван Робэ. Здания мануфактуры, построенные в 1709–1713 годах, сохраняются в качестве памятников промышленной архитектуры (илл. 16). В небольшом пикардийском городке Бретёй царь, по видимому, останавливался в бенедиктинском аббатстве Нотр-Дам, где его принимал настоятель Луи де Ла Мотт Вильбре¹⁷. Здания аббатства частично сохранились донныне (илл. 17).

Пребывание царя в Париже и его окрестностях было наполнено не только политическими переговорами, но и многочисленными познавательными поездками, в ходе которых Пётр I уделил серьёзное внимание архитектуре, садово-парковому искусству, живописи, а также достижениям французской науки¹⁸.

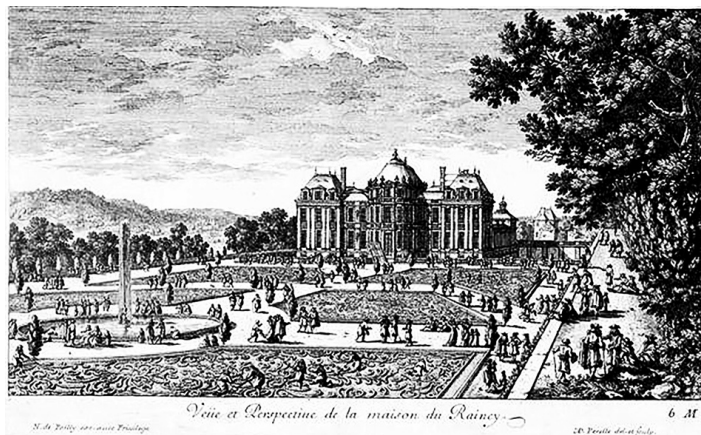

17. Здание бывшего аббатства Нотр-Дам в Бретёйе.
Фото www.google.ru.

¹⁶ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

¹⁷ *Teil J. du. Op. cit.* P. 182.

¹⁸ См.: Мезин С.А. «В Версалии и Марли сколь великий plezier имел!»: Пётр I в резиденциях французских королей и аристократов // Век Просвещения /

18. Дворец Ренси. Гравюра конца XVII века.

На обратном пути из Парижа к нидерландской границе Пётр I проезжал по Шампани. Первая остановка на ночлег была сделана недалеко от столицы в деревне Ливри, принадлежавшей маркизу Луи Сангену де Ливри, первому метрдотелю короля. В находившемся здесь дворце Ренси состоялся прощальный ужин с лицами, отвечавшими за приём царя в столице, — маршалом де Тессе и королевским метрдотелем Луи Франсуа Вертоном. Дворец Ренси (илл. 18), построенный в середине XVII века знаменитым Луи Лево, и огромный парк разбитый не менее знаменитым Андре Ленотром, по великолепию не уступали королевским резиденциям. Его гравированное изображение Пётр I мог видеть в имевшемся в его библиотеке альбоме «Сборник видов и перспектив самых прекрасных домов Франции». Утром 21 июня царь прогулялся по парку, в последний раз удовлетворив свою страсть к садовому искусству Франции. В Суассоне, где царь делал следующую ночевку, его принимал в своей резиденции интендант Луи Клод де Нуантель. Однако местоположения его особняка установить не удалось.

Лишь два часа провёл русский царь в самом большом городе Шампани Реймсе, но его пребывание здесь не раз привлекало внимание историков, журналистов и... виноделов. В погребе шампанских вин фирмы «Тэтенже» (Реймс, пл. Сен-Никез, 9) установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит: «27 апреля 1717 года Пётр I, великий царь вся Руси, в ходе своего путешествия во

отв. ред. С.Я. Карп. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М., 2015. С. 237–260; *Он же*. «Роспись курioзным вещам в Париже»: «путеводители» Петра I // Вестник РГНФ. 2015. № 3 (80). С. 52–62.

Францию посетил аббатство Сен-Никез и его известные подвалы шампанских вин, которые ныне являются собственностью фирмы “Taittinger”»¹⁹. В этой надписи согласуется с историческими фактами лишь то, что царь действительно посещал церковь в аббатстве Сен-Никез, но не в апреле, а 22 июня. В монастырских подвалах он не был (он поднимался на колокольню!) и не любил шампанских вин. Тем не менее, здесь же можно увидеть витраж, на котором царь Пётр изображён в подвале аббатства с бутылкой шампанского в руках и в сопровождении монаха, дающего пояснения, свиты и прекрасной дамы (!). Как видим, реймские виноделы вспомнили о визите царя и использовали этот факт в рекламных целях.

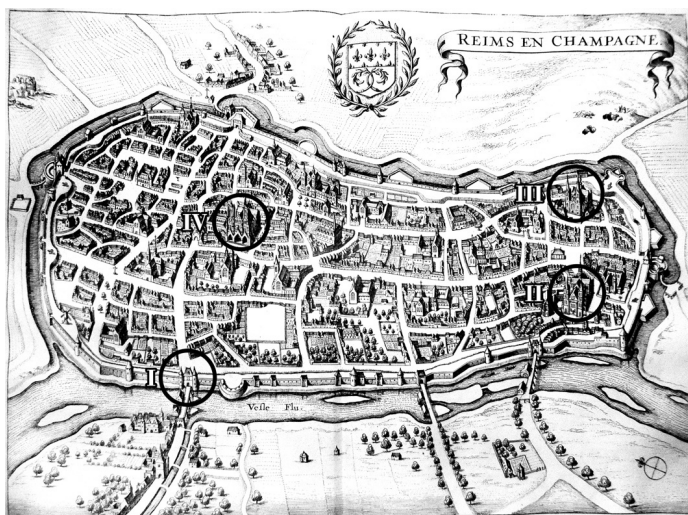
Даниель Пелюс в научно-популярном очерке «Молниеносный визит русского царя Петра Великого»²⁰ недавно вновь пересказал известные факты пребывания Петра I в Реймсе, подчеркнув необычность русского гостя, его невнимания к церемониям и постоянное желание удовлетворять свою любознательность. «Его визит в город святых даров продлился лишь четыре часа», — заключил автор. Жан Бургинон утверждал, что царь пробыл в Реймсе лишь два часа и успел посетить только аббатство Сен-Реми и церковь Сен-Никез²¹. Другие авторы сообщали дополнительный сюжет о том, как в Реймском соборе царь «провёл экспертизу» известного Реймского евангелия. Некий V. de V. в рецензии на издание текста Евангелия, осуществлённое Л. Пари и Ж.Б. Сильвестром, так излагал эту историю. В 1717 году Пётр Великий провёл несколько часов в Реймсе, чтобы увидеть сокровища собора. В числе священных предметов ему представили Евангелие, относящееся к XI веку. Царь почтительно поцеловал его оклад, и книга была открыта господами его свиты. Они объявили, что могут легко читать первую часть, содержащую литургические фрагменты Евангелия, но вторая часть оказалась им неизвестной²². По другой версии, сам Пётр I объявил Евангелие славянским. В изложении советского журналиста история выглядела так. Пётр сам взял в руки книгу и, к удивлению присутствующих, начал свободно читать её вслух: «царь <...> едва бросив взгляд на первую страницу, прочёл несколько фраз, а сопровождавший его князь Куракин тут же перевёл эти фразы на французский язык. Царь пояснил, что евангельский текст написан от руки по церковнославянски <...> Цифра на первой странице означает 19, следовательно недоста-

¹⁹ Благодарю Дмитрия Гузевича за сообщение этих материалов.

²⁰ *Pellus D. Reims: deux siècles d'événements. 1600–1800. Reims, 2005. P. 52–53.*

²¹ *Bourguignon J. Op. cit. № 5–6. P. 73–74.*

²² *Bibliothèque de l'École des chartes. 1854. Vol. 15. P. 193.*

19. План города Реймса. Гравюра XVII века.

ет начальных 18 страниц. О второй части царь не мог сказать ничего определённого»²³. Вторая часть была написана древней глаголицей. Подлинный источник этого рассказа историки так и не могли определить. Реймское евангелие обросло легендами. Его появление во Франции связывали с дочерью Ярослава Мудрого Анной, ставшей французской королевой. Ошибочно утверждали, что на этой таинственной книге короли Франции приносили присягу во время коронации. На самом деле Евангелие было переписано не ранее XIV века²⁴, а в XVI веке попало в Реймс.

Все факты пребывания Петра I в Реймсе восходят к документам из архивов и библиотеки города, опубликованных и прокомментированных Анри Жадаром в брошюре «Проезд Петра Великого через Реймс. 22 июня 1717»²⁵. Древний город на реке Вель был известен своими святынями. Здесь святой Ремигий в конце V века обратил в христианство короля франков Хлодвига, и с тех пор французские короли короновались в местном соборе Нотр-Дам. Царь Пётр при-

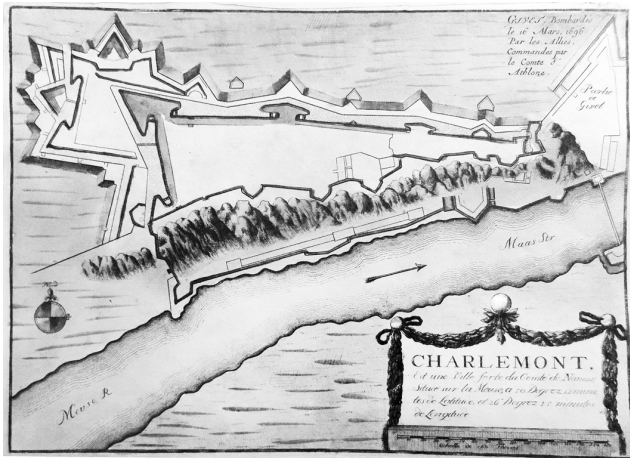
²³ Громан Г. Реймс, короли и древнерусское Евангелие // Наука и религия. 1970. № 5. С. 76.

²⁴ Билярский П. Судьбы церковного языка. Историко-филологическое исследование. СПб., 1848. С. 283.

²⁵ Jadar H. Passage de Pierre le Grand à Reims. Le 22 juin 1717. Notice accompagnée de documents inédits tirés des archives et de la bibliothèque de Reims. Reims, 1890. Электронная копия редкой брошюры была любезно предоставлена мне господином Фредериком Монженом из библиотеки Карнежи (Реймс).

был в город по парижской дороге около часа пополудни. Парижские (Вельские) ворота (*илл. 19, I*) были украшены щитом с царским гербом, нарисованным Клодом Эларом. Отряд аркебузирова выстроился цепью перед городскими укреплениями; городская милиция составляла ещё одну цепочку охраны, протянувшуюся от Вельского предместья до архиепископского дворца. На проведение парадной встречи муниципалитет выделил более 900 ливров. Однако царь отказался от приветственных речей и торжественной встречи с архиепископом Франсуа де Майи в его дворце. При въезде высокого гостя в город три раза прозвучали пушечные залпы из 36 пушек. Пётр сразу направился в аббатство Сен-Реми (св. Ремигия; *илл. 19, II*), где хранилась знаменитая Святая Стеклянная — флакон римского стекла со священным елеем, использованным при крещении Хлодвига; этим елеем совершалось помазание при коронации французских королей. (Напомню, что, будучи в Париже, царь уже знакомился в Королевской библиотеке с реликвиями первых французских королей.) Пришлось епископу срочно прибыть в аббатство, чтобы встретить царя у кареты. В церкви Пётр внимательно рассматривал священный сосуд и задавал вопросы через переводчика. Затем его отвели в большой зал аббатства, где угостили пышками, пивом и вином. Передохнув, Пётр изъявил желание более внимательно ознакомиться со Святой Стеклянницей и попросил извлечь флакон из реликвария, в котором тот хранился под стеклом. Для этого потребовалось определённое время. Между тем Пётр пожелал проехать в соседнюю церковь Сен-Никез (*илл. 19, III*), которая славилась своей «трясущейся колонной» — «третьей справа в центральном нефе — которая сильно вибрировала, когда били во все колокола»²⁶. Царь поднимался на колокольню и лично наблюдал вибрацию колонны, делая заметки в своей записной книжке. Возвратившись в аббатство Сен-Реми, он разглядел, наконец, сосуд со священным елеем и осмотрел другие монастырские достопримечательности: гробницу святого Ремигия и её скульптурные украшения, большой канделябр, корону и древнюю мозаику. Затем Пётр проследовал в собор, а оттуда в епископский дворец (дворец То), где ему поднесли прохладительные напитки. Собор Нотр-Дам (*илл. 19, IV*) с его знаменитым порталом царь осмотрел бегло и не обратил особого внимания на сокровища соборной ризницы. Никаких указаний на знакомство царя с Реймским евангелием источники не содержат. Однако на самой книге имеется запись того времени, свидетельствующая о том, что «дешифровку» таинственного текста произвёл вице-канцлер П.П. Шафиров, который через несколько дней после царя проследовал через Реймс:

²⁶ Bourguignon J. Op. cit. № 5–6. P. 74.

20. План крепости Шарлемон. Гравюра XVII века.

«Вице-канцлер царя, который до этого проехал Реймс 22 июня, побывал здесь 27 числа и читал первую часть этой книги с двумя сопровождавшими его господами; они сказали, что это их природный язык, и что они не могут читать вторую часть»²⁷.

Таким образом, Реймский собор, епископский дворец То, перестроенный при Людовике XIV знаменитыми архитекторами Ж. Ардуэном-Мансаром и Р. де Котом, а также базилику Сен-Реми можно отнести к числу памятных мест Петра I в Реймсе. Церковь Сен-Никез до наших дней не сохранилась.

Из Реймса Пётр I направился в Ретель, где остановился на ночь в доме для почётных гостей на улице Гран Пон (ныне — улица Кольбер). 23 июня царь прибыл в Шарлевиль (ныне — Шарлевиль-Мезьер), погрузился со свитой на барки и отплыл по реке Мёз в сторону нидерландской границы. Ночёвка состоялась у деревни Лефур. На следующее утро «в той деревне его царское величество был на заводах, где делают ружьё»²⁸. Речь идёт об известной королевской оружейной мануфактуре в Шарлевиле, мастерские которой были разбросаны по окрестным сёлам в долине Мёза. Как раз в это время здесь начали производить ружья новой серии, каждая деталь и пропорция которых была строго регламентирована²⁹. 24 июня флотилия

²⁷ Jadart H. Op. cit. P. 6.

²⁸ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

²⁹ См.: *Sénemaud J.A. Documents relatifs au passage du czar Pierre le Grand dans les Ardennes en 1717 // Revue historique des Ardennes. 1865. Т. 3. P. 71–88.*

достигла крепости Шарлемон (*илл. 20*) — это был последний пункт путешествия царя по Франции.

Проделанный обзор свидетельствует о том, что путешествие по провинциальной Франции было для Петра I источником разнообразных впечатлений. На первых порах, находясь во французских портах, царь внимательно изучал устройство крепостных и портовых сооружений, каналов, шлюзов. Пребывание в Париже несколько охладило пыл царя к военно-морскому делу, вследствие чего не состоялись предполагавшиеся поездки в военный порт Брест и в крепость Седан. Возросли гуманитарные интересы, отзвуки которых проявились и на последнем отрезке царского путешествия, в частности, в Реймсе. Путешествуя, царь замечал и мощь французских крепостей, и достижения промышленности, и красоту дворцов и парков, и богатство французской истории, и роскошь аристократии, и «бедность в людях подлых великую»³⁰. На примере Реймса можно видеть, что краткое пребывание русского царя в городе породило легенды, которые дожили до наших дней.

³⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 66.

Горбатенко Сергей Борисович
(Санкт-Петербург)
*Заместитель директора по научным вопросам
музея «Нарвская застава»,
председатель Регионального комитета
ИКОМОС Санкт-Петербурга*

Два Марли

Из элементов дворцово-паркового ансамбля Петергофа, ведущих своё происхождение от французских прототипов, наиболее известен расположенный в его западной части ансамбль Марли.

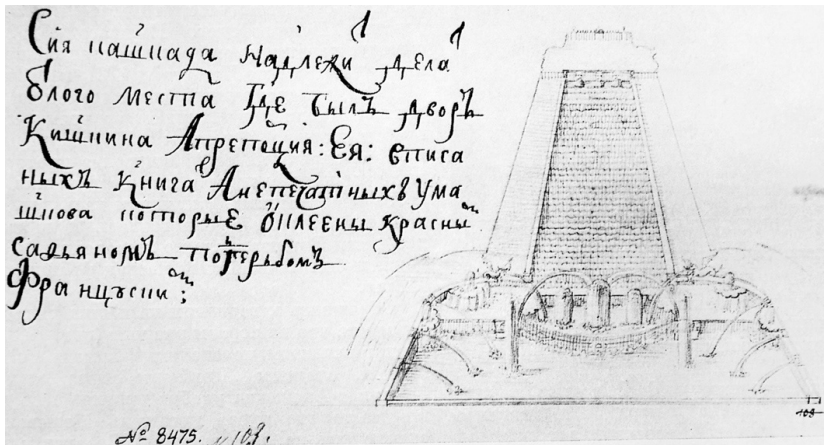
О французском Марли Пётр I знал давно. В 1705 году в Париже находился русский посланник А.А. Матвеев, который в письмах Петру восторженно отзывался о блеске французского двора, в том числе о загородных королевских резиденциях¹. 17 ноября 1705 года Матвеев писал: «[Был] в Марли, где король на уединении для своих забав бывает, и кто тогда туды не приезжает до исподней одежды все имеет королевское, которое село богатством одной тут зделанной фонтейны, и положением места, и водою высоты, и убором тапеским превосходит Версалию»². В том же году Матвеев прислал царю книгу Жана Эмара Пиганиоля де Ла Форса «Новое описание садов и парков Версаля и Марли»³, а также гравюры по этой теме⁴.

¹ *Бакланова Н.А.* Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* М., 1966. С. 306.

² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1705. Д. 2. Л. 42 об. (<http://vostlit.narod.ru/Texts/rus12/Matveev/primtext2.htm#71>).

³ *Nouvelle description du château et parc de Versailles et de Marly.* 1701.

⁴ *Bentz B.* Pierre le Grand et Marly: une visite impérieuse // *Marly, art et patrimoine.* 2013. № 7. P. 65–66.

1. Перспективный вид каскада «Ривьера» в Марли (Франция). 1717 (?).
Надпись – 1722. Государственный Эрмитаж.

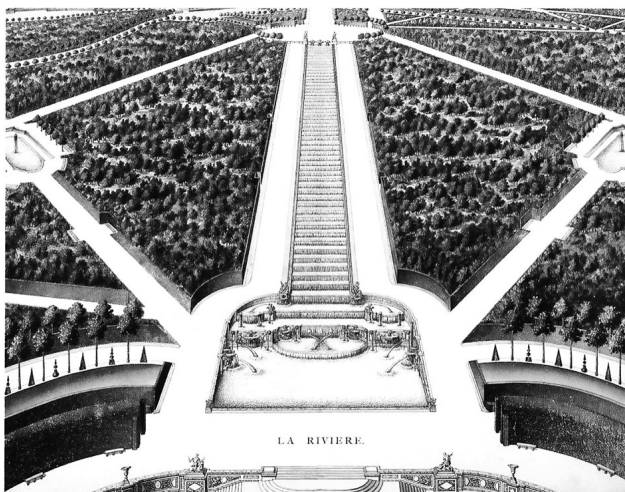
24 января 1715 года последовал указ направить во Францию русского агента Конона Зотова⁵. В том же году Пётр затребовал у Зотова чертежи и виды лучших дворцово-парковых ансамблей Франции. 9 сентября он продиктовал своему кабинет-секретарю А.В. Макарову следующее письмо: «Господин капитан-поручик. Приказывали мы тебе, чтоб достать во Франции самым лучшим огородам и домам грунт рисов и прешпектов и прислать к нам, о чем и ныне подтверждаем, дабы ты конечно то исполнил и особливо пришли к нам дому и огороду королевскому, который есть в Мерли грунт рис и першпектив, также уведомите нас, выслали [ли] вы машинного мастера, о котором сказывал Лефорт». Соответствующее письмо было направлено Макаровым Зотову 16 сентября⁶. 28 октября Зотов отвечал царю: «Книги же об архитектуре, планы огородам, план дому королевскому в Версалии, профили махины Марлинской, проспективы и медали... к вашему величеству непременно управлено будет»⁷.

Созданная с королевским размахом и роскошью марлинская резиденция одновременно имела достаточно интимный характер, в первую очередь благодаря особенностям ландшафта. Ядро ансамбля располагалось в долине, окружённой с трёх сторон высокими холмами, и ограниченное пространство создавало впечатление «уютта», определяло человеческий масштаб парка. Четвёртая сторона преграды не имела: здесь открывался вид на окрестные поля и долину Сены.

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 24 об., 29.

⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 57. Л. 36а, 38.

⁷ Цит. по: Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 166.

2. Перспективный вид каскада «Ривьера» в Марли (Франция). После 1707. Париж, Национальные архивы.

История Марли берёт начало в 1676 году, когда уставший от церемониалов версальского двора Людовик XIV приобрёл расположенное в семи километрах от Версаля имение Марли-ле-Шатель. Через два года Жюль Ардуэн-Мансар, который только что вернулся из Италии, куда ездил «искать всё прекрасное, заслуживающее воспроизведения в королевских домах», составил проект новой резиденции. Вероятнее всего, что в проектировании сада и парка принимал активное участие Андре Ленотр.

Работы начались в 1678 году с подготовки местности — осушения болот и выравнивания холмов, с тем, чтобы создать вышеописанный дальний вид. Полностью они завершились в 1686 году. За это время были возведены королевский павильон и 12 домиков для гостей, церковь, кордегардия и ряд других зданий, вырыты пруды, устроены многочисленные фонтаны и каскады, уютные «зелёные кабинеты». Склоны холмов укрепили массивными подпорными стенами.

Королевский павильон, квадратный в плане двухэтажный «дворец Солнца», был расположен в южной части долины. Центральный восьмиугольный двухсветный зал окружали апартаменты короля, дофина, брата короля герцога Орлеанского и его супруги Елизаветы Шарлотты. Одинаково оформленные фасады, расчленённые пилястрами и увенчанные фронтонами, были покрыты росписями, имитирующими лепную работу.

Через дворец проходила «длинная» ось ансамбля, намеченная на близлежащем южном склоне просекой с газоном, на месте кото-

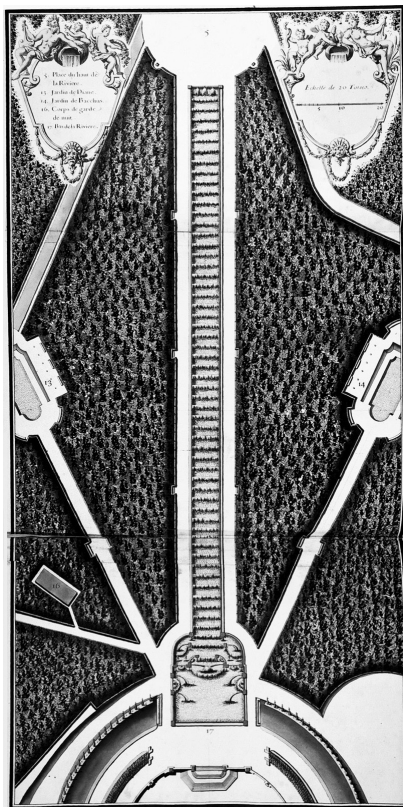
3. План каскада «Ривьера»
в Марли (Франция). Ок. 1713.
Библиотека Российской
Академии наук.

рого в 1696 году был построен колоссальный каскад «Ривьера» [rivière – *фр.* «река»] из разноцветного мрамора, украшенный многочисленными статуями.

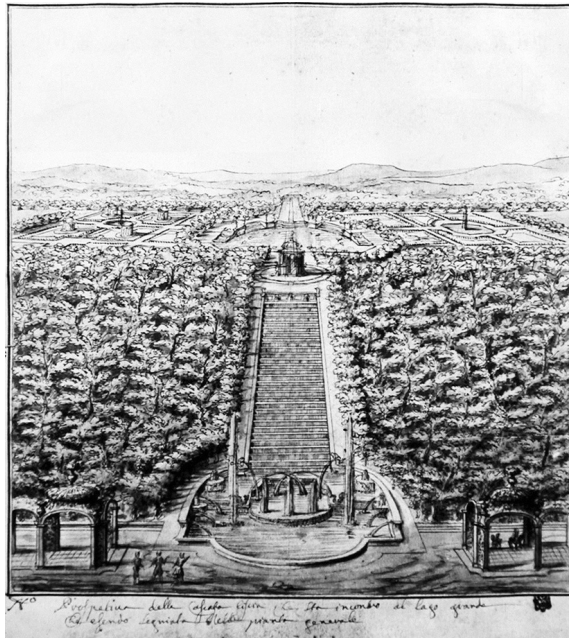
В северном направлении от дворца долина понижалась посредством системы сужающихся террас. Здесь на «длинную» ось были нанизаны пруды — Снопов, Большой, Скатерть и, уже за оградой сада, предназначенный для общего пользования Водопой, где купали и поили лошадей.

Вдоль террас располагались двухэтажные кубообразные гостевые домики (король, по его собственному выражению, Версаль выстроил для двора, Трианон — для себя, а Марли — для своих друзей). Домиков было двенадцать, и согласно королевской космогонии, они олицетворяли знаки зодиака или времена года. В соответствии с этой идеей в двух из них были установлены гигантские небесный и земной глобусы, изготовленные венецианским картографом Винченцо Коронелли. С 1715 года глобусы находились в Лувре, где их видел Пётр I⁸.

Домики соединялись крытыми галереями — берсо, по сторонам которых, на террасах вдоль склонов, были устроены боскеты с десятками садовых затей. Вдоль западной стороны располагались боскеты «Зал для завтраков» и «Сенатор», «Бассейн Дианы», вдоль восточной — «Рустический» каскад и «Амфитеатр Меркурия» рядом с ним, площадь, бассейн и каскад Агриппины, бассейн Муз с «Парнасом» на его оси.

⁸ В настоящее время глобусы хранятся в Национальной библиотеке Франции.

4. Н. Микетти. Перспектива Марлинского каскада в Петергофе (проект). Начало 1720-х. Государственный Эрмитаж.

Для снабжения водой марлинских «затей» был вырыт большой бассейн, а для её подачи в русле Сены сооружено подлинное чудо техники — Машина. Четырнадцать её гребных колёс приводили в движение 200 насосов, которые поднимали воду на высоту прибрежного холма. Оттуда по каналу и акведуку она подавалась в бассейн. Это сооружение, плод творчества валлонского инженера Ренкена Суалема, поразило царя, который уделил немало времени его изучению. В то время в России уже работали прибывшие с Леблонном родственники создателя Машины, Жирар и Поль Суалема. Последний много и плодотворно трудился в Петергофе⁹.

В Марли Пётр впервые побывал 15 / 26 мая 1717 года. «Обстоятельный журнал» описывает это посещение так: «В 15 день его величество был в Марли и там обедал. После обеда гулял в марлинском огороде, для чего також все игровые воды, фонтаны и кашкады были пущены...»¹⁰.

⁹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.; М., 1961. С. 171–172.

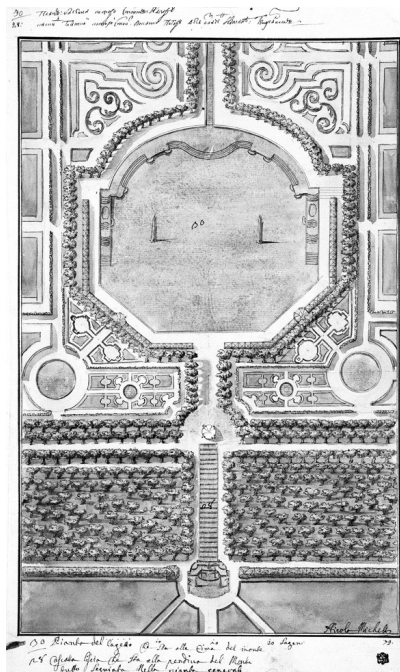
¹⁰ История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого. М., 2004. Вып. 1. С. 617.

5. Н. Микетти. План Марлинского каскада в Петергофе и сада с водным резервуаром (проект). Нач. 1720-х. Государственный Эрмитаж.

Эти сведения дополняет французский источник — приложение к журналу «Новый Меркурий». В нём сказано: «По выходе от Короля, он (царь. — С.Г.) уехал со всей своей свитой в Версаль... Во время своего пребывания в Версале он осмотрел Машину и дворец Марли, сады которого всегда содержатся в большой чистоте. Он делал много зарисовок и высказывал замечания обо всём том, что видел ...»¹¹

Во второй раз Пётр отправился в Марли 27 мая / 7 июня и находился там до 31 мая / 11 июня. В брошюре «Путешествие его величества в Париж», изданной в 1771 году по тексту книги первого биографа Петра Жана Руссе де Мисси 1726 года, этот визит описывается так: «6 июня, отправился он через Кланьи в Марли, место бывшее успокоением от государственных попечений Короля Людвига XIV, которого приятным и весёлым видом чрезмерно он прельстился. Сильные каскады, фонтаны большие, древесные ходы тенистые, мраморные статуи лучших мастеров привлекли его внимание, а особливо часто довольствовался зрением каскада Агриппины... Не оставил он обозреть как любитель наук и художеств, водяною машину удивительную, у одного рукава реки Сены построенную, которая воду вверх на 62 сажени поднимает. Прилежно замечал он все ее сложение, огромной величины тридцати фут в диаметре колеса; насосы, водные проводы в Версалию и к Марли идущие»¹².

В «анекдоте», опубликованном А.А. Нартовым, приведена такая патетическая фраза: «Петр Великий, прогуливаясь в Петергофе по

¹¹ Abbregé de l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, & de ce qui c'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour dédié à sa Majesté Czarienne. Paris, 1717. P. 205–207.

¹² Путешествие его величества в Париж. СПб., 1771. С. 9–10.

саду и сев на лавочке под деревом близ бьющего фонтана, говорил: “Тенистые аллеи и Агриппинин каскад в Марли в памяти моей всегда”¹³. Однако, вероятно, особое внимание царя привлёк не только каскад Агриппины, камерный и достаточно сдержанный по оформлению, но и расположенный рядом в одноимённом боскете «Рустический» («Сельский») каскад, который впоследствии послужил прообразом Руинного каскада (Драконова, «Шахматной горы») в Петергофе¹⁴.

30 мая / 10 июня в Марли был устроен праздник с фейерверком и иллюминацией в честь 45-летия Петра. Вот его описание в газете «Новый Меркурий»: «Господин Вертон, королевский метрдетель, которому приказано двором обслуживать царя, устроил прекрасный фейерверк, поместив в боскете Марли большое количество гобоистов и других музыкантов, которые открывали праздник серенадой. После этого запустили фейерверк, который продолжался иллюминацией — её господин Бельгард подготовил в боскетах Бассейна Агриппины и в боскете каскада. Праздник закончился чем-то вроде бала. Все дамы, которых любопытство привлекло в Марли, танцевали в Салоне до наступления ночи. Царь был так доволен оказанным ему приёмом, что отправился спать гораздо позже обычного»¹⁵.

В «Обстоятельном журнале» о праздновании сказано лаконично: «В 30 день в Марли день рождения его величества праздновали, и ввечеру был фейерверк в огороде и около фонтан и кашкад были люминации поставлены в лампадах»¹⁶. Интересно, что и в этот торжественный для него день царь занимался работой: 30 мая датирован указ Петра о выдаче Шафирову денег на отправку мастеровых из Парижа в Петербург, письма А.Д. Меншикову о приёме купленных «мраморных и прочих вещей», которые придут на корабле Саввы Рагузинского, письмо агенту О.А. Соловьёву в Амстердам и «роспись» нанятым во Франции мастерам и покупателям, приготовленным для погрузки в Гавр-де-Грасе на корабль, следующий в Петербург¹⁷.

Пётр был поражён размахом и великолепием парижских загородных резиденций. 20 июня он писал своей супруге из Спа, где нахо-

¹³ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом: (по авторской рукописи) / Подгот. текста рукоп. и прилож., вступ. статья П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 30.

¹⁴ С.А. Мезин ошибается, смешивая каскад Агриппины и Рустический каскад (*Мезин С.А.* Указ. соч. С. 154).

¹⁵ Цит. по: *Мезин С.А.* Указ. соч. С. 154.

¹⁶ *Гистория Свейской войны...* С. 617.

¹⁷ Петербург в эпоху Петра I: Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. СПб., 2003. Ч. 1. № 1957–1960.

6. Ансамбль Марли (Франция).
Вид вдоль главной оси.
2004. Фото С.Г. Горбатенко.

7. Ансамбль Марли
в Петергофе. 2003.
Фото С.Г. Горбатенко.

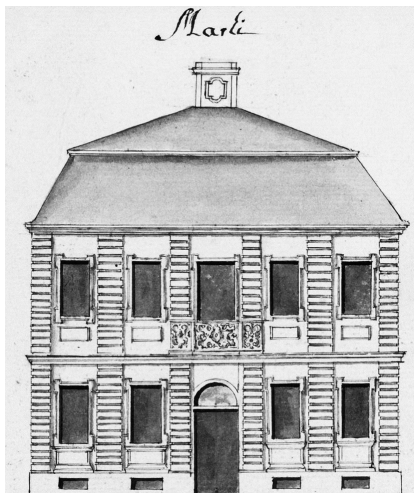
дился на водах: «...и могу сказать, ...что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великий плезир имел!»¹⁸

В Библиотеке Российской Академии наук хранятся два альбома с планами Версаля с Трианоном и Марли из собрания Петра, полученные им в подарок во Франции¹⁹. Первый был составлен Пьером Лепотром в 1711 году, имя автора и дата исполнения второго неизвестны (близкая графическая манера говорит, что им мог быть тот же Лепотр или кто-то из его помощников)²⁰. Эти альбомы, а также боль-

¹⁸ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 71.

¹⁹ БАН НИОР. Собр. П I. Б 112, 113.

²⁰ *Montclos B. de.* Un album du duc d'Antin à Saint-Pétersbourg les jardins de Versailles en 1711 // Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français. 2004 (2006). P. 85–95; *Хмелевских И.В.* Библиотека герцога д'Антена и его презент русскому царю // Михайловская пушкиниана. Михайловское, 2013. В. 61. С. 104–111; *Khmelevskikh I.* L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 19–26.

8. Дворец Марли. 1740-е.
Стокгольм, Национальный музей.

шой план и 11 листов с изображением Трианона, подаренные Петру герцогом д'Антенем, после отъезда царя хранил оставшийся во Франции Абрам Ганнибал, а затем переслал в Петербург резидент Петра в Амстердаме Христофор Брант. Одновременно, в числе других архитектурных материалов, им был прислан «чертёж Марлинской, что поднёс граф Тулуз»²¹.

Создание ансамбля петергофского Марли началось три года спустя после возвращения Петра из Франции: до этого элементы композиции Марли царь намеревался воспроизвести в Стрельне²². Потерпев в этом неудачу, он решил перенести их в Петергоф²³.

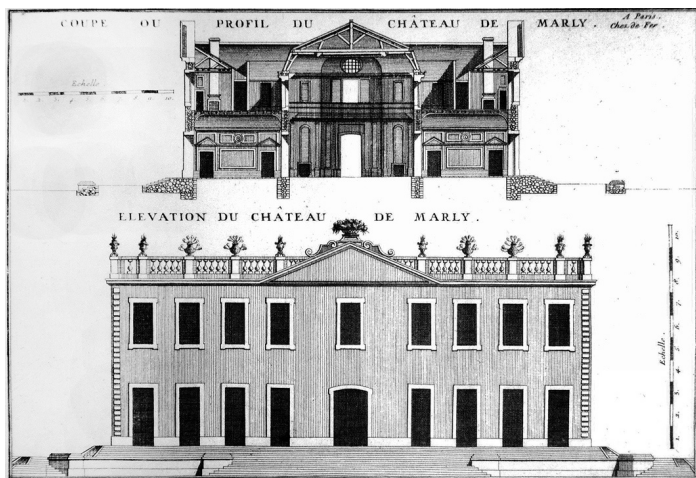
В 1720 году близ западной границы Петергофа приступили к устройству Большого (Марлинского) пруда, призванного в упрощенной форме воспроизвести Большой пруд Марли. Извлечённый при этом грунт образовал укреплённый каменной стеной вал, протянувшийся вдоль береговой линии залива. Вал, помимо удобства перемещения на недалёкое расстояние извлечённой земли, был призван защищать растительность от морских ветров. Но главным, на наш взгляд, является то, что он помог смоделировать топографию французского аналога — подобие открытой с одной стороны долины с уходящей в восточном направлении далекой «перспективой» Марлинской аллеи.

13 марта 1722 года Пётр дал следующее указание: «Кашкаду большую, что против пруда, надлежит препорциею сделать во всем против кашкады Марлинской, которая против королевских палат, также

²¹ *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 338; *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 22.

²² *Горбатенко С.Б.* Архитектура Стрельны. СПб., 2008. С. 95–95, 127–129.

²³ *Он же.* Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015. С. 300–315.

9. *Н. де Фер*. Королевский дворец в Марли (разрез и фасад без настенного декора). Гравюра *Н. де Фера*. 1724.

и бассейн в нижнем ее конце и фонтаны во оном прямые и с боков такие же, как в Марли. Оную препорцию можно сыскать из книги писаной, а не печатной, которых две у меня в Летнем доме...»²⁴

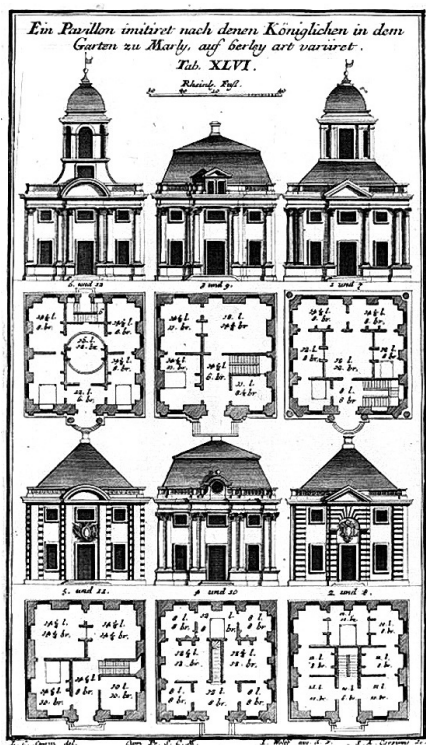
Эти книги, «которые оклеены красным сафьяном под гербом французским» — подаренные Петру в 1717 году герцогом д'Антенем альбомы с чертежами Версаля и Марли. Отсылка к ним имеется также на эскизе «перспективы» каскада Марли, сделанному, вероятно, во Франции (такой чертёж в альбоме отсутствует): «Сия кашкада надлежит делать отлого (от того? — *С.Г.*) места, где был двор Кишкина, а препорция ея в писаных книгах, а не печатных у Машкова, которые оклеены красным сафьяном под гербом французским»²⁵.

Используя эти указания, Никола Микетти выполнил эскиз каскада для Петергофа, позже названного Золотой горой²⁶. Его принципиальное сходство с французским прототипом состоит, прежде всего, в трактовке каскада как простой длинной водяной лестницы, в наличии верхней каменной стены с маскаронами и статуями, а также компоновке водосливных уступов нижних бассейнов (однако конфигурация планов у самих бассейнов разная). Главные отличия — в длине и уклоне (существует выполненный Микетти набросок проектных профилей петергофского каскада, на который для сравнения

²⁴ Общий архив Министерства императорского двора. СПб., 1888. Т. 2. С. 82–83.

²⁵ ГЭ ОЗЕИИ. Отделение рисунка. № 8475.

²⁶ Там же. № 4732, 8465.

10. Л.Х. Штурм. Архитектурные вариации на тему павильонов в Марли. Из кн.: Leonhard Christoph Sturms durch einen großen Theil von Teutschland und den Niederlanden... Augsburg, 1719.

нанесена «линия Марлинской каскада, что во Франции»²⁷). Из-за большей крутизны ската в Петергофе по сторонам каскада вместо пологих пандусов были устроены лестницы (в проектных чертежах Микетти, как и у французского прототипа, их нет). «Ривьера» располагалась на главной, продольной оси французского ансамбля, «Золотая гора» — на поперечной.

На верхней террасе Микетти запроектировал обширный водонакопительный бассейн сложных очертаний (возможно, творчески переработав бассейн «Напеи»²⁸ в Марли), снабдив

предусмотренный в нём центральный каскад своим излюбленным «борроминиевским» изгибом и устроив ещё два узких каскада по бокам. К западу от этого водоёма был запроектирован партер, обнаруживающий большое композиционное сходство с устроенными А. Ленотром большими партерами в Шантильи²⁹. Этого ансамбля Пётр никогда не видел, но о нём знал и в 1722 году просил у посла во Франции В.Л. Долгорукова прислать его изображения. Вероятно, вследствие этой просьбы в его библиотеке появился комплект гравюр Перелля с видами Шантильи³⁰.

Уже в ходе строительства каскада Пётр решил увенчать Марлинский каскад скульптурой «Геркулес, поражающий гидру» — этот сю-

²⁷ Там же. № 8462.

²⁸ Напеи — согласно греческой мифологии, нимфы долин и лесов.

²⁹ ГЭ ОЗЕИИ. Отделение рисунка. № 8476; *Коренцов В.А.* Ранний план Петергофа из Стокгольмского национального музея как исторический источник // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 503.

³⁰ *Pérelle.* Chantilly et ses jardins et fontaines et cascades. Paris, s.a.

жет был распространён в скульптурном убранстве европейских регулярных садов. Однако дело затянулось, а по смерти императора было совсем отменено³¹.

В 1724 году герцог д'Антен, спутник Петра в его разъездах по Парижу и окрестностям в 1717 году, по просьбе императора, подготовил для него чертежи Ривьеры и элементов водоподводящей системы Марли. Об этом свидетельствует письмо следующего содержания: «Государь, по силе вашего императорского величества повеления, отдал я князю Куракину, вашего величества послу, план реки [*фр.* riviére — река] Марли, разрез, профили и план каналов, и ежели ваше императорское величество ещё что мне повелеть имеете, оное я с такою же ревностию и поспешеством исполню, во знак... моего прилежания и великого респекта, с которым я пребываю вашего императорского величества покорнейший и послушнейший слуга Дук Дантонг. В Версалии марта 28 дня 1724»³².

Дворец Марли, несмотря на небольшие размеры — важная композиционная доминанта не только ансамбля Марли, но и всего петергофского Нижнего парка: он замыкает её осевую Марлинскую аллею, а также береговую Малибанскую и южную Березовую. Вместе они составляют сформировавшийся в 1730-х—1740-х годах «трезубец» главных парковых аллей Петергофа.

Дворец Марли начал возводиться после того, как в 1720 году Пётр отдал распоряжение о строительстве одноэтажных «палаток маленьких» с прудом за ними по проекту И.Ф. Браунштейна. В июле 1721 года здание было подведено под крышу. 2 августа этого года Ф.В. Берхгольц записал в своём дневнике: «Сад и дом на левой стороне Петергофа будут точно так же устроены, как Монплеизир, и уже начаты»³³.

Уже в процессе строительства царь приказал увеличить высоту здания до двух этажей. К октябрю 1721 года закончили кладку стен, работы по внутренней отделке были в основном завершены к лету 1723 года³⁴. В первой трети XVIII века дворец нередко именовался «Монбизу», что свидетельствует о том, что образ носившего такое

³¹ *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 137–139.

³² РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Кн. 66. Л. 820–821.

³³ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 190.

³⁴ *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 133–134.

³⁵ *Горбатенко С.Б.* Петергофский Монплеизир — плод немецких ассоциаций Петра I // Россия—Германия: пространство общения: Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004. С. 131–146; *Он же.* Архитектурные маршруты Петра Великого... С. 302–306.

название берлинского дворца, ставшего прототипом Монплезира³⁵, надолго запомнился Петру.

На первый взгляд ни с французским королевским, ни с берлинским дворцами, петергофский Марли не имеет ничего общего³⁶. Французский посол Кампредон писал своему королю 3 сентября 1723 года: «На подходе к Марли, нисколько не похожего на принадлежащий Вашему Величеству, имеется большой четырёхугольный пруд с двумя неоконченными партерами по сторонам. Не окончен также и маленький ручей, или каскад, который царь устраивает здесь приблизительно в том же вкусе, как и в Марли, только гораздо меньшего размера. При нас пустили два фонтана...»³⁷

Однако следует помнить, что французский дворец, гостевые павильоны и другие здания Марли имели очень простую архитектуру: в камне были выложены только их карнизы, наличники и угловые рустованные лопатки, все же другие элементы, архитектурные и декоративные, представляли собой настенные росписи-обманки, выполненные под руководством «первого живописца короля» Шарля Лебрена. Если сравнивать чертежи петергофского и французского дворца без росписи, то нельзя не обратить внимания на близость трактовки их фасадов.

Кроме того, образцом для Петра и Браунштейна могли послужить варианты павильонов марлинского типа, разработанные немецким архитектором Леонардом Христофором Штурмом по наброскам и впечатлениям, полученным во время его путешествия по Франции в 1699 году. Они были включены им в книгу, изданную в 1719 году, которая, возможно, имела в распоряжении Петра³⁸.

Может быть, царь был и лично знаком с зодчим: они могли встретиться в декабре 1712 года в Нойштадте-Глеве, где Штурм возводил спроектированный им дворец. Также это могло случиться при дворе породнившегося с Петром в 1716 году герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, «баудиректором» которого архитектор являлся с 1711 по 1719 год. Пётр знал труды Штурма заочно задолго до этого:

³⁶ По мнению Н.И. Архипова и А.Г. Раскина, с берлинским дворцом роднит петергофский пирамидальная конфигурация кровли, завершённой трубой (*Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 132).

³⁷ Сборник РИО. 1885. Т. 49. С. 372.

³⁸ *Sturm L.C. Leonhard Christoph Sturms durch einen großen Theil von Teutschland und den Niederlanden bis nach Paris gemachte Architectonische Reise-Anmerkungen...* Augsburg, 1719. Н.И. Архипов и А.Г. Раскин указывают, что эта книга была известна Петру (*Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 94, 185). В указателе-справочнике Е.И. Бобровой «Библиотека Петра I» (Л., 1978) среди многочисленных произведений Штурма эта книга не числится.

одна из написанных архитектором книг была опубликована в 1709 году в русском переводе³⁹.

К сожалению, большинство зданий и сооружений французского Марли ныне не существует: они были разобраны в начале XIX века. Однако правительством Франции постепенно регенерируется ландшафт — восстанавливаются террасы, аллеи, бассейны, реставрируются циклопические подпорные стены. Несмотря на обилие иконографических материалов, от воссоздания каких-либо элементов ансамбля во имя сохранения его подлинности и «духа места» отказались. План дворца обозначен каменными плитами. Всё это, наряду с экспозицией существующего здесь с 1968 года музея, даёт возможность воссоздать в воображении удивительную королевскую резиденцию.

Судьба петергофского Марли совсем иная. Дворец был разобран по ветхости и воссоздан в 1898–1899 годах. Жестоко повреждённый во время Второй мировой войны, он был капитально отреставрирован с воссозданием внутренней отделки в 1950–1980-е годы. Марлинский каскад реставрировался в 1940-х годах после повреждений военных лет, а затем в 1970-х. В нынешнем году каскад, а также расположенные по его сторонам Менажерные фонтаны были подвергнуты радикальной «реставрации» с заменой их конструкций на железобетонные. Подлинности в сооружениях петергофского Марли отныне нет места — остался лишь образ ансамбля в историческом ландшафте, эфемерный «отпечаток» былой петровской идеи.

³⁹ *Штурм Л.К.* Архитектура воинская, гипотетическая, и эклектическая... М., 1709.

Вагеманс Эммануэль
(Бельгия)

Профессор Католического университета г. Лёвена

Петровские памятники и памятные места в Бельгии

В прошлом году я представил новую книгу вместе с Дмитрием Гузевичем о любопытной легенде, как Пётр Великий работал не только на судостроительной верфи в Голландии (в Заандаме и Амстердаме), но и во Фландрии, в маленьком местечке Баасроде. Книжку мы назвали *Царь-плотник во Фландрии. История одной легенды*¹. Весной этого года нидерландский перевод этого сокровища² был представлен в самом местечке, где якобы работал Пётр, в присутствии местного бургомистра, депутата провинции, российского генерального консула и многих других высокопоставленных. Презентация прошла, безо всякой скромности, на ура. Но... памятник Петру пока не поставили. То ли не додумались местные, гордые жители, то ли денег пока не нашли. Но я буду говорить не о тех местах, где нет памятников Петру, а о тех, где таковые имеются.

Из книг автора сих строк³ известно, что Пётр побывал также в моей стране. Этого события моим предкам посчастливилось быть свидетелями в 1717 году, когда Пётр находился в Антверене, Брюсселе и на обратном пути из Франции, куда он ехал, на курорт Спа.

¹ Вагеманс Э., Гузевич Д. Царь-плотник во Фландрии. История одной легенды. СПб., 2014.

² Emmanuel Waegemans & Dmitri Gouzévitch. Peter de Grote in Baasrode. Geschiedenis van een legende. Antwerpen, Benerus, 2015.

³ Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007; Он же. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.

Жителям курорта Спа, на юге Бельгии (по сей день симпатчный городишко во франкоязычной части нашей страны) повезло. После визита русского царя, который лечился и выздоровел, курорт во всей Европе рекламировал себя как лечебницу королевского масштаба. Со всех концов Европы коронованные и богатые приезжали лечиться в Спа: раз необузданного, мол, русского медведя излечили, можно вылечить любого. В благодарность Пётр заказал одному скульптору в Амстердаме мемориальную доску из чёрного мрамора — на память о его успешном лечении в Спа. Латинский текст написан, вероятно, кем-то из его окружения:

Пётр Первый, Божией милостью Император Всероссийский,
Благочестивый, Счастливый, Непобедимый,
В своём народе воинского дела восстановитель,
Всех наук, теоретических и прикладных, основоположник,
Построив собственной доблестью
Могучий военный флот,
Значительно увеличив свои войска,
Безопасность владений, и наследственных, и завоёванных,
В самом огне войны обеспечив
И изучив нравы различных народов Европы,
Прибыл через Францию, Намюр и Льеж
К этим водам Спа,
Как в спасительную гавань.
С успехом он пил целебнейшие воды.
Особенно из источника Жеронстер, и вернул себе прежнюю силу
и дарованное ему здоровье
23 июля 1717 года.
Затем вновь посетив Голландию
И возвратившись в свою отчую державу,
Приказал установить здесь
Этот вечный памятник своей благодарности

В год 1718⁴.

Лейб-медик царя, доктор Роберт Арескин. чтобы порадовать жителей Спа, выписал следующее свидетельство:

«Я, нижеподписавшийся, тайный советник и главный врач Его Величества Императора Всероссийского, удостоверяю, что Его Величество, почти совсем потеряв аппетит из-за расслабления волокон желудка, с распуханием ног, перемежающимися желчными коликами и нездоровым цветом лица, отправился в Спа пить минеральные воды: я свидетель того, какую

⁴ Все детали, в т.ч. латинский текст, в книге *Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии*. С. 182.

пользу они Ему принесли, улучшая с каждым днем его самочувствие, благодаря тому, что Он дал себе труд добраться сам до источника Жеронстер, отстоящего на три четверти лье [около 3 км] от города, хорошо зная, что эти воды приносят несравненно меньше пользы, когда их куда-нибудь доставляют. Наконец, хотя Его Величество пил и другие воды в различных местах, Он не нашел лучших или оказывающих столь же большое воздействие на его болезнь, чем названные воды Спа. Свидетельство выдано в Спа 24 июля 1717 года»⁵.

Жители Спа всячески старались извлечь как можно больше выгоды из посещения их курорта Петром. Уже в 1718 году этому визиту была посвящена целая книжка: *Описание великолепного подарка, сделанного Его Величеством Императором Великой России магистрату города Спа в благодарность за то, что в 1717 г. целительной силой их вод он полностью восстановил свое здоровье* (Льеж 1718)⁶. В конце 1718 года мраморная доска, подаренная Петром, была установлена на фасаде маленького павильона, воздвигнутого ещё в XVII веке над источником Пуон. Это ещё больше прибавило славы русскому царю, как видно из стихотворения Этьена Араго Спа и его игры:

В сём месте всё нам говорит о щедрости Его;
Царь Пётр — ещё детьми мы слышим про Него.

Раз, показав Его портрет на крышке сундука,
Поведал мне один старик, как Царь издалека
В блестящий прибыл Льеж, где в праздничных огнях
Был во дворце устроен бал, гулянье на лугах,
Кортеж был пышный снаряжён, с великим торжеством,
Чтоб проводил он гостя в Спа, — предание о том

Дороже золота для нас и краше что ни год...⁷

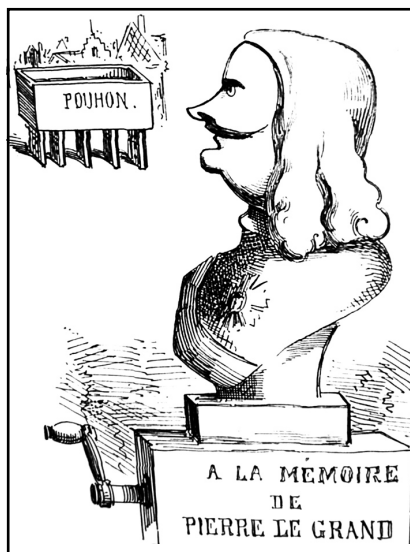
О Петре и его визите не забыли также в России. В 1782 году великий князь Павел Петрович посетил Спа под псевдонимом Граф Северный, в 1818 году с триумфом город принимал императора Александра Первого, в 1821 прибыл будущий Николай Первый. А в 1856 году русский аристократ Анатолий Демидов подарил городу Спа бюст

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Description du magnifique présent que Sa Majesté l'Empereur de la Grande Russie a fait au Magistrat de Spa, en reconnaissance de ce que, par la vertu de ses Eaux, il a obtenu l'entier recouvrement de sa santé en 1717. Liège, 1718.

⁷ Стихотворение Э. Араго (Etienne Arago), цитируется по книге *Body Albin. Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles, 1872. С. 81. См.: Вагеманс. Э. Пётр Великий в Бельгии. С. 185.*

Карикатура на увлечение жителей города Спа Петром Великим («В память Петра Великого»).

Петра Великого работы немецкого скульптора Даниэля Рауха. Бюст был торжественно открыт в галерее с колоннами, прямо напротив источника. Так что город Спа можно назвать — в терминологии Дмитрия Гузевича — самым петровским местом в Бельгии⁸.

Однако рядовой житель Бельгии лучше знает о том, что Пётр посетил Брюссель — потому что в столице случился эксклюзив высокого ранга. После Антверпена, Пётр поехал в Брюссель. На второй день после обеда городские власти устроили царю праздник в герцогском парке. Погода была прекрасная, парк в честь высокого гостя был украшен, было съедено и выпито изрядно. Кто-то из царской свиты вскочил на «островок» в фонтане Марии Магдалины. За ним прыгнул сам Пётр и угодил в воду. Выпито было столько, что вдруг царя ... стошнило. В память об этом подвиге городские власти Брюсселя установили табличку на латинском языке. В переводе:

Пётр Алексеевич, царь и великий князь Московский, сидя на краю этого фонтана, облагородил его воду, совершив возлияние вином, в третьем часу пополудни, 16 апреля 1717 года⁹.

О точном значении этой надписи идут споры. По мнению некоторых, царь облагородил воду тем, что, сидя на краю фонтана, пил вино. Другие полагают, что он опустил в фонтан бутылку вина, чтобы её охладить... Как бы то ни было, брюссельский магистрат решил это событие увековечить. Это дипломатический инцидент, который и сегодня попал бы в мировую прессу, — самый известный эпизод из истории визита Петра в бельгийскую столицу.

⁸ См. также: *Pouhon Pierre le Grand*. Spa, Office du Tourisme, б.г. Брошюра Отдела туризма г. Спа.

⁹ *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. С. 139. См. также: *Ронин В.* В центре Брюсселя. Историко-культурный путеводитель. Антверпен, 2013. С. 8, 180–182.

Недалеко от фонтана стоит в том парке бюст Петра. Его подарил городу богатейший русский аристократ, князь Анатолий Демидов, родившийся во Флоренции, а умерший в Париже. На постаменте — надпись: «Воздвигнут в честь Петра Великого и в память о его пребывании в Брюсселе в 1717 году». В октябре 1994 года бюст, стоявший среди деревьев в небольшом овраге, внезапно исчез. В 1997 году он был обнаружен и вновь установлен на прежнем месте. Брюссельская газета *Le Soir* писала, что похищение могло быть шуткой местных русофилов: они считали, что бюст не должен стоять там, где его никто не видит, и что в овраге великий россиянин не привлекал к себе того внимания, какого заслуживал.

Памятник Петру был местом, где в течение многих лет собирались русские эмигранты. Марина Цветаева после поездки в Брюссель писала Зинаиде Шаховской о «Петре в саду»¹⁰. В мае прошлого года памятник во второй раз стал предметом хулиганства. Бюст Петра I был облит белой краской и исписан непонятными иероглифами. Некоторые обозреватели полагают, что этот акт вандализма — работа антирусских, может быть, украинских кругов в нашей стране в знак протеста против политики России в Украине¹¹.

Но самый красивый и достойный памятник Петру стоит в Антверпене. В 1998 году местные русские и русофилы, в том числе автор этих строк, воздвигли Петру шикарнейший памятник. Работа — скульптора Георгия Франгуляна, деньги — от российского спонсора. Его привезли в антверпенский порт за несколько дней до банковского кризиса осени 1998 года, т.е. вовремя. В 2013 году копию памятника поставили в парке Коломенское в Москве. По данным ЮНЕСКО, памятник Петру I в Антверпене входит в десятку лучших уличных скульптур Европы¹².

Нам не без труда удалось получить разрешение городских властей поставить этот памятник. Он ведь стоит на центральной улице города, в антикравном квартале Антверпена. В мэрии не прониклись нашей идеей: «Вы с ума сошли — ставить в центре города памятник человеку, который пробыл здесь всего три дня?!» Нам пришлось доказывать, что царь не просто прорубил окно в Европу, не просто

¹⁰ Цветаева в 1936 году писала Шаховской «Привет Петру в овраге». Княгиня добавила в сноске: «Все русские поэты и писатели, побывавшие у нас в Брюсселе, приводились в заброшенный овраг Королевского парка, где почему-то находится бюст Петра Великого. Неподалеку от него — каменное изваяние лежащей в гроте женщины» (*Шаховская З. Отражения. Париж, 1975. С. 171*).

¹¹ См. электронный ресурс: <http://kashin.guru/2014/05/19/petr/>.

¹² См. электронный ресурс музея-заповедника в Коломенском: <http://mgomz.ru/sobitiya/v-kolomenskom-poyavyatsya-petr-i-i-elizaveta-petrovna>.

три дня гостил в Антверпене, а ещё и скупил десятки картин и вообще положил этим начало русскому туризму в Европе. Памятник стоит на том самом месте, где царь сошёл на берег, высадившись с голландского корабля.

В начале, мы заказали памятник у русского скульптора Владимира Суровцева. Но он мне не понравился, потому что слишком уж традиционный, строгий, да и не годящийся для уличной скульптуры. Мы вежливо отказались от него, но в утешение автору потом поставили его в Военном Музее в Брюсселе, по поводу открытия русского зала, посвящённого русским эмигрантам в Бельгии, где он стоит до сих пор. Судите сами, правильно ли мы сделали.

Мне кажется, что моя страна чтит память великого Петра. А кто знает, может быть, через несколько лет мы и поставим ему ещё один монумент, даже в таком месте, где он никогда и не был. Не итальянцы ли говорят: *si non è vero e ben trovato...* даже если это не так, то всё равно хорошо придумано!

Кросс Энтони
(Великобритания)

Почётный профессор Кембриджского университета

Поездка Петра в Портсмут и мемориальные доски в ознаменование этого события

Авторитетный британский историк Мэтью Андерсон в своём исследовании «Открытие России Англией» (1958) назвал визит Петра в Англию «самым колоритным эпизодом в истории англо-российских отношений»¹. Спорить с этим мнением трудно. Сегодня мне хочется остановиться на одном эпизоде, не только колоритном и многозначителен. 11 января 1698 года десятник Пётр Михайлов с группой из двадцати человек ступил в первый раз на английскую землю. В течение следующих недель он знакомился с жизнью в английской столице, гулял по лондонским улицам, удивлялся достопримечательностям великого города, заглядывал в магазины и мастерские часовщиков, гробовщиков и других «-щиков», бывал в кабинетах учёных, в театрах, развлекался с актрисами, выпивал в тавернах, и, пользуясь любимым словом Юрнала, везде «веселился»².

Но настоящая его страсть — выведывать секреты судостроения у опытных английских мастеров на верфях, возиться с кораблями, быть на реке или у моря. Во время пребывания на Норфолкской улице в центре Лондона Пётр дважды посетил Дептфорд, но сильные морозы и лёд на реке помешали выбраться в плавание.

¹ *Anderson Matthew*. Britain's Discovery of Russia 1553–1815. London: MacMillan, 1958. P. 49.

² Походный Журнал 1698 года. СПб., 1910.

Графство Суррей, Годалминг.
Герольдмейстерский и Королевский отель.
Современное фото Э. Кросса.

9 февраля Петру удалось переселиться в Дептфорд, в дом-усадьбу Джона Эвелина, который они с товарищами систематически разрушали — когда, конечно, Пётр не творил хаос на Темзе пытаясь отточить навыки судовождения. Всё это было прелюдией к экспедиции в Портсмут, оказавшейся одним из самых счастливых моментов его пребывания в Англии. Король Вильгельм, с которым царь сблизился, не мог бы придумать ничего более привлекательного для своего гостя, чем потешную морскую баталию, разыгранную эскадрой из одиннадцати кораблей. Интерес, который поездка в Портсмут вызвала у Петра и его спутников, отражается в её необычайно подробном описании в Журнале.

Утром 20 марта русские отправились из Дептфорда по почтовой дороге, проехали Гилфорд (Guildford) и на ночёвку остановились в Годалминге (графство Суррей) в сорока милях от столицы. Здесь мы встречаем первую из трёх мемориальных досок, связанных с этой поездкой. 4 декабря 1998 года в ознаменование 300-летней годовщины поездки царя чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации Ю.Е. Фокин присутствовал на торжественном открытии доски, которая украшает фасад Герольдмейстерского и Королевского Отеля (The King's Arms and Royal Hotel), выходящий на Хай Стрит. Доска была создана по проекту Союза художников России и подарена Годалмингу представителем Московской мэрии от имени жителей Московского округа Филёвский Парк.

С пребыванием Петра I в Годаминге связан любопытный документ, копия которого находится в городском музее, а оригинал хранится в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Это письмо оксфордского учёного и библиофила Хамфри Уэнли (Humphrey Wanley, 1672—1726), в котором он пишет другу, что не может ручаться за достоверность списка блюд, съеденных Петром и его свитой, однако «очевидцы клянутся, что они видели собственными глазами, как царь и его свита поглотили всю эту еду и оплатили хозяину гостиницы счёт. На завтрак поданы были: половина барана, четверть ягнёнка, десять кур, двенадцать цыплят, три кварта бленди, шесть кварт глинтвейна, семь дюжин яиц, а уж салата сколько было съедено — не подсчитать. За обедом компания ела: пять рёбер говядины в 3 камня весом, одного барана весом в 56 фунтов, три четверти ягнёнка, варёную телятину — лопаточную часть и филе, восемь куриц, восемь кроликов, запивая всё это белым, — около 30 кварт, — и красным вином — дюжиной кварт»³.

Из Годаминга русские выехали в 10 часов утра 21 марта и добрались до Липхука (Liphook), где перекусили. Здесь был известный трактир — Красный якорь (The Red Anchor), где за тридцать лет до пребывания Петра переночевал Самуил Пипс, автор известных дневников. В Липхуке мемориальной доски нет, но есть в близлежащем Петерсфильде, хотя по *Юрналу* русские только проезжали этот маленький городок. Петерсфильд являлся важным пунктом на почтовом тракте и гордился хорошим трактиром с кегельбаном под названием «Белый олень» (White Hart), существовавшем с XVI века по начало XIX. Трактир и соседнюю гостиницу давно снесли, но на их территории был построен Винтон Хаус Сентр, современная благотворительная организация. Прикреплённая к фасаду круглая доска голубого цвета информирует о том, что здесь останавливались король Чарльз II, Пипс и Пётр Великий. Чарльз и Пипс очень возможно, но Пётр вряд ли. В *Юрнале* написано, что проезжая Петерсфильд, голодные русские гости преодолели грязную и плохую дорогу и ужинали в Кошеме, но в каком заведении неизвестно. До их приезда в Кошем — один интересный момент. Местность там холмистая и безлесная, и внезапно путники увидели море — редкий в *Юрнале* пример живописной детали, вполне созвучной стремлениям Петра. Должно быть, они увидели много военных кораблей, яхт и лодок, а вдали остров Уайт. Вид с так называемой портсдаунской возвышенности (Portsmouth Hill) действительно впечатляющий.

³ [John Barrow]. A Memoir of the Life of Peter the Great. London: John Murray, 1832. P. 85.

Кошем, упомянутый в Книге Судного Дня (Domesday Book) как самостоятельная административная единица, в настоящее время является частью Портсмута, куда путешественники прибыли в 8 часов вечера 21 марта. Портсмут в графстве Гемпшир единственный город в Соединённом королевстве, расположенный на острове — о. Портси (Portsea). В петровские времена он являлся важным фортификационным пунктом и морским портом. В Журнале он описывается как «город, поистине огромный, у врат которого над водами нависли три разводных моста»⁴. Путешественников разместили в Доме губернатора. С середины XVI века Дом губернатора находился в южной части так называемого Божего дома (Dom Dei), прежде служившего приютом для бедных (известными как Больница св. Николаса). В 1826 году это здание снесли.

Губернатором Портсмута с 1694 года был Томас Эрл (1650–1720), опытный солдат, который сражался в битве на реке Бойн в Ирландии в 1690 году, но его не было в городе во время визита царя. Гостей встретил вице-губернатор полковник сэра Джон Гибсон (1637–1717), «который получил приказ от короля отправиться в свою губернию чтобы принять царя»⁵.

На следующий день, 22 марта, Пётр I сел на шлюп, чтобы осмотреть три английских линейных парусных корабля — «Принц Вильям», «Виктория» и «Реставрация», после чего присоединился к вице-адмиралу сэру Дэвиду Митчеллу на его флагманском судне «Хамбер». Вместе они отплыли к острову Уайт, где бросили якорь на ночь. Утром 23 марта на море воцарился штиль, и запланированное потешное сражение пришлось отложить. Петра доставили на лодке для осмотра ещё трёх судов, после чего все английские капитаны присоединились к Митчеллу и царю на «Хамбере» и по бессмертным словам *Журнала*, «довольно веселились» — и мы все понимаем, что это значит.

24 марта в 11 часов утра и в час дня Пётр получил возможность посмотреть на два потешных сражения, в которых участвовала эскадра, состоящая из одиннадцати кораблей, предназначенных для службы в Гибралтарском проливе. Царю такие зрелища всегда доставляли наслаждение. Как отметил капитан Джон Перри, морской офицер, взятый на русскую службу, «подобные сражения Пётр I видел и в Голландии, однако английские учения произвели на него большее впечатление»⁶. *Журнал* скупко описывает само сражение, но

⁴ Походный Журнал 1698 года.

⁵ *Newton Lady* (ed.). *Lyme Letters 1660–1760*. London, 1925. P. 209.

⁶ *Perry John*. *The State of Russia under the Present Czar*. London: Benjamin Tooke, 1716. P. 165.

лондонская газета «Летучая почта» (*The Flying Post*) информировала своих читателей, что «морские учения, представленные перед Московским царём, прошли превосходно. Они длились долго, причём каждый корабль имел в арсенале 12 фунтов пороха, однако заряды остались в трюмах из боязни нечаянных ранений»⁷.

Вернувшись в гавань Портсмута, Пётр в тот же вечер сел в шлюпку, чтобы осмотреть замок Саутси. Это один из фортов, построенных по велению короля Генриха VIII (известных как замки Генриха), был возведён в 1544 году на береговой линии южной оконечности острова Портси. Он был предназначен для защиты портов Солента и Портсмутской гавани с юга. В 1680-х годах, за десять лет до путешествия Петра, замок был подвергнут значительной перестройке. Сегодня замок служит музеем. Царь осматривал замок в течение часа, потом вернулся к судну Митчелла, которое русские покинули под вечер под шум салюта из 51 орудия и «ура» матросов. Царь и его свита вновь заночевали в Доме губернатора и после обеда 25 марта отбыли из Портсмута под звуки орудийного салюта.

В ознаменование этого, во всех отношениях удачного, визита на набережной в Портсмутской Исторической верфи (Portsmouth Historic Dockyard), примерно в 50 метрах к западу от сухого дока, где находится флагманское судно адмирала Нельсона, военный корабль Её Величества «Виктория», поставлен гранитный блок с мемориальной доской. На ней говорится: «Эта доска была подарена Ротарианским клубом Санкт-Петербурга в честь 300-летней годовщины посещения Портсмута русским царём Петром Великим в марте 1698 года». Местная портсмутская газета *Известия* (*The News*) за 27 марта 1998 года сообщала, что на следующий день состоится визит посла Российской Федерации Юрия Фокина с делегацией из 18 членов петербургского клуба, чтобы присутствовать на торжественном обеде, устраиваемом портсмутским лорд-мэром, и передать доску⁸. Доска вначале предназначалась для выставки, посвящённой визиту царя, и только в августе будет поставлена на нынешнее место. К сожалению, в следующих номерах газеты дополнительной информации не обнаружено.

Для обратного пути в Лондон русские избрали другой маршрут: через Элтон (Alton) и Фарнем (Farnham), где ночевали с 25 на 26 марта, преодолев за день 30 миль. Несмотря на самые усердные ста-

⁷ [John Barrow]. Op. cit. P. 84.

⁸ The News (Friday 27 March 1998). P. 13. Я благодарен Анне Делайни (Ann Delaney) из Портсмутского исторического центра (Portsmouth History Centre), которая просмотрела архив газеты и послала мне фотокопию статьи.

рания, я не могу установить, где именно они останавливались. Сведений о трактирах в городе, по-видимому, не сохранилось. Из Фарнема около 6 часов утра они отправились в Виндзор, где любовались великолепием дворца и потом продолжали свой путь до Гамптона Курта, места последней их ночёвки. На следующий день они три часа осматривали и этот дворец, построенный, как замечено в *Юрнале*, королевой. Кажется, ни в одном, ни в другом дворце никакого специального приёма для них не было подготовлено. Проехав город Кингстон, они добрались до Дептфорда вечером 27 марта, после восьмидневного отсутствия.

Несомненно, поездка в Портсмут — важная веха в истории пребывания Петра в Англии. Насколько мы знаем, это была поездка без инцидентов и недоразумений. Царь, который чуждался общества и хотел сохранять инкогнито, в Портсмуте был у своих — окружён морскими офицерами и матросами, которые говорили о том, что было ему интересно, с которыми он мог пить сколько угодно грога. Была возможность многим любоваться, многому учиться. Наверное, Пётр был доволен этой поездкой, что нельзя сказать о следующей экспедиции в Оксфорд, о которой он давно мечтал, но которую был вынужден сократить из-за назойливого внимания толпы.

В заключение можно напомнить, что поездка в Портсмут была памятна не только для Петра и его спутников, но и для последующих поколений. Через сто пятнадцать лет после визита Петра — в июне 1814 года — в Лондон прибыл Александр I с блестящей свитой⁹. В отличие от великого Петра, Александр и сопровождавшая его сестра Екатерина Павловна активно искали внимания и аплодисментов народа.

⁹ См. мою статью: «The enthusiasm that one has here for Russians»: Alexander I Visits England in 1814 // Санкт-Петербург–Великобритания. XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 14–29.

Шварц Искра
(Австрия)
*Профессор Института
восточноевропейской истории
Венского университета*

Петровские памятники в Вене как объекты культурного туризма

Выявление и изучение в ходе научных экскурсий памятников петровской эпохи и памятных мест на территории бывшей Габсбургской монархии является, с одной стороны, своеобразной формой обучения, а с другой — формой культурного туризма. Идея организовать экскурсию с австрийскими студентами по следам Петра I возникла давно, во время подготовки выставки о пребывании Петра в Вене, которая открылась в Австрийском государственном архиве в декабре 1999 года, но реализовать эту идею удалось лишь десять лет спустя.

С методологической точки зрения для подготовки курса наиболее важными стали труды Николая Анциферова и немецкого историка Карла Шлёгеля. Концепция Анциферова воспринимать город как живое существо, как исторически сложившийся культурный организм, который имеет свой язык и свою душу — *genius loci* — была отправным пунктом для оформления курса¹. Основопологающим принципом во время экскурсии стала максима автора — «ни в коем случае не превращать город в музей достопримечательностей»².

Из трудов Карла Шлёгеля особое внимание было уделено книге «Читая Москву. Город как книга». Она издан в 1984 году, и только в 2010 переведена на русский язык и опубликована в издательстве

¹ *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Л., 1990.

² Там же. С. 11.

«Российская политическая энциклопедия» под названием «Постигая Москву»³. В процессе сбора материалов Шлэгель разработал свой исследовательский метод, который помог ему стать культовым автором среди историков. Большинство учёных, занимающихся историей, опираются в своей работе исключительно на документы и монографии, тогда как Шлэгель изучал Москву в первую очередь как «любопытный пешеход»⁴. Впечатления от прогулок он излагал в лёгкой и свободной форме. Для немецкого автора было особенно важно Бахтинское понятие «хронотоп»⁵. Как известно, знаменитый культуролог Михаил Бахтин первым использовал термин «хронотоп» как понятие, соединяющее воедино пространство и время, время как четвёртое измерение пространства, что давало неожиданный поворот теме художественного пространства и раскрывало широкое поле для дальнейших исследований. Именно это понятие применяет Шлэгель для пространственно-временных характеристик объекта на исторической карте и считает, что «архитектоника события — вписывается в архитектуру города», другими словами «история обретает плоть в плотности городского пространства»⁶.

Для подготовки и организации нашего курса особенно полезным было методическое пособие Барбары Дмитраш «Дидактика экскурсии», изданное Министерством образования для студентов историков и социологов⁷. Сама госпожа Дмитраш приняла участие в первой поездке в Братиславу и работала со студентами при анализе мемориальных памятников и архитектурных объектов.

Чем отличался такой курс от учебно-ознакомительных поездок? Прежде всего, активным участием студентов в процессе обучения. Это своеобразная форма практики давала студентам возможность, с одной стороны, применить знания, усвоенные во время лекций и семинарских занятий, а с другой — активно участвовать в поиске информации. Экскурсии являлись сочетанием интерактивного подхода с творческим и давали возможность студентам работать как индивидуально, так и в малых группах.

³ *Schlögel K.* Moskau lesen. Berlin, 1984; *Шлэгель К.* Постигая Москву. М., 2010.

⁴ *Хайн Т.* Карл Шлэгель — культовый автор среди историков // <http://inosmi.ru/russia/20120129/184263136.html> (доступ 27.10.2015).

⁵ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1976. С. 235.

⁶ Цитата из бесед Игоря Соломадина с Карлом Шлэгелем 17 апреля 2015: http://vk.com/wall162547892?offset=520&own=1&w=wall162547892_8962 (обращение 16.11.2015).

⁷ *Dmytracz Barbara.* Exkursionsdidaktik. Wien, 2010.

Дворцовая церковь «Девяти ангельских хоров»
(Kirche zu den neun Chören der Engel) «Ам Хоф», Вена.
Современное фото.

Как часть учебного процесса экскурсии являлись обязательными, но выбор экскурсии был для студентов индивидуальным, они могли поехать в Италию, Испанию, Грецию, Хорватию, или посетить остров Куба. Было приятно увидеть большое количество студентов, которые хотели идти по следам Петра I в Вене.

В первый раз экскурсия вошла в образовательную программу летнего семестра 2011 года, потом в 2012 и в 2013 годах. В первой экскурсии приняли участие 21 человек, во второй — 23, а в третьей — 22 студента. Национальный состав был очень пёстрым. Кроме австрийцев, были студенты Венского университета из Англии, Боснии, Германии, Эфиопии, Нидерландов, Сербии, Словакии, России, Румынии, Турции. Назову только несколько имен: Claire Wyatt, John Hodgshon (Англия); Nazim Ajeti, Bashkim Aliu (Босния); Mariam Togola (Эфиопия); Ellen Jacqueline van der Veen (Нидерланды); Zoran Jovic (Сербия); Christian Marek (Словакия); Mikhail Shishkin (Россия); Magdalena Andrae (Румыния); Rahmi Özaltın (Турция).

Возраст участников был разным — от 20 до 67 лет. Сочетание молодых студентов со студентами, которые находились в пенсионном возрасте, людьми пожилыми, с жизненным опытом, создавало хорошую групповую динамику, и в результате получались интересные разговоры и оживлённые дискуссии.

После выяснения цели и методов обучения студенты получали список памятников и памятных мест, связанных с пребыванием Петра I в Вене, в Пресбурге (по венгерски Пожонь, сегодня город

Братислава в Словакии) и в городе Бадене (Австрия), а так же каталог с вопросами для выяснения профиля каждого объекта. В перечень входили дворцово-парковые ансамбли, такие как «Фаворита», Аугартен, Хофбург, Шенбрунн; фортификационные сооружения, такие, как крепостные стены Вены, Пресбурга и Бадена; архитектурные памятники, такие, как дом, в котором жил русский царь в Вене или дом, в котором он ночевал во время поездки в Баден; церкви и монастыри; монументы и памятные места. Студенты сами выбирали темы для рефератов, искали источники и научные публикации, готовили свои презентации. На основании выбора тем определялся маршрут по городам и ставились акценты. Так, если во время первой экскурсии в городе Бадене обсуждались в основном рефераты, связанные с уровнем медицины в XVII веке — болезни, методы лечения, курорты, роль минеральной воды в лечебном процессе, госпитали и т.д., то на второй экскурсии выяснялось, где жил в эти дни русский царь. В процессе подготовки экскурсий обсуждались общие темы, связанные с историей России конца XVII века, с дипломатическими связями обеих стран, а также с архитектурным обликом городов Вены, Пресбурга и Бадена в конце XVII столетия.

Маршрут экскурсии начинался на площади «Ам Хоф», в старом городе Вены. В средние века здесь находились двор правящей династии Бабенбергов и резиденция короля. С тех пор сохранилось историческое название этого места.

В конце XVII века площадь состояла из нескольких зданий и узкого переулка, который вёл к еврейскому гетто. После пожара в 1660-е годы дворцовая готическая церковь «Девяти ангельских хоров» (Kirche zu den neun Chören der Engel) была отреставрирована в стиле барокко и находилась под патронажем императрицы Элеоноры (1655—1720). Фасад отличался необычным большим балконом.

К церкви примыкал дворец Коллальто, построенный в конце XVII века архитектором Лукасом Хильдебрандом. Дворец вошёл в историю музыки, поскольку в 1762 году здесь состоялось первое публичное выступление шестилетнего Вольфганга Амадеуса Моцарта. Напротив дворца находился дом мэра города Вены, и замыкалось пространство зданием гражданского цейхгауза.

Сама площадь с XIV века использовалась и как рыночная, и как место казней. По свидетельствам австрийского Церемониального протокола, «официальное» знакомство Петра I с достопримечательностями города начиналось именно здесь⁸. Русский царь побывал

⁸ *Schlöss E. Zar Peter der Grosse in Wien: Übertragung der Blätter 411 bis 452 der Ceremonialprotocolle 1698 (ZA Prot. 5) in die Schrift unserer Zeit wort- und zeilengetreu // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs 51. Wien, 2004. S. 427.*

два раза на этой площади — 1 июля и 16 июля 1698 года. Сохранилась пометка, что 1 июля Пётр находился в цейгхаузе и оттуда смотрел церковную службу перед храмом «Девяти ангельских хоров», на которой присутствовали император Леопольд I и его приближённые⁹. После службы Пётр с большим интересом осмотрел колонну Божьей Матери Марии (*Mariensäule*), воздвигнутую в 1664–1667 годах в честь окончания 30-летней войны. Надо напомнить, что после окончания войны в Вестфальских мирных договорах 1648 года (*Instrumenta Pacis Westphalicae*) московский государь (*Magnus Dux Moscoviae*) впервые в международных отношениях, наряду с Францией, упоминался как гарант универсального мира,¹⁰ т.е. этими юридическими документами в середине XVII века признавались и закреплялись позиции России на европейской сцене.

В рефератах и в дискуссиях выяснялись многие вопросы. Какие у Петра I были основания прийти сюда, что он мог увидеть на этой площади летом 1698 года, какие исторические памятники того времени сохранились, какие события были с ними связаны, что происходило с архитектурным комплексом на протяжении веков и как выглядит площадь сегодня? Как сравнительный материал для реконструкции облика площади были использованы старинные литографии конца XVII — начала XVIII веков. Работа позволяла студентам, с одной стороны, «реконструировать» историческое прошлое, а с другой, воспринять роль и функции исторических памятников в современном контексте.

Особый интерес у студентов вызвали история о хранящихся в арсенале османских военных трофеях и легенда о голове османского визиря. Ходили слухи, что это голова принадлежала самому предводителю Второй осады Вены — Кара Мустафе — и жители города жаловались, что по ночам дух визиря бродит по улицам города. Известный османист Карл Тепли смог доказать, что в цейгхаузе хранилась не голова Кара Мустафы, а другого визиря — Абаз Хюсейн Паши (*Abaza Kőr Hüseyin Pascha*)¹¹ и, видимо, эту голову вместе с оружием и военными трофеями увидел Пётр I в гражданском арсенале.

В XIX веке часть экспонатов была перенесена в новый арсенал, а часть попала в Исторический музей города Вены. Только в 2007 году голова османского визиря была похоронена на Центральном кладбище города Вены, но легенда жива в памяти жителей города.

⁹ Ibid.

¹⁰ *Instrumenta Pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648.* Bern, 1948. S. 77.

¹¹ *Teply K. Der Kopf des Abaza Kőr Hüseyin Pascha // Jahrbuch des Vereins für Geschichte der Stadt Wien, Heft 34.* Wein, 1978. S. 165 ff.

Испанская императорская школа верховой езды. Вена.
Современное фото.

Дальше обсуждался вопрос о том, где находился императорский арсенал, который, судя по документам, Пётр I посетил 5 июля 1698 года. В научной литературе часто путается уже упомянутый гражданский арсенал «Ам Хоф» с императорским арсеналом. Императорских арсеналов в те времена было несколько. Мы пришли к выводу, что русский царь посетил «нижний» арсенал (Kaiserliche Zeughaus, Unteres Arsenal), который находился на улице «Зайлерштетте, № 22» (Sailerstätte, № 22), так как здесь в конце XVII века лились пушки, делались ружья и штыки, а по свидетельствам венецианского посла Карло Рудзини, Пётр при осмотре арсенала получил в подарок новую отлитую пушку¹². Какого именно типа орудия взял с собой Пётр из Вены, к сожалению, не удалось выяснить. Императорский арсенал на улице «Зайлерштетте» в наши дни не сохранился, его снесли в XIX веке и на его месте построили жилые дома и знаменитый «Раймунд театр».

Источники упоминают также, что русский царь осмотрел в Хофбурге дворцовую библиотеку и знаменитую, основанную в 1572, Испанскую императорскую школу верховой езды (Spanische Hofreitschule)¹³. Жеребцы этой школы, так называемые липицанер (Lipizzaner), известны тем, что рождаются обыкновенного тёмного цвета и лишь с возрастом постепенно превращаются в белоснежных скакунов. Грациозные и хорошо поддающиеся обучению кони понрави-

¹² См.: Письмо Карло Рудзини венецианскому дожу от 25 июля 1698 года // Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Шмурло. Т. 1 (1693–1700). Юрьев, 1903. С. 493.

¹³ *Schlöss E.* Op. cit. S. 445.

Жеребец испанской школы верховой езды. Современное фото.

лись Петру. Узнав об этом, император Леопольд I послал ему перед отъездом в подарок три лошади из этой школы («drey pferd auß dem Spanischen Stall, Verehren lassen»)¹⁴.

Назовём еще некоторые из обсуждавшихся тем.

Во-первых, турецкая опасность и состояние фортификационной системы Вены в конце XVII века. Во время осады в 1683 году была разрушена часть крепостной стены. Особенно пострадал бастион Лёвелбастай (Löwelbastei). Против защитников этого бастиона была направлена главная ударная сила османской армии, так как он был меньше, чем находящиеся слева и справа бастионы — Бургбастай (Burgbastei) и Мёлкербастай (Mölkerbastei). Турки надеялись взять его штурмом без особых усилий. Под стенами бастиона активно действовали турецкие минеры, было зарыто множество мин, но несмотря на все предпринятые меры полуразрушенный Лёвелбастай не сдался и противник не смог проникнуть в город. Летом 1698 года Пётр I мог видеть состояние крепостной стены, следы разрушений и строительство новых укреплений, а в пригороде, где находились позиции противника — турецкие окопы. Основная часть османской армии располагалась на территории современного 18 района города. Впоследствии на этом месте был разбит парк, который сегодня носит название «Турецкие шанцы» (Türkenschanzpark) — турецких окопов давно нет, но память о них сохранилась.

Во-вторых, студенты определили местонахождение императорской резиденции «Фаворита». В источниках и в литературе встречаются названия «Старая Фаворита» и «Новая Фаворита». Сначала нужно было выяснить, являются ли они одной и то же резиденцией, или это разные резиденции. И если разные, то где находилась «Старая» и где «Новая Фаворита», в какой из них Пётр I встречался с императором Леопольдом I, присутствовал на представлении оперы и участвовал в организованном в его честь костюмированном празднике «Хозяйство» (Wirtschaft). Мы пришли к выводу, что дворцов-

¹⁴ Ibid. S. 503.

Бывшая дворцовая резиденция «Фаворита», Вена.
Современное фото.

парковый комплекс «Старая Фаворита» находилась в Аугартене, а «Новая Фаворита» был расположен в пригороде, по дороге в поселку Лаксенбург, где находилась одна из охотничьих резиденций императора. Леопольд I был ревностным охотником. Сегодня эта улица называется «Фаворитен» (Favoriten), находится в 10 районе. Название улицы идёт от названия любимой резиденции Леопольда I — «Фаворита». Именно сюда приезжал Пётр и встречался с императором Леопольдом I. В наши дни на территории бывшей дворцовой резиденции находятся элитная частная школа «Терезианом» и Австрийская дипломатическая академия. В Дипломатической академии нас принимал проректор по учебным вопросам, и мы обсуждали не только темы связанные с историей резиденции, но и современное значение дворцового комплекса, возможности учиться в академии, учебные программы.

В ходе поездки в Баден, как уже упоминалось, обсуждались рефераты, связанные с уровнем развития медицины и бальнеологии в XVII веке. Серные источники в Бадене содержащие кальций, натрий, магний, сульфат и хлорид

Герб города Баден, Австрия.
Современное фото.

Плафон в комнате дома № 8 на улице «Фрауенгассе», Баден. Современное фото.

были известны ещё в античности своими лечебными свойствами. На протяжении веков бальнеотерапия успешно применялась, как при лечении всевозможных заболеваний, так и для восстановления организма. Не случайно город носит название «Баден», от глагола «баден» (baden) — «купаться». На официальном гербе города изображены мужчина и женщина в купальной кадучке — этот символ города сохранился с 1480 года до наших дней. Мы предполагаем, что в Бадене у Петра I впервые была возможность попробовать лечебную терапию и убедиться в эффективности лечения минеральными водами.

Во время второй экскурсии студенты старались выяснить, в каком именно доме в Бадене останавливался Пётр I. Так, студентка

Мари-Луиз Сколуд, уроженка города Бадена, узнала, что в доме 8 на улице Фрауенгассе (Frauengasse) сохранился потолок с изображением двуглавых орлов и жители этого дома уверяли, что именно здесь жил русский царь. В ходе дальнейших изысканий выяснилось, что гипсовые орлы были не двуглавыми, а одноглавыми, датируются они второй половины XIX века и отношения к пребыванию Петра в Бадене не имеют. По всей вероятности, Пётр жил вместе с Меншиковым, Лефортом

Памятная доска на фасаде бывшего монастыря Августинцев, Баден. Современное фото.

Мемориальная доска в память посещения Братиславы Петром I.
Современное фото.

и патером Вольфом в монастыре Августинов, где обычно останавливалась и семья императора.

В Братиславе, кроме Барбары Дмитраш, в работе со студентами приняли участие Татьяна Ивантышынова из Института истории Словацкой академии наук¹⁵ и бывший вице-мэр города Стефан Холчик, прекрасный знаток истории города и специалист по церемонии коронации в венгерском королевстве¹⁶. Пресбург являлся столицей венгерского королевства с 1563 по 1830 год, и в церкви св. Мартина осуществлялась коронация венгерских королей. Особое внимание во время экскурсии было уделено строительству кораблей. Так как верфь не сохранилась, а русло реки с тех пор сильно изменилось, то предметом дискуссии были вопросы: «Где была расположена верфь в конце XVII века, и какой тип галер строились здесь?»

Во второй поездке в Братиславу нам не повезло с погодой: лил сильный дождь, но это не помешало студентам подняться в крепость и внимательно осмотреть бастионы и крепостные сооружения. В Бадене наоборот была ужасная жара: 36 градусов. Студенты читали

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Татьяне Ивантышыновой за всестороннюю помощь и полезные советы при изготовлении маршрута экскурсии в Братиславе.

¹⁶ *Holčík Š. Krönungsfeierlichkeiten in Preßburg / Bratislava 1563–1830. Bratislava, 1992.*

свои рефераты в любую погоду, у любого объекта маршрута, и часто пешеходы с интересом останавливались, чтобы послушать доклады и дискуссии.

Результаты поездок:

Благодаря экскурсиям со студентами удалось выяснить многие спорные вопросы и выявить ряд памятных мест, связанных с пребыванием Петра I в Габсбургской империи. Все памятные места найдут отражение в путеводителе о петровских памятниках, который готовится к печати.

16 октября 2014 года в Братиславе была официально открыта мемориальная доска, посвящённая Петру I. Она изготовлена известным словацким архитектором Александром Бенце. На открытии присутствовали Министр культуры РФ Владимир Мединский, президент Российского фонда культуры Никита Михалков и государственный секретарь Министерства культуры Словакии Иван Сечик. Барельеф установлен на главном здании Словацкого народного музея на берегу Дуная. Фигура молодого царя изображена на фоне крепости Пресбург и нескольких речных галер. Надпись на мемориале на трёх языках — словацком, русском и немецком. Русский текст гласит: «Русский царь Пётр I Великий посетил Братиславу 18–20 июня 1698 г. с целью ознакомления с мастерством местных кораблестроителей». К сожалению, указанные даты, 18–20 июня 1698 года, исторически не достоверны. Они взяты, скорее всего, из публикации словацкого историка Андрея Шаша¹⁷. Пётр был в городе не в июне, а в июле, точнее, он приехал сюда 16 июля, а вернулся в Вену 17 июля 1698 года. Это была быстрая челночная поездка. Город в те времена назывался не Братислава, а по-немецки — Пресбург, или по-венгерски — Пожон¹⁸.

В городе Бадене 5 ноября 2014 года была открыта памятная доска на фасаде бывшего монастыря Августинцев (Augustiner Kloster). Она является частью проекта «Окна во времени» художницы Минны Антовой. Из двадцати планируемых мемориальных досок, посвящённых знаменитым личностям в истории города, наряду с Людвигом ван Бетховеном, который создал в Бадене знаменитую «Оду радости», и Бертой фон Суттнер, первой женщиной, получившей Но-

¹⁷ Sas A. Návšteva cára Petra Velkého v Bratislave // Slovanská Bratislava, vol. I. Bratislava, 1948. S. 230–252.

¹⁸ О пребывании Петра Первого в Пресбурге см.: *Шварц И.* О поездке Петра Великого в Пресбург // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. Сб. статей. М.; СПб., 2015. С. 83–93.

Студенты во время экскурсии в Вене.

белевскую премию мира, мемориальная доска в честь Петра I является одной из первых.

В заключении можно сказать, что в Вене есть памятники и памятные места, связанные с пребыванием Петра I в столице Габсбургской монархии, но не сохранилась живая память об этом историческом событии, зато в Бадене и в Братиславе эта память ещё жива.

Талалай Михаил Григорьевич
(Италия)

*Старший научный сотрудник и представитель
Института всеобщей истории РАН в Италии*

Венецианская Черногория и петровская эпоха: памятные места¹

Вначале следует заметить, что принятый нами термин «Венецианская Черногория» — удобен, но вынужденно страдает анахронизмом. Венецианская Республика, в самом деле, владела, с 1420 по 1797 год, береговой чертой нынешней Республики Черногория, в первую очередь — удобным для мореходства заливом Бока Которская (*итал.*: Bocche di Cattaro)², но в ту эпоху весь этот балканский край назывался Далмацией (Далматией), иногда Иллирией. Если быть точным, то эту, самую южную часть своей обширной далматинской вотчины венецианцы именовали забытым ныне топонимом — Венецианской Албанией. Главные её морские города — Котор и Пераст — при этом, сохраняли относительную автономию, хотя их

¹ Ценные консультации при написании очерка оказали Вадим Автандилов (Будва, Черногория), Алексей Арсеньев (Нови-Сад, Сербия), Сергей Андросов (Санкт-Петербург), Дмитрий Гузевич (Париж), Виктор Косик (Москва), Жанна Левшина (Санкт-Петербург), Александра Симеунович (Пераст, Черногория). Гостеприимство автору в Черногории в марте 2015 года оказал Фонд «Dukley European Art Community» (Будва). Особая благодарность — Григорию Талалаю, проехавшему вместе с автором по берегам Боки Которской и подготовившему художественные фотографии достопримечательностей «Венецианской Черногории».

² Навигационные традиции в Боке Которской возникли ещё при древних римлянах благодаря особенности местного рельефа — развитой береговой зоны, куда спускаются малопригодные для сельского хозяйства горы и холмы. В итоге бокельцы стали одними из лучших мореходов и корабелов на Адриатике.

1. Бока Которская и город Пераст.
Фото Г. Талалая, март 2015.

жители, как и все жители залива, называемые бокельцы, считались подданными Венеции. По словам современного итальянского исследователя, Бока Которская тогда служила как «дверь на Восток для христиан, на Запад — для турок, верная дочь римской Церкви и подруга католической Испании, <...> распространительница новостей среди друзей и врагов»³.

В эпоху господства «венетов» укромные горные селения черногорцев, стоявшие вдали от береговой линии залива, во многом сберегли свою исконность, в том числе, православную веру, воспринятую от византийцев, в то время как Приморье (по-сербски: Поморье)⁴, как и северная единокровная соседка, Хорватия, европеизировалось и окатоличилось. Разделение современного Черногорского государства на собственно Черногорию и тот участок Адриатического берега, которым оно владеет, сохранилось ныне в титуловании местного православного иерарха — митрополит Черногорский и Приморский (*илл. 1*).

³ *Preto P.* I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima [Секретные службы Венеции. Разведка и контрразведка во времена «Тишайшей» (Республики)]. Milano, 2010 (автор заканчивает фразу так: «Двойной шпион турок и христиан»). Цит. по: *Терехова Н.Г.* Падре Арчелли и его невыполнимая миссия // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Отв. ред. Е.С. Токарева, М.Г. Талалай. М.: ЛЕ-НАНД, 2015. С. 182.

⁴ Топоним «Приморье» включает в себя, кроме Боки Которской, также и берега южнее залива, с торговыми городами Будва, Бар и прочими.

Столица Приморья — Котор (*итал.*: Cattaro), пребывая почти полтысячи лет под «стягом св. Марка», стала неким итальянским протуберанцем на славянских Балканах. В самых разных уголках города — на крепостных стенах, в родовых гербах на особняках — встречается геральдический знак Венеции, её гордый крылатый лев — причём тут он держит книгу (Евангелие) распахнутой, в знак того, что Котор добровольно отдался под власть «Серениссимы» (если же книга захлопнута, значит, венецианцы взяли данный «субъект» силой).

Первым свидетельством в отечественной культуре о Боке Которской является обстоятельный текст Петра Андреевича Толстого «Путешествие по Европе 1697–1699 годов» (издан в авторитетной серии «Литературные памятники» в 1992 году⁵).

Проведя весну 1698 года в любимой Венеции, стольник плывёт на другой берег Адриатики. Этот участок Балкан — крайняя граница между христианской Европой и мусульманской Турцией⁶, и его жители должны были чётко выбирать, с кем быть (за исключением черногорцев, о которых Толстой замечает, что они «никому не служат, временем войну точат с турками, а временем воюются с венецианцами»).

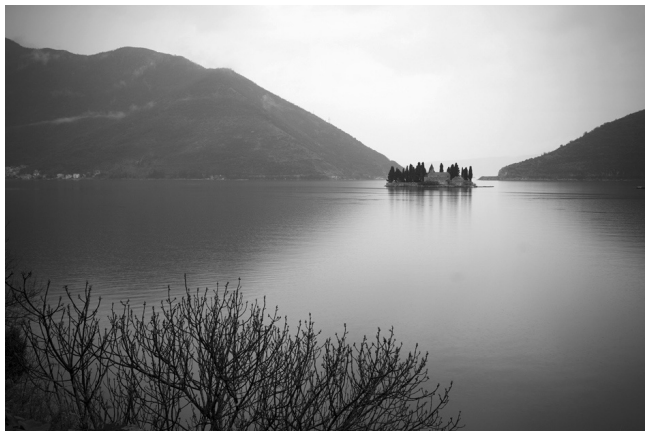
11 июня старого стиля 1698 года Толстой вливается в залив Бока Которская⁷ на фрегате («фрегадоне») с группой соотечественников, учеников знаменитого капитана из Пераста Марко Мартиновича (1663–1716). Потомственный подданный Венеции, он имел от неё множество наград и милостей, в первую очередь за героизм во время морской битвы против турок под Кастель-Нуово (совр. Херцег-Нови) в 1686 году⁸. Мартинович был разносторонним и высококультурным

⁵ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 / Под ред. Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова. М., 1992. Цитаты ниже, касающиеся Боки Которской, из «Путешествия... Толстого» даны по этому изданию ([«Дубровницкая республика»], стр. 116–118). Заметим, что сама Бока в состав Дубровницкой республики (название данной главы дали современные редакторы) не входила, более того, являлась её традиционным торговым и политическим соперником.

⁶ Имеем в виду границу государственную, геополитическую, т.к. в лоне Оттоманской империи жили и терпимые ею православные народы — греки, болгары, румыны, сербы. При этом ситуация на Балканах усложнялась из-за соперничества между христианскими странами — Австрией, Венгрией, Венецианской республикой. Ради сохранения независимости Дубровницкой республики приходилось, к примеру, лавировать между Австрией и Турцией, но в пик Венеции, в то время, как соперничавшие с Дубровником бокельцы ей преданно держались.

⁷ Название Бока Которская путешественник не использует.

⁸ Подробнее о Марко Мартиновиче см.: *Княжецкая Е.А.* Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 46–59. В первоначальной редакции нашей статьи мы написали, что даже имя Мартиновича — Марко — «венецианское», что, однако, встретило серьёзное возражение сербского исследователя А.Б. Арсеньева: «Мне, как “югославу”,

2. Остров св. Георгия с кладбищенской кипарисовой рощей. Фото Г. Талалая, март 2015.

3. Могила Марко Мартиновича на острове св. Георгия. Фото И. Гузевич. 2011.

человеком — корабел, мореход, картограф и даже литератор; ему не раз предлагали стать городским главой Пераста, но он отказывался от этого почётного бремени. Именно у него и берут уроки юные россияне, будущие «капитаны» Империи⁹. Мартинович скончался в Перасте

бросилась в глаза одна деталь: Ваш комментарий имени *Марко* у Мартиновича (“даже личное имя у него венецианское”). Дело в том, что у сербов, да и хорватов, черногорцев, герцеговинцев, это очень распространённое имя. Самый популярный герой сербского средневекового эпоса — *Марко* Королевич. Сербь часто своим сыновьям давали и дают это имя. Да, патрон Венеции св. Марк — Сан Марко, но любой серб стал бы защищать сербское имя, и никак бы не связывал его с “приверженностью” Мартиновича (подчинённостью его или его родителей) Венеции» (письмо к автору от 1 дек. 2015 года).

⁹ Вопреки распространённому мнению, что ни один из почти двадцати российских учеников в Венецианской Республике не служил в дальнейшем на

28 октября 1716 года и был погребён на монастырском (католическом) кладбище на острове Святого Георгия, живописно расположенном в бухте¹⁰. Его именем теперь названа главная набережная города; его бюст стоит на центральной площади Пераста (илл. 2, 3).

О мореходной школе Мартиновича «Наутика» следует рассказать особо. Её история изучена благодаря записанным русскими учениками лекциям, сохранившимся в Основном собрании рукописной книги РНБ (Ф. 550. Ф.п. IX.1) и недавно изданным¹¹.

Стольникам, посланным Петром в Венецианскую державу для обучения морскому делу, предписывалось: «научиться умению пользоваться морской картой и компасом, или буссолью»; «научиться умению управлять кораблём или галерой во время боя и “в простом шествии”»; «знать устройство корабля»; стремиться участвовать в боевых действиях; научиться делать «те суды, на которых они искус свой примут»; пригласить и привезти в Москву по два человека «искусных мастеров морского дела»¹².

Каким же образом посланцы царя попали именно в балканский Пераст, к Мартиновичу? Об этом существует следующее свидетельство: в письме проживавшего в Москве флорентийского купца Фран-

отечественном флоте, Д. Гузевич сообщает следующее: «Напротив, среди них был И. Потёмкин, возглавлявший Партикулярную верфь в Петербурге (а, фактически, первый Яхт-клуб), один из создателей парусно-гребного спорта в стране, вошедший в историю под именем Невского адмирала. Всего же из их состава не менее 5–6 человек связали жизнь с кораблестроением и морем. Помимо Потёмкина, это Ф. Салтыков, корабельный мастер, позднее – военно-морской агент в Европе; М. Собакин, обер-сарваер; Ф. Урусов – по-видимому, первый русский капитан; С. Колычев, с 1707 года руководивший строительством кораблей в Воронеже и Таврове; и, возможно, А. Милославский: согласно некоторым источникам он был капитан флота» (письмо к автору от 6 дек. 2015 года).

¹⁰ Современные посетители Боки Которской прозвали его «островом мёртвых», явно соотнося со знаменитым полотном Арнольда Бёклина.

¹¹ См.: Наутика. Лекции Марко Мартиновича русским морякам в Перасте. 1697–1698 гг. СПб.; Подгорица, 2015. Издание подготовлено РНБ и Историческим институтом Черногории. Спонсором публикации выступил Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова (Москва). Подготовка публикации данных лекций предпринял, но не успел закончить, заведующий Сектором древнерусских фондов РНБ ОР Вячеслав Михайлович Загребин (1942–2004). Его исследовательские материалы теперь хранятся также в РНБ ОР. Ф. 1483 (архив В.М. Загребина).

¹² Левшина Ж. Предисловие // Наутика. Лекции Марко Мартиновича русским морякам... С. 24. См. также: Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 419; Гузевич Д. Путевые записки Великой особы: 1697–1699: Критическая история публикаций и проблема авторства. [S.p.]: Academic Publishing, 2012. С. 27.

4. Групповой портрет
М. Мартиновича и его русских
учеников. Морской музей Котора.

ческо Гваскони (от 1696 года), адресованном в Венецию его брату Алессандро Гваскони, сообщалось, что по указанию Петра I некий греческий купец (с итальянизированным именем Джованни ди Джироламо, т.е. Иоанн, сын Иеронимов) отыскал в Перасте выдающегося навигатора, славянина родом, Марко Мартиновича, и предложил ему — через Венецианский Сенат — обучать морским наукам московских дворян за ежемесячную плату в пятьдесят дукатов¹³. Можно предположить, что выбор Петра I был обусловлен также и тем обстоятельством, что будущий учитель говорил по-славянски (по-сербски), и его ученикам не надо было осваивать совсем иной — итальянский — язык, в случае преподавателя-венецианца.

Имена русских учеников Мартиновича известны благодаря картинам, хранящимся в бокельских музеях: в Перасте — анонимный оригинал, в Которе — копия, исполненная в 1930-х годах местным художником Анастасом Бокаричем (илл. 4). На них, с обозначенным длинным титулом «Marko Martinovich usceci principe i gospodu moskovsku tu imenovanu na morski nauk i wladagnie» («Марко Мартинович учит московских князей и господ, здесь поименованных, морским наукам и управлению [кораблей]»), представлен собственно капитан-учитель и пять его не идентифицированных слушателей. Здесь же, на холсте, поименованы все 17 учеников, разделённых художником на две категории: князья — Куракин Борис Иванович, Лобанов-Ростовский Яков Иванович, Голицын Пётр Алексеевич,

¹³ Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 658–659, 675. О купца Гваскони в России см.: Андросов С.О. Итальянцы при Петре Первом // Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. Россия и Италия. Вып. 6 / Под ред. Е.С. Токаревой и М.Г. Талалая. М., 2015. С. 66–68.

Голицын Дмитрий Михайлович, Голицын Фёдор Алексеевич, Хилков Юрий Яковлевич, Хилков Михаил Яковлевич, Хилков Андрей Яковлевич, Гагин Иван Данилович, Репнин Андрей Иванович; «бояре»¹⁴ — Лопухин Аврам Фёдорович, Шереметев Владимир Петрович, Ржевский Иван Алексеевич, Ртищев Михаил Фёдорович, Бутурлин Никита Иванович, Бутурлин Юрий [возм. Фёдор Емельянович], Матюшкин Михаил Афанасьевич¹⁵. Занятия проходили в собственной усадьбе Мартиновича, от которой ныне остались фрагменты: лицевое здание, выходявшее на набережную залива, не сохранилось; на уцелевшем тыльном строении в память о школе «Наутика» в 1948 году была водружена мемориальная доска, сообщающая (на сербском), что здесь «в 1698 г. перастянин Марко Мартинович в своей усадьбе учил питомцев Петра Великого» (илл. 5).

Петровская эпоха узнала и другого замечательного перастянина на русской службе — аббата Ивана Крушалу, прошедшего в России 12 лет и с почётом вернувшегося на родину. Выпускник Падуанского университета и монах-бenedиктинец, он поступил на русскую службу в 1717 году по приглашению Саввы Рагузинского. Приехав в Петербург в октябре 1718 года, Крушала был зачислен в Посольскую канцелярию, а с апреля 1720 стал «гистории писателем» — историографом (с годовым жалованием в 300 руб.), хотя более занимался разного рода дипломатическими проектами, связанными с католическими державами (Испания, Венецианская республика) — по крайней мере, его историографические сочинения неизвестны. После смерти царя, аббат принял предложение своего давнего покровителя Рагузинского участвовать в российском посольстве в Китай (1725—1728): вероятно, именно он сумел привлечь на русскую сторону иезуитскую миссию в Китае, поспособствовав успеху императорского посольства на раннем этапе¹⁶.

Вернёмся к запискам путешественника Толстого. Он проплывает мимо Кафель-Нуово, однако в тот момент не сходит на берег, т.к. спешит в Пераст, к именитым бокельским капитанам, в первую очередь к Мартиновичу. Попутно он пытается разобраться в сложной

¹⁴ Так — VOIARI — поставлено на самой картине, хотя в действительности, бояр в составе учеников «Наутики» не было: автор полотна, вероятно, не знал, как обозначить не титулованных стольников (в названии картины они атрибутированы как «господа»).

¹⁵ Левшина Ж. Указ. соч. С. 24—25.

¹⁶ См. о нём: Климанов Л.Г. Деятель культуры венецианской Далмации: аббат Крушала — поэт, путешественник, дипломат // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985. С. 43—60; Андросов С.О. Указ. соч. С. 76—77; Терехова Н.Г. Указ. соч. С. 172—173.

5. Тыльное строение усадьбы Мартиновича в Перасте, где размещалась мореходная школа «Наутика» (в 1948 году отмечено мемориальной доской).
Фото Г. Талалая, март 2015.

местной этно-религиозной мозаике. Славяне-католики тут для него «герваты», т.е. хорваты. Встречаются «венеты» — это собственно венецианцы, номинальные хозяева бокельского залива. Есть и жители «греческой веры», похожие, согласно стольнику, на «донских казаков» — это сербы. Они «к московскому народу зело приветны и почитательны». Наконец, есть и черногорцы — те, которые «никому не служат». По соседству с христианским населением жили турки, с селениями которых проходила условная граница, т.к. и «герваты», и сербы, и черногорцы воевали с «басурманами» эпизодически, а в остальное время торговали, или же, как «герваты», порой даже платили им дань. Понятие бокельцы Толстой не упоминает, разделяя их на «каторцев» и «перастьян» — по городам. Весь край он именует «княжеством Албанским», следуя официальному его названию в составе Республики «Серениссима» — Венецианская Албания, *Albania Veneta*¹⁷.

¹⁷ Современные комментаторы к «Путешествиям» Толстого не «узнали» это венецианское название, пояснив, что «Албанское княжество в XV веке попало под власть Османской империи...» (см.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. С. 339).

6. Палаццо Буевичей в Перасте, где останавливался
стольник П.А. Толстой. Фото Г. Талалая, март 2015.

В Перасте Толстого приняли как царского посланца. Занимавшийся его приёмом бокельский капитан Вицко Буевич и его кузен, «римского [т.е. католического. — *М.Т.*] закону аббат», тоже Вицко, поселили русского гостя в роскошном палаццо, «с великой честью и приветом». Этот палаццо тогда только что был возведён для Буевичей — в 1694 году, итальянцем Джованни-Баттистой Фонта (сейчас тут — Городской музей) и предназначался именно для представительских целей знатного бокельского рода, но не для обитания (илл. 6).

В католическом Перасте не существовало православного храма, и путешественник первым делом отправился в село Риза (совр. Рисан), где жили «сербы греческого закона». Интерес Толстого в этой поездке — исключительно религиозный: «в том селе слушал святую литургию в греческой церкви». Речь идёт о церкви апостолов Петра и Павла. Как сообщает надпись на её современном фасаде, она была выстроена на средства жителей города Рисана в 1601 году; её обновление началось в 1722 и завершилось в 1796 — таким образом, стольник видел ещё старый, не перестроенный храм.

В Пераст, уже после визита Толстого, попало несколько российских реликвий — Андреевский стяг, пожалованный капитану (позднее вице-адмиралу) русского флота Матвеем (Матии) Змаевичу (1680—1735), который командовал гребным флотом в победоносном Гангутском сражении (1714)¹⁸, а также его орден св. Александра Нев-

¹⁸ Стяг находится в экспозиции Городского музея Пераста, где весной 2016 года прошла монографическая выставка, посвящённая роду Змаевичей (куратор — Александра Симеунович).

7. Портрет Матвея Змаевича
в Морском музее Котора.

ского. Однако самому Змаевичу — кстати, тоже выпускнику школы «Наутика», — на родину вернуться не пришлось: в Венеции на него было заведено уголовное дело по обвинению в убийстве, и он подлежал изгнанию. Только спустя годы, по его многочисленным прошениям, Венецианский Сенат снял с него обвинение, но в родной Пераст Змаевич всё-таки не поехал и скончался в Москве. По его завещанию российский орден был передан в церковь Богородицы «на рифе», на одноимённом острове (в церковь св. Николая Чудотворца в Перасте он послал четыре больших серебряных подсвечника) (илл. 7).

Из Пераста 13 июня ст. ст. Толстой поплыл в столицу залива — в Котор, где его принимал сам губернатор. Удивительна не свойственная тому времени веротерпимость которцев, ведь для католиков православные тогда считались схизматиками: губернатор первым делом повёл московского гостя в «греческую церковь», где тот слушал «святую литургию».

Далее путешественник рассказывает о поразившей его святыне — нетленных мощах некой св. Анны, о которой он, впрочем, ничего более не сообщает. Приведём целиком этот рассказ: «И тот помянутый губернатор со мною ж ходил и привел меня в римской костел, в котором я видел под престолом тело некоторые жены, убраное в платье доминиканского закону, толко видеть лице и руки, имеющие плоть, и жилы, и кожу нетленно; а сказывают, что по смерти ее до ныне 130 лет. Та жена была греческого закону, имя ей Анна, о том и римляне [т.е. католики] сказывают, что она была не их веры; а отняли то ее тело римляне у греков [т.е. православных] насилом». Действительно, в Которе почивают нетленные мощи местночтимой святой, но не Анны, а Озанны, и не в главном соборе, как предположи-

ли современные комментаторы текста Толстого¹⁹, а в древней монастырской церкви в честь Девы Марии, что «на реке». Расскажем несколько подробнее о блаженной Озанне (Осанне) Которской, в миру Екатерине Косич (1493–1565). Она родилась в семье сельского православного священника (её дядя был даже православным епископом в Зете), пастушествовала, имела видения и отроковицей поступила в католический монастырь в Которе. Интересно, что её православная семья никак этому не препятствовала и родственные связи, видимо, не прервались. Это, вероятно, и стало основой убеждения местных сербов и черногорцев о её тайном православии. Толстой приводит более радикальную легенду, не подтверждающуюся документами, — якобы мощи подвижницы католики похитили и присвоили... Хотя Озанна тогда ещё не была канонизирована формальным образом, жители Котора почитали её как покровительницу города (наряду со св. Трифоном), помня, как в 1539 году монахиня поднимала горожан на защиту от турецкого пирата Барбароссы. Мощи Озанны, прославленной в лике блаженных в 1930 году, лежат и ныне открытыми, как при Толстом, в доминиканском облачении.

После нового посещения Пераста на обратном пути, путешественник отправился опять в Кагель-Нуово, где теперь побыл побольше, найдя время на паломничество к святыням здешнего Савинского монастыря. По своему обыкновению он их подробно перечисляет: «рука царицы Елены, матери царя Константина; перст апостола Фомы; перст апостола Варнавы». Однако Елена тут, в действительности, другая — не римская императрица и «мать царя Константина»: это местночтимая сербская царевна, дочь короля св. Стефана Дечанского. При этом день памяти обеих Елен в календаре — один и тот же, 21 мая ст. ст., и немудрено, что Толстой спутал. Рука св. Елены и две другие святыни, упомянутые стольником, теперь находятся в алтаре главного храма, откуда их выносят только на праздники. Остальные мощи св. царевны Елены находятся в Дечанах.

Сама живописная местность с вечнозелёной дубравой названа «Савина» по имени св. Саввы Сербского, который в XIII веке построил на холме, откуда открывается один из захватывающих видов на Боку Которскую, церквушку в честь преподобного Саввы Освященного. Со временем так — Савина — стал называться и сам монастырь в честь Успения Богородицы (*илл. 8*). Его история начинается в XVII веке — с восстановления малой Успенской церкви (построенной ещё в 1030 году), пришедшими монахами из древнего монастыря Тврдош. В са-

¹⁹ См.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. Прим. 251. С. 339.

8. Монастырь Савина (Успенский), прозванный «православной душой» Боки Которской.
Фото Г. Талалая, март 2015.

мом конце XVIII века рядом с малой церковью был построен величественный храм Успения Богородицы — в стиле далматинского барокко, не без итальянизмов. В монастыре есть и богатая ризница, где хранится хрустальный крест св. Саввы Сербского, а также интересные портреты Петра-юноши и Елизаветы Петровны. Писал их местный художник, видимо, с гравюр, в первой половине XVIII века²⁰.

Описывая свой визит в Кагель-Нуово, стольник даёт краткую справку о тогдашнем состоянии сербской Православной Церкви. Этот пассаж заслуживает полного цитирования: «При той церкви [в монастыре Савина] живет митрополит греческого закону, у него под властью немало есть епархий в сербском народе. Те сербы все говорят словенским языком, и службы святых в церквах совершают словенским языком, и во многих местах у тех сербов святых икон писма и книг печати московской много. От того города Каштельново [Кагель-Нуово] недалеко пребывает другой митрополит греческой же веры, и тот в сербском же народе имеет во своей епархии греческих церквей немало ж. А поставляются те оба митрополиты от благочестиваго патриарха сербскаго, которой есть греческой веры и пребывает в городе Будиме под властью цесаря римскаго».

²⁰ Сообщено Д. Гузевичем. Однако В. Автандилов передаёт и иную версию: эти портреты — подарок Савинскому монастырю от черногорского правителя Петра II Петровича-Негоша (1813–1851), который привёз их с собой из России. Несомненно, эти интересные портреты нуждаются в дальнейшей квалифицированной атрибуции.

Современные публикаторы «Путешествий» в этом важном месте впали в заблуждение, разъяснив, что Будим — это современный черноморский порт и курорт Будва. Однако скромное тогда селение Будва никак не могло быть патриаршей резиденцией. И публикаторам это тоже было ясно, и дабы свести концы с концами, они высказывают предположение, что автор тут имеет в виду не патриарха, а некоего митрополита, возможно, русофила Данилу Негоша. Но этого не может быть, так как «оба митрополита» не могли поставляться митрополитом третьим. Сам Толстой нам подсказывает, о каком городе идёт речь: Будим — «под властью цесаря римского», т.е. кесаря Священной Римской Империи, он же император Австрийский. Так Будим обращается в Буду, ныне неотъемлемую часть Будапешта...

На этом месте, у современного Херцег-Нови, путь Толстого по Венецианской Черногории заканчивается, и он на своём «фрегадоне» берёт курс через Адриатику на запад, в Неаполитанское королевство, к Бари и к «великому иерарху Николе».

...Уже в другие времена в начале XXI века, в Херцег-Нови появилось мемориальное строение, напоминающие о нараставшем российском присутствии на Средиземноморье, которое началось в Петровскую эпоху, — храм в честь праведного воина Феодора Ушакова.

Сморжевских-Смирнова Мария
(Эстония)
Заведующая домом-музеем Петра I в Таллине

Янес Зураб
(Эстония)
Куратор дома-музея Петра I в Таллине

История и этапы музеефикации Дома-музея Петра I в Таллине

Дом-музей Петра I в Таллине — старейший музей эстонской столицы, открытый для посещений в 1806 году по указанию императора Александра I. В этом доме Пётр I и Екатерина Алексеевна многократно останавливались во время своих визитов в Ревель (Таллин) в период с 1714 по 1723 год. Сам дом был построен предположительно во второй половине XVII века в загородных владениях бургомистра Германа фон Дрентельна. В июне 1714 года, накануне военно-морской кампании, в него заселился Пётр I вместе с Екатериной¹. Летом 1714 царь жил здесь около месяца, а Екатерина — с июня до конца августа. Годом позже в 1715 году, прибыв в Ревель, Пётр снова остановился «на дворе» Дрентельна и тогда же официально оформил дом на себя, заплатив владелице — вдове бургомистра фон Дрентельна².

¹ О причинах покупки дома Дрентельнов Петром I см. подробнее: *Сморжевских-Смирнова М.А.* Таллинские дворцы Петра I в контексте имперского идеологического строительства // *Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф.* СПб., 2015. С. 248–265.

² В настоящее время к печати готовится новый путеводитель по дому-музею Петра I, где впервые будут опубликованы документы, касающиеся покупки царём этого дома.

1. Лоренц Генрих Петерсен. Домик Петра I в Кадрiorге.

Местность, в которой дом находился, так приглянулась царю, что в 1718 году здесь было начато строительство большого дворцово-паркового ансамбля, которому Пётр дал имя *Катериненталь* (ныне — Кадрiorг) в честь своей супруги³. Бывший дом Дрентельнов стали называть «старым дворцом» царя, и это название сохранялось вплоть до 1917 года (илл. 1).

На сегодня дом Петра I в Таллине является одним из немногих хорошо сохранившихся памятников Петровской эпохи на эстонской земле. В доме находится множество уникальных вещей и предметов интерьера, — тех, что находились здесь 300 лет назад и окружали царскую чету в повседневном быту. Немаловажную роль в сохранении этого памятника сыграло удачное стечение обстоятельств — дом не пострадал во время войн, в отличие, например, от нарвского петровского дворца, уничтоженного бомбежкой в 1944 году.

Определяющим в истории таллинского дома стало и его местоположение: с 1720-х годов дом являлся частью большого дворцово-паркового ансамбля, задуманного Петром как летняя императорская резиденция. Строительство Катериненталья, начатое в 1718 году, было полностью завершено уже после смерти Петра I. Ни он, ни Екатерина пожить в Катеринентальском дворце не успели. В полном велико-

³ *Катериненталь* и *Кадрiorг* — немецкий и эстонский варианты названия, переводимого как «долина Екатерины». Название варьировалось на протяжении времени. Так, в XVIII веке, наряду с *Катериненталем*, распространённой формой является *Кадринталь*, в XIX веке — *Екатериненталь*, в годы Эстонской Республики — *Кадрiorг*.

лепии дворец встречал уже их дочь — императрицу Елизавету Петровну. Начиная с 1740-х годов и до 1917 дворец выполнял своё предназначение, являясь действующей резиденцией российских императоров на эстляндской земле.

Обстановка дворца менялась на протяжении времени в соответствии с веяниями моды и вкусами его обитателей. В итоге, к началу XX века от эпохи Петра в Катеринентальском дворце сохранилось немного: декор главного — Парадного — зала (лепнина и плафонная живопись) и изразцовые печи. В «старом» же императорском доме, с момента последнего визита Петра в Ревель в 1723 году, никто больше не жил; необходимости приспособлять первоначальную обстановку к требованиям моды не было, и мебель, хоть и ветшала со временем, оставалась на прежних местах. За сохранностью «старого императорского дворца» велись регулярные наблюдения.

К сожалению, системных исследований, посвящённых истории и этапам музеефикации таллинского дома Петра I, не проводилось. Отрывочные и краткие сведения по этой теме встречаются в работах, посвящённых дворцово-парковому ансамблю Кадриорг, а также в путеводителях периода 1941—1975 годов по дому Петра I. Вместе с тем, история становления и развития старейшего таллинского музея заслуживает подробного изучения. Эта тема интересна не только в контексте собственно музейной истории, но и шире — в контексте формирования исторической памяти и отношения к Петровскому наследию на территории Эстонии в разные исторические эпохи.

На данном этапе мы занимаемся сбором и изучением источников, содержащих важные детали и факты по этой теме. Наша статья не претендует на полноценное исследование и носит обзорный характер. На материале выявленных источников, а это ряд документов из Эстонского исторического и государственного архивов, Таллинского городского архива и фондов Таллинского городского музея, мы попытаемся проследить основные этапы истории сохранения и последующей музеефикации Дома-музея Петра I с 1730-х годов по 1941⁴. Наш обзор завершится на том хронологическом рубеже, когда дом Петра стал филиалом Таллинского городского музея уже Советской Эстонии.

Начиная с 1730-х годов за сохранность дома как части Катеринентальского дворцового ансамбля отвечал архитектор, подчиняв-

⁴ В перспективе для работы над этой темой в круг источников должны быть включены путеводители — как по городу Таллину, из которых самые ранние с упоминанием дома Петра как городской достопримечательности появляются уже в XVIII веке, так и путеводители по самому дому, составление которых являлось одним из важных этапов становления музея.

шийся Канцелярии дворцовых строений. Архитектору, в свою очередь, был подотчётен дворцовый кастелян, который следил за сохранностью находившихся в доме вещей. Именно к 1730-м годам относятся первые документы, касающиеся состояния дома и его обстановки: рапорты кастеляна Ивана Голеновского и письма архитектора Якова Брокета, а также указы Анны Иоанновны, которые через петербургскую Канцелярию дворцовых строений отправляются в Ревель.

Из этих самых ранних архивных документов нам известно, что Иван Голеновский вступает в должность дворцового кастеляна в начале 1738 года, когда принимает «ревельские ея императорского величества имеющиеся все дворцы (ис которых один старой дворец) с принадлежащим во оных припасами и материалом и со всем принадлежением»⁵. Как лицо, давшее присягу (он нередко упоминает этот факт в своей переписке с архитектором), Голеновский с полной ответственностью подходит к делу сохранения вверенного ему имущества. Принимая старый дворец Петра, он сразу докладывает архитектору о проблеме: дощатый потолок «над спальней где стоит постеля блаженныя вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества Петра Великого» изветшал настолько, что может обвалиться из-за тяжести вещей, сложенных на чердаке, где находятся «медная оловянная и прочая посуда, також скатерти и сафьяны». Голеновский переживает как бы «неучинилось бы той постеле повреждения» и просит архитектора «чтоб позволили для переноски означенных материалов в новом дворце отвести способна где б не имелось от дождей течи место» (т.е., видимо, и крыша нового Екатерининतालского дворца местами плоха)⁶.

Архитектор Брокет ничего не предпринимает, и Голеновский обращается повторно, отдельно отмечая в новом рапорте архитектору (документ дублируется и для Канцелярии строений), что на предложение перенести вещи «вы изволили объявить что де от такого укрытия дождей места и полат не имеется»⁷. Уже в марте на имя Ивана Голеновского из Петербурга приходит указ, подписанный Анной Иоанновной «убрать в другое удобное место как возможно» все вещи, что находятся на чердаке, чтоб «от тягости за ветхостию потолок не обвалился и неучинилось бы той постеле повреждения и по Ея Императорского величества указу и по резолюции должностной <...> в дворцову кантору репортовать со обстоятельством, и костеляну Голе-

⁵ Эстонский исторический архив (далее – ЕАА). Ф. 204–1–3. Л. 15–15 об.

⁶ Там же. Ф. 20–1–3. Л. 15 об.

⁷ Там же. Л. 15 об.

новскому о том ведать и учинить по сем ея императорского величества указу»⁸. На имя архитектора Я. Брокета никаких указов касательно «старого дворца» не поступает. Анну Иоанновну, по-видимому, гораздо больше волнует другое донесение Голеновского, находящееся в том же рапорте, — о гибели рыбы в верхнем и нижнем прудах из-за сточных вод. На имя архитектора, поэтому, приходит подробный указ о том, что следует предпринять, дабы рыбе в дворцовых прудах не было «повреждения»⁹. Сохранение старого императорского дворца остается преимущественно заботой кастиеляна.

Вплоть до 1750-х годов документы по дому Петра — это протоколы осмотра, рапорты и «доношения» о возникающих с сохранностью имущества проблемах, а также отчёты о том, что было предпринято для решения этих проблем. Судя по количеству петербургских писем из канцелярии Дворцовых строений, а также по тону этих бумаг, от архитектора Якова Брокета и кастиеляна ждут внимательного отношения к наследию Петра Великого. Из этих же писем следует, что денег выделяется недостаточно. Основные средства идут на поддержание в относительном порядке «нового» дворца, и к середине 1750-х годов дом Петра ветшает. Об этом свидетельствуют несколько папок с подшивкой писем и докладов нового архитектора — Йохана Георга Тайхерта, который, заступив на должность, сразу же известил Канцелярию строений о том, что «старый дворец» нуждается в незамедлительных ремонтных работах, и прежде всего, в восстановлении мазанки петровского времени¹⁰. Тайхерт беспокоится, что мазанка может рухнуть, предлагает сделать её из камня. В 1753 году он выполняет несколько фиксационных рисунков дома и бани, находящейся рядом (*илл. 2*)¹¹. Несмотря на старания архитектора, деньги не выделяются, и мазанка продолжает разрушаться.

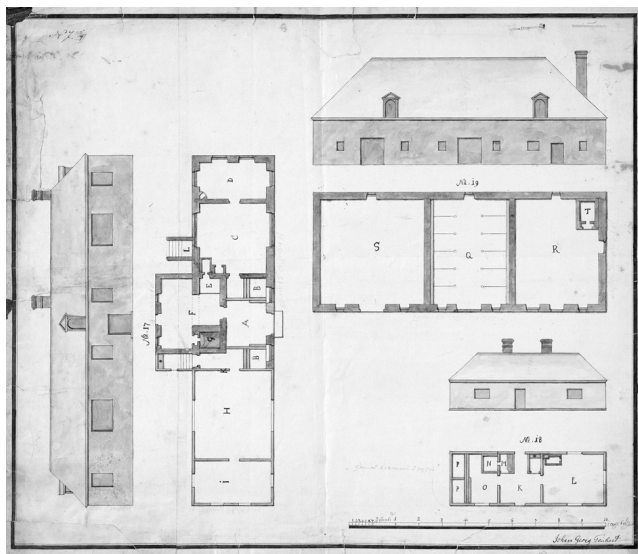
К 1770–1780-м годам меняется форма документации по «старому дворцу»: теперь это не отдельные письма с донесениями о проблемах, а подробные описи: описываются вещи и их состояние, сами

⁸ Там же. Л. 18–18 об.

⁹ Там же. Л. 19–19 об.

¹⁰ Изначально в каменном доме, купленном Петром, был холл, кухня, две жилых комнаты, сводчатый подвал и чердачное помещение. По распоряжению царя к дому была пристроена мазанка ещё с двумя комнатами. Благодаря пристройке площадь жилых помещений увеличилась вдвое, а здание получило симметричный облик: от холла по сторонам расходились два крыла, образуя небольшую анфиладу из комнат. На чертежах Тайхерта мазанка обозначена более тонкой линией.

¹¹ Рисунки и чертежи Тайхерта стали одним из самых ранних сохранившихся изображений «старого дворца» и строений при нём — бани и конюшни.

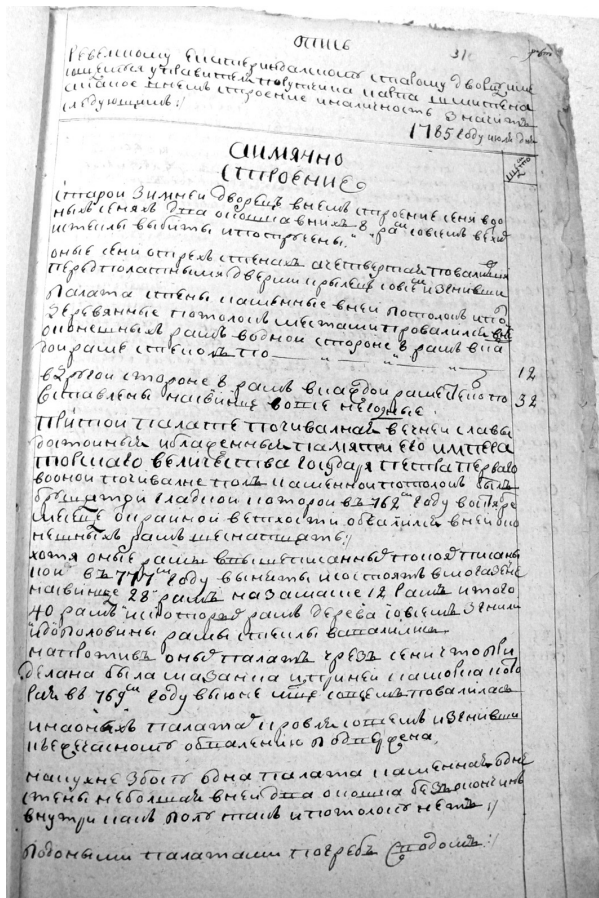

2. Йохан Георг Тайхерт. План дома Петра I и строений при нём (баня, конюшня). 1753 г.

помещения, а также постройки петровского времени, находящиеся рядом с домом царя и медленно разрушающиеся — баня, «клетки», конюшня (илл. 3). С конца XVIII века такие описи являются уже частью больших «дворцовых» тетрадей, куда входят протоколы осмотра большого Екатерининтальского дворца и строений при нём. Описи дома Петра приводятся, как правило, в конце тетради, представляют отдельный раздел и составляются в присутствии нескольких лиц, подписи которых сопровождают листы описи. Появление столь подробной документации связано, очевидно, с тем, что к концу XVIII века обстановка дома (прежде всего текстиль) начинает серьёзно страдать от времени. Высока вероятность утрат, и архитектор с кастеляном всё время обращают на это внимание: «подзор и зановес вовсе изветшали так что и дотрунутца невозможно», «зветшали так трухлы что в руках рассыпаются»¹². Не в лучшем состоянии, судя по описям 1780-х годов, находится и сам дом, однако производится лишь мелкая починка (например, в отчёте 1785 указано: «Вышеписанная светлица и мыльня в присутствии были исправлены починкою от канцелярии строений», а «крыша печи и труба ныне находятся в ветхости и негодности»¹³).

¹² ЕАА. Ф. 204—1—489. 1785. Л. 33—33 об.

¹³ Там же. Л. 32 об.

3. Лист из описи
Ревельскаго Екатерининдалскаго стараго дворца. 1785.

К началу XIX века парк, окружающий дом Петра, и дом медленно приходят в запустение. В апреле 1804 года в Ревель прибывает император Александр I и, найдя старый императорский дворец в запустении, оставляет высочайшее повеление «привести в первобытное состояние и содержать в чистоте» сам дом, близлежащие постройки и территорию¹⁴. Контроль за выполнением указания поручается экспедиции по управлению Ревельским портом¹⁵. 18 августа того же

¹⁴ Там же. Ф. 29—1—309. Л. 65.

¹⁵ Об этом распоряжении 18 мая экспедиция по управлению Ревельским портом извещает правительство губернии.

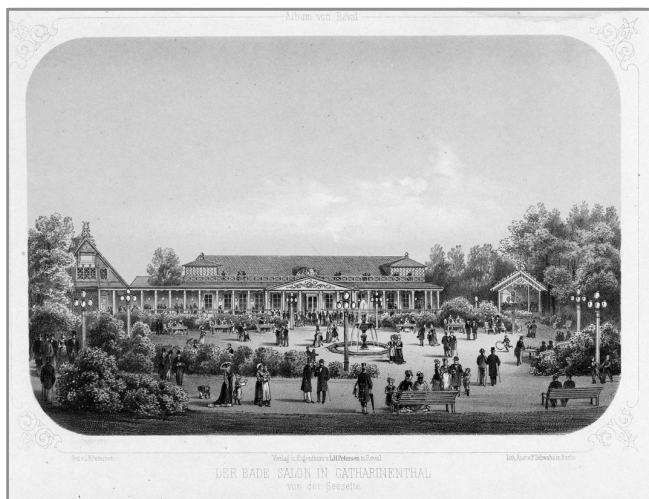
года экспедиция напоминает правительству губернии, что необходимо восстановить дорожки парка и запретить выводить скот на эту территорию.

В 1806 году появляется отчёт с подписью П.В. Чичагова, где говорится, что «старый Петра Великого каменный дворец исправлен и приведён во всё в первобытное состояние и при оном вновь построена на прежнем фундаменте баня точно таким образом как была старая»¹⁶. В действительности, старому дворцу не был возвращён первоначальный вид. Так, мазанка петровского времени, почти развалившаяся к началу XIX века, была полностью снесена. Была также перестроена открытая кухня — её отделили стеной от остального помещения (холла). Над помещением кухни возвели дополнительный полужэтаж, куда поместили трапезный стол царя с комплектом из 12 стульев, условно назвав это помещение «столовой». Видимо, при Петре столовая находилась в ближайшей комнате мазанки, и теперь, с утратой мазанки, необходимо было создать новое отдельное помещение, взамен столовой петровских времён. К новому этажу-столовой возвели массивную деревянную лестницу, по которой отныне можно было попасть также и на чердак (в петровские времена на чердак поднимались со стороны улицы, по приставной лестнице). В процессе ремонтных работ 1804–1806 годов был разобран камин петровского времени, находившийся в спальне, а также обновлены полы — каменные плиты заменили на доски. Наконец, сводчатый подвал засыпали землёй и закрыли камнем. Ремонтными работами руководил архитектор Й. Бантельман.

Эти работы стали первым капитальным ремонтом здания, который предотвратил процесс его начавшегося разрушения. После ремонтных работ в 1806 году старый дворец открыли для посещений: к дому приставлен служащий, а вход в музей в тёплое время года открыт для всех желающих. Дом становится местом, где хранят и показывают вещи первого Российского императора.

1806 год можно считать годом рождения Дома-музея Петра I, хотя официального музейного статуса нет — это всё ещё «старый императорский дворец», который теперь можно посетить. Дом Петра пользуется большой популярностью на протяжении всего XIX века, что отчасти связано и с новой ролью Катериненталья, который в этот период превращается в модный ухоженный курорт. На территории парка появляются новые курортные здания, и летом сюда приезжает (нередко за членами императорской семьи) высший петербургский свет (*илл. 4*).

¹⁶ Tallinn: linna asustus ja ehitusajaloolisi materjale. IV Kõide / Сост. Е. Alamaa, А. Kivi. Tallinn, 1966. С. 148.

4. Лоренц Генрих Петерсен. Der Bade Salon in Catharinenthal von der Seeseite.

В продолжение всего XIX века по дому Петра I регулярно составляются подробные описи, — как в виде отдельных тетрадей, так и в качестве раздела к описям Катеринентальского дворца. Из этих документов известно, что в 1830 году старую красную черепицу меняют на дощатую крышу, а уже во второй половине XIX века, когда деревянная кровля ветшает, её вновь меняют на черепичную крышу. С середины XIX века и до 1917 года, помимо служащего, общающегося с посетителями, к дому приставлен часовой. Официально дом открыт бесплатно, но в знак благодарности посетители оставляют небольшую плату.

На протяжении всего XIX века и в начале 1900-х годов императорские визиты в Ревель не обходятся без посещения старого дворца. Иногда к дому Петра устраиваются крестные ходы, о чём пишут на русском и эстонском языках местные газеты. Так, 6 июня 1902 года газета «Eesti Postimees» сообщила: «На второй день Троицы, 3 июня, после богослужения на Русской улице из православной Никольской церкви двинулся крестный ход в Кадринталь, где у домика Петра Великого совершили божественное богослужение»¹⁷.

¹⁷ Eesti Postimees ehk Näddalaleht: ma- ja linnarahvale. № 23, 06.06.1902. Посещение дома Петра I в связи с визитами правителей, а также молебны, совершаемые перед домом — отдельная большая тема, которую в перспективе необходимо изучать в контексте праздников имперского и церковного календарей, политической и дипломатической истории Эстляндской губернии (до 1917) и Эстонской Республики (до 1940).

В 1903 году, согласно описям, на мягкую мебель покупаются чехлы, поскольку текстиль кресел и стульев выглядит совсем плачевно (илл. 5).

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, в Таллине был введён комендантский час, и Правление уделов, заведовавшее на тот момент дворцово-парковым ансамблем, предписало, что в случае эвакуации «*Вывезти надлежит только вещи из домика ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО и отдельные вещи, имеющие историческое значение*»¹⁸. В списке подлежащих эвакуации вещей значились: образ, два секретера, два стола, 4 кресла, 19 стульев, два прикроватных табурета, три зеркала, одна кровать с балдахином и английские часы-шкаф (всего 95 пудов). Значились также 5 бюстов, но эта строка в документе перечёркнута¹⁹. В феврале 1918 года немецкие войска подошли к городу, но эвакуация, предписанная ещё при императоре, вероятно, не входила в планы большевиков. Все вещи остались в доме Петра на своём месте, к счастью, не пострадав.

Большие изменения в судьбе Эстляндской губернии произошли в 1917 году, после свержения монархии в России. Коснулись они и Екатериненталя, куда 9 марта 1917 года переехал Совет рабочих и воинских депутатов. Члены совета не были обеспокоены сохранением исторических ценностей: в большом дворце было разграблено всё убранство, а «паркет испещрён зарубками от колки дров»²⁰. Дома Петра бесчинства не коснулись, вероятно, потому, что какой-либо ценности в обстановке, довольно ветхой и покрытой чехлами, большевики не увидели.

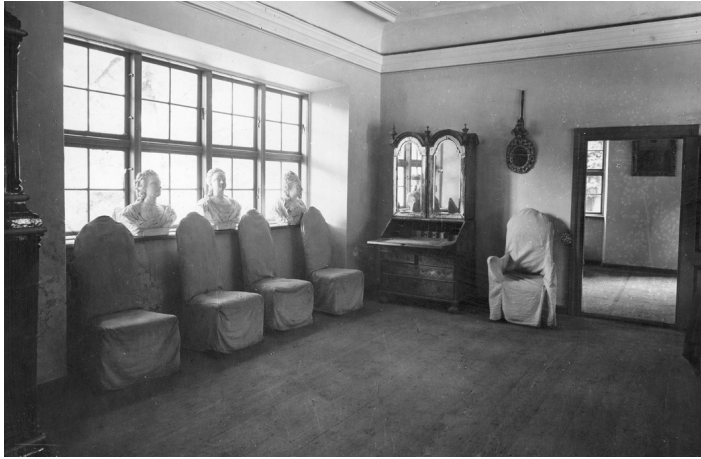
В 1918 году Екатериненталь официально передаётся городу Таллину²¹. Год спустя, после пережитой немецкой оккупации и самостоятельности Эстонии *de facto*, государство забирает Екатериненталь у города и национализует. Сразу после национализации начинается обсуждение, как лучше распорядиться дворцово-парковым ансамб-

¹⁸ ЕАА. Ф. 204—1—194. Л. 37—37 об.; *Мюрре Александра*. Екатеринентальский (Кадрюоргский) дворец с 1914 по 1917 год. Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны // Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2014 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век, V). СПб., 2015. С. 22.

¹⁹ ЕАА. Ф. 204—1—194. Л. 39 об. Вес подлежащих эвакуации вещей подсчитывался суммарно, и 5 массивных бюстов (Юпитер, Нептун, Флора, Помона, Церера), выполненные из доломита в начале 1720-х гг. в мастерской Соломона Зельтреха, были вычеркнуты из списка, по-видимому, из-за того, что показались слишком тяжёлыми на случай экстренной эвакуации.

²⁰ *Мюрре Александра*. Указ. соч. С. 23.

²¹ *Kalm Mart*. Muuseum voi residents? Kadrioru loss Eesti ajal. Kadriorg. Lossi lugu. Tallinn, 2010. С. 219.

5. Дом Петра I гостиная. 1930.

лем: передать городу или оставить в государственном ведении. Город проявляет интерес только к парку, но не к зданиям, в нём находящимся, в том числе и императорским дворцам²². С этого момента исторический ансамбль входит в разные государственные институции: парк принадлежит городу, заботу о зданиях берёт на себя государство. Здания в парке сдают в аренду художникам и скульпторам. Исключение составляют только дом Петра и баня, так как «у них историческая ценность, которую в случае пожара невозможно возместить»²³, кроме того, здания бани и дома Петра считают необходимым «сохранить как память о прошлом»²⁴.

Дом Петра продолжает работать так, как это было принято с начала XIX века — он открыт для посетителей в дни хорошей погоды. Профессионального надзора нет, дом охраняет сторож Якоб Эльм, который работал здесь 50 лет с конца XIX века, открывал и закрывал дом и проводил экскурсии на нескольких языках.

Несмотря на то, что у молодого государства много новых забот, дом Петра не оставляют без внимания. Отдел строительства Министерства Внутренних дел проводит ремонтные работы. В 1922 году производится ремонт крыши, чинят и красят дымоход, обновляют фасад²⁵. В отчётах указано, что в доме регулярно чистят

²² Tallinna Teataja. № 165. 07.08.1919; Maaliit: Eesti Maarahva Liidu häälekandja. № 161. 08.08.1919; Päewaleht. № 165. 07.08.1919.

²³ Эстонский государственный архив (далее — ERA) Ф. 14–1–1202. Л. 9 об.

²⁴ Там же. Ф. 985–1–327. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Ф. 31–3–16120. Л. 1 (27.05.1925).

дымоход²⁶. Из этого следует, что дом отапливают и в зимнее время мебель не находится в промёрзшем помещении. Однако в первые годы Эстонской республики за домом Петра (как впрочем и за другими историческими объектами) профессионального надзора нет. Ещё нет специалистов, не издан Закон об охране памятников старины²⁷.

Соответствующий закон принимается только в 1926 году, и под его действие сразу попадают дворец, дом Петра и баня²⁸. Нужно отметить, что в 1920–1930-е годы отношение к «чуждому наследию» было неоднозначным, так как наследие в основном было немецкое и русское²⁹. Дом Петра являлся «чуждым» наследием, и часто оказывался в центре бурных споров. Несмотря на то, что в начале 1920-х годов радикальные круги настаивали на том, что всё «чужое» необходимо снести³⁰ (на волне этих настроений в 1922 году был снесён памятник Петру, установленный в 1910 году на 200-летнюю годовщину капитуляции Ревеля), дому царя посчастливилось больше, чем многим другим историческим памятникам.

Важно также, что традиции приводить в старый дворец почётных гостей продолжает существовать. Сюда приводят, например, гостей государственного старейшины Константина Пятса, в 1925 году президента Латвии³¹, в 1929 — шведского короля Густава V³².

Середина 1930-х годов в истории дома Петра наступает новый этап: происходит профессионализация музейной работы. Импульсом становится открытая в 1934 году дискуссия в прессе о том, что в доме Петра можно было бы устроить музей: отреставрировать вещи, а также создать отдельную историческую экспозицию, посвящённую Петру I³³. В 1935 году на заседании Совета памятников старины решают, что вещи Петра необходимо капитально почистить и начать реставрацию³⁴. Уже через месяц происходит первая большая реставрация музейных экспонатов: чистка от пыли и грязи, починка, замена зеркал в секретерах, покрытие позолотой зеркальных бра, рестав-

²⁶ Там же. Ф. 985.1.37. Л. 55.

²⁷ *Joekalda K.* Muinsuskaitsekorraldus 1920–1930 aastate Eestis. Muinsuskaitse aastaraamat. Tallinn, 2009. С. 98.

²⁸ Дом-музей Петра I. Таллин, 1969. С. 14.

²⁹ *Joekalda K.* «Voorra» pärandiga leppimine ja lepitamine: 1920–1930 aastate debatid ajaloolise arhitektuuri väärtuse ja kaitse üle. Maastik ja mälu: pärandiloo arenguhooni Eestis. Tallinn, 2014. С. 191.

³⁰ Там же. С. 189–194.

³¹ *Päewaleht.* № 55. 26.02.1925.

³² *Postimees* (1886–1944). № 172. 29 juuni 1929; *Waba Maa.* № 147. 29 juuni 1929.

³³ *Kaja.* № 199. 24.08.1934.

³⁴ ERA. Ф. 1108–5–346. Л. 140 p–141.

рация столов и стульев³⁵. Всё это финансируется Министерством образования, министр образования Николай Канн следит за ходом реставрационных и ремонтных работ, а также принимает работу.

Тогда же в дом Петра из старых поместий привозятся портреты династии Романовых: Петра I, Анны, Елизаветы (среди них — два портрета кисти Иогана Генриха Ведекинда)³⁶, из зданий Кадриорга — бюсты Петра I и Екатерины I, выполненные в начале 1720-х годов³⁷. 3 августа 1935 года в газете печатается объявление о том, что в дом Петра ищут куратора, знающего языки и историю³⁸. После ремонта дом передаётся под опеку Эстонского туристического общества как важнейший объект культурного туризма. 27 августа 1935 года переданы вещи и два дня спустя — сам дом, официальные бумаги общество подписывает 10 сентября 1935 года. Начиная с этого момента, прописывается время работы музея: 7 дней в неделю, с 9 утра до 13.00 и с 15.00 до 18.00, а также стоимость билетов. Билет на одного человека стоил 25 центов, если музей посещала группа не менее 5 человек, то 10 центов на человека, так же существовала льготная цена для учащихся и солдат³⁹. Дом Петра становится популярным туристическим объектом, ни одна экскурсия Эстонского туристического общества не обходится без его посещения⁴⁰.

В 1937 году на территории Кадриорга активно шли работы по постройке канцелярии президента, которая разместилась между верхним садом и домом Петра. Дом Петра, как «идеологически не подходящий сосед», отделили от здания канцелярии деревьями. Несмотря на противостояние Совета памятников старины, убрали регулярный парк, который был заложен в начале XIX века. Вместо регулярного парка создали природный, в связи с чем был выдвинут вопрос о дальнейшей судьбе бани Петра. Это здание было построено в начале XIX века на «старом фундаменте» и, по мнению совета, составляло вместе с домиком Петра «интересную историческую среду». Обсуждения продлились 4 года и, в итоге, Совет памятников старины уступил оппонентам и дал разрешение демонтировать здание бани.

14 июня 1940 года началась эпоха Советской Эстонии. Дом Петра попадает теперь в юрисдикцию Комиссариата народного образования. Комиссар Николь Андресен решает, что 29 января 1941 дом

³⁵ Там же. Ф. 1108–5–439.

³⁶ Kaja. № 187. 10.08.1935.

³⁷ ERA. Ф. 985–1–567. баз пагинации (09.04.1924).

³⁸ Päewaleht. № 212. 03.08.1935.

³⁹ Postimees (1886–1944). № 236. 31.08.1935; Päewaleht. № 239. 30.08.1935.

⁴⁰ ERA. Ф. 31–4–938. Л. 5, 6, 7, 8.

должен стать филиалом Таллинского городского музея, и 1941-й год становится вторым днём рождения музея⁴¹.

В истории музеефикации петровского дома в Таллине можно обозначить несколько основных периодов: с 1723 по 1804 год — предмузейный период, когда дом сохраняется служащими Катериненталя как наследие первого русского императора; с 1804 по 1917 год — музейный период *de facto*; 1918–1940 — период осмысления петровского наследия в эпоху Эстонской Республики и профессионализация музейной деятельности; 1941 год — дом получает юридический статус Дома-музея Петра I в Таллине и с этого времени входит в состав Таллинского городского музея.

⁴¹ Архив Таллинского городского музея. Ф. 3–1.11. Л. 1 (Hariduse Rahvakomissari otsus, 29.01.1941).